

902.6

Д 18

Даниленко В. Н.

ЭНЕОЛИТ УКРАИНЫ

В. Н. ДАНИЛЕНКО

ЭНЕОЛИТ УКРАИНЫ

ЭТНОИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКОВА ДУМКА» КИЕВ · 1974

Сканывав Taroshenko 777

9 (С2)/11
Д.18

302.5'0
18

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
кандидат исторических наук
О. Г. ШАПОШНИКОВА

Редакция археологической литературы

1037091

Д $\frac{10602 - 114}{М 221 (04) - 74}$ 242-73

© Издательство «Наукова думка», 1974 г.

ОТ АВТОРА

В этноисторическом плане настоящая работа занимает промежуточное положение между вышедшим в конце 1969 г. «Неолитом Украины» и готовящимся к печати «Бронзовым веком Украины».

Понятие энеолит в основном однозначно с понятием медного века. Утвердившееся в литературе мнение о том, что возникновение металлургии меди мало повлияло на всеобщий прогресс человечества, ныне представляется устаревшим, во-первых, в силу глобального распространения меди, а с ней и металлургии золота и серебра, а во-вторых, именно с периодом металлургии меди связаны такие всемирно-исторические достижения, как пашенное земледелие и пастушеское хозяйство, первое крупное общественное разделение труда, возникновение имущественного и социального неравенства и первые государственные образования Древнего Востока и Восточно-Средиземноморского ареала. Таким образом, если неолит представляет собою начало современности в самом широком смысле этого слова, то энеолит является началом современности в более конкретном смысле, включая хозяйственное, техническое, социальное и идеологическое развитие. Вместе с тем, энеолит, хотя и в пределах ограниченной средиземноморской территории, знаменует собой начало письменной истории и конкретной этноистории ряда таких важных этнических массивов, как отошедший в глубокую историю шумерский, а также претерпевшие глубокие преобразования хамито-семитский, палеокавказский и проявившийся в ряде конкретных ответвлений палеоиндоевропейский массивы.

Таким образом, при помощи анализа энеолитических источников прежде всего мы получаем право конкретного исторического исследования процессов, протекавших в Восточной Европе с конца V тысячелетия до середины II тысячелетия до н. э. Кроме того, энеолит является тем этноисторическим уровнем, пользуясь данными которого становится возможным воссоздать ретроспективным методом этноисторическую картину индоевропейского и, отчасти, даже доиндоевропейского (ностратического) уровня, то есть рассматривать соответствующие процессы глубокой древности, возможно, даже XI—X тысячелетий до н. э.

Можно сказать, что современная археология в определенном смысле реконструирует картины древней жизни людей, воспроизводимые комплексными средствами всех общественных, а также всех естественных и физико-математических наук.

В меру возможностей автор учитывает достижения этих наук, уделив особое внимание анализу конкретного лингвистического материала.

И все же, главное в этноисторической оценке энеолита как исторической эпохи, заключено в том, что с ее концом мы вступили в новый период истории человечества, когда на арену мировой истории выходят конкретные народы, в частности те, которые некогда составляли неразделенный массив индоевропейцев. Бронзовый век в плане этноистории обещает исследователю еще большие возможности — розыскать корни тех племен и народов, которые освещаются письменными источниками античной эпохи и, надо думать, в первоизданном виде восходят к энеолитической эпохе.

Автор выражает благодарность тем лицам, помощь которых при проведении экспедиционных и кабинетных исследований или же при подготовке работы к печати была особенно ценной. Приношу глубокую благодарность сотрудникам Института археологии АН СССР и АН УССР, а также кандидату филологических наук Г. И. Никулину, взявшему на себя труд проанализировать языковедческий раздел и М. Л. Макаревичу, принимавшему участие в подготовке иллюстративного материала, и выражаю большую благодарность моей жене Е. А. Даниленко, неизменно оказывающей ценную и разнообразную помощь в моей работе.

СЛОЖЕНИЕ ТРИПОЛЬСКОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБЛАСТИ И СВЯЗАННЫЕ С НИМ ПРОЦЕССЫ

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Неолит и энеолит Украины как разделы истории могут обрести черты завершенности, если в них достаточно широко будут рассмотрены вопросы древнейшей этнической истории и конкретно вопрос о путях сложения и первоначального развития индоевропейской этнокультурной общности. Речь идет не о языковой общности индоевропейцев, изучение ранних судеб которой является одним из разделов языкознания, а об индоевропейской этнокультурной общности, исследование древней истории которой представляет собой один из аспектов историко-археологической науки, обладающей собственными, отличными от лингвистики, средствами решать проблемы давно исторического плана.

Этнокультурный аспект исследуемой проблемы шире лингвистического уже хотя бы потому, что в нем раскрываются почти все стороны реальной жизни древних обществ — от конкретных форм хозяйственной деятельности до локальных проявлений идеологического развития, которые в целом привязываются как к совершенно реальным территориям, так и к четко определяемым историко-хронологическим периодам. Вместе с тем, насколько бы ни были полными воссоздаваемые историко-археологическими средствами реконструкции, они навсегда остались бы немymi, если бы отсутствовали лингвистические реалии, прежде всего топонимические и гидронимические, прокладывающие пути связей от реальных явлений языковой современности или списьменных источников к обретающим речь от соприкосновения с ними окаменелостями жизни людей давно прошедших эпох.

Неолит — историческая эпоха глубокой древности; попытки этнической оценки явлений этого времени были бы совершенно безнадежными, если отсутствовали бы минимальные возможности протянуть исторически достоверные нити от этой эпохи к этнокультурной современности.

Мы полагаем, что для серьезной оценки неолита с этноисторической точки зрения необходимо рассмотреть вопросы о сложении основных энеоли-

тических этнокультурных областей Восточной Европы — трипольской и древнеямной.

Рассмотрение последних в аспекте этнической истории особенно важно, так как для каждой из этих областей, с одной стороны, возможно установить реальные генетические связи с неолитической эпохой, а с другой — подметить такие специфические формы исторического процесса, которые могут получить более или менее реальное этническое определение.

Несмотря на очевидное различие материального облика каждой из названных культур и различную ориентировку присущих им историко-культурных связей, их сложения, как оказывается, являются лишь детальными проявлениями более широких, в определенном смысле, мировых этногенетических процессов.

Если изучение вопроса о сложении трипольской культуры до некоторой степени приближает нас к определению этнической принадлежности южно-европейских культур расписной керамики и через них буго-днестровской культуры и ее этнических соседей, то вопрос о сложении древнеямной культуры дает возможность рассмотреть не только этническую оценку синхронных с ней культур, но и этнические явления начального периода неолитической эпохи Восточной Европы.

Как ни велико значение вопроса об этнической принадлежности трипольской культуры, этот же вопрос о древнеямной культуре нам представляется более значительным. Этническая принадлежность древнеямной культуры является тем моментом, без исследования которого не может быть достигнуто сколько-нибудь значительное обновление археологического аспекта индоевропейской проблемы.

В настоящем исследовании мы рассмотрим ряд вопросов: о сложении трипольской этнокультурной области; о сложении древнеямной культурной области, которое, в определенном смысле, шло параллельно со сложением неолита ямочно-гребенчатой керамики, и, наконец, об их этноисторических оценках и связях, что невозможно без учета соответствующих данных языкознания.

Рассмотрение начнем с более простого — о сложении трипольской этнокультурной области и связанных с ним этногенетических процессов, а закончим воссозданием ретроспективной картины этнических оценок и генетических связей, характеризующих процессы не только неолитической эпохи, но и более древних эпох — отчасти мезолита и даже палеолита.

Трудность решения вопроса о сложении трипольской или любой другой этноисторической области прежде всего определяется трудностями методологического порядка.

Достаточно вспомнить о том далеко не богатом списке научных работ, в которых освещены вопросы о генезисе археологических культур или этнических массивов. Краткость такого списка объясняется не недостатком гипотез или теорий, нередко, впрочем, возникающих на раннем этапе накопления источников.

Возникновение априорных решений рассматриваемого плана зачастую обусловлено естественным стремлением так или иначе объяснить новое историко-археологическое явление — конкретную археологическую культуру или совокупность археологических культур, объединяющихся в этнокультурную область. Хуже когда исследователь претендует на законченность своего решения до накопления необходимого минимума полученных в поле материалов, не учитывая разнообразия признаков археологической культуры. Это уже недостаток методический или даже методологический.

На определенном этапе гипотезы о сложении трипольской культуры носили умозрительный характер и вне зависимости от того, в каком направлении решался данный вопрос, не могли войти в науку в качестве законченных решений, так как не были выверены на фактическом материале необходимого объема.

Таковыми чисто умозрительными построениями являются теперь полузабытые первые гипотезы о происхождении трипольской культуры. Известно, например, что В. В. Хвойка в начале XX века, хотя и не изучал неолит Украины, рассматривал трипольскую культуру как явление исключительно автохтонного развития¹.

Несколькими годами позднее возникла гипотеза о внеевропейском происхождении Триполья, основанная на сходстве присущих ему элементов материальной культуры с соответствующими проявлениями азиатских культур расписной керамики. Так, например, известные русские археологи А. А. Спицын² и А. В. Городцов³, видевшие сходство трипольской культуры с названными азиатскими культурами, считали, что на территорию Восточной Европы носители Триполья пришли из Азии.

Значительно позже сложение Триполья трактовалось Г. Чайлдом как процесс дальнейшего

развития так называемой дунайской культуры. Однако сложение последней связывалось им с переселением из Эгейской области Европы в Среднюю Европу населения с восточносредиземноморским складом культуры⁴.

В этой гипотезе отразилось господствовавшее тогда в европейской науке представление, нашедшее отражение в работах О. Менгина⁵, Г. Чайлда⁶, А. Стоцкого⁷, Ф. Томпа⁸ и других, о том, что культура линейно-ленточной керамики и многие культуры южного пояса, например бутмирская, тисская, трипольская и другие, относятся к одному и тому же типу культуры, хотя датируются различными хронологическими периодами.

Подобное построение вполне увязывалось с автохтонистическими представлениями Н. Я. Марра и получило отражение в работах советских исследователей того времени.

Так, например, без достаточной проверки на археологическом материале в советской научной литературе в 30—50-е годы была распространена точка зрения Т. С. Пассек⁹ и Е. Ю. Кричевского¹⁰, согласно которой Триполье является всего лишь одним из позднейших вариантов культуры линейно-ленточной керамики, которая, по мнению последнего, автохтонно сложилась на более древней кампинийской основе¹¹.

Резкие этнографические отличия трипольской культуры от дунайской, не позволяющие ставить их в прямую генетическую зависимость, побудили С. Н. Бибикува выступить с новой гипотезой о пришлом характере основных элементов трипольской культуры. Согласно этой точке зрения, возникновение трипольской культуры в основном отвечало процессу сложения в Восточной Европе (на Среднем Днестре) воспроизводящего земледельческо-скотоводческого хозяйства, что, по мнению исследователя, было вызвано расселением в Европе носителей культуры внеевропейского восточносредиземноморского склада¹². С. Н. Бибикув вслед за Г. Чайлдом считает, что средиземноморское население проникало в Европу через вардаро-моравский путь¹³. Завершение процесса сложения того этнокультурного массива, который называют трипольской культурой, по мнению С. Н. Бибикува, на Поднестровье происходило в обстановке слияния пришлых групп населения с переживавшими заключительную пору палеолита местными этнокультурными группами¹⁴. Сохранение черт местной культуры С. Н. Бибикув видит в типе жилищ, в формах кремневого инвентаря¹⁵, а преобладание пришлой — в развитии земледелия и скотоводства, в форме и технике изготовления посуды, в специфических формах идеологических представлений и т. д.¹⁶

Эта точка зрения имеет сильные и слабые стороны. Сильной стороной является, например, правильное указание на примыкание Триполья не к среднему поясу Европы, а к южному, то есть к

средиземноморскому¹⁷. Интересна новая трактовка вопроса об относительном перенаселении (давлении избытка населения при низком уровне развития производительных сил)¹⁸; обоснована мысль не о мотыжном, а о пашенном характере трипольской земледелия¹⁹; о патриархальном строе общества²⁰; об отражении явлений естественной цикличности в идеологических представлениях²¹ и т. д. И все же в ряде существенных моментов она остается умозрительной, так как не учитывает памятников местной дотрипольской неолитической культуры²².

Как известно, основным в работе «Неолит Украины» является изучение характера местной неолитической основы, процесса внедрения на территории Украины навыков земледельческого хозяйства.

Разумеется, распространение достижений последнего невозможно без влияния населения Средиземноморья, причем в качестве основной территории, передававшей эти влияния, рассматривается Нижнее Подунавье.

Еще в 1946 г. на V конференции Института археологии АН УССР автором были выдвинуты положения о том, что в основе трипольской культуры лежит местная рыболовецкая культура с гребчатой керамикой, связанная в хозяйственно-историческом аспекте с нижнедунайской земледельческой культурой Боян А²³. Древнейшая трипольская культура, как тогда утверждалось нами, сначала локализовалась в юго-западной части территории Украины. Тогда же в качестве конечного вывода было сформулировано три положения: а) отсутствие генетической связи между трипольской и дунайской культурами; б) наличие в основе Триполья местного неолита, взаимодействовавшего с южнодунайскими культурами и постепенно видоизменявшегося в трипольскую; в) рассмотрение дунайской культуры, с одной стороны, а Триполья и Бояна — с другой, как генетически независимых явлений²⁴.

В результате исследований 1949—1961 гг. на Южном Буге и Днестре стало возможным фактическое обоснование и заметное уточнение этих положений. Так, в результате осуществления обширной программы полевых работ в 1958 г. оценка соотношений формирующихся Триполья и Бояна была дана в более уточненной формулировке: культурно-историческое развитие на Нижнем Дунае, протекавшее в теснейшем контакте с Восточным Средиземноморьем и, по-видимому, берущее начало в местной древнеземледельческой культуре, характеризовалось особыми этнографическими, независимыми от Триполья, формами развития культуры²⁵.

В последние годы вопросы сложения трипольской культуры привлекли к себе внимание ряда румынских ученых, предложивших несколько интересных исследований. При этом учитывался материал новых полевых исследований. Однако не

все в этих работах может быть принято — прежде всего потому, что явления буго-днестровской культуры до сих пор в них почти не принимаются во внимание.

Так, например, уже после того, как в послевоенные годы в Румынии Е. Комша, Д. Берчу и другими была разработана правильная, с нашей точки зрения, схема историко-хронологического членения боянской культуры²⁶, некоторые исследователи, например Х. Думитреску, В. Думитреску и Р. Вульпе, стали рассматривать эту культуру как продвигавшуюся на восток подоснову памятников типа Извоар I — Триполье А²⁷.

Такая теория слишком прямолинейна. Она не учитывает сложности процесса и наличия ряда составных частей. Ближе к объективной является современная точка зрения Т. С. Пассек, учитывающая в качестве компонентов сложения трипольской культуры позднейшие памятники боянской и буго-днестровской культур²⁸. В какой-то степени эта точка зрения близка к нашей, согласно которой в основе Триполья лежит местный неолит, пребывавший в постоянном взаимодействии с культурой Боян А²⁹.

Некоторые выводы румынских ученых соответствуют заключению о большем архаизме культуры типа поселения Трудешти (прямого аналога поселения Зэнэшти) в сравнении с генетически связанной с ним культурой докукутенского слоя Извоара³⁰, сделанному автором настоящей работы еще в 1946 г.

Следует, впрочем, заметить, что установление преемственной связи двух названных выше хронологически смежных явлений еще ничего не говорит о генезисе Бояна, местная основа которого корнями уходит в глубокую древность. Говоря иными словами, Зэнэшти или синхронизируемые с ним памятники типа Джулэшти³¹ отражают краткий и отнюдь не ранний эпизод становления этой культуры.

Не подлежит сомнению, что намеченные Е. Комшой и Д. Берчу схемы в основном правильно фиксируют этапы развития боянской культуры — от Болинтиняну до Вэрэшти, то есть устанавливают переход боянской культуры в гумельницкую³².

Следовательно, несмотря на очевидную родственность боянских памятников с синхронными раннетрипольскими, правильнее говорить не о трансформации одного явления в другое, а о параллельном их развитии.

В этом смысле примечательна мысль Х. Думитреску о том, что памятники типа Джулэшти и Зэнэшти отражают локальные явления и что памятники второго типа впитали в себя какую-то часть хронологически предшествующей здесь культуры линейно-ленточной керамики. Однако вне зависимости от этого следует учесть, что вопрос о генезисе трипольской культуры опирается на данные значительно более древние, чем время формирования обеих названных выше придунайских

энеолитических культур. Конечно, трудно себе представить, каким окажется подлинно ранний неолит на территории Румынии. Имеются, например, первые сигналы, что в восточной ее части обнаружены памятники буго-днестровской культуры³³. Относительно дотрипольского неолита буго-днестровского ареала выяснено, что его корни восходят ко времени сложения земледельческого неолита Северо-Западного Причерноморья и что последний генетически связан с трипольской культурой. Пояняя свою мысль, напоминаем, что наиболее ранние фазы буго-днестровской культуры древнее культур линейно-ленточной керамики и керешской. Следовательно, в материалах буго-днестровской культуры заключены возможности решить вопросы генезиса культур большого хронологического и территориального диапазона. В то же время такие западные соседи Триполья, как Боян, его ранний дериват Вэдастра³⁴, а также и культура Хаманджия в плане раскрытия процесса их сложения сами нуждаются в исследовании³⁵.

О СЛОЖЕНИИ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о сложении трипольской культуры, необходимо уточнить, о сложении какого типа культуры идет речь, ибо в специальной литературе все еще существует нерасчлененное в необходимой мере понятие «Триполье А», под рубрику которого подводятся и такие памятники, как Сабатиновка II³⁶, Лука-Врублевца³⁷, Бырнова Лука³⁸, Солончены³⁹ и даже Борисовка⁴⁰.

Нами уже предпринимались попытки культурно и хронологически дифференцировать раннее Триполье, однако они носили лишь предварительный характер⁴¹.

Попутно заметим, что из исследования не исключаются и такие промежуточные памятники, как Флорешти⁴² и Зэнэшти, так как их характер вполне отвечает нашему представлению о том, что трипольские памятники в границах западной части раннетрипольского ареала, например на Днестре, обладают чертами, близкими боянским культурно-историческим комплексам.

В этом же аспекте автором оценивался и нижний слой Извоара, с которым он познакомился и в поле. Это дает нам основание заметить, что выделение на Извоаре слоя Ia скорее основано на стремлении не противоречить распространенным схемам, чем на реальных полевых наблюдениях⁴³, что отчасти признается и автором монографии об Извоаре⁴⁴.

ДРЕВНЕЙШЕЕ ТРИПОЛЬЕ. ВОСТОЧНЫЙ И ЗАПАДНЫЙ АРЕАЛЫ

Наиболее древние трипольские памятники, в частности и те, которые культурно соприкасаются с Бояном, в настоящее время известны на западе

от верховьев Бистрицы и Среднего Серета до Синыхи, на востоке — до среднего течения Южного Буга. В числе таких памятников в бассейне Южного Буга можно отметить Красноставку⁴⁵, Вишнополь⁴⁶, Данилову Балку⁴⁷, Сабатиновку II⁴⁸, Александровку⁴⁹ и другие, в границах Среднего Поднестровья — Флорешти⁵⁰, Брага⁵¹ и целый ряд других местонахождений, открытых В. И. Маркевичем и еще не опубликованных. Немало сходных памятников выявлено в Западной Молдавии: Унгены (Богдэнешти)⁵², Зэнэшти⁵³, Дялул-Вией⁵⁴, Дялул-Фынтынилор⁵⁵, Валя-Жижиной⁵⁶, Гатул-Лупулуй⁵⁷, Влэдэни, Ларга-Жижиной⁵⁸ и другие поселения, расположенные между Средним Серетом и верховьем Бистрицы.

Материалы с этих поселений опубликованы недостаточно полно — обычно это керамика и предметы художественной пластики. Что же касается орудий производства, в частности кремневого инвентаря, то нередко им не уделяется надлежащего внимания. Однако собранный материал вполне достаточен для того, чтобы уловить наиболее характерные общие черты этих памятников, позволяющие объединить их в единую хронологическую и в какой-то мере культурную группу⁵⁹.

Вполне естественно, что, идя по пути выявления генетических связей Триполья с местным неолитом, прежде всего следует остановиться на древнейших трипольских памятниках восточного, то есть буго-днестровского ареала.

В очерченных выше границах восточного ареала наиболее древние места обитания представляют собой поселения, состоящие из небольших жилищ полуземляночного типа, построенных без значительного использования глиняной массы. Однако на ряде памятников, хоть и сохраняющих архаический характер многих элементов культуры, обнаружены довольно сложные глинобитные жилища. К их числу, например, относится второй строительный горизонт Сабатиновка II⁶⁰, Александровка⁶¹ и Данилова Балка⁶², то есть ряд памятников Южно-Бугского бассейна.

Несмотря на то, что на этих поселениях уже встречаются изделия из меди, необходимо отметить, что присущая им материальная культура еще переживает черты конца эпохи неолита.

С наибольшей, пожалуй, убедительностью о неолитических переживаниях в характере местной культуры свидетельствует такая важная категория производственного инвентаря, как изделия из кремня и камня (рис. 1, 1—11; 2, 3, 7—9, 11—15). В целом комплекс производственных кремневых орудий может быть охарактеризован как поздне-микролитический. Ассортимент орудий в эту пору отличается значительной простотой состава. Его можно подразделить на две основные группы, отличающиеся техникой изготовления: орудия, изготовленные из пластины, куда условно относятся и сами пластины, а также орудия, сформованные на отщепках.

Соответственно с необходимостью получать два типа заготовок существовало два типа нуклеусов — небольшие пирамидальные и призматические нуклеусы для изготовления пластин, а также продолговатые нуклеусы для получения отщепов стандартизированных очертаний. Таких нуклеусов сравнительно немного, так как отщепы можно получить непосредственно при расщеплении конкреции кремня.

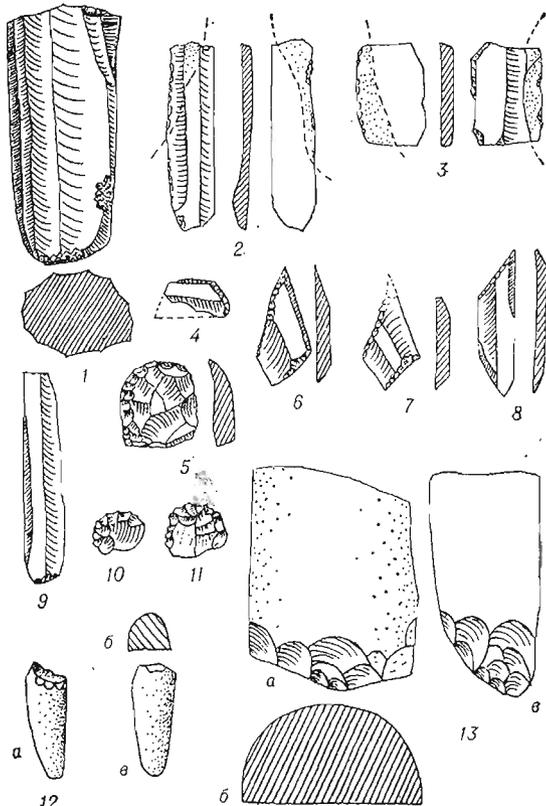

Рис. 1. Производственный инвентарь начальных фаз Триполья (Побужье):
1 — 11, 13 — Гайворон; 12 — Сабатинька II.

Наиболее многочисленными среди кремневых орудий являются небольшие (длиной до 10 см, шириной около 1 см) довольно правильные пластины плоско-трапециевидного сечения. Правильность их профиля объясняется двумя причинами — они или скалывались с правильных призматических нуклеусов, или же, если они были сколоты с обычных пирамидальных нуклеусов, их концевые утолщенные части преднамеренно отламывались.

Большинство таких пластин использовалось в качестве ножей без дополнительной обработки. Однако у некоторых есть краевая или — реже — концевая формирующая ретушь. Нередко концы таких пластин имеют залощенность в виде скошенного участка, что характерно для вкладышей в серпы так называемого карановского типа (рис. 1, 2, 3; 2, 14 — 16) ⁶³.

Из подобных пластинок изготавливали ряд других орудий: проколки с боковой или прямой постановкой жальца и острия лучковых сверл. Особого внимания заслуживают микролитические орудия геометрических очертаний, изготовленные из сечений, — наконечники стрел ромбической формы, имеющие на диагонально скошенных концах формующую ретушь (рис. 1, 6, 7; 2, 3, 11, 12); изредка встречаются микролиты в форме трапеций (рис. 1, 4).

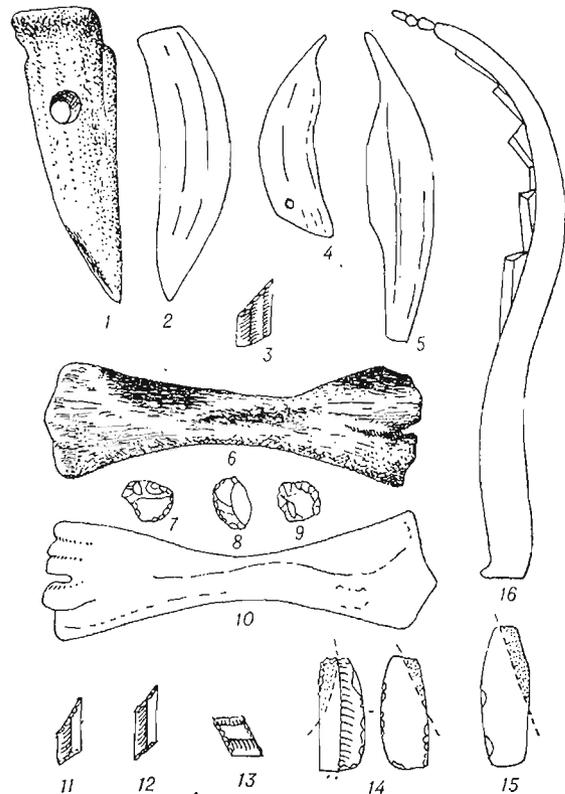

Рис. 2. Производственный инвентарь памятников типа Флорешть — раннего Триполья, Поднепровье.

Вторую характерную группу данного комплекса составляют скребки округлой или сегментовидной формы, изготовленные из отщеповых заготовок (рис. 1, 5, 10, 11; 2, 7—9). Изредка встречаются концевые орудия, сформованные на пластинчатых отщепе, имеющие помимо закругленного рабочего края ретушь на концах заготовки. Среди скребков довольно многочисленна группа орудий, диаметром менее 1 см, что дает полное основание называть их микролитическими (рис. 1, 10, 11). Однако есть орудия больших размеров, достигающие в диаметре 3—4 см.

Многие скребки, особенно крупные и плоские, имеют весьма характерный рабочий край. Ретушь на нем, в зависимости от изгиба профиля заготовки, наносилась то с брюшка, то со спинки — с целью создать острый зубчатый край.

Из приведенного выше описания нетрудно сделать вывод, что охарактеризованный комплекс кремневых орудий первой фазы развития трипольской культуры почти полностью повторяет инвентарь собственно неолитического возраста, полученного при исследовании ряда поселений на Южном Буге. Мы можем говорить о том же наборе нуклеусов, пластинок, проколов, скребков и, что особенно показателью, о специфических микролитических наконечниках стрел весьма архаического

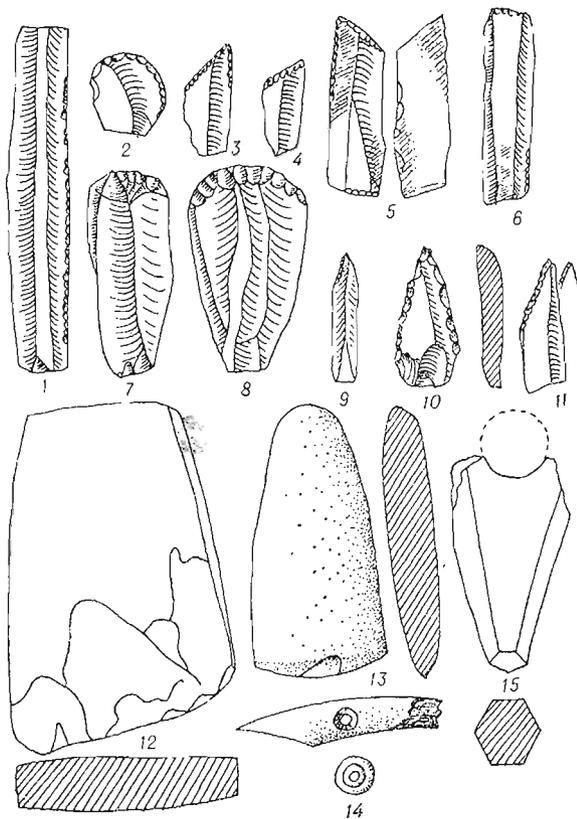

Рис. 3. Производственный инвентарь второй фазы развития Триполья; Поднестровье, Лука-Врублевцевская.

облика. От собственно неолитического этот комплекс отличается лишь такими чертами: здесь почти отсутствуют геометрические микролиты трапециевидной формы, а вкладыши для серпов резко отличаются от более архаичных вкладышей неолитических комплексов.

Известным аналогом такого комплекса является позднелинитический набор кремневых орудий степной полосы, который в целом производит впечатление более архаического⁶⁴. Однако он несомненно древнее не только комплекса кремневых орудий таких памятников, как Средний Стог II⁶⁵, но и поселения на острове Малый Дубовый⁶⁶ или Мариупольский могильник⁶⁷. Набор кремневых орудий последних памятников, включая различные орудия из крупных пластин и наконечники дротиков, уже исполненные в технике дву-

сторонней ретуши, безусловно близок к инвентарю таких более поздних раннетрипольских памятников, как Поливанов Яр⁶⁸, Лука-Врублевцевская⁶⁹, Солончены I⁷⁰ и даже Сабатиновка I⁷¹ и Кукутени А⁷².

Инвентарь каменных орудий отличается особой простотой состава. По существу его можно свести к одной характерной трипольской форме — небольшому широкому топору-теслу асимметрично прямоугольного профиля, обычно изготовленному из сланца (рис. 1, 13). Более специфичны небольшие долотца арочного профиля, изготовленные из того же материала, имеющие определенные аналогии среди миниатюрных изделий типа так называемых клиньев в виде башмачной колодки (рис. 1, 12).

Подчеркиваем, что неолитический облик кремневого инвентаря, характеризующийся переживаниями архаической микролитичности, типичен лишь для самого начала Триполья. Несколько позднее, уже на этапе памятников типа Греновки—Луки Врублевцевской этот архаизм почти полностью исчезает (рис. 3, 1—15).

С недавних пор, правда, пока лишь для западного Триполья, выявлен комплекс орудий, изготовленных из кости и рога. Интересны архаические мотыги из рога оленя с продольной постановкой рабочей части (рис. 2, 1), костяных лошил для обработки поверхности сосудов (рис. 2, 6, 10), хорошо известных ножей из эмали клыков кабана (рис. 2, 4, 5), костяных наконечников стрел игольчатой формы и других. Из числа более редких форм следует назвать муфты из рога оленя для помещения в них небольших орудий; своеобразные орудия вроде концевых скребков, изготовленные из кости, несколько напоминающие лопаточки керешско-тордошской культуры. Многочисленны, хотя и не характерны, костяные шилья с острием правильного округлого сечения, изготовленные обычно из «грифельных» костей копытных.

Теперь рассмотрим основную, с точки зрения определения этнографического своеобразия культуры, категорию инвентаря трипольских памятников начальной фазы развития — глиняную посуду и предметы художественной и культовой пластики. Первоначально речь пойдет о восточных раннетрипольских памятниках (рис. 4, 1—12; 5, 1—24).

Прежде чем приступить к описанию древнейшей трипольской посуды, следует указать на ее неоднородность, зависящую от хронологического положения конкретных групп керамических изделий.

Так, например, во время изучения глиняной посуды из земляночных и глинобитных жилищ второго сабатиновского поселения было установлено, что в составе керамических изделий, найденных в землянках и на поселениях Гайворон и Чернятка, выделяются всего две технологические

группы посуды: из простой серой глины, обожженные на костре, и чернолощенные, обоженные в печи, с заторможенной тягой. Эти же технологические группы можно отметить и для глиняной посуды Побужья конца неолитической эпохи.

Иным оказывается технологический состав керамических изделий, связанных с более поздним типом жилищ — с «площадками» поселения Сабатиновка II и его культурных аналогов. В числе керамических изделий, выявленных на «площадках» в Александровке ⁷³, Луке-Врублевецкой ⁷⁴, Греновке ⁷⁵ и других, помимо двух названных выше групп посуды встречается третья — сосуды светло-коричневого, почти красного цвета. Появление этого типа посуды, обжиг которой требовал печей с искусственной тягой, определенно является чертой дальнейшего развития раннетрипольского керамического производства.

Косвенным доказательством появления керамических печей являются как сами «площадки», по характеру обжига приближающиеся к кирпичу, так и появление купольных духовых печей, выявленных во всех глинобитных жилищах. Прямым указанием на сооружение их в раннетрипольское время является печь для обжига с люфтами, найденная на раннетрипольском поселении Лука-Врублевецкая, и некоторые другие аналогии ⁷⁶.

Для сравнения подчеркнем, что такая же по составу посуда найдена и на Извоаре I, в то время как посуда с поселения Трудешти (Гигоешти) и других синхронных памятников характеризуется более простым технологическим составом ⁷⁷.

Древнейшая трипольская посуда подразделяется на две основных, различающихся по назначению, группы: горшки грубой выделки, предназначенные для сохранения продуктов и приготовления пищи, и обиходные — из отмученной глины, с лощеными стенками (рис. 4, 1—2; 5, 1—24).

Следует отметить, что подобное деление не лишено известной условности — в наборе посуды заметное место занимают так называемые переходные изделия, изготовленные из недостаточно отмученной глины, но со старательно сглаженной поверхностью стенок, тщательно орнаментированных.

Сосуды первой группы представлены двумя хронологически различающимися формами: плечистыми горшками с небольшими прямыми или отогнутыми венчиками, а также приземистыми и высокими банками. Они преобладают в составе инвентаря таких архаических памятников, как первый строительный период Сабатиновки II и Гайворон (рис. 4, 5, 9).

Преобладание сосудов второй группы отмечено для второго периода заселения (глинобитных жилищ) тех же поселений — Сабатиновка I, II, Луки-Врублевецкой, Греновки и проч.

Интересно отметить, что более архаические кухонные горшки также сохраняют кое-какие пере-

живания керешского орнамента: обычные ногтевые углубления, настоящий защитный колосовый орнамент (рис. 4, 5, 9), а изредка даже намазные округлые барботины и пр.

Горшки баночной формы украшались, как правило, иначе — венчик сглаживался, под ним помещался ряд углублений, а по корпусу наносился напелный орнамент в полоску, нередко образующий угловатые текстильные композиции.

Обеим группам сосудов свойствен пластичный орнамент в виде различных шишечек, а также небольшие ручки, помещенные в один-два яруса в обычном или шахматном порядке (рис. 4, б) ⁷⁸. Обе формы сосудов восходят к керешским прототипам ⁷⁹.

Широкое распространение сосудов баночной формы в более развитый период раннего Триполья объясняется тем, что наряду с собственно кухонной посудой, функцию которой также начинают выполнять обиходные горшки, возникает особая группа сосудов — тара. Последняя появилась благодаря интенсивному развитию земледелия (выразившемуся в преобладании пашенной обработки земли), которое потребовало специальной тары для хранения зерна, обусловило перемещение поселений на высокие террасы и плато, что в свою очередь потребовало особых сосудов для хранения запасов воды. Вполне естественно, что украшению этой группы сосудов уже не уделялось должного внимания.

Сосуды второй группы — серолощенные, чернолощенные и тяготеющие к ним сосуды переходного характера — более разнообразны в отношении форм и орнамента. Последний, как и у грубой посуды, в основном ограничивается зоной шейки и плечей. Окончание полосы орнамента нередко подчеркивается прямой или фигурной линейной границей. В отношении размещения орнамента исключение составляют сосуды на высоких поддонах или с воронковидным низом, которые, как правило, тщательно орнаментированы.

Среди сосудов обиходной группы несомненно архаична посуда с высоким воронковидным низом, с плитчатым основанием и плечистым туловом (вроде глубокой закрытой миски), близкой к горшку (рис. 4, 10).

В качестве производных от этой формы прежде всего следует назвать крупные приземистые горшки репчатой формы с узкой воронковидной придонной частью, с плитчатым основанием и невысоким венчиком, которые закрывались крышкой полусферической формы с пуговичным выступом посредине (рис. 4, 7).

Орнаментальные композиции, помещавшиеся на таких сосудах, отличаются особой сложностью, в них присутствует полное или частичное воспроизведение образа фантастического дракона. Элементы таких же орнаментальных композиций употреблялись и для украшения крышек, дополнявших

такие сосуды (рис. 4, 7). Углубленная часть орнамента иногда заполнена белой пастой.

Вторым типом мисок являются открытые миски с воронковидной нижней частью.

колов или отпечатков гребенчатого штампа по основанию венчика и чуть повыше дна, а также волнотовых, овальных или текстильных каннелюр, подчеркнутых линейным рисунком (рис. 4, 4).

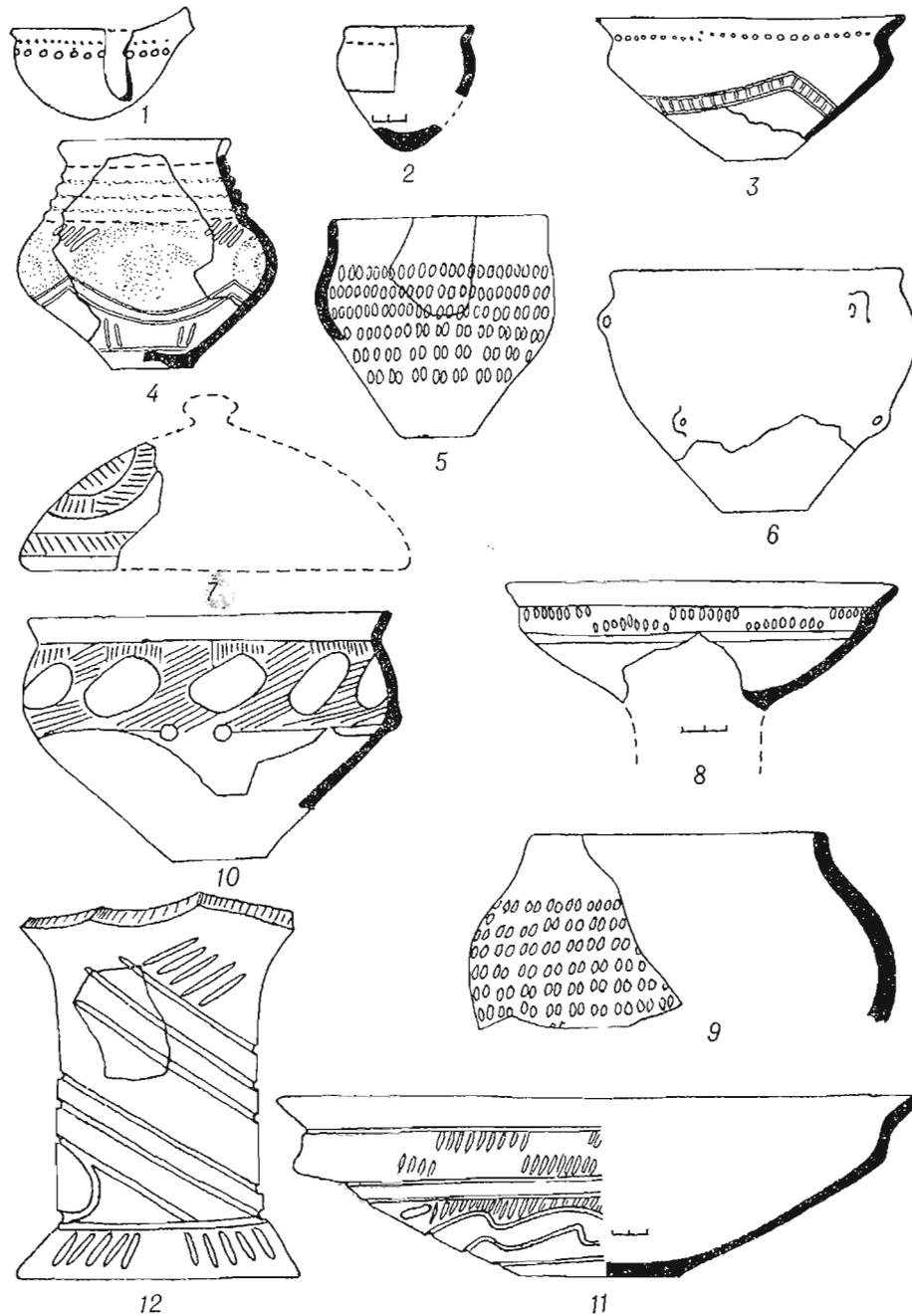

Рис. 4. Набор древнейшей трипольской посуды. Побужье, Гайворон.

Далее следуют довольно многочисленные горшки с закругленным ребром посередине высоты сосуда. Они отличаются особой тщательностью лощения поверхности и хорошо выполненным орнаментом. Последний состоит из нескольких элементов на-

В качестве дальнейшего развития этой формы могут рассматриваться высокие, ребристого профиля сосуды с высоким, стянутым, нередко каннелированным венчиком. По тулову такие сосуды украшены обычным фигурно-каннелюрным орнаментом, а между шейкой и туловом — наделами различных типов.

Для более архаических памятников, например, для того же Гайворона, характерны широко открытые так называемые профилированные миски с высоко поставленными закругленными, обычно орнаментированными, плечиками и отогнутым наружу венчиком (рис. 4, 3, 11).

Встречаются глубокие (закрытые) миски, отличающиеся низким расположением плечика и нередко с орнаментальными выступами по нему. Любопытно отметить, что для мисок, помимо обычных орнаментальных мотивов, характерен довольно часто встречающийся архаический текстильный орнамент.

В составе инвентаря более поздних раннетрипольских памятников мисок заметно меньше, видимо, потому, что эта необходимая в быту форма посуды здесь нередко выступает не самостоятельно, а в виде так называемых ваз на ножках, то есть тех же профилированных мисок, но скрепленных с высокими цилиндрическими поддонами.

Вазы на ножках представляют собой группу сосудов, более или менее единообразную в отношении формы цилиндрического поддона, обычно орнаментированного и имеющего боковое отверстие, но весьма разнообразную по формам самих ваз (открытые и закрытые миски, а

иногда и обычные горшки) (рис. 4, 8, 12; 6, 1—13).

В составе инвентаря более архаических памятников (Гайворон) поддоны длиннее и тоньше, с характерной развернутостью в верхней части (рис. 4, 12).

У сосудов несколько более поздней группы памятников (от площадок Сабатиновки II до Греновки и ее аналога на Днестре — Луки-Врублевцевой) эти поддоны короче и их переход к вазе более резок.

Весьма любопытна чисто трипольская группа сосудов, занимающих промежуточное положение между вазами на ножках и сосудами с воронковидным низом, — своеобразные вазы с воронковидным низом. Однако и помимо наличия этой формы необходимо подчеркнуть принципиальное отличие раннетрипольских ваз на ножках от боянских (Джулэшти, Видра, Вэрэшти, Петру-Рареш), где сама форма и характер поддонов совершенно разные — и те, и другие цилиндричнее, а поддоны короче.

Определенное место в наборе посуды этой группы занимают глубокие круглодонные кубки, а также черпаки простой полусферической формы, с плоскими орнаментированными ручками, имитирующими человеческую фигуру, нередко рогатую.

Венчики сосудов для питья всегда гладкие, а тулово отличается простотой орнаментального рисунка, имеющего вид радиальных или закрученных в спираль каннелюр.

Подчеркиваем, что изложенное выше относительно характера посуды в значительной степени относится к раннетрипольским памятникам, расположенным в восточной половине раннетрипольской области обитания, преимущественно на Южном Буге.

В противоположность им даже такие приднестровские памятники, как Флорешти, Брага, Дубосары и другие, и такие памятники, как Унгены (Богдэнешти) на Пруте, не говоря уже о довольно многочисленных поселениях Румынии, расположенные на Среднем Серете и западнее его, — обнаруживают заметное своеобразие в глиняной посуде. Особенно глубоки различия в характере орнамента.

Нам уже приходилось отмечать, что если поселения на востоке дают посуду с гребенчатым орна-

ментом, то на западе поселения того же времени «дают керамику бояноидную и собственно боянскую»⁸⁰. Отмечая, что в такой формулировке не-

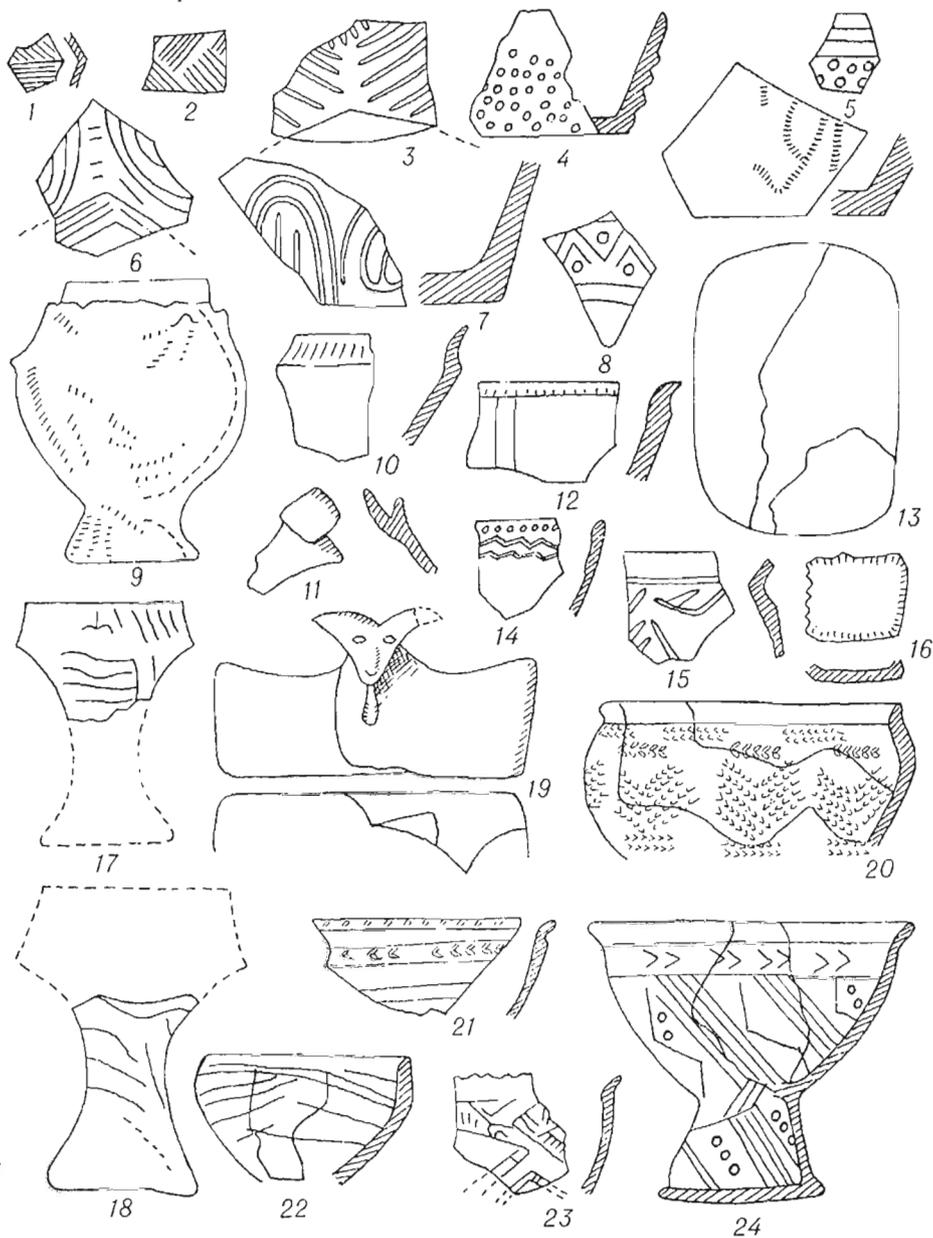

Рис. 5. Образцы керамики дотрипольского времени, Побужье и Поднестровье:

1, 4, 11, 16, 19 — Сабатиновка I, нижний слой; 2, 5, 8, 15, 21, 23, 24 — Лука-Врублевцевая; 3, 6, 7, 9 — Березовская ГЭС; 10, 12, 14, 20, 22 — Сандраки, Хмельник; 13, 17, 18 — Новые Русешты, нижний слой.

сколько переоценивалось значение боянского элемента, подчеркнем своеобразие некоторых типов посуды, распространенных в юго-западной части области расселения раннетрипольских племен. Значение боянских влияний, с точки зрения определения этнографических различий в среде раннетрипольских племен, вполне очевидно. Однако сводить

Рис. 6. Совпадающие специфические формы раннеэнеолитической посуды из Юго-Восточной Европы и Восточного Средиземноморья:
 1, 2 — Новые Русешты; 3, 5, 7 — Тордош; 4 — Лука-Врублевская; 6 — Березовская ГЭС; 8, 9, 13 — Алишар, халколит; 10—12 — Хиссар II.

черты западных памятников к одним боянским влияниям было бы неправильно. Это следует понимать в более широком территориальном контексте, учитывая, что не только боянские связи, но также и связи, уводящие нас на Дунай — в область Хаманджии⁸¹, на запад, в область пере-

Боянские черты на описываемой посуде проявляются двояко — с одной стороны, в виде угловатых композиций меандровой схемы, а с другой, что более характерно, — в особом характере сопроводительного орнамента. Речь идет о широко известном по боянским памятникам приеме создания ор-

Рис. 7. Фрагменты орнаментированной керамики начала энеолита из Анатолии (1—8 Алишар, халколит), Эгеиды (9—12 Тигани), балкано-дунайского ареала (13—17 тип Дудешть).

живания керешской культуры⁸², и, наконец, в область позднейших памятников восточного крыла культуры линейно-ленточной керамики⁸³.

В этом плане необходимо сделать еще одно дополнение — многое в природе соседей Бояна и в природе его самого может быть понято только в аспекте признания генетических связей с бугонестровской неолитической культурой.

наментальных зон, состоящих из вырезанных в глине треугольников и квадратиков, размещаемых в линию или в шахматном порядке или же композируемых в более сложные геометрические фигуры.

Исследователь боянской культуры Е. Комша полагает, что подобный орнамент восходит к системе небольших треугольных наколов первой фазы боянской культуры — фазы Болинтиняну,

которые позднее, на протяжении фазы Джулэшти, уже приобретают вид треугольных вырезов и становятся наиболее характерными для третьей фазы — Видра⁸⁴.

Это заключение не вполне правильно, ибо развитый вырезной орнамент встречается также на посуде добоянской культуры Дудешть⁸⁵ (рис. 7, 13—17).

Для выяснения генезиса техники вырезного орнамента важно подчеркнуть, что его шахматно-крестовидный вариант также присущ посуде энеолитического слоя анатолийского поселения Алишар, добоянский и дотрипольский возраст которого не вызывает сомнения⁸⁶.

Для румыно-молдавских памятников типа Зэнэшти (Дялул-Вицей)⁸⁷, выделяемых Х. Думитреску в культуру Зэнэшти⁸⁸, также характерен сложный волнисто-волотовый вырезной орнамент, сходный с узорами культуры линейно-ленточной керамики⁸⁹.

Наконец, следует упомянуть об архаизмах, входящих к керешской культуре. Их наличие необходимо отметить как для западной (памятники типа Флорешти⁹⁰), так и для восточной части раннетрипольского ареала (Гайворон⁹¹). Они проявляются как в виде шишечек, ушек и прочего, так и в специфической манере украшать лощением часть венчика и придонную часть сосуда. Промежутки между такими зонами заполнялись рядами ногтевых углублений, парных пальцевых зашипов, намазными линиями, барботинами и пр.

Таким образом, выясняется, что у раннего триполья были довольно распространенными связи, уходящие в юго-западном направлении (Боян), в западном (переживания керешской культуры), в северо-западном (дунайская культура линейно-ленточной керамики) и пр. Однако основные признаки собственно раннетрипольских памятников, то есть памятников, распространенных к востоку от Днестра, уходят в глубь времен — к памятникам местной дотрипольской неолитической культуры, о чем будет сказано несколько ниже.

Теперь рассмотрим еще одну черту культуры древнейших трипольских памятников — культовую пластику.

Антропоморфные и в меньшей степени зооморфные культовые терракоты составляют характерную группу раннетрипольских находок.

Весьма показательно, что антропоморфная пластика, в целом не характерная для боянской культуры, составляет обязательную черту всех без исключения древнейших трипольских памятников, разместившихся от среднего течения Южного Буга до верховья Быстрицы. При этом следует подчеркнуть, что отмечаемые здесь ¹культовые статуэтки — главным образом женские, а также изображения зобастой птицы (утки) и др.⁹² обнаруживают как черты близкого сходства, так и заметного отличия от пластики соседних культур, например Хаманджи⁹³.

Особенно типичны небольшие неорнаментированные полусидящие женские статуэтки с подчеркнутой нижней частью и длинной шеей, заканчивающейся головкой наподобие черепашьей или птичьей, а также относящиеся к этим статуэткам рога́тые креслица.

Очень выразительны женские статуэтки сходного типа, встречающиеся как в восточной, так и в западной половинах раннетрипольской области. Они отличаются от описанных выше прихатыми к груди и животу руками, в которых находится продолговатый предмет, являющийся скорее всего пластическим воспроизведением синкретического священного символа — небесно-водно-солнечного змие-дракона-дитяти, связанного с культом зачатия и плодородия⁹⁴.

Особый интерес представляют сохраняющие черты глубокой архаичности плоские женские статуэтки с округлой нижней частью, двумя короткими выступами плечей и головой, сливающейся с шеей, в виде приостренного выступа. Подобные статуэтки объяснены как воспроизведение священного образа женщины, сидящей с поджатыми ногами⁹⁵. Такие статуэтки изготовлялись из глины (Брага⁹⁶, Гигоешти⁹⁷, Зэнэшти⁹⁸), реже — из кости (Сабатиновка II⁹⁹). В несколько измененном виде подобные статуэтки встречаются на поселениях ранней кукутенской поры и называются румынскими археологами эгейско-анатолийскими¹⁰⁰, что значительно сужает представление об исключительно широком ареале создания и культового использования подобных изображений.

Помимо перечисленных выше антропоморфных изображений в раннюю пору развития Триполья получает распространение и культовая зооморфная пластика. Встречаются изображения быка¹⁰¹, козла¹⁰² и кабана¹⁰³, которые в стилистическом отношении выполнены менее тщательно, чем антропоморфные статуэтки и, следовательно, для характеристики культуры дают очень мало.

Из числа зооморфных символов наиболее интересно пластическое изображение зобастой птицы (утки), отражающей особый космогонический сюжет, распространенный во всей раннетрипольской области. Отметим, что этот специфический символ иногда, и при этом в ярких образцах, встречается и в культурном комплексе Винчи¹⁰⁴.

ОБ ОСНОВНОЙ ЛИНИИ И ТЕЧЕНИЯХ В РАЗВИТИИ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Выше мы рассмотрели начальную фазу трипольской культуры в том виде, в каком она выступает на востоке — в пределах средней части Южно-Бугского бассейна и на западе — преимущественно на территории Молдавии.

Своеобразие культуры, отмечаемое для восточного и западного районов раннетрипольской облас-

ти, сохраняется и в последующие времена. Именно поэтому на примерах не всегда учитываемых фактов целесообразно в более или менее полном хронологическом объеме рассмотреть вопрос об основной линии и о течениях в развитии трипольской культуры.

В той части развитого Триполья, которая отвечает времени Кукутени А (Извоар II) и, как известно, характеризуется широким распространением глиняной посуды с полихромной росписью, существует заметное различие между культурами восточной, точнее прибугорской части трипольской области, и западной, захватывающей Днестровский бассейн, румынскую Молдавию и Восточную Трансильванию (Ариужд).

Во внешнем археологическом выражении эти различия определяются рядом данных. Прежде всего, необходимо отметить, что в восточной части трипольской области вместо редкой здесь посуды с полихромной росписью получает распространение развивавшаяся из архаических форм глиняная посуда, украшенная глубоким линейным орнаментом¹⁰⁵. Имеются некоторые различия и в формах посуды.

Так, например, в составе инвентаря западных памятников развитой поры Триполья почти нет так называемых биноклевидных сосудов, зато широко известны низкие и высокие трубообразные подставки под сосуды, глиняные ложки, переносные печи и другие формы, не получившие распространения в восточных районах трипольской области. Различия прослеживаются и в орнаменте. Рассматривая данные западной части трипольской области, необходимо отметить, что наряду с обычным волотовым орнаментом и сопровождающим его сюжетами основное место занимает особый угловатый стиль росписи, в которой использованы различные варианты меандрового рисунка боянского типа. Встречаются также разной формы орнаментальные поля, заполненные обычным шахматным рисунком и проч.¹⁰⁶

Особенно ярко все эти черты проявляются в орнаменте памятников ариуждского типа. Попытки выяснить истоки этого стиля неизменно приводят к западным аналогиям — к переживаниям боянской культуры, к памятникам типа Петрешти, а через них к фессалийским памятникам типа Димины, получившим продолжение в комплексах такой крайней на западе Европы культуры расписной керамики, как поздние Мольфетта и Матера¹⁰⁷.

В то же время на востоке, прежде всего на Южном Буге, архаический углубленный орнамент продолжал сохранять свое значение и тогда, когда на западе полихромная роспись уже получила повсеместное распространение, а спирально-волотовые композиции орнамента продолжают занимать доминирующее положение¹⁰⁸.

Можно утверждать, что именно западная часть трипольского этнического массива в развитую пору

культуры передавала восточным племенам Триполья достижения балканских и трансильванских племен в области металлургии меди, пашенного земледелия, домостроительства и керамического производства.

В настоящее время, после выделения памятников культуры Петрешть¹⁰⁹ и после раскопок стратифицированных поселений Лец¹¹⁰, Тэртэрия¹¹¹ и Караново¹¹², механизм происходивших процессов становится более или менее ясным.

В причерноморской части Балкан, и прежде всего в области карановской культуры, давно наметилась деградация местной культуры расписной керамики, происходившая под анатолийским воздействием в период развития от Караново I через Караново II к Караново III. Вероятно, именно в это время, в результате проникновения внутрь карпатской котловины, теснимой на юге части балканского населения, появляются памятники типа средних слоев Леца, продолжающие культурную традицию Караново I. Затем, уже на их основе и не без участия боянского и тордошского компонентов, происходило формирование петрештской культуры и, надо полагать, также ее более западных аналогов тисской¹¹³ и моравской¹¹⁴ культур.

Памятники типа Ариужд могли возникнуть в процессе этнокультурной перегруппировки, которая продолжалась, о чем красноречиво свидетельствует факт, что памятники типа Ариужд и Кукутени находятся в таком же органическом единении, как, например, памятники типа Фрумушика¹¹⁵, Журы¹¹⁶ и др.

Неправильно было бы думать, что появление названных выше достижений происходило без перегруппировок племен в пределах трипольской территории, а также без расселения за ее пределы.

Происходившие в период сложения и распространения старшего кукутенского культурного комплекса перегруппировки наблюдаются в трех направлениях — восточнотрансильванском, что привело к сложению ариуждского типа культуры¹¹⁷, верхнеднестровском, что привело к появлению памятников типа Городницы¹¹⁸, и, наконец, в направлении Южного Буга, что способствовало расселению отсюда части трипольского населения на Средний Днепр, в чуждую среду поздних переживаний днепро-донецкой культуры и к возникновению там собственного трипольского варианта.

Этнокультурные перегруппировки, происходившие в границах буго-днестровской части трипольского ареала, носили характер внутреннего процесса, не изменявшего этнический состав местного населения, в то время как на Верхнем Днестре и Среднем Днепре имели место диффузия, вытеснение и ассимиляция местных племен.

Классическая пора этнографического своеобразия боянской культуры к этому времени уже прошла — процесс ее трансформации в гумельницкую,

вероятно, не без некоторого влияния раннего Триполья, зашел уже довольно далеко. Следует подчеркнуть параллельность и синхронность процесса развития Триполья и бояно-гумельницы. Как показали данные радио-углеродного анализа, Кукутени А (Хэбэшести) и бояно-гумельницкий этап (Вэрэшти) относятся к одному и тому же хронологическому периоду — середине IV тысячелетия до н. э.¹¹⁹

Нечто подобное, но в меньших территориальных масштабах, а также в результате процессов, происходивших в западной части трипольской области, имело место и позднее — в пору возникновения культурного комплекса Кукутени В-Петрены. Нет никакого сомнения, что на этот раз именно Поднепровье явилось тем подталкивающим прогресс центром, развитие которого наложило глубокий отпечаток на культуру населения всей трипольской области.

Ко времени распространения древнейшей расписной посуды начало раздвоения путей развития трипольской культуры было очевидным фактом. Однако с наибольшей яркостью оно проявляется позднее, когда на Среднем Днепре появляются памятники типа Веремье, продолжающие архаическую линию развития, а на Поднепровье и западнее — памятники типа Журы — Городницы, эволюционно продолжающие линию развития культуры Петрешты — Ариужд — Кукутени А.

Следует отметить, что в границах всей восточной половины трипольского ареала — на Среднем Поднепровье, на Побужье и только отчасти на Среднем Поднепровье — развитие осложнялось еще и тем, что в этноисторический процесс включается мощный восточный компонент — ранние звенья древнейшей культуры, вопрос о которых будет рассматриваться особо.

Из сказанного следует, что кристаллизация трипольской культуры и ее дальнейшее развитие, способствовавшее возникновению ряда локальных этнокультурных течений, было сложным процессом, в котором принимали участие ряд пришлых, довольно отличающихся друг от друга этнокультурных слагаемых, но автохтонный элемент неизменно доминировал. Иными словами, культура находилась в непрерывном развитии, чему неизменно сопутствовали различные силы и различной направленности этнокультурные перегруппировки, но главная линия этнокультурного развития неизменно сохранялась.

Рассмотрение основных признаков развивающейся культуры должно быть проведено по двум основным рубрикам. К первой относятся все признаки, составляющие динамическую сторону развития культуры или, говоря иначе, признаки ее эпохального развития, меняющиеся в прямой зависимости от уровня развития производительных сил общества, ко второй — так называемые этнизирующие признаки культуры¹²⁰, отражающие ее

этнографическую специфику. Однако только рассмотрение всего комплекса признаков дает возможность выступить с оценкой археологической культуры как исторического явления.

В рассматриваемом плане с возможной полнотой должны быть учтены два главных историко-культурных объекта, составляющих основу значительной части настоящей работы, — буго-днепровская и трипольская культуры в их наиболее архаическом проявлении. Это немаловажное обстоятельство позволяет делать выводы, не привлекая большого количества нового фактического материала.

Хронологический рубеж возникновения трипольской культуры, как историко-археологической индивидуальности, отличающейся от буго-днепровской, в свое время был определен временем до середины IV тысячелетия до н. э. И в конкретном случае сложения Триполья следует различать как общие исторические процессы и закономерности, то есть своего рода стадийный момент, так и возникающие внутри единой этнокультурной области течения, проявляющиеся в ряде локальных вариантов, что почти неизменно предполагает соучастие инородных этнокультурных компонентов.

В книге «Неолит Украины» доказывалось, что процесс развития буго-днепровской культуры был в достаточной мере сложным и динамичным, а ее трансформация в трипольскую культуру неизбежно должна была иметь характер скачка, который был обусловлен как крупными историческими, экономическими и культурными сдвигами, так и участием в этом процессе новых этнокультурных компонентов.

СУБСТРАТ БУГО-ДНЕПРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В данном разделе рассмотрим черты культуры, которые сохранились в культурно-историческом облике раннего Триполья от его субстрата — буго-днепровской неолитической культуры, с учетом всех основных признаков археологической культуры: хронологическое положение памятников, территория, уровень экономического развития, состав культуры и т. д.

Как это в достаточной степени стало очевидным, время формирования трипольской культуры одновременно было временем формирования целого ряда других новых этнокультурных образований меньшего территориального масштаба, чем культура линейно-ленточной керамики или керешская. Взамен их на исторической арене появляются трипольская, боянская, хамаджийская, винчанская, тисская, то есть южноевропейские культуры. Они возникли в силу особого рода дифференциации того южноевропейского древнеземледельческого массива, который на западе в балкано-дунайском ареале был представлен старчевско-керешской культурой,

на востоке — буго-днестровской, а на севере — железовской¹²¹, бюккской¹²² и, естественно, поздними переживаниями культуры линейно-ленточной керамики.

В то же время на юге Европы, особенно в балкано-дунайском ареале, как это было отмечено Д. Меллаартом¹²³, возникают такие не имеющие под собой прочных генетических оснований культуры, как средние слои Каранова¹²⁴, в какой-то мере Селкуца¹²⁵, дунайский неолит Македонии¹²⁶ и другие, смыкающиеся с кругом тех малоазийских культур, которые с течением времени получают законченное выражение в арханческой Трое¹²⁷, Терми¹²⁸, Сиросе¹²⁹ или в нижних слоях кносского неолита¹³⁰.

Таков в целом круг синхронных историко-культурных явлений, которые следует учитывать при рассмотрении процесса сложения трипольской культуры.

Однако решающим звеном в данном вопросе была все же весьма близкая к Тордошу культура, выявленная в последние годы на территории Молдавии и Украины, занимающая в хронологическом плане промежуточное положение между буго-днестровской и трипольской культурами (рис. 5, 1—24).

Мы имеем все основания считать трипольскую культуру начальной поры развития восприемницей той самой территории, которая в свое время была занята дотрипольской буго-днестровской неолитической культурой. Речь прежде всего идет о буго-днестровской части Северо-Западного Причерноморья, но, возможно, также и о румынской Молдавии, где памятники буго-днестровской культуры только начали выявляться.

Помимо сказанного выше, следует подчеркнуть некоторые моменты этнокультурной ситуации, характеризующие непосредственно предтрипольское время.

В этот период на Среднем Поднестровье и в прилегающих к нему районах Румынии существовали поселения культуры линейно-ленточной керамики, что разрешает думать о временном выпадении этих районов из состава основной области буго-днестровской культуры.

Восточнее, на Южном Буге, происходило вторжение этнически инородных племен, продвигавшихся, как уже говорилось, с севера, обусловивших своим проникновением временную деградацию буго-днестровской культуры, переживавшей самчинскую фазу.

Показательно, что своеобразное восстановление прежних границ обитания, намечившееся в савранское время, но наступившее в начале Триполья, происходило в обстановке восстановления типа культуры, близкого к керешской и к буго-днестровской культуре печорской поры.

Культурой, заполнившей брешу, возникшей ранее в результате вторжения инородных племен,

и появившейся в момент перехода от неолита к эпохе металлов, и была трипольская культура.

О физических особенностях населения этой поры почти ничего не известно. К настоящему времени известно только одно раннетрипольское погребение, найденное на поселении Солончены¹³¹. Погребение — европеоидное¹³², скорченное, не входящее в могильник, — аналогично многим найденным в сходных условиях одиночным погребениям обширной средиземноморско-черноморской древнеземледельческой области: от Старчево и Кереша до Бояна¹³³.

Естественные условия в границах территории формирования Триполья близки к позднеолитическим и более или менее отвечают палеоклиматологическим нормам атлантического периода. Если исходить из обстановки Саврани, Микольной Брояки и особенно Чернятки, где наряду с неолитическими отложениями были встречены и сходные с ними по составу инвентаря и условиям залегания раннеэнеолитические слои, в долине реки в это время было несколько влажнее, чем в предшествующее время, а уровень воды также был выше, что в определенной степени сокращало размеры приречных и островных полей, слагавшихся из лессово-иловатых почв. В природе возникли оптимальные условия для развития земледелия — повсеместно шел интенсивный процесс формирования современного почвенного покрова, что в значительной мере способствовало дальнейшему развитию земледелия и переходу общества к более высокому уровню экономического развития.

Формы использования природных ресурсов, существовавшие в начале развития трипольской культуры, в целом уже иные, чем в развитом неолите. Зона освоения ландшафта уже не так строго, как прежде, ограничивалась долиной реки, а территории водоразделов в хозяйстве населения начинают играть вполне осозаемую роль. В то же время приречные участки, расположенные возле древних порогов, в какой-то мере утрачивают свое значение.

Было бы неправильно думать, что от прежних способов использования территории местное население полностью отказалось. Этому, например, противоречат наличие таких поселений, как Извоар¹³⁴, Лука-Врублевца¹³⁵ и других, возникших примерно там же, где и поселения неолитической эпохи — на краю надпойменных террас.

В этом смысле показательны раннетрипольские стоябища на поселениях Гайворон-Полижок и Чернятка, которые всей совокупностью присущих им данных, включая и условия залегания остатков, ничем не отличаются от находившихся тут же поселений савранского времени.

Между тем, для раннего Триполья более характерно создание поселков на водоразделах — вне непосредственной близости от реки. Нечто подобное отмечалось и для конца буго-днестровской

культуры (Печера, Сабатиновка I, Данилова Балка I, Хмельник-Сандраки I, Наславча и др.).

Новое в отношении человека к ресурсам природы нельзя объяснить одними лишь изменениями естественного порядка, ибо начиная с этого времени труд человеческого коллектива становится значительным фактором естественно-исторического процесса. В одном фокусе сходятся два разных явления — объективный, но пассивный естественный фактор, выразившийся в природной обстановке атлантического периода, и субъективный, или активный, — проявляющийся в преобразовании хозяйства на обширных территориях всей земледельческой Европы и вместе с тем начавший интенсивно изменять и саму естественную среду.

Значение этого поворотного момента заключалось прежде всего в переходе к пашенному земледелию.

Рассмотрим явления, составляющие главное в историческом процессе перехода от буго-днестровской культуры к Триполью.

Для буго-днестровской культуры имеются безупречные данные относительно топографии присутствующих этой культуре полей, так как выяснилось, что места поселений и полей топографически совпадают. Здесь собрана большая серия постепенно совершенствовавшихся роговых и костяных мотыг, прошедших длинный путь от кайлообразных инструментов, морфологически сближающихся с так называемыми клиньями типа Лингби, до специализированных типов мотыг с поперечной постановкой рабочей части.

До недавнего времени характер мотыг, существовавших в раннем Триполье, не был известен. Однако в результате раскопок, проведенных Т. С. Пассек на раннетрипольском поселении Голерканы (Молдавия), было установлено, что найденные здесь мотыги оказались такими же продольно-лезвийными, как и большинство мотыг буго-днестровской культуры¹³⁶ (рис. 2, 1).

Попутно отметим, что на многих раннетрипольских поселениях, например Голерканах, Солончанах, Берновой Луке, имеются все формы ножей из эмали клыка кабана, которые были зафиксированы для разных поселений буго-днестровской культуры¹³⁷ (рис. 2, 4, 5).

В этом же плане необходимо напомнить и о таком составе инвентаря предшествующего времени, как ложила, изготовленные из крупных трубчатых костей¹³⁸ (рис. 2, 6).

О важной группе производственного инвентаря, кремневых орудиях, придется сказать немного, ибо набор кремневых изделий памятников савранско-хмельницкого времени практически неотличим от изделий, выявленных на Сабатиновке II, Гайвороне, Чернятке (трипольский комплекс), Александровке, Браге, Солончанах, Флорештах и др. Инвентарь в обоих случаях микролитический, что распространяется как на орудия, изготовленные

из пластинок, так и на те, которые формовались на отщепках (рис. 1, 1—11; 2, 3, 7—9, 11—15).

Следует напомнить, что отличие раннетрипольского инвентаря от неолитического сводится лишь к тому, что в раннем Триполье почти уже не встречаются трапеции, но зато становятся более характерными микролитические наконечники стрел ромбовидной формы, а также то, что пластинчатые вкладыши в серпы делаются теперь вполне обычными (рис. 1, 2, 3, 6, 7; 2, 11, 12, 14, 15).

На микролитичность кремня древнейших трипольских памятников нередко не обращается надлежащего внимания. Между тем, подобный материал свидетельствует о преемственности связей с неолитической культурой и о хронологическом расчленении самого раннего Триполья.

Дело в том, что памятники, непосредственно следующие за памятниками типа Сабатиновка II, например, Лука-Врублевская, дают кремнь не микролитических, а робенгаузских пропорций¹³⁹. В частности, почти исчезают небольшие скребки из отщепов и появляются крупные концевые скребки из пластин. От предшествующего времени остаются лишь тонкие пластинки, а также пластинчатые вкладыши в серпы¹⁴⁰ (рис. 3, 1—11). Жилища и дополняющая их утварь, косвенно отражающие уровень развития производства, должны быть рассмотрены особо.

На примере таких неолитических памятников, как Саврань, Гард, и древнейших памятников трипольской культуры Гайворон¹⁴¹, Сабатиновка II¹⁴², первого строительного периода, Берново Лука¹⁴³, Солончены¹⁴⁴ и др. видно, что между установленными на них типами жилищ существовала полная преемственность. Раннее Триполье от неолитической эпохи восприняло небольшие, продолговатой формы полуземлянки с глинобитными печами на каменных цоколях, которые сопровождают кухонные ямы. В последних неизменно встречаются отбросы раковин перловицы.

Глиняная посуда, как известно, представляет собой один из наиболее изменчивых элементов конкретного комплекса материальной культуры.

На примере буго-днестровской культуры, а также многих других можно убедиться, как неожиданно и легко могут возникнуть новые технологические группы и формы сосудов, лишь только в этом возникает хозяйственная потребность.

Различия, и притом довольно значительные, между поздней посудой буго-днестровской культуры и древнейшей трипольской вполне очевидны, что объясняется новым уровнем экономического развития общества и его новыми потребностями.

Однако, несмотря на различия, они имеют общие черты, распространяющиеся как на некоторые технологические особенности и на форму, так и на характер орнамента.

Уже в инвентаре памятников савранского и хмельницкого типов присутствует особый в техно-

логическом отношении тип обиходной посуды, довольно далекий от тончайших изделий монохромной посуды пещерского времени, но зато близкий к соответствующей группе раннетрипольской посуды. Речь идет о различных формах сосудов — мисках, кубках, кратерообразных чашах и других, изготовленных из отсортированной глины с преднамеренной примесью мелкого песка. Эта посуда делится на две технологические подгруппы — сосуды буроватого цвета, обожженные в открытой печи и преднамеренно черненные путем обжига в печах с коптящим, восстановительным пламенем.

Именно обе эти технологические группы посуды распространяются в начальную пору развития трипольской культуры и вытесняют посуду с грубоватой растительной примесью.

Из числа переживающих форм прежде всего следует назвать небольшие тонкостенные с подлощенными стенками плоскодонные горшки с низко расположенными плечиками. Они хорошо известны по керамическим наборам самого раннего Триполья (рис. 4, 5, 6, 9; 5, 15, 20).

Следующая группа сосудов более специфична. Это архаический прототип глубоких горшков и ребристых мисок с глубоким воронковидным низом, заканчивающимся четко выделенным плитчатым основанием.

В инвентаре памятников хмельницкого типа встречаются широко открытые миски с невысоким отогнутым наружу венчиком, которые являются прототипами широко открытых профилированных мисок. Период существования их в системе трипольской культуры хронологически почти так же узок, как и период существования микролитовидного кремневого инвентаря¹⁴⁶.

Можно считать установленным, что времени подобных профилированных мисок предшествует время преобладания плоскодонных или округлодонных мисок с загибающимися внутрь краями, охватывавшие все фазы развития буго-днестровской культуры, за исключением раннеолитических — скибенецких и соколецких. Исключением отчасти является и пещерская фаза, на протяжении которой спорадически встречаются настоящие профилированные миски.

Нельзя не отметить, что после периода безраздельного преобладания профилированных мисок, охватившего раннее и отчасти развитое Триполье, следует время простых широко открытых мисок с прямыми стенками или слегка загнутым внутрь верхним краем¹⁴⁶.

Система орнамента раннетрипольской посуды, и в отношении его технических данных, и в характере самих орнаментальных схем, в целом может рассматриваться как результат дальнейшего развития системы орнаментирования посуды, выработавшейся на протяжении многих веков развития буго-днестровской культуры.

Прежде всего, это должно быть подчеркнуто в отношении технических особенностей орнамента. Последний, начиная с древнейших истоков, можно охарактеризовать как орнамент линейно-проглаженный и линейно-ленточный, составляющий сложные позитивно-негативные композиции, в которых один из симметрично расположенных элементов заполняется наколами, сеткой, короткими линиями, а в более поздние времена — штампом. Вся ленточная композиция обычно обрамляется наколами.

Различаются спирально-волнотовые и спирально-меандровые композиции, охватывающие туловище сосуда. Они, как правило, заключены в рамку, состоящую из особым образом украшенного венчика и линии, отделяющей обычно неорнаментированную придонную часть.

Архаические формы именно такого орнамента и составляют подлинную специфику системы украшения посуды буго-днестровской культуры, а в более развитых формах — древнейшей посуды Триполья.

В неолите за пределами буго-днестровского ареала этот тип орнамента не получил распространения. Однако в раннетрипольское время он распространяется далее к западу — в пределы современной румынской Молдавии, где он переплетается с некоторыми элементами боянской орнаментальной системы¹⁴⁷.

Разумеется, описанный орнамент не был неизменным на протяжении периода развития буго-днестровской культуры и в ее эволюции можно определить периоды расцвета и упадка.

В разрезе всех фаз развития этой культуры подчеркиваем главное в орнаменте посуды субстратной культуры.

Так, например, в раннем неолите почти безраздельно господствуют волнотово-меандровые композиции. Хотя уже в это время проникает постороннее влияние: эпизодически встречается пальцево-защипный колосовидный орнамент; переживают текстильные и простые угловатые композиции; получает распространение посуда из отмученной глины. Последняя свидетельствует о контакте с древнейшим неолитом Балкан, который, в свою очередь, является субстратом керешской культуры. В пещерское время эти инородные элементы значительно усилились, что дает нам право не только синхронизировать пещерскую фазу с временем развития керешской культуры, но и думать об усилении элемента их родства. Однако тут же следует подчеркнуть, что традиционные мотивы, возникшие еще в раннем неолите, в пещерское время настолько расцветают, что в отдельных случаях они почти неотличимы от раннетрипольских. Это обстоятельство позволяет с полной определенностью различать как местный прототрипольский элемент, так и привнесенный, в определенной мере стадильный, — керешский.

В самчинское время преобладают зональные композиции, наносившиеся при помощи различных штампов (обычно гребенчатого), а традиционные линейные композиции как бы отходят на второй план. В орнаменте посуды савранского, хмельникского и раннетрипольского периодов также неизменно присутствует гребенчатый элемент.

В савранское время линейные композиции снова доминируют. Широко известны волотно-меандровые и угловатые мотивы. Для этого периода характерна угловатость преобладающего количества орнаментальных схем; в частности настоящие меандровые композиции, ленты которых иногда заполняются оттисками штампа. В силу названных выше признаков орнамент савранского времени в определенном смысле может быть сопоставлен с боянским.

Однако отметим и существенную разницу — орнамент савранского времени исключительно линейно-проглаженный, а не линейно-врезанный, с пастовым заполнением как на боянских¹⁴⁸ сосудах.

В хмельникское время распространяются технические приемы орнаментирования посуды, а отчасти и мотивы, свойственные посуде хаманджийской культуры, например зигзаго-шевронные рисунки, исполненные в технике скорописного накола (рис. 5, 20, 21). В то же время следует отметить появление простого линейно-геометрического орнамента, довольно близкого к тордошскому (рис. 5, 1—3, 6—8, 15, 22, 23).

Рассматривая религиозно-идеологические представления эпохи неолита и энеолита, можно установить, что они имеют очень много общего. В обоих случаях центральное место занимает образ водно-солнечного дракона, змия, олицетворяющего небесное мужское начало. За ним следуют образы Великой матери, своего рода Деметры, символизирующей землю и женское начало, а также другой женский персонаж, связанный с кругом скотоводческих и охотничьих идеологических представлений, — прототип Артемиды.

Отмечая факт преемственности обеих культур в развитии форм религиозно-идеологических представлений, в то же время не следует рассматривать их как средство раскрытия процесса сложения трипольской культуры, так как развивавшиеся здесь формы представлений едва ли существенно отличались от сходных представлений, существовавших у носителей других древнеземледельческих культур Южной Европы. В данном случае важно уяснить степень сходства способов передачи этих представлений, то есть своеобразие приемов, проявляющихся при создании конкретных предметов, так или иначе связанных с культом. Можно считать установленным, что такая преемственность Триполья от буго-днестровской культуры прослеживается не только в технике нанесения и в специфических композициях орнамента,

но также и в морфологической близости культовой антропоморфной пластики.

Наконец, следует коснуться некоторых вопросов, выходящих за пределы проблемы сложения трипольской культуры.

Речь идет о ее генетических связях с некоторыми западными соседями — на раннем этапе с древнейшими памятниками тордошского круга, а позднее с боянской культурой.

Особо следует сказать несколько слов о возможной генетической зависимости боянской культуры от буго-днестровской. Имеются основания полагать, что на территориях Румынии и Болгарии названная культура не имеет глубоких генетических корней. Напомним некоторые факты, касающиеся этого вопроса.

Хорошо известно, что на территории Румынии установлено только две неолитические культуры, которые можно было бы отнести к развитой поре неолитической эпохи — это культура линейно-ленточной керамики и керешская*.

Архаические памятники боянской культуры, как известно, расположены в придунайской части Мунтении (Румыния) и северо-восточной Болгарии¹⁴⁹. Для развитого неолита этих территорий с полным основанием можно назвать лишь керешскую культуру, вошедшую в соприкосновение с карановской¹⁵⁰. По вполне понятным причинам ни карановская, ни керешская, ни тем более культура линейно-ленточной керамики не могут считаться генетической подосновой для боянской культуры. Кое-что в этом смысле могут дать связи, намечающиеся у этой культуры с синхронной древнеземледельческой культурой Анатолии.

Как уже отмечалось, отдельные элементы, составляющие специфику этнографического облика боянской культуры, могли находиться под влияниями, шедшими из причерноморской части Анатолии, например, так называемый вырезной орнамент, очень рано проникший в культурный комплекс Дудешть (рис. 7, 13, 17).

Однако в наши задачи не входит разыскание восточных и среднеазиатских импульсов сложения боянской культуры, ибо в рассматриваемом плане значительно важнее нащупать те элементы раннего Бояна, которые по происхождению являются южноевропейскими.

В связи с этим особое значение приобретают памятники буго-днестровской культуры, которые с одной стороны освещают не раскрытые еще архаические этапы развития южноевропейской древнеземледельческой культуры, а с другой — дают некоторые новые данные для понимания процесса возникновения самой боянской культуры.

Как уже говорилось, четвертая, то есть самчинская фаза развития буго-днестровской культу-

* О хаманджийской культуре речь идет особо. Приходится лишь отметить, что мысль Д. Берчу о ее глубокой древности нам не представляется доказанной.

ры, для которой характерно влияние проникших на ее территорию групп населения днепро-донецкой культуры, отличалась также очевидным отходом от традиционных форм развития. Однако последнее в определенной степени восстановилось позднее — на протяжении савранской фазы. Было бы, впрочем, неверным утверждать, что произошло восстановление тех же форм развития, которые были свойственны печерской фазе развития культуры. Историко-культурный облик памятников третьей фазы — печерской, а не самчинской, савранской или хмельникской — был в общем характере буго-днестровской культуры ближе всего к тем явлениям, которые характеризуют раннее Триполье.

Установление этого факта позволяет думать, что вследствие происшедшей в самчинское время инфильтрации двигавшегося с севера населения днепро-донецкой культуры дальнейшее развитие буго-днестровской культуры определенным образом раздвоилось. Одна часть коренного населения переместилась в южную половину средней части бассейна Южного Буга, где со временем появились несомненно предтрипольские памятники типа Саврани, Гарда и Мыколиной Брояки. Другая часть населения двинулась в юго-западном направлении и расселилась в болгаро-мунтенской части Нижнего Подунавья, где на основе взаимодействия местного карановско-жерешского субстрата и пришлого буго-днестровского ингридента начался процесс кристаллизации древнейшего ядра боянской культуры — памятников болинтинянского типа и родственной им культуры Вэдастра.

Особо следует отметить, что это ядро в то же время обнаруживает черты несомненного сходства с тордошским историко-культурным комплексом, что объясняется не только установлением новых этнокультурных связей, но и чисто стадияльными, хозяйственно-экономическими причинами — началом нового этапа этнокультурного развития.

Разумеется, материал, на котором основан этот вывод, особенно в части, касающейся истоков формирования боянской культуры, все еще исключительно невелик.

Основанием для такого заключения служит, в частности, тот факт, что для начальной поры развития боянской культуры (Болинтиняну-Кэцелу) характерны не имеющие предшественников в комплексах керешской или карановской культур широко открытые миски, украшенные сложным линейным орнаментом с подтреугольными наколами вдоль линий, а также с накольчатым обрамлением вдоль всей линейной композиции¹⁵¹.

В этом же плане могут рассматриваться сосуды, украшенные округлыми наколами, а также спирально-волотовыми лентами с накольчатым заполнением¹⁵².

Не противоречат общему характеру комплекса и неорнаментированные или украшенные напеча-

ми сосуды типа мисок, а также глубокие банкообразные сосуды.

О других балканских связях говорит особая группа раннебоянской посуды — сосуды, украшенные текстильными композициями, выполненными в каннелюрной технике. Такими памятниками, обладающими указанными выше чертами глиняной посуды, в первую очередь являются поселение Кэцелу (Румыния), а также позднеэолитический слой Деветакской пещеры (Болгария)¹⁵³. Хорошее издание материалов из последнего местонахождения убеждает нас в том, что техника нанесения орнамента и его общий характер едва ли отличается чем-либо от таких южнопечерских памятников, как Гайворон-Полижок или Мельнична Круча.

Приведенные сопоставления вполне оправданы и с точки зрения историко-хронологических норм — формирование боянской культуры не могло начаться раньше самчинского времени, то есть тогда, когда на Южном Буге отмечался процесс ослабления главной линии развития буго-днестровской культуры. Процесс ее формирования мог завершиться только около времени развития савранской фазы, а возможно даже и позднее.

Ниже суммируем основное из сказанного выше.

Черты преемственности Триполья от буго-днестровской культуры обнаруживаются в целом ряде элементов культурного и экономического развития: 1) хронологическая преемственность; 2) значительное совпадение территории, особенно на востоке; 3) наличие контакта в формах земледелия и соответствующих типов орудий обработки земли; 4) принципиальное сходство набора кремневых орудий; 5) общность ряда специфических форм костяных орудий; 6) преемственность в типах поселений и жилищ; 7) сходство ряда керамических форм; 8) сохранение основных технических приемов нанесения орнамента на глиняную посуду и сохранение всех его главных схем; 9) преемственность в системе религиозно-космогонических представлений.

Наконец, особо отметим вероятность намечающейся генетической связи боянской культуры с буго-днестровской, которая в какой-то степени могла обуславливаться расселением на Дунае части племен буго-днестровской культуры.

Вместе с тем, в раннем Триполье имеются такие элементы, возникновение которых нельзя объяснить эволюционным развитием самой буго-днестровской культуры.

Новое в историко-культурном облике раннего Триполья было обусловлено экономическим развитием населения этого времени, и в первую очередь развитием системы земледелия.

Вопрос об уровне развития сельскохозяйственного производства в рассматриваемом плане, на наш взгляд, является главным в раскрытии тех форм экономического развития, которые предопределили

переход от буго-днестровской культуры к Триполью.

В свое время С. Н. Бибиков обосновал гипотезу о пашенном характере даже самого раннего трипольского земледелия и выступил с критикой традиционной теории о преобладании мотыжной обработки земли у трипольских племен. Обосновывая свою точку зрения, С. Н. Бибиков прежде всего руководствовался данными самой трипольской культуры, включающими общий уровень развития, в частности размеры и устройство присущих ей поселений, отдельные формы инвентаря, набор совершенной керамики и проч., никак не вязавшимися с начальным мотыжным земледелием¹⁵⁴.

В настоящее время гипотезу о пашенном характере трипольского земледелия можно считать полностью доказанной. Об этом свидетельствует сам факт выявления и исследования буго-днестровской культуры, являющейся классическим примером достоверно установленным для всей Европы мотыжно-земледельческой культурой.

Вполне очевидно, что, говоря о переходе к пашенному земледелию, как о первой экономической предпосылке сложения трипольской культуры, не следует думать, что эта более высокая форма обработки земли была изобретена самими носителями буго-днестровской культуры.

В таком предположении было бы не больше правды, чем в широко распространенной, но не доказанной, археологически и исторически не мотивированной версии о плужном земледелии у неолитического населения культуры линейно-ленточной керамики¹⁵⁵.

Выше уже отмечалось, что на конец периода развития буго-днестровской культуры и на начало Триполья приходился атлантический период развития климата, одной из отличительных особенностей которого, как известно, являлся высокий уровень воды в морях, реках и озерах. Это должно было привести к сокращению приречных полей и в определенной мере усилить кризис мотыжного земледелия. В то же время увлажнение климата сделало возможным использование в пашенном земледелии высоких приречных террас и даже склонов плато.

В сложившейся обстановке мотыжное земледелие, как слишком примитивное, несмотря на высокое плодородие приречных полей, должно было отмереть и уступить место более совершенной форме — пашенному (ральному) земледелию, являющемуся, как мы в этом совершенно уверены, экономической первопричиной становления трипольской культуры, а с ней и ряда других синхронных энеолитических древнеземледельческих культур Южной Европы.

Вместе с тем, пашенное земледелие оставалось бы потенциальной возможностью или не получило бы значительного развития, если бы оно не сочеталось с развитием скотоводства, эпохальным дости-

жением которого на данном этапе являлось использование тягловой силы животных (быка).

Сравнивая состав фаунистического комплекса поселений буго-днестровской культуры и раннего Триполья, приходим к выводу, что количество костей домашних животных в раннетрипольском комплексе возросло примерно в десять раз по сравнению с предшествующим позднеолитическим периодом.

Есть все основания полагать, что импульс для развития животноводства лежал не столько на юго-западе, как это устанавливается для пашенного земледелия, а на востоке, где доживала сурско-днепровская и слагалась азово-днепровская культуры.

Когда идет речь о восточном импульсе, и прежде всего о Днепровском Надпорожье, как об его эпицентре, не лишне напомнить, что именно эта территория оказалась особенно богатой памятниками далеких межплеменных, вероятнее всего, обменных связей, захватывавших буго-днестровский район и Нижнее Подунавье.

Разумеется, влияние скотоводческого Востока не было односторонним. Будучи процессом двусторонним, оно только ускоряло возникновение комплексных земледельческо-скотоводческих форм хозяйства. В пользу сказанного говорит ряд данных.

Во-первых, следует отметить, что в комплексах буго-днестровской культуры и в комплексах восточноевропейских охотничье-скотоводческих культур этого же времени, а также в составе раннетрипольского стада доминирует крупный рогатый скот, а уже затем следуют свинья и мелкий рогатый скот. Различие состоит лишь в соотношении с костями диких животных.

Доминирование крупного рогатого скота, общий подъем развития скотоводства обусловили не только возникновение пашенного земледелия, но и появление древнейших транспортных средств. Получила ли арба распространение у скотоводов уже в это время, сказать трудно, ввиду отсутствия прямых археологических данных. Что же касается раннетрипольского населения, то у него применение тягловой силы едва ли ограничивалось использованием быка для упряжки в первобытное рало, ибо интенсификация земледелия с необходимостью должна была вызвать и интенсификацию скотоводства.

Речь идет о другом крупном хозяйственном нововведении — о стойловом содержании скота, обусловливающим возникновение комплексной мясо-молочной формы скотоводства. Косвенным указанием на начало стойлового содержания скота является, прежде всего, наличие примеси мякины и соломы в печине, что предполагает привоз для обмолота не только колосьев, но и снопов.

Впрочем, неверно было бы думать, что развитие скотоводчества на востоке является единственным источником быстрого подъема скотоводства у раннетрипольских племен.

Имеются все основания полагать, что повыше-ние роли скотоводства, происходившее на данном этапе и охватившее обширные территории, не обо-шло стороной и Балканский полуостров. Свидетель-ством более высокого уровня развития скотовод-ства и в этом районе является то, что только с раннетрипольского времени появляются первые до-стоверные доказательства разведения овец¹⁶⁶, ко-торые появились в трипольском материальном комп-лексе вместе с балкано-дунайскими элементами культуры*.

Таким образом, в качестве экономической осно-вы формирующейся трипольской культуры выри-совывается гармоническое, по-своему многоотрас-левое, земледельческо-скотоводческое хозяйство, слагающееся в это время и являющееся и в настоя-щее время оптимальной формой хозяйства, произ-водящего продукты питания.

Между тем, в экономическом развитии племен, населявших в это время территорию Правобереж-ной Украины, намечается еще один сдвиг, значе-ние которого нередко недооценивается — начи-нался медный век.

Время от времени на раннетрипольских посе-лениях встречаются изделия из меди: обломки прово-локи, пластинчатые подвески, удильные крючки, мелкие украшения и орудия производства.

Казалось, что медь в условиях раннетрипольско-го общества, в частности в его производственной деятельности, не занимала заметного места. В на-стоящее время это мнение уже устарело.

В 1961 г. у с. Карбуна Чимишлийского района Молдавской ССР был случайно обнаружен клад раннетрипольского времени. На раскопанной пло-щадке, задетой дорогой, был найден богато укра-шенный плечистый горшок с воронковидным низом, накрытый небольшим сосудиком и наполнен-ный различными ценностями этого времени, пре-имущественно мелкими изделиями. Клад содержал 852 предмета, в основном медных, в состав которых входят украшения, орудия труда, предметы воору-жения и символы власти¹⁶⁷.

Вполне очевидно, что в карбунском кладе, при-надлежавшем какому-то родоплеменному вождю-жрецу, необходимо видеть важнейший документ пер-вобытного обмена, охватывавшего, как выясни-лось, ряд южноевропейских и азиатских присредиз-емноморских и причерноморских территорий.

Клад лаконично и убедительно рассказывает нам о том, что такое медный век, пусть даже самый ранний, как далеко и быстро шагнуло раннетри-польское общество в сравнении с уровнем развития населения буго-днестровской культуры.

В плане исследования вопроса о сложении три-польской культуры главное заключено в решении вопроса о происхождении меди, вошедшей в состав

этого единственного в мире комплекса. Иными словами, речь идет о той территории, которая благо-даря развитию металлургии на какое-то время оказалась во главе европейского прогресса.

Анализируя состав клада, а также учитывая уже известные факты, мы осмеливаемся утверждать, что территорией, впервые давшей Европе изделия из меди и золота, была Трансильвания времен Винчи-Тордоша, а также сопредельные террито-рии Балкан, занятые, надо полагать, культурой веселиновского типа.

Важная роль Трансильвании в развитии евро-пейской металлургии отмечалась уже многими. Однако экономический контакт этой далекой стра-ны с древнейшим Триполем с такой очевидностью обнаруживается впервые.

Итак, основу экономического развития ранней трипольской культуры составляют историко-куль-турные явления раннего медного века, включаю-щие металлургию меди, пашенное земледелие, ска-чок в развитии скотоводческого хозяйства и проч. Несомненно, общественная организация коллекти-вов, достигших подобного уровня развития, не могла быть иной кроме патриархально-племенной.

Высоко оценивая происходивший в это время историко-культурный прогресс, все же следует пом-нить, что при решении вопроса о генезисе культу-ры вопрос о прогрессе как таковом все же не имеет решающего значения. Это ясно хотя бы из того, что сходные явления, с небольшими местными нюанса-ми, отмечаются для всего южноевропейского дре-внземледельческого ареала, простирающегося вдоль средиземноморского и черноморского побережий: от Италии и до среднего течения Южного Буга.

Между тем, показать общеисторическое или ста-диальное развитие необходимо хотя бы для того, чтобы оттенить его самостоятельный характер, своего рода независимость от этнографического ас-пекта развития культуры.

Рассматривая вопрос о переходе от буго-дне-стровской культуры к трипольской, следует под-черкнуть, что из культурного облика памятников савранско-хмельникского времени при переходе к Триполю многое оказалось утраченным и взамен этого в трипольском комплексе возродились или появились новые черты.

Прежде всего, отметим изменения, происшед-шие в составе глиняной посуды. Они особенно за-метны в кухонной посуде. По-существу, произо-шла полная смена этой части бытового инвентаря. Взамен больших остродонных горшков S-видного профиля появляются небольшие плоскдонные сосуды с низкой постановкой плеча. В корне ме-няется и характер орнамента: преимущественно развивается пальцевый, иногда близко напоминаю-щий керешский¹⁶⁸.

О существовании западных связей свидетель-ствует и выполнявшийся путем нанесения жид-коватой глины намазной орнамент¹⁶⁹. Эти две

* Неолитические памятники степного скотоводческого ареала до сих пор не дают достоверных находок костей овец; их место как бы занимают кости козы.

разновидности орнамента обычно объединяются в угловатые и текстильные узоры, хорошо известные по керешским и савранским орнаментальным схемам. В этом смысле отмечаем и переживания барботинного орнамента, имеющего характер намазных округлостей.

В принципе новым является и настоящий каннелюрный орнамент, состоящий из широких, проглаженных по подсохшей поверхности стенок сосудов, линий, образующих уже знакомые текстильные или спирально-волноты композиции.

Материал и стиль культовой пластики становятся новыми. Это полусидящие женские фигурки с подчеркнутой нижней частью. В хронологическом отношении они, по-видимому, более поздние, чем схематические женские статуэтки с закругленной нижней частью, характерные для памятников типа Зэншти¹⁶⁰ и в то же время имеющие довольно близкие аналогии среди памятников Восточного Средиземноморья¹⁶¹, но отнюдь не в культовой пластике керешской культуры.

Об архаизме этого типа статуэток говорит то, что они редко встречаются даже в раннетрипольских и винчанско-тордошских комплексах.

Наконец, в качестве собственно трипольской черты следует назвать и довольно распространенные рубящие орудия вроде тесел, изготовленные из сланца.

Такие орудия были известны как в западной румыно-молдавской, так и в восточной Прибугской частях раннетрипольской области. Использовать в необходимой мере этот факт при рассмотрении вопроса о генезисе трипольской культуры не представляется возможным, так как центр возникновения подобных орудий все еще остается неизвестным. Очевидно лишь одно — впервые они появились не на Поднестровье, где похожего сланца нет вообще, а значительно западнее, вероятно, в области Карпат. О времени первоначального возникновения их на Южном Буге свидетельствует примитивное сланцевое орудие, выявленное на поселении Мыколына Брояка, относящееся к савранской фазе развития культуры.

На этом заканчивается рассмотрение новых явлений, обусловивших историческую специфику периода перехода от буго-днестровской неолитической культуры к культуре медного века — Триполью. Решающее значение имели: переход от мотыжного земледелия к пашенному; интенсивное развитие скотоводства, и в частности освоение тягловой силы крупного рогатого скота; возникновение металлургии меди; зарождение патриархальных отношений; возникновение регулярного межплеменного обмена; изменение форм кухонной посуды, имеющей много общего с древней посудой керешского типа; широкое распространение каннелированной посуды, имеющей аналогии в переживаниях того же круга, к которому в определенной части примыкают боянская, хаманджийская и, наконец, трипольская культуры.

Эпицентром перечисленных выше достижений в период сложения Триполья, Бояна и Хаманджия мог быть только винчанско-тордошский район Трансильвании и примыкающая к ней часть Балкан, где раньше чем где бы то ни было в Европе возникла металлургия меди, приведшая к регулярному межплеменному обмену. Последний, наряду с распространением прогрессивных форм земледелия, наложил неизгладимый отпечаток на весь строй жизни древнеземледельческих племен Южной Европы¹⁶², в культурном облике которых все заметнее начинают сказываться черты обладающей анатолийско-эгейским налетом культуры Караново III¹⁶³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О ПРОЦЕССЕ СЛОЖЕНИЯ ТРИПОЛЬСКОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБЛАСТИ

Выше были охарактеризованы явления, в которых неизменно присутствуют два компонента — автохтонный и пришлый и постоянно проявляются две закономерности — общеисторическая, обуславливающая прогресс как таковой, и этнографическая, обуславливающая конкретные формы этнической истории.

Буго-днестровская культура возникла на пограничье двух миров — восточного, охотничье-скотоводческого, лежащего между Прикаспием и Днестром, и западного — земледельческого, охватывавшего Восточное Средиземноморье и примыкающую к нему балкано-дунайскую часть южно-европейского ареала.

Вначале она тесно смыкалась с процессом развития и расселения восточных каспийско-азовских охотничье-скотоводческих племен. Однако уже на печерском этапе, то есть в V тысячелетии до н. э., характер культуры заметно изменился, что объясняется включением ее, в качестве периферийного звена, в обширный древнеземледельческий восточно-средиземноморский ареал.

В самчинское время развитие происходило в депрессированных формах, что с одной стороны объясняется изменениями природной обстановки в атлантическом периоде, и в частности сокращением размеров приречных полей, а с другой — инфльтрацией с севера носителей днепро-донецкой культуры.

Савранская фаза и, тем более, заключительная пора неолита отличались тем, что в это же время усиливаются связи с населением Нижнего Подунавья и примыкающих к нему районов балкано-карпатского пограничья. Это проявлялось в скрещивании буго-днестровских, боянских, хаманджийских и, что особенно важно, позднекарановских (Веселиново) и тордошских элементов.

Завершение процесса сложения трипольской культуры в общеисторическом плане ознаменовалось стремительным и повсеместным переходом от

неолита к медному веку, от мотыжного земледелия к пашенному, от первых опытов в разведении домашних животных к стадному (придомному) скотоводству, а в плане этнокультурного развития — к скрещению архаических форм буго-днестровской культуры с более прогрессивными формами балкано-дунайской материальной культуры, сохраняющей переживания старчевско-керешско-карановского культурного типа.

Культуры Хаманджия и Боян были передатчиками всех новых явлений, а что касается боянской культуры, то она в восточной части несомненно смыкалась с периферией буго-днестровского неолита, что, возможно, и привело к сложению эзнэштского, смешанного бояно-трипольского типа культуры, в котором, как правильно полагает Х. Думитреску, присутствует и компонент неолита линейно-ленточной керамики¹⁶⁴.

В последние годы на территории Румынии начали исследоваться памятники культуры Дудешть, упоминавшиеся нами в связи с вопросом о генетических связях Бояна с Малой Азией. Сочетание линейного и особого врезного орнамента, присущее посуде этой культуры, встречается и на древнейшей посуде культуры Боян, что разрешает ставить заведомо добоянскую культуру Дудешть в число

субстратных явлений боянской культуры, а через нее в какой-то мере и Триполья.

Для познания сложного процесса формирования Триполья принципиальное значение имеет раскрытие картины позднейшего неолита Украинского Подунавья и выяснение его генетических связей с древнейшим Трипольем. К сожалению, на карте неолитических культур эта важная территория почти еще не заполнена.

Тем не менее, определенные перспективы намечаются и для данного района. Так, например, не может не привлечь внимания наличие в хаманджийском и южноукраинском комплексах сходных сосудов¹⁶⁵, что указывает на сходство местного развития конца неолита — начала энеолита в ареале между Днестром и Нижним Дунаем. Принципиальное значение имеет также недавно установленный в придунайской части Украины тип керамики, обнаруживающий черты несомненного сходства как с керешско-печерской, так и с кухонной посудой древнейших трипольских памятников Гайворон или Чернятка, что, возможно, говорит об этой территории как об области долгого переживания именно тех по сути неолитических черт культуры, которые так же усваиваются и трипольской культурой начала энеолитической эпохи.

СЛОЖЕНИЕ ДРЕВНЕЯМНОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБЛАСТИ И СВЯЗАННЫЕ С НИМ ПРОЦЕССЫ

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Условность понятия археологической культуры в применении к памятникам древнеямного типа в сравнении с Трипольем представляется очевидной. С одной стороны, даже при незначительности источников бросаются в глаза их несомненные локальные различия; с другой — выясняется весьма важный факт хронологического порядка: древнеямные памятники, открытые в свое время В. А. Городцовым, отвечают лишь заключительной поре развития ямной культуры, и им предшествует целый ряд хронологически более древних звеньев, отчасти синхронных с Трипольем. Становится ясным, что и в аспекте территории, и в аспекте времени древнеямная этнокультурная область распадается на ряд локальных культур племенного масштаба. Выяснение реального объема последних на данном этапе развития науки нередко оказывается делом крайне трудным. Это обстоятельство в немалой степени усугубляет трудности как методологического, так и методического порядка. Тревожным симптомом является то, что одни исследователи слишком расширенно и неконкретно толкуют так называемую среднестоговскую культуру, искусственно вырванную из системы древнеямной культуры, а другие считают ее явлением, якобы перекрывающим общепризнанную древнеямную культуру.

Безразличие к этноисторическому аспекту изучения древнеямной этнокультурной области до сих пор усугубляется тем, что присущие ей материальные комплексы, и в частности глиняная посуда, нередко сопоставлялись с неолитическими.

Следует подчеркнуть, что подобная точка зрения расходится с мнением В. А. Городцова, относившего древнеямную (ямную) культуру к бронзовому веку и уже в процессе выделения самой культуры сумевшего отличить ее от намечающихся в Донеччине неолитических памятников¹.

Между тем, еще в книге А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого древнеямная культура в отношении уровня экономического и культурного развития рассматривалась по существу в аспекте неолитической

эпохи той территории, где раскапывались соответствующие курганные памятники².

Лишь в послевоенные годы, когда на Днепре Е. Ф. Лаговойской, О. Г. Шапошниковой, М. Л. Макаревичем и автором были исследованы поселения Михайловка³ и Скеля-Каменоломня⁴, в междуречье Волги и Дона И. В. Сеницыным было исследовано поселение хутор Репина⁵, а также сделаны некоторые другие открытия⁶, стало очевидным, что древнеямная культура является культурой развитой и относится к сравнительно поздней поре палеометаллической эпохи. Как оказалось, объединенные ею племена были знакомы с металлургией бронзы, занимались скотоводством, в котором преобладали крупный рогатый скот и лошади. Они использовали тягловую силу быка, знали арбу, ездили верхом.

Население древнеямной культуры создавало укрепленные племенные поселения и многочисленные стойбища на местах пастбищ; насыпало множество курганов, увенчивающих линии водоразделов. У носителей этой культуры был развит патриархально-племенной строй, они были знакомы с начальными формами социальной и имущественной дифференциации, включая патриархальное рабство, и, наконец, вели оживленный межплеменной обмен⁷.

В то же время следует отметить, что для раскрытия процесса сложения древнеямной (ямной) культуры все перечисленные выше памятники дали не так уж много материала.

Мы убедились в сравнительно позднем возрасте открытого в свое время В. А. Городцовым типа древнеямных памятников и начали поиски их генетической подосновы и ранних звеньев восточно-европейской культуры шнуrowой керамики⁸.

В ходе начавшихся около двух десятилетий тому поисков прежде всего привлекли внимание памятники типа Средний Стог II. Они, как известно, впервые были определены А. В. Добровольским в 1927 г., после раскопок эпонимного поселения Средний Стог в районе Запорожья⁹. Несмотря на выявленные тогда же в слое остатки импортной три-

польской керамики, Средний Стог II был отнесен к неолиту, что свидетельствует не о стремлении искусственно удревить памятник, а лишь подчеркивает неточность существовавшего тогда представления о неолите.)

Поэтому именно среднестоговские памятники рассматриваются нами как промежуточное звено между неолитом и поздней древнеямной культурой, то есть как памятники энеолитической эпохи.

Такое определение подтверждалось результатами раскопок среднего слоя Стрильчей Скели, проведенных автором и А. В. Добровольским в 1946 г. В результате исследований удалось выделить архаическое звено этой же культуры и датировать его на основании находок фрагментов импортных трипольских сосудов типа Кукутени А и Сабатиновка I¹⁰.

В процессе исследования возникала необходимость в поисках новых локальных и хронологических звеньев слагающейся древнеямной культуры.

В этом смысле обращают на себя внимание известные на Среднем Днепре с довоенного времени курганные памятники, по типу керамики близкие к среднестоговским, которые в начале 50-х годов получили название памятников типа Сунка¹¹.

Тогда же, то есть в 50-е годы, автором был поставлен вопрос об особом чигиринском типе. Однако вскоре выяснилось, что памятники этого типа не образуют локального варианта, а скорее отвечают досреднестоговскому этапу развития культуры. В это же время на основании проработки старой коллекции со Скели-Каменоломни нами было выявлено особое звено в развитии древнеямной культуры. По сходству плечистых, с высокими отогнутыми наружу венчиками, остродонных горшков с примесью раковины в тесте это звено было определено как промежуточное между памятниками типа Средний Стог II и поздней (городцовой) древнеямной культурой.

Широкое распространение шнурового орнамента на посуде этого звена развития культуры существенно отличало его от среднестоговских памятников, для посуды которых скорее типичен гребенчатый и скорописно-накольчатый штампы. Это помогло понять памятники типа Чигирин-Квитяна как хронологически досреднестоговские, а также содействовало хронологическому расчленению памятников самой среднестоговской культуры. В частности, было установлено, что для среднестоговской посуды Стрильчей Скели более характерен накольчатый и гребенчатый орнаменты, а для посуды самого Среднего Стога II более типичен гусеничный, то есть ранний шнуровой орнамент.

Следует подчеркнуть, что уже в начале 50-х годов было ясно, что сложение древнеямной культуры в обстановке Поднепровья не было чисто эволюционным процессом. Анализ данных погребальных памятников (курганы у сел Грушевка, Осокоров-

ка на Херсонщине¹² и находка в кургане Михайловка на Запорожье¹³) помогли установить особый тип культуры, занимающей промежуточное положение между майкопской культурой и некоторыми группами памятников трипольского этнокультурного ареала¹⁴.

Следует подчеркнуть, что основные элементы выработанной автором системы степного энеолита вскоре получили подтверждение в материалах ныне широко известного стратифицированного поселения Михайловка¹⁵, где выявилась довольно стройная картина развития архаических звеньев древнеямной культуры, особое значение которых заключалось также в возможности правильно определить и датировать некоторые памятники Подонья (например, Бережновка) и Подонья (хутор Репин и др.). В немалой степени изучению этого вопроса способствовали проведенные Д. Я. Телгиным в 1956 г. раскопки поселения Александрия на Харьковщине, давшего сложную картину последовательной смены ряда этапов развития культуры — с конца неолита до собственно древнеямной культуры (тип Михайловка II). К сожалению, автор раскопок сделал не все для раскрытия сложной картины стратиграфии и объединил в одном нижнем слое материалы конца неолита, находки, культурно близкие к Бережновке, и более поздние материалы¹⁶, культурно тяготеющие к типу Деревки. Подобное объединение породило гипотезу о сложении древнеямной культуры, якобы возникающей в результате скрещения днепро-донецкой культуры с пришлой культурой типа Средний Стог II, как обобщенно называются им различные додревнеямные памятники степной полосы Восточной Европы¹⁷.

Полученные нами результаты в области изучения процесса сложения древнеямной культуры были изложены в третьем разделе (медный век) «Нарисів стародавньої історії УРСР»¹⁸. Однако первой серьезной попыткой дать историческое обобщение по этому вопросу был доклад, прочтенный на пленуме ИА АН СССР в 1958 г. Собранный материал рассматривался в аспекте шести фаз: квитянская, среднестоговская, период памятников типа Михайловка I, отвечающий разрыву в линии развития, хутор Репин — Михайловка II, Михайловка III и, наконец, древнеямная культура Городцова.

В докладе, в частности, подчеркивалось, что Поднепровье не являлось эпицентром сложения древнеямной культуры, так как период позднейшей сурско-днепровской культуры, характеризующийся распространением посуды, которую можно принять за прототип посуды квитянских и среднестоговских памятников, отделен здесь периодом азово-днепровской культуры, для которой типична плоскодонная посуда с примесью песка в глине.

Эпицентром, где такая посуда начиная с раннего неолита развивалась более или менее

эволюционным путем, мы считали степи Прикаспия и Поволжья. Здесь период существования керамики с примесью раковины в глине охватывает почти все послепалеолитические периоды развития первобытной культуры.

Для лучшего восприятия дальнейшего изложения приводим краткие характеристики семи фаз, выделенных на материалах Украины, а также волго-донских соответствий.

1. В Приднепровской части ареала чигирино-квитянская фаза представлена поселениями и погребениями, расположенными на Среднем и Нижнем Днепре (от Чигирина на Черкашине до Золотой Балки на Херсонщине). Наиболее важным памятником является ямное скорченное погребение под круглым каменным закладом, найденное в устье балки Квитяной, возле с. Федоровка Верхнехортицкого района Запорожской области¹⁹. Очень характерна глиняная посуда, содержащая мелкотертую, легко выщелачивающуюся раковинную примесь. Из керамических форм известны остродонные горшки с высокой стянутой горловиной, сходные с ними горшки, но с небольшим уплощенным дном и, наконец, открытые плоскодонные банкообразные сосуды.

Аналогии для этой фазы назывались на Волге: погребение № 22 из кургана № 5 у с. Бережновки²⁰ и погребение № 15 из кургана № 12 у станицы Политотдельской на Волгоградщине²¹.

2, 3. Представлены памятники среднестоговского типа. В порожистой части Поднепровья есть два наскальных поселения — Средний Стог и Стрильча Скеля, а также несколько погребений — в кургане над Вольным порогом и под каменными закладами на Игреньском полуострове, возле Днепропетровска. Среди выявленного материала обычны крупный кремневый инвентарь, включающий наконечники дротиков, исполненные в технике двусторонней ретуши. Характерны невысокие, плечистые, остродонные сосуды с высоким резкоогнутым венчиком, с примесью толченой раковины в глине. Более древние памятники (вторая фаза) характеризуются преобладанием зонального гребенчатого, а также скорописно-накольчатого орнаментов. На основании находки фрагментов трипольских импортных сосудов слой на Стрильчей Скеле синхронизируется с памятниками типа Кукутени А — Сабатиновка I. На поздних памятниках среднестоговского типа исчезает линейно-накольчатый орнамент и появляется гусеничный, то есть ранний шнуровой орнамент.

В качестве параллели назовем скорченное подкурганное погребение из хут. Поповка в районе ст. Цимлянской на Нижнем Дону.

4. К этой фазе относятся памятники, выявленные в Поднепровье, — типа Нижнего слоя Михайловки²² и отвечающие ему скорченные погребения под каменными закладами и в кромлехах из Осокоровки на Херсонщине²³, отражающие пере-

рыв в развитии древнеямной культуры на Поднепровье.

В волго-донецкой области им отвечают памятники типа хутор Репин²⁴, отражающие дальнейшее развитие эволюционировавшей здесь древнеямной культуры, племена которой впоследствии продвинулись на запад, в Поднепровье, и тем ликвидировали перерыв в развитии.

5-я и 6-я фазы в развитии древнеямной культуры представлены II и III слоями Михайловки и их аналогами.

Позднейшие древнеямные (городцовские) памятники относятся к седьмой, последней, фазе развития древнеямной культуры, или, этнокультурной области²⁵.

При обсуждении доклада о процессе сложения древнеямной культуры с возражениями выступил С. В. Киселев, поддержавший точку зрения Д. Я. Телегина о сложении древнеямной культуры в результате синтеза днепро-донецкой и среднестоговской культур*. Поддержал докладчика Н. Я. Мерперт, считавший, что в представленных материалах ничто не говорит о том, что Поднепровье было эпицентром сложения древнеямной культуры.

В созвучии с основными положениями выступления находятся доклады Н. Я. Мерперта и М. Гимбутас²⁶, прочитанные ими на пражском симпозиуме 1959 г.²⁷

В обоих докладах освещены материалы, собранные на территории Украины, Дона и Поволжья. Кроме того, в них есть положения, заслуживающие особого рассмотрения.

Н. Я. Мерперт выделяет в границах древнеямной области целый ряд этнокультурных групп, отличающихся, главным образом, характером погребального ритуала. Достаточно хорошо определенными локальными группами Н. Я. Мерперт считает днепро-азовскую, донецкую, нижневожскую и средневожскую, а намечающимися — предкавказскую, оренбургскую и среднеднепровскую группы²⁸. В эволюции материального комплекса развивающейся древнеямной культуры Н. Я. Мерперт предлагает различать четыре этапа: первый, представленный Бережновкой (курган № 5, погребение № 22) и ее аналогами на Поднепровье (бескурганые погребения под каменными кольцами, под которыми, по-видимому, понимаются памятники квитянского типа); второй (на Волге), представленный древнейшим погребением из Быкова (курган № 2, погребение № 3, хутор Репин), а на Поднепровье — памятниками типа Средний Стог II; третий — вторым слоем Михайловки и его аналогами на Днепре и на Волге. Для него Н. Я. Мерперт предполагает

* Точка зрения Д. Я. Телегина получила некоторую поддержку и в монографии о Михайловке. Однако тут же следует отметить, что высказанная в ней нами точка зрения трактуется несколько прямолинейно и автору неправильно приписывается игнорирование местного субстрата.

распространение курганного обряда на территорию Украины; четвертый, представленный верхним слоем Михайловки, а также обычными древнеямными памятниками.

М. Гимбутас в основном повторяет хронологическую схему Н. Я. Мерперта, но помимо Бережновки к первой фазе относит и архаические слои Джебела²⁹, ко второй — памятники типа Средний Стог II, которые в целом синхронны Триполью B₁ по периодизации Т. С. Пассек. Эта неточность основана на фактической ошибке. Как уже говорилось, фрагменты керамики типа Кукутени А и Сабатиновки I были найдены не на Среднем Стоге, а на Стрильчей Скеле вместе с архаическим типом культуры. Третья фаза, по мнению М. Гимбутас, отражена памятниками типа Михайловка II; четвертая — верхним (III) слоем Михайловки, сопоставляемым с обычными древнеямными памятниками³⁰.

Древнеямная культура, по мнению М. Гимбутас, возникла в зоне засушливой степи — от Аральского моря до Среднего Дона — и уже на втором этапе развития достигает Поднепровья. Для третьей и четвертой фазы (2300—2000 лет до н. э.) М. Гимбутас предполагает экспансию древнеямной культуры на Кавказ, Балканы, в Северную и Среднюю Европу³¹.

Оба доклада, несмотря на известный схематизм и отдельные неточности, о которых речь еще будет идти, являются положительным вкладом в изучение процесса сложения древнеямной культуры. Главное в них — четко выраженное мнение о восточном, то есть прикаспийском, происхождении древнеямной культуры.

Следует также остановиться и на статье Т. Г. Мовши о характере взаимоотношений, сложившихся между племенами развитого Триполья (B₁) и степными племенами³². Основываясь на выводах о периодизации и синхронизации ранних звеньев восточноевропейской культуры шнуровой керамики, а также на детальной проработке материалов трипольского поселения Солончены, Т. Г. Мовша приходит к выводу, что в начале развитой поры Триполье переживало процесс своеобразного скрещения с культурой синхронных степных племен³³. В целом это положение правильно. Хотя следовало бы учесть, что в культурном развитии степных племен существовало несколько течений и локальных этнокультурных вариантов, возможно не меньше, чем это должно быть отмечено для трипольской этнокультурной области.

Вопрос о сложении древнеямной культуры требует дальнейшей разработки. Его окончательное решение следует отложить до того времени, когда будет создана достаточно полная картина развития неолита Степного Поволжья, Прикавказья и Украинского Восточного Приазовья. Возможности нынешнего дня значительно уже, и они могут быть использованы лишь для предварительного рассмо-

трения вопроса. Следует положительно оценить мнение Н. Я. Мерперта и М. Гимбутас о том, что в западной, то есть приднепровской части ареала процесс сложения древнеямной культуры носил прерывистый характер, в то время как на востоке, в Прикаспийской части ареала, наблюдался более эволюционный путь развития.

В действительности, как это будет видно дальше, рассматриваемый процесс, в котором участвовал целый ряд этнокультурных компонентов глобальной, еще неолитической древности, был гораздо сложнее и нарушения в развитии этого процесса происходили неоднократно.

В настоящее время можно заключить, что древнеямная культура, или, говоря точнее, выступающая под этим наименованием этнокультурная область, образовалась в результате прерывавшегося развития в конкретных районах того самого этнокультурного массива, который на востоке представлен памятниками типа Джебел, в центре — Приазовской и крымской культурами, а на западе — сурско-днепровской культурой.

ИНФИЛЬТРАЦИЯ ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

На примере первой фазы буго-днепровской культуры было показано, как в результате скрещения местного мезолитического субстрата и наслоившихся на него каспийско-днепровского, а также балкано-дунайского адстратов возникла буго-днепровская культура. Затем было показано, как линия развития этой культуры была деформирована в результате расселения с севера племен формирующейся днепро-донецкой культуры и, наконец, как в результате восстановления этнокультурного контакта с балкано-дунайским ареалом, на двойственной балкано-карпатской и буго-днепровской основе, возникла трипольская культура. Вскоре произошло раздвоение путей развития трипольской культуры, что было обусловлено повторной активизацией балкано-карпатских племен (Петрешть-Ариужд). Это привело к возникновению кукутенской культуры, а в буго-днепровском ареале — собственно трипольской.

Процесс модификации буго-днепровско-трипольской линии развития на протяжении энеолитической эпохи приобретал особенно сложные формы вследствие того, что в нем переплелось по меньшей мере три линии этнокультурного развития степных племен эпохи неолита и энеолита. Древнейшей из них является та линия развития, благодаря которой произошло проникновение в Северо-Западное Причерноморье восточного раннеолитического компонента буго-днепровской культуры. Вторая находит отражение в наиболее архаических звеньях древнеямной культуры, возникновение которой, как оказывается, также зависело от инфильтрации с востока. Наконец, третью линию раз-

вития степной культуры представляют памятники типа нижнего слоя Михайловки, появившиеся в Степном Поднепровье также в результате восточной диффузии. Таким образом, мы можем говорить о намечающемся родстве таких внешне ничем не похожих культур, как трипольская и древнеямная. Приведенные ниже фактические данные и выводы, мы полагаем, разрешат убедиться в этом родстве.

Однако дело не столько в намечающемся дальнейшем родстве этих культур, оказавшихся в результате развития на крайних полюсах первого крупного общественного разделения труда, сколько в необходимости признать взаимосвязанность и, до некоторой степени, взаимообусловленность процессов сложения Триполья и древнеямной культуры.

Поэтому прежде всего необходимо учесть, что буго-днепровская и сурско-днепровская культуры примерно с половины V тысячелетия до н. э. стали подвергаться все усиливающемуся давлению со стороны северных племен, являвшихся носителями возникшей около этого времени днепро-донецкой культуры. Это не могло не привести к вытеснению части населения южных культур — буго-днепровской и сурско-днепровской — и к заметной деформации линий их развития. Кроме того, обе эти культуры, вернее их носители, впитали пришлые формы культуры, а также ассимилировали проникших на юг северных пришельцев. В савранское время, отвечающее предпоследнему периоду развития сурско-днепровской культуры, пути развития обеих культур сблизились за счет распространения на Поднепровье черт культуры савранского типа, что в свою очередь было стимулировано возобновлением старых балкано-дунайских связей.

Вне ареала проникавшей с севера инфильтрации оставались только Крым, Восточное Приазовье, Предкавказье, Прикаспий и, возможно, степные части ингуло-ингулецкого района. Подчеркиваем, что эти территории в минимальной степени были заняты инфильтрацией днепро-донецких племен, относительно же восточной окраины очерченной области, то савранское влияние сюда не доходило.

Отсюда следует естественный вывод, что названные выше степные охотничье-скотоводческие культуры, характеризующиеся распространением остродонных сосудов с примесью толченой раковины в глине, культуры, в которых можно видеть первый субстрат формирования древнеямной культуры, будучи оттеснены из Приднепровской части Восточной Европы сначала населением днепро-донецкой культуры, а затем, в меньшей степени, и буго-днепровскими племенами, могли развиваться в относительно эволюционных формах только в восточной части степной и лесостепной зоны Восточной Европы и в пограничных с ней районах степной Азии, то есть там, где существовали оптимальные условия для развития традиционных форм скотоводческого хозяйства.

Обстановка в начале IV тысячелетия до н. э., когда в Европе и Азии происходило формирование целого ряда культур с так называемой накольчатой керамикой, была очень сложной.

В балкано-дунайской части Европы развитие шло по земледельческому пути. Именно в это время возникает веселиновская (Караново III)³⁴, хаманджийская³⁵, бюккская³⁶ и винча-тордошская культуры. Для них характерны в определенных группах керамики различные локальные типы накольчатого орнамента. В это же время возникает и материальный комплекс с накольчатой керамикой таких древнейших земледельческих культур, как линейно-ленточной керамики и буго-днепровская. В первом случае через прага-шарковский этап произошла перекристаллизация волнотовой керамики в линейно-накольчатую³⁷, а во втором — появление накольчатой посуды хмельникской фазы вследствие культурного единения с Нижним Дунаем. В ослабленном виде сходные идущие с запада явления доходят и до порожистого Днестра, где обитали племена позднего периода развития сурско-днепровской культуры.

Наиболее ярко новые для Южной Европы черты материальной культуры проявляются в хаманджийской культуре, то есть в комплексе, обнаруживающем заведомо восточноевропейские, точнее анатолийские черты. Несмотря на то, что в азиатской части Турции синхронные с Хаманджией памятники только начинают обнаруживать, можно высказать предположение, что новая техника орнаментирования посуды пришла сюда все же из Малой Азии. О том, что это предположение верно, свидетельствуют спорадически проявляющиеся в различных частях Анатолии хронологически близкие памятники с накольчатой керамикой.

О проникновении культуры со сходной керамикой на острова Эгейды говорит и характер так называемого неолита Крита, происхождение которого из Малой Азии со времен А. Эванса никем не оспаривалось³⁸.

Малоазийской по происхождению может быть и соседняя с хаманджийской веселиновская культура, внезапно сменяющая карановскую и вместе с тем характеризующаяся присутствием накольчатой керамики.

Из сказанного, впрочем, не следует, что мы вообще считаем Малую Азию эпицентром сложения посуды, украшенной накольчатым орнаментом, так как и здесь она приходит на смену иным керамическим комплексам. Более естественно предположить, что она возникает под внешним воздействием и затем получает развитие в причерноморской части Малой Азии. Об этом свидетельствует географическая локализация в причерноморской части

балкано-дунайского ареала культур Веселиново и особенно хаманджийской, для посуды которых характерен накольчатый орнамент.

ОХОТНИЧЬЕ-СКОТОВОДЧЕСКИЙ АРЕАЛ

Эпицентром возникновения посуды с накольчатым (отступающим) орнаментом, вероятно, является ареал кельтеминарской культуры. Согласно последним данным, сам Кельтеминар и его локальные варианты в апогее своего развития охватывали всю зону среднеазиатских степей, Прикаспийскую и Приаральскую части Туркмении, Казахстан и, как о том говорят первые сведения, некоторые районы Монгольской Народной Республики³⁹.

На определенном этапе развития в ряде районов Урала и Зауралья появляются памятники эпохи неолита, обнаруживающие несомненные генетические связи с Кельтеминаром. Широкое распространение таких памятников говорит не об эпизодических влияниях, а о расселении во все эти районы племен с культурой кельтеминарского облика.

Вероятно, процесс расселения не ограничивался Уралом и ближним Зауральем, а, судя по наличию сходных памятников к востоку от Урала⁴⁰, охватывавшей обширные районы Западной Сибири, переживавшей в это время ассимиляцию неолитической культуры палеобазитских племен.

Не ранее этого времени, то есть в V—IV тысячелетия до н. э., культура сходного облика проникает в Восточный Прикаспий. В частности, об этом свидетельствует небогатый слой с элементами кельтеминарской культуры в комплексе Джебела⁴¹ и наличие культурно соприкасающихся с Кельтеминаром памятников, расположенных к северо-востоку от Каспийского моря, в районе Рын-Песков (Исык-Кей, Досанг)⁴².

Пример Джебела, для которого улавливается наличие генетических связей культуры докельтеминарского неолита с послекельтеминарским энеолитом, говорит о том, что период этнокультурного контакта с Кельтеминаром не был ни доминирующим, ни продолжительным. Вместе с тем очевидно, что племена культуры архаического Джебела должны были именно в это время продвинуться в северном и западном направлении и что именно в это время в Прикаспии образуется зона этнокультурного контакта местного неолита с Кельтеминаром. С другой стороны памятники нижеузбойской культуры⁴³ появляются здесь в результате раздвоения линии развития неолита джебелского типа, что может быть оценено как свидетельство того, что какая-то часть коренного населения оставалась в Восточном Прикаспии и даже в этнографическом отношении резко отличалась от племен кельтеминарской культуры.

Вместе с тем, не могли не произойти значительные изменения и в характере самой кельтеминар-

ской культуры. Как показывают исследования Виноградова⁴⁴, материальный комплекс позднего Кельтеминара отличается от раннего не только энеолитическим характером кремневого инвентаря, включающего многочисленные изделия, выполненные в технике двусторонней отжимной ретуши, но также и характером глиняной посуды. Вместо широко открытых, почти сплошь орнаментированных скорописными наколами или оттисками штампов в отступающей манере, глубоких круглодонных горшков и чаш появляются глубокие круглодонные горшки с низко расположенным плечиком и постепенно сужающейся кверху верхней частью тулова, заканчивающейся невысоким отогнутым наружу венчиком. Появляются уже плоскодонные банки и чаши, орнаментированные в традиционной манере, но, подобно горшкам, описанным выше, только по верхней части сосудов. Таким образом, мы видим, что и на кельтеминарской древней основе, вследствие скрещения с местной культурой, возникает промежуточный, в этнокультурном отношении, тип позднего Кельтеминара, родственной ямной культуре.

Вероятно, связаны с Кельтеминаром и некоторые из местонахождений в Рын-Песках, а также и более поздние слои средней части стратифицированного поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону⁴⁵. Здесь, как и в Рын-Песках, были выявлены сосуды, украшенные струйчатым зигзагом и линейно-скорописным орнаментом.

Отмечаемое сходство нижеволжских и нижедонских памятников с Кельтеминаром не следует, однако, преувеличивать, так как в обоих случаях присутствует посуда с обильной примесью раковины в глине. Она нередко представлена плоскодонными формами, что, по-видимому, свидетельствует о каком-то культурном контакте с земледельческим ареалом.

Создается впечатление, что распространение более или менее близких к Кельтеминару культур в условиях Восточной Европы в основном было связано с зонами Лесостепи и смешанных лесов.

Одно из звеньев сходной с Кельтеминаром культуры представлено поселением у Волчанских хуторов, расположенном на водоразделе Северского Донца и Сейма⁴⁶, и Волынцево на Сейме⁴⁷.

В «Неолите Украины» эти памятники были описаны и поэтому нет необходимости рассматривать их подробно*. Здесь мы только отметим, что в памятниках этого типа встречаются широко открытые яйцевидные горшки, украшенные рядом ямок ниже невысокого венчика, а также зональными накольчато-скорописными композициями и редкими рядами ямок по тулову, — то есть эти сосуды как в отношении формы, так и в отношении техники орнамента близки к кельтеминарским (рис. 8).

* В. Н. Даниленко. «Неолит Украины», стр. 37, рис. 6, фаза I.

В то же время они не являются прямым повторением кельтеминарских форм и на основании некоторых особенностей орнамента, например по признаку зонального размещения ямок, можно говорить об их заметной близости к посуде неолита ямочно-гребенчатой керамики.

В других частях Восточной Европы имеется ряд неолитических и энеолитических памятников, где посуда, подобная описанной выше, составляет лишь часть более сложного керамического комплекса⁴⁸. Так, например, к ней близка часть сосудов

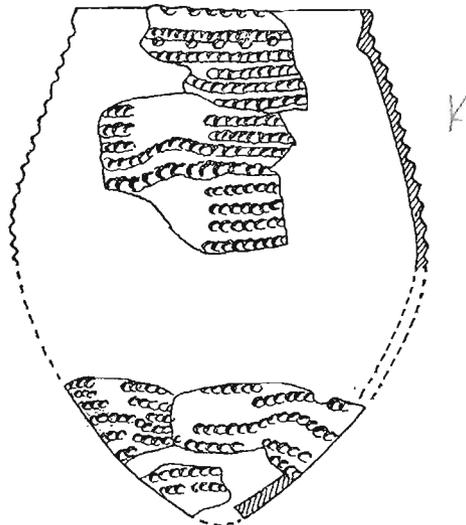

Рис. 8. Реконструкция сосуда из Волицева.

из раннеэнеолитического слоя поселения Александрия на Харьковщине, появившаяся одновременно с остродонными горшками с примесью ракушки в глине и обнаруживающие органическую близость с посудой степных скотоводов⁴⁹.

Сходные сосуды отмечаются и в комплексах таких ранних памятников ямочно-гребенчатого неолита, как Комсомольское на Северном Донце⁵⁰ и Погореловские стоянки на Десне⁵¹. Но и здесь они составляют обособленную и численно незначительную группу.

Присутствуют также сосуды и в инвентаре позднеэнеолитических поселений прикиевского Поднепровья, где отмечается весьма стойкое переживание днепро-днепровской культуры⁵².

Наконец, имеются основания полагать, что по типу культуры, то есть к прикиевской группе памятников, примыкают и синхронные памятники Белоруссии и Польши, которые А. Гардавским были объединены в одну днепро-висленскую культуру, отличительной особенностью керамики которой считается бороздчатый стежок (*wsitąg brózdowy*)⁵³.

Для лесной зоны Европейской части РСФСР отметим памятники вадайсской культуры⁵⁴, а также и некоторые памятники льяловского ареала, например Большое Буньково⁵⁵ и др.

На примере культуры Сперрингс, широко распространенной на территории Карелии и Финляндии, мы снова встречаемся с явлением, обнаруживающим генетические связи с неолитическим Уралом и Кельтеминаром⁵⁶.

Мостом, соединяющим неолит Восточного Урала с Поволжьем, является так называемая камская культура, выделенная Г. Х. Халиковым в последние годы⁵⁷. К ней примыкают неолитические памятники, исследованные в Башкирии Л. Я. Крижевской. Характер микролитического инвентаря ранних памятников этой культуры и связанная с ним керамика говорят о несомненном преобладании в ней кельтеминарской генетической основы⁵⁸.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что характерное для конца неолита и начала энеолита проникновение в западную часть Восточной Европы, в частности на территорию Украины, особых этнокультурных групп с линейной накольчатой керамикой было лишь частью громадного, по территориальному охвату, процесса, основу которого составляло расселение кельтеминарских племен, охватившее часть Сибири, Урал, Поволжье и в опосредованных формах — крайний Север и Запад Восточной Европы.

Сложные перечисленных выше этнокультурных групп на территории Украины и возникновение на севере Европы этнокультурной группы Сперрингс представляется нам звеньями единой линии развития. Узость источниковедческой основы затрудняет окончательное решение вопроса о том, имеем ли мы дело с ответвлениями некогда единого этнокультурного массива, или же разветвленность здесь кажущаяся; и в действительности ли происходила массивная инфильтрация кельтеминарских племен на запад, охватывавшая всю лесную зону Восточной Европы.

Важно подчеркнуть, что культуры, генетически связанные с Кельтеминаром и его уральскими ответвлениями, в процессе продвижения на запад заполняли не только лесную полосу Восточной Европы, но и проникали в глубь лесостепной и степной зон этой территории, обитатели которых хотя и соприкасались с лесными племенами, но в целом принадлежали к другим, южным скотоводческим этнокультурным группам.

Особо отмечаем, что А. Т. Синюком на Среднем Дону были открыты памятники, соприкасающиеся не только с Кельтеминаром, но и с так называемой азово-днепровской культурой, а памятники со сходной керамикой, но с типичным кельтеминарским кремнем были открыты А. Н. Мелентьевым в Прикаспии⁵⁹.

азово-днепровская культура

Рассматривать в полном объеме вопрос об энеолитической азово-днепровской культуре в целях краткости изложения едва ли целесообразно. Рассмот-

рим поэтому только самые важные моменты, так как раннеэнеолитическая культура азово-днепровского ареала была тем мощным палеоевропейским этнокультурным образованием, которое культурно и хронологически разделило развитие степных скотоводческих культур на два периода — неолитический (представленный Джебелом на востоке и сурско-днепровской культурой на западе) и палеометаллический (представленный различными хронологическими звеньями и локальными культурами древнеямной этнокультурной области) (рис. 9, 1—40).

В границах азово-днепровского ареала прослеживаются две части — западная, включающая Степное Поднепровье, Северный Крым и западную часть Приазовья, и восточная, охватывающая Восточное Приазовье и Степное Подонье.

Культура каждой из названных частей имеет много общих признаков, что позволяет говорить о единой этнокультурной области, и вместе с тем имеет столько различий, что мысль о существовании на этой территории нескольких локальных археологических культур нам не кажется беспочвенной.

Типичными для восточной части азово-днепровского ареала памятниками являются нижнедонские поселения Романов Пережат II, хутор Ведерников⁶⁰ и др. Керамический комплекс представлен глубокими банкообразными плоскодонными сосудами с примесью раковины в глине, с высоко поставленными плечиками, стянутым верхом, нередко заканчивающимся воротничковым венчиком. Орнамент, преимущественно гребенчатый, образует зональные или ленточные композиции, близкие к схеме меандра. Размещен он главным образом по верхней части сосуда. Орнамент, украшающий все тулово и даже заходящий на плоское дно сосуда, встречается редко (рис. 10, 10).

Посуда, сходная по форме, но изготовленная из песчанистой глины и украшенная преимущественно подтреугольными наколами, характерна для большинства поселений и могильников Надпорожья, а также синхронных с ними слоев

поселений у Каменной могилы⁶¹ * (рис. 10, 5—9).

Раскопки на стратифицированном поселении у с. Подгоровка на Айдаре, недавно проведенные В. Н. Гладилиным⁶³, ставят вопрос еще об одном локальном типе азово-днепровской этнокультур-

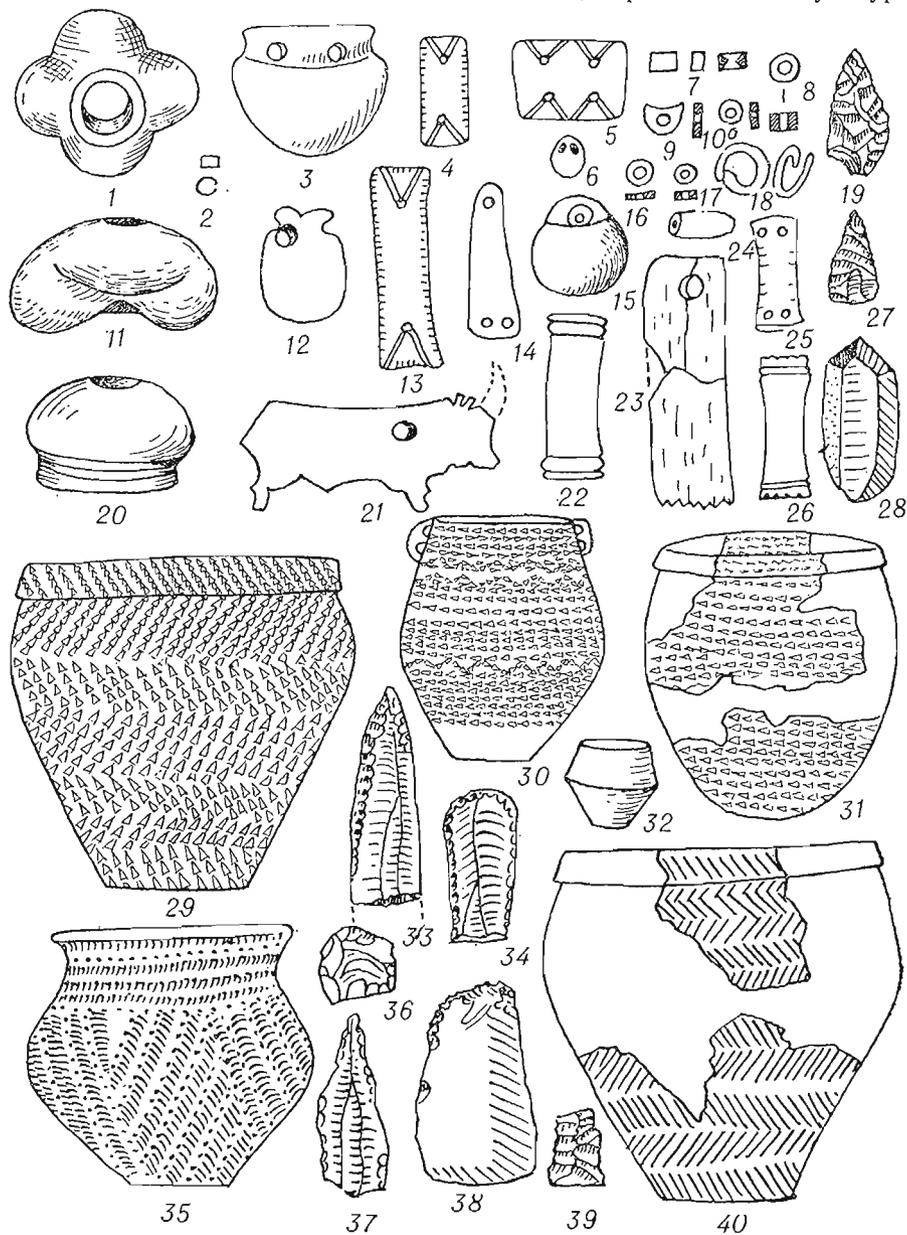

Рис. 9. Археологический комплекс азово-днепровской культуры.

ной области, отличающимся своеобразием глиняной посуды. Она представлена сосудами обычной формы с воротничковым венчиком. Глина темного обжига с хорошо лощенной поверхностью стенок.

* Однако из сказанного не следует делать вывод, что накольчатый орнамент составляет особенность всех без исключения азово-днепровских памятников Поднепровья и примыкающих к нему районов. Посуда с гребенчатым орнаментом здесь

Орнамент исключительно зональный, гребенчатый, расположен на верхней части сосудов.

Исходя из того, что давший описанную выше посуду слой Подгоровки залегал между неолитическим слоем, сходным по составу материала со средними слоями Ракушечного Яра, также имеющими известное сходство с названными слоями Подгоровки, и энеолитическим ранним древнейшим слоем, давшим посуду с примесью ракушки, можно сделать вывод о связях названного слоя Подго-

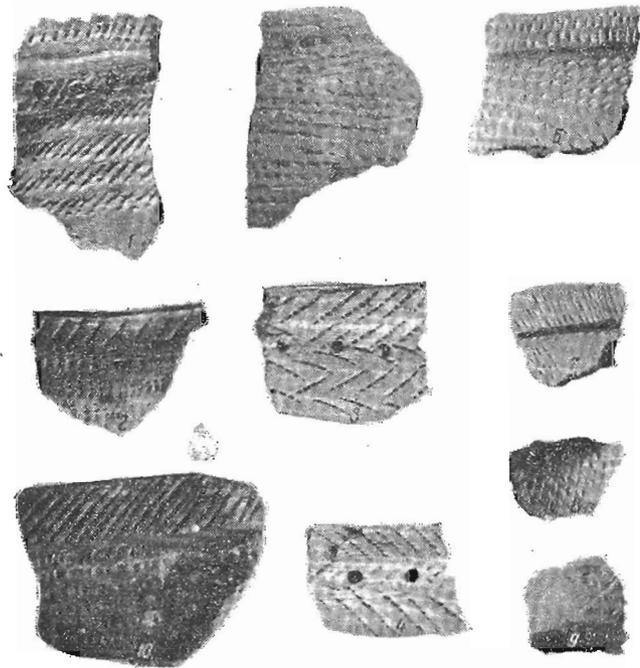

Рис. 10. Образцы керамики азово-днепровской культуры и ее аналогов.

ровка с северокавказским этнокультурным ареалом, где чернолощенная посуда, сходная в технологическом отношении с подгоровской, обычна.

Установление контакта азово-днепровской культуры с Кавказом подтверждается целым рядом фактов. Начнем с того, что в составе инвентаря Мариупольского могильника, вероятно, принадлежащего к той же локальной группе, что и Подгоровка, было найдено два фрагмента чернолощенных сосудов, подобных подгоровским. Найденные здесь каменные навершия булав, полукруглая антропоморфная статуэтка из порфирита, бусы из черного камня, горный хрусталь, медная бусина, зеленокаменный топорик, скорее всего также являются вещами кавказского происхождения⁶⁴.

Изделия, указывающие на связи с Кавказом, были найдены и в западной части ареала азово-

присутствует также, но, как показали стратиграфические наблюдения, сделанные А. В. Добровольским на поселении Собачки⁶², этот орнамент более характерен для самых ранних памятников азово-днепровской культурной группы.

днепровской культуры: на поселениях у Каменной могилы — хрусталь и остатки лошенной посуды, на Стрильчей Скеле — хрусталь и зеленокаменный топорик, в Никольском могильнике⁶⁵ — золотое и медное височные кольца, грушевидная булава из зеленоватого змеевика, обломки булавы второго мариупольского типа и т. д.

Все приведенные выше факты должны рассматриваться не только как доказательство широких межплеменных связей, но и как один из критериев для локализации того этнокультурного ареала, откуда население азово-днепровской культуры могло позаимствовать плоскодонную керамику и благодаря которым оно впервые познакомилось с металлом.

Признавая важность для населения азово-днепровской культуры регулярных связей с Кавказом, тем не менее, далеки от мысли считать культуру Кавказа внешней основой для сложения материального комплекса азово-днепровской культуры. Имеются основания полагать, что усиление кавказского влияния (или инфильтрация) не в последнюю очередь приводило к разрушению традиционных комплексов азово-днепровской культуры. Так, например, не подлежит сомнению, что возникновение пришедших на смену могильникам вовнигско-мариупольского типа чаплинских могильников⁶⁶, куда следует отнести и позднейшие погребения мариупольского могильника⁶⁷, произошло в самой тесной связи с процессами, связанными со степным Предкавказьем. Об этом, в частности, свидетельствует характер медных изделий, спорадически встречающиеся остатки чернолощенной посуды, особенности погребального ритуала, включая использование камней для создания погребальных сооружений типа ящиков, а также скорченное положение погребенных.

Для того, чтобы место и роль азово-днепровской культуры в этногенетическом процессе были более понятными, следует сказать несколько слов по поводу процесса ее сложения.

Можно считать установленным, что памятники азово-днепровской культуры в условиях Поднепровья легко делятся на две хронологически различные группы. Как установил А. В. Добровольский, старшая из них (поселение Собачки, Вовнигский могильник) характеризуется микролитическим кремневым инвентарем и посудой (например, поселение Собачки), украшавшейся преимущественно различными штампами, среди которых преобладает гребенчатый. Для младшей группы, куда относится подавляющее большинство местных памятников, характерны крупный кремень, микролиты в виде трапещей с оструганными спинками, а также керамика, в отношении форм прочно связанная с предшествующим периодом, украшенная преимущественно зональными скорописными композициями из оттисков подтреугольного штампа.

Опираясь на показание такой нейтральной в этнографическом отношении группы инвентаря, как комплекс кремневых изделий, и исходя из того, что в трипольском ареале переход от микролитического инвентаря к обычному произошел около времени перехода от памятников типа Флорэшти — Сабатиновка II к памятникам типа Лука-Врублевецкая — Греновка, следует признать вероятным, что переход от первой ко второй фазе развития азово-днепровской культуры произошел еще в первой половине IV тысячелетия до н. э.

Следовательно, возникновение комплекса керамики, украшенной скорописно-накольчатым орнаментом, то есть тем же орнаментом, о котором шла речь в связи с оценкой явлений кельтеминарской инфильтрации, оказывается для азово-днепровской культуры явлением сравнительно поздним.

Иными словами, возникновение в азово-днепровском культурном комплексе группы керамики, украшенной скорописно-накольчатым орнаментом, близким к кельтеминарским, отражает явления адстрата, возникшего, надо полагать, не без кельтеминарского влияния, проводниками которого на территории Украины были памятники типа Волчанских хуторов, Волянцево и др.

Таким образом, вполне вероятно, что памятники азово-днепровской культуры с преобладанием посуды с гребенчатым орнаментом (Романовский Перекат, Подгоровка, Собачки и др.) ближе к прообразу азово-днепровской культуры, чем памятники, выделенные А. В. Добровольским в группу Средний Стог I⁶⁸.

В свете сказанного по-новому следует рассматривать сравнительно давно известные донецкие памятники типа поселения Веревкинские хутора XIV⁶⁹, фиксирующие существование особого типа памятников. С одной стороны, они обнаруживают черты культурного контакта с днепро-донецкой и позднейшей буго-днестровской культурами, а с другой — обладают целым рядом признаков, роднящих их с явлениями азово-днепровского ареала (рис. 10, 1—4).

В настоящее время такие памятники известны на Среднем Поднепровье, в бассейнах Орели, Самары и др.

В плане сопоставления с комплексом азово-днепровской культуры особое значение приобретают характерные для этого типа памятников сосуды баночной формы с воротничковым венчиком, украшенные округлыми углублениями пониже среза последнего и зональными композициями из отрисков гребенчатого штампа по тулову. Близкие аналогии этой керамики имеются среди находок поселения Собачки, то есть памятника, относящегося к архаическому периоду культуры (рис. 10, 5).

Из всего сказанного можно сделать вывод, что памятники веревкинского типа отражают этап

формирования раннеэнеолитических культур азово-днепровского ареала или, говоря иначе, фиксируют место расположения зоны формирования этой культуры на границе Степи и Лесостепи Восточной Европы.

Приведенные данные говорят о том, что архаическое ядро азово-днепровской культуры древнее большинства перечисленных выше культур накольчатой керамики. Ввиду того, что для предшествующего позднеэнеолитического этапа развития

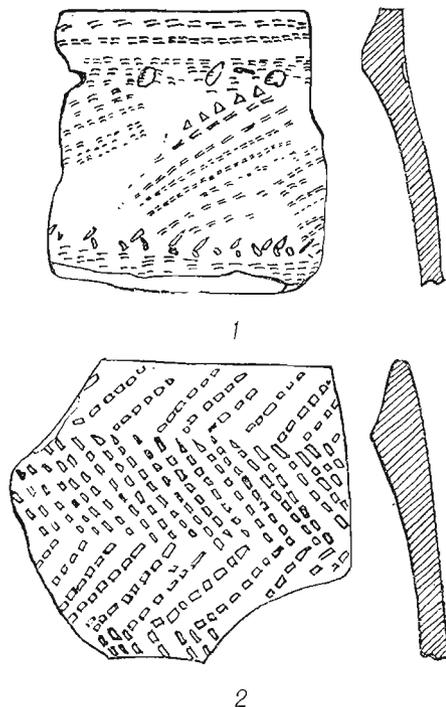

Рис. 11. Южноуральские прототипы керамики азово-днепровской культуры.

местной культуры мы не можем назвать типа памятников, для которых были бы характерны банкообразные сосуды с воротничковым оформлением венчика и гребенчатым орнаментом, автохтонность процесса сложения азово-днепровской культуры нам представляется весьма сомнительной.

Поиски прототипа подобной посуды через Веревкинские хутора, Подгоровку и Романовский Перекат ведут на восток. В этом смысле особый интерес представляют средние слои Ракушечного Яра, дающие плоскодонные сосуды близкого типа, но еще без воротничкового оформления венчика, памятники камской культуры⁷⁰, некоторые памятники Башкирии⁷¹ и, наконец, особенно сходные с ними памятники Южного Урала⁷² (рис. 11, 1, 2).

Разумеется, современное состояние источников по неолиту крайней восточной периферии Европы таково, что мысль о далеких приуральских ге-

нетических связях азово-днепровской культуры высказывается лишь в порядке предположения. И все же вполне вероятно, что в процессе продвижения на север, запад и восток кельтеминарской этнокультурного массива, захватывавшего Приуралье, Среднюю Волгу и Дон, будущая азово-днепровская культура должна была продвинуться в западоднепровском направлении и, таким образом, составить ядро нескольких родственных энеолитических культур азово-днепровского ареала⁶⁹. Более северная зона была занята племенами сходного в культурном отношении облика (веревкинский тип), но отличающихся большим примитивизмом. Они создали ряд локальных культур днепродонецкой этнокультурной области.

Есть основания думать, что продвижение какой-то части палеоевропейского населения с ураловолго-донской территории на запад, антропологически отразившееся в материалах массовых могильников мариупольско-вовнигского типа⁷³, не было единичным явлением.

Если подсчитать периоды доминирования восточного этнокультурного компонента в развитии неолитических культур Украины, то необходимо вспомнить о продвижении приазовско-кукрекского компонента, составляющего специфику докерамического неолита, о становлении под восточным влиянием приазовской, крымской, сурско-днепровской и буго-днестровской культур и, наконец, что особенно важно в рассматриваемом плане, продвижение с северо-востока какого-то палеоевропейского населения с гребенчато-зональной керамикой, предопределившего сложение днепродонецкой культуры.

Значение восточной инфильтрации в период перехода от неолита к энеолиту отнюдь не уменьшилось, а скорее увеличилось. Это подтверждается фактом постепенного образования особой азово-днепровской энеолитической этнокультурной области, распространившейся с течением времени, по крайней мере, от Нижнего Дона до Северного Крыма и Днепровского Надпорожья.

Об этом, в частности, свидетельствует и двухступенчатость процесса развития азово-днепровской культуры и, наконец, особо и подробно рассмотренное явление этнокультурной инфильтрации культур кельтеминарского круга.

Не подлежит сомнению, что происходившее в период перехода от неолита к энеолиту сложение ряда перечисленных выше локальных культур одновременно являлось и процессом двусторонним, предполагающим участие двух компонентов — автохтонного и пришлого. Однако в данном случае очень важно подчеркнуть значение пришлого компонента как причины поворота в этнокультурном развитии.

В свое время с достаточной полнотой была нарисована картина постепенной деструкции обитавшего в неолите между Каспием и Северо-За-

падным Причерноморьем раннеолитического и неолитического скотоводческого этнокультурного массива. Распад этого массива первоначально был связан с продвижением с севера племен днепродонецкой культуры и привел к отпадению от этого ареала западной (приднепровской) части территории, а затем, вследствие кельтеминарской и азово-днепровской активности, к отпадению части приазовских территорий.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о раннем энеолите Крыма не разрешают переоценивать значение названной территории как убежища для культур сурско-днепровского или приазовского типа. Здесь уже намечается переход к энеолиту, имеющему сходство с майкопской культурой Северного Кавказа⁷⁴, у которой, в свою очередь, уже на юго-востоке намечаются генетические связи с культурами, активности с куро-аракским энеолитом⁷⁵.

В свете приведенных данных и вытекающих из них выводов становится очевидным, что ни Донеччина, как это предполагал Д. Я. Телегин⁷⁶, ни обширный ареал, простирающийся от Средней Азии до Среднего Дона, как думала М. Гимбутас⁷⁷, не могли быть эпицентрами сложения древнейшей культуры.

Таким эпицентром могла быть только область, ограниченная на западе племенами азово-днепровской этнокультурной области, на юге — культурами, родственными куро-аракскому и майкопскому энеолиту, а на востоке и северо-востоке — Кельтеминаром и родственными с ним культурами. Говоря иначе, эпицентром сложения древнейшей культуры могла быть только зона древних степей, лежащих к северу от Кавказа — между Прикаспием и Азовским морем.

ВОПРОСЫ СТРАТИГРАФИИ, ХРОНОЛОГИИ И СИНХРОНИЗАЦИИ

Как уже говорилось, начавшийся еще в первой половине IV тысячелетия до н. э. процесс сложения древнейшей культуры был в определенном смысле равнозначен переходу от припоселкового скотоводства к пастушескому. Он означал начало металлургии меди, патриархально-племенных отношений и связанных с ними систематических межплеменных столкновений.

В чисто археологическом плане этот процесс получил отражение в первых медных украшениях и мелких орудиях, в распространении кремневых орудий, как из крупных пластин, так и выполненных в технике двусторонней ретуши, в появлении атрибутов власти в виде булавы и наконечников, а также, что особенно важно, в появлении особого комплекса остродонной глиняной посуды с примесью толченой ракушки. Возникнув у скотоводческих племен еще в период раннего неолита, сходная посуда

с несколько усложненными технологическими признаками в начале палеометаллической эпохи, вероятно, вследствие перехода скотоводства на молочный этап развития получает еще более широкое распространение.

В определенном смысле можно утверждать, что повсеместно происходил процесс восстановления на новой основе старой, еще неолитической по происхождению, глиняной посуды, которая, особенно в западной части азово-днепровского ареала, была до этого на несколько веков вытеснена совершенно другой по облику посудой западных племен азово-днепровской культуры.

Процесс вторичного распространения посуды с примесью ракушки, отражающий сложение и первые этапы развития древнеямной культуры, можно проследить в стратифицированных залеганиях ряда памятников, расположенных в основном между Днпром и Волгой.

Центральным среди стратифицированных памятников азово-днепровского ареала как в отношении географического положения, так и в отношении полноты разновременных археологических наслоений несомненно является поселение у Каменной могилы ⁷⁸.

Нижняя толща поселения — лессообразный суглинок — делится на несколько докерамических архаико-неолитических слоев, характеризующихся кремневой индустрией раннего приазовско-кукрекского типа.

Верхняя толща включает три слоя этой же культурной принадлежности, но с более развитым типом культуры: два — докерамических и один — раннекерамический. В числе других находок тут обнаружены фрагменты полусферических чаш и шиподонный горшок джебельского типа, в массе которых особенно обильна примесь ракушки.

В верхней части лессообразного суглинка прослеживаются остатки культуры несколько иного типа. Для нее характерно большое количество геометрических микролитов, глубокие, почти прямостенные сосуды, украшенные пониже среза венчика отрисками скобочного штампа и углублениями с примесью ракушки в тесте.

Этот слой с полным основанием можно сопоставить с материалами средних слоев нижнедонского поселения Ракушечный Яр.

Залегающий в верхней ископаемой почве слой азово-днепровской культуры по общему характеру заметно отличается от предыдущего и тесно смыкается с синхронными памятниками Днепровского Надпорожья. В материалах этого слоя по-прежнему много геометрических микролитов. Уже встречаются узкообушные топорики и, главное, получают самое широкое распространение плоскодонные банкообразные сосуды с воротничковым оформлением венчика, украшенные подтреугольными наколами и содержащие примесь песка в тесте.

Обращают на себя внимание фрагменты сосудов, сходных по форме, но содержащих в тесте растительные волокна и ракушку (подобно керамике из Ракушечного Яра). Они украшены скорописно-накольчатými композициями, напоминающими кельтеминарские, что позволяет думать о связях с азово-каспийским Востоком.

В стратиграфии основного поселения у Каменной могилы имеется разрыв, как мы полагаем, от-

Рис. 12. Образцы керамики квитянского типа:
1 — Рыи-Пески; 2, 4 — Вовниги; 3 — о. Виноградный; 5—8 — Херсонщина; 2 — Приазовье, Каменная могила; 10, 11 — район Кременчуга (уроч. Тетянино).

вечающий периоду иссушения климата, что способствовало переселению обитателей поселения ближе к реке.

Времени этого разрыва отвечает нижний слой второго приречного поселения у Каменной могилы *. Для него характерны крупный кремневый инвентарь, отдельные трапеции, а также фрагменты керамики, делящейся на две группы: обычная азово-днепровская, но с преобладанием скорописного накольчатого орнамента, и относительно толстостенная посуда с полосчатым сглаживанием стенок, содержащих обильную примесь ракушки. Последняя украшена в верхней части композициями, нанесенными крупным штампом. Существующие второй группы посуды следует оценивать не только как показатель связи с более восточными районами, но и как свидетельство постепенного вытеснения обычной азово-днепровской посуды

* Верхний слой этого памятника образует поселение раннесрубного времени.

сосудами восточного происхождения с примесью толченой ракушки* в тесте.

Говоря о первом поселении у Каменной могилы, следует отметить наличие здесь трех энеолитических слоев с керамикой, в тесте которой есть примесь ракушки. Слои расположены в верхней части

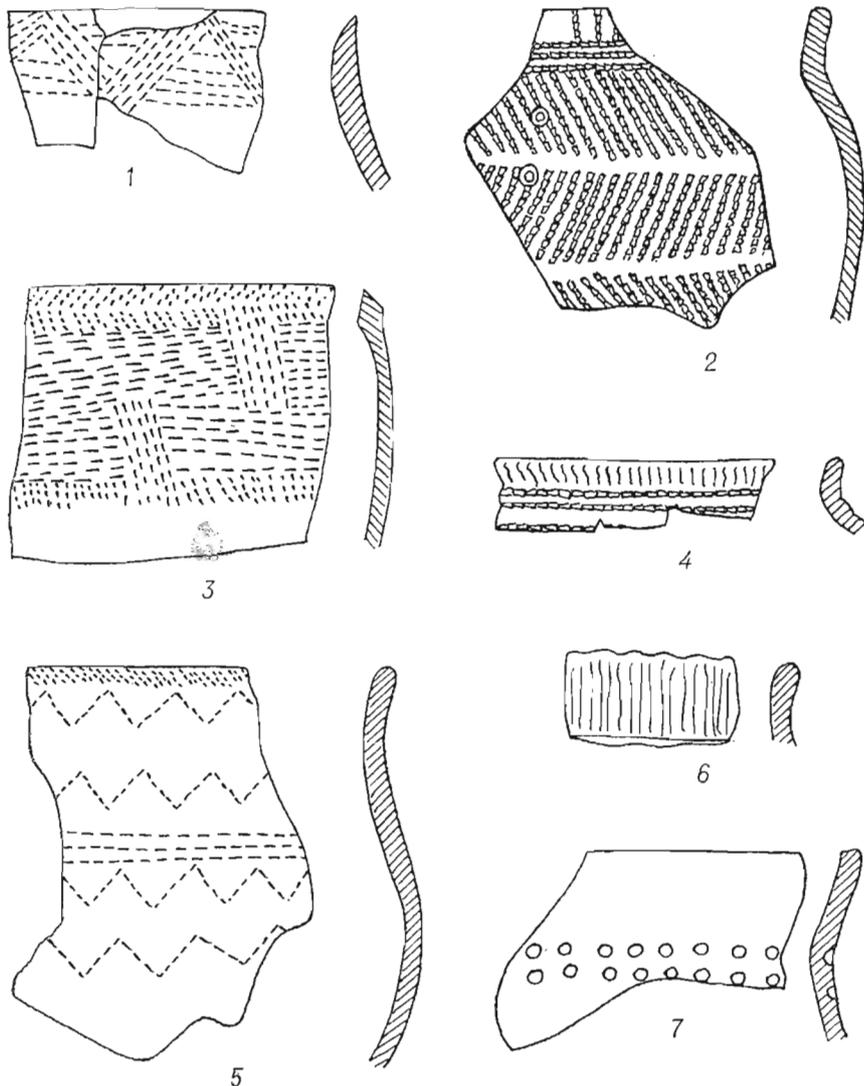

Рис. 13. Раннеэнеолитическая керамика из Прикаспия и Степного Поволжья: 1, 4, 5, 7 — Рын-Пески; 2, 3, 6 — район Волгограда.

ископаемой почвы непосредственно под мощным современным почвенным слоем, содержащим остатки ямно-катакомбного времени, а также следы обитания более поздних времен.

Нижний энеолитический слой отмечается на глубине около 1,5 м. Для него характерны фраг-

* Тот же процесс вклинивания инородной по происхождению посуды с содержанием ракушки отмечается и для целого ряда памятников соседнего Надпорожья — поселений на малом Дубовом острове, в урочище Собачки и Вовчок, на Стрельчей Скеле и др.

менты остродонных сосудов со стянутым верхом или слабым отгибом венчика, с обильной примесью ракушки. Поверхность стенок горшков сглажена в виде полос и украшена в верхней части гребенкой, треугольными наколами, колечками и пр. (рис. 12, 9). Характеризующая этот слой посуда

определенно близка к «примешивающейся» посуде второго поселения у Каменной могилы, к посуде предпоследнего слоя Ракушечного Яра и, что особенно важно, она, вне всякого сомнения, представляет собой одну из наиболее ранних разновидностей посуды так называемого чигиринно-квитянского типа, относящейся к первой фазе сложения древнейшей культуры.

Средний энеолитический слой на этом поселении выявлен на глубине около 1,3 м. Его характеризуют остатки широко открытых, возможно, круглодонных или даже плоскодонных сосудов, с невысокими плавно отогнутыми венчиками, с выглаженными поверхностями стенок, с примесью ракушки. Орнамент простой — по границе венчика и тулова нанесены ряды округлых или продолговатых углублений.

Описанной посуде аналогичны некоторые горшки, распространенные на территории от Каспия и Степного Поволжья до Южного Поднепровья (Досанг в Северном Прикаспии (рис. 13, 6, 7); орнаменты на сосудах, происходящих из засыпи могилы энеолитического времени у с. Волошского под Днепропетровском, сосуды из капуловского могильника на Нижнем Днепре и т. д.).

Верхний энеолитический слой поселения у Каменной могилы обнаружен на глубине около 1 м. Здесь найдены крупные кремневые орудия и целый набор подтреугольных наконечников дротиков, исполненных в технике двусторонней отжимной ретуши, а также остатки яйцевидных плечистых сосудов с высоким отогнутым венчиком, с обильной примесью ракушки. У них хорошо заглажена поверхность стенок, изредка они орнаментированы гребенкой или короткой гусеничкой.

Несмотря на своеобразные черты, выражающиеся, например, в наличии неорнаментированных или слабо орнаментированных сосудов, определение культурной принадлежности описанной выше группы керамики не представляет значительного

труда. Это хорошо известные среднестоговские сосуды, которые на основании имеющегося гусеничного штампа можно датировать развитой порой локальной среднестоговской культуры.

В порожистой части Днепра известно большое количество стратифицированных местонахождений, на материале которых можно проследить процесс сложения неолитической остродонной керамики, содержащей примесь ракушки, ее постепенную деградацию, связанную с появлением остродонных сосудов с примесью песка и растительных волокон. Это свидетельствует о контакте с северными соседями и о внедрении восточной плоскодонной посуды с воротничковым венчиком, характерной для развитой азово-днепровской культуры, а также о вторичном распространении посуды с примесью ракушки, фиксирующей, с одной стороны, начало сложения древнеямной культуры, а с другой — начало сложения памятников типа нижнего слоя Михайловки.

К сожалению, далеко не все стратифицированные памятники Надпорожья могут быть использованы в полном объеме для воссоздания культурно-стратиграфических схем. Этому мешает несовершенство применявшегося в прошлые годы метода полевых исследований, неосведомленность прежних исследователей в недавно выявленных типах памятников, а главное — рассеянность археологических коллекций, к тому же сильно пострадавших во время войны.

И все же, несмотря на известную фрагментарность, многие стратиграфированные памятники Надпорожья и в настоящее время имеют большое значение при создании локальной периодизации послепалеолитических памятников.

Так, например, стратифицированное поселение на о. Виноградном (севернее Запорожья) по полноте отражения свиты неолитических и энеолитических и относящихся к бронзовому веку археологических отложений, если не считать отсутствующих слоев докерамического неолита, едва ли усту-

пает первому поселению у Каменной могилы. Именно для Виноградного острова характерно последовательное залегание слоев сурско-днепров-

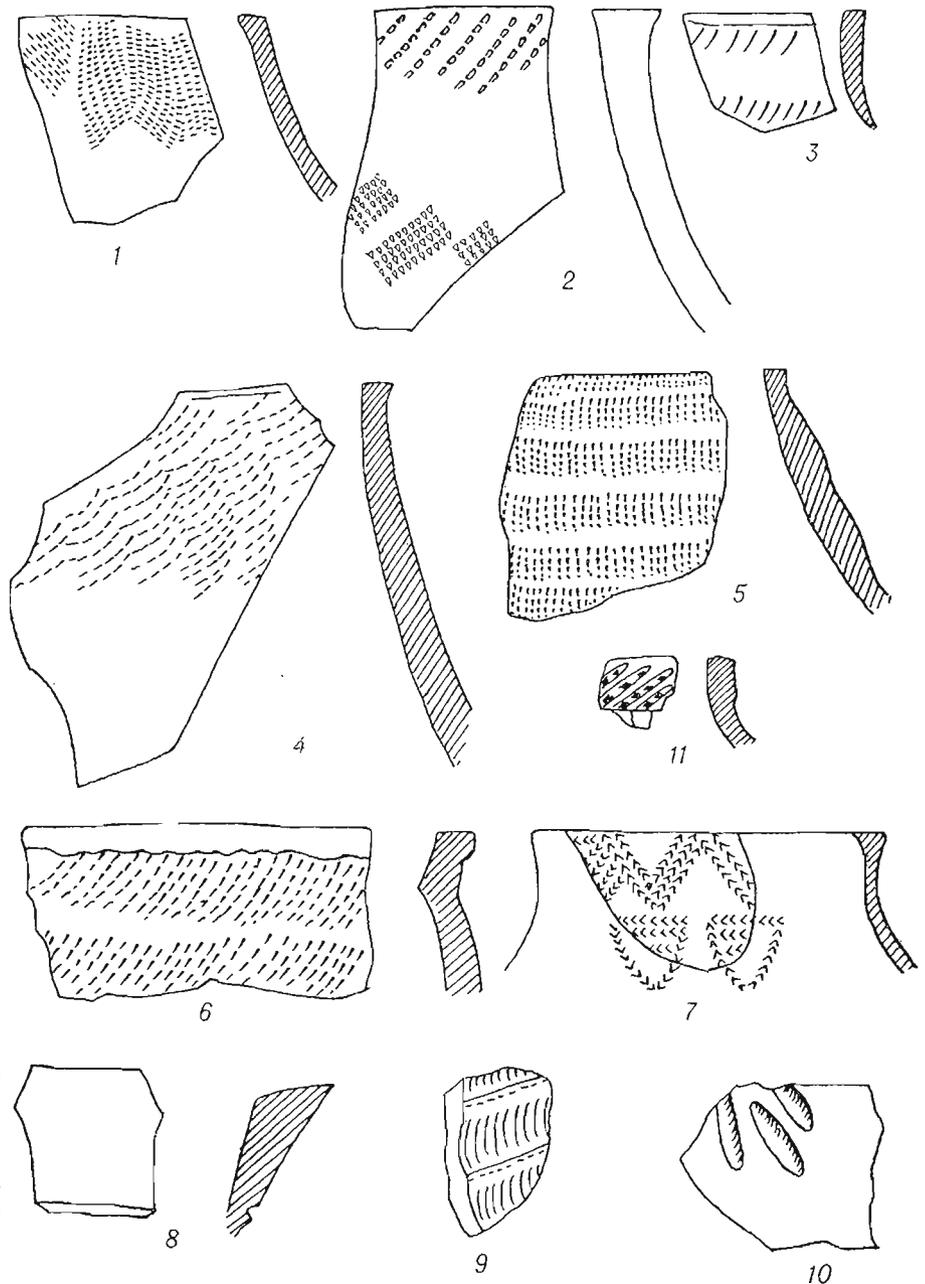

Рис. 14. Образцы керамики типа Квитяна и Похилый: 1—5 — Вовниги; 6, 7 — о. Похилый; 8—10 — трипольские импорты типа Сабатиновка I; 11 — Джебел (фрагмент с орнаментом кельтеминарского типа).

ской культуры с остродонной посудой, содержащей примесь ракушки в глине, слоя азово-днепровской культуры с незначительным количеством плоскодонной посуды без примеси ракушки, раннеэнеолитического слоя с керамикой с примесью ракушки, вероятно, отражающей наиболее архаический ва-

риант культуры нижнего слоя Михайловки, и, наконец, слой развитой бронзы, которому соответствовал некрополь. Могильные ямы последнего прорезали многие нижние слои, включая и ранне-неолитические.

Культурно-стратиграфическая картина многослойного поселения острова Похилый не менее слож-

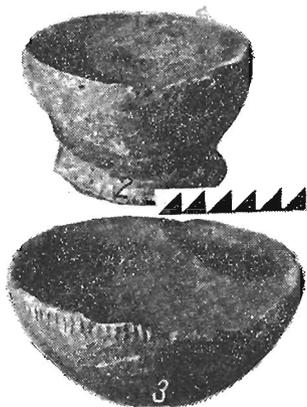
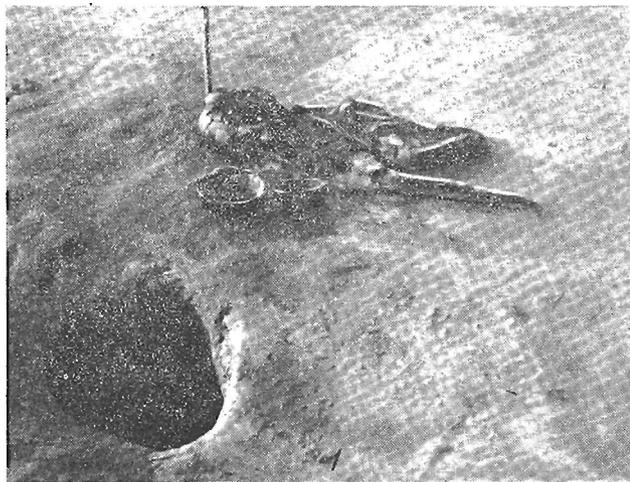

Рис. 15. Детское неолитическое погребение на о. Сурском:
1 — общий вид; 2, 3 — плоскодонные чашечки.

на. Здесь обнаружены два слоя сурско-днепровской культуры, из которых нижний дает посуду с примесью ракушки и верхний — без нее, небогатый слой азово-днепровской культуры с типичной керамикой и два слоя энеолитического времени.

Нижний раннеэнеолитический слой характеризуется яйцевидными и плоскодонными сосудами с примесью ракушки и кровавика в массе (рис. 14, 7). Вероятно, именно с этим слоем связаны находки нескольких фрагментов импортной трипольской посуды, датированной временем перехода от раннего к среднему Триполью (рис. 14, 8—10).

Верхний энеолитический слой Похилого острова относится к тому же типу культуры, что и нижний слой Михайловки, но, вероятно, к более древнему периоду. Его представляет сравнительно крупный кремневый инвентарь, включающий значительное количество дротиков и копий, исполненных в технике двустороннего ретуширования. Керамика пред-

ставлена несколькими разновидностями плоскодонных плечистых горшков с высокими венчиками, несколько напоминающих так называемую кухонную посуду развитой поры трипольской культуры (см. рис. 57, 1—4). В частности, для керамической массы посуды этого слоя характерны примеси толченых раковин, охры, а также растительных волокон, полосчатое сглаживание поверхности стенок, фигурные расчески и небогатый гребенчатый орнамент по венчику.

Нетрудно определить, что в целом посуда этого слоя довольно близка к соответствующей группе инвентаря нижнего слоя Михайловки, но отличается рыхлостью и буроватым цветом глины.

Несомненно, к этому же типу культуры относятся заклады с вытянутыми погребениями, исследовавшиеся на площади хвостовой части о. Сурский⁷⁹. Здесь собраны фрагменты сходной посуды, а в одном случае — в погребении ребенка — найдены две плоскодонные чашечки, принадлежащие к рассматриваемому типу керамики⁸⁰ (рис. 15, 1—3).

О восточных генетических связях и территориальном распространении раскрываемого типа культуры свидетельствует близкое сходство похилоской керамики с посудой из нижнего слоя нижнедонского поселения Ливенцовка, исследуемого С. Н. Братченко⁸¹.

Интересны стратиграфические данные поселения на о. Вовчок⁸², расположенного, подобно поселениям на островах Виноградный и Похилый, в районе Вольного порога⁸³.

Стратифицированную толщу этого памятника составляют два слоя сурско-днепровской культуры, а также перекрывающий их слой азово-днепровской культуры, распадающийся на два горизонта или, вернее, слоя. Самый нижний слой местонахождения относится к развитой поре сурско-днепровской культуры. Его характеризует микролитический кремль, а также остродонные горшки S-видного профиля, украшенные линейными и штамповым орнаментами. Они делятся на две технологические группы: обычные для этого времени сосуды из песчанистой массы и изредка встречающиеся с примесью ракушки в глине.

Хронологическое положение комплекса определяется наличием фрагментов импортных сосудов печерской фазы буго-днепровской культуры.

Прослеживающийся на о. Вовчке верхний слой сурско-днепровской культуры оторван от нижнего значительным периодом (в переводе на буго-днепровскую схему) — фазами самчинской и ранней порой савранской фазы. Керамический комплекс этого слоя включает два типа сосудов: остродонные горшки S-видного профиля и плоскодонные ребристые сосуды, хорошо известные еще по савранскому комплексу, а также по материалам слоя Д₁ поселения Игрень VIII. Хронологическое положение определяется наличием фрагментов посуды

поздней поры буго-днепровской культуры, а также фрагментом сосуда культуры Зэнэшт.

Интересна небольшая группа фрагментов черного цвета с примесью ракушки в глине, принадлежащих остродонным горшкам S-видного профиля и плоскодонным сосудам с воротничковым окончанием венчика, украшенным линейно проглаженными композициями, несколько напоминающими буго-днепровские (рис. 16, 2, 7).

Сходные по многим признакам с другими сосудами из этого же слоя, описанные фрагменты резко отличаются от них составом массы, что заставляет думать о вторичном, вероятно, под восточным влиянием, возрождении на Порогах посуды с примесью ракушки в глине.

Слой азово-днепровской культуры на Вовчке состоит из двух горизонтов. Для нижнего характерны: посуда так называемого собачковского типа, украшенная гребенчатым штампом, и часть микролитического кремня. Несмотря на культурную обособленность от описанного выше позднейшего комплекса сурско-днепровской культуры, их объединяют переходные группы посуды, что свидетельствует о практической синхронности обоих археологических образований.

Выделить верхний горизонт азово-днепровской культуры значительно легче. Характерная для него посуда, украшенная подтреугольными наколами, крупный кремь и пластинка мариупольского типа (из клыка кабана) имеют аналогии в комплексах Лысогорского и Никольского могильников⁸⁴, а если говорить о посуде — в одном из слоев Стрильчей Скели⁸⁵.

Поселение Собачки, расположенное на правом берегу Днепра, непосредственно за проливом Вовчье Горло, отделяющим это поселение от Вовчка, является в культурно-стратиграфическом отношении полным повторением азово-днепровского слоя поселения Вовчок. Следует подчеркнуть, что именно на этом поселении А. В. Добровольскому удалось проследить разделение археологических наслоений рассматриваемого типа на два горизонта (или слоя): более ранний — с микролитическим кремнем и керамикой, украшенной гребенчатым штампом (собачковский), и более поздний — с керамикой, украшенной подтреугольными наколами (тип Средний Стог I)⁸⁶.

Отдельно описываем несколько красноватых от примеси охры широко открытых чашеобразных импортных сосудов с примесью ракушки в тесте, украшенных пониже среза венчика рядами отрисков гребенчатого штампа (рис. 16, 10).

Хронологически эти сосуды, а с ними и верхняя часть наслоений поселения Собачки, определяется описанными выше чашеобразными сосудами, украшенными в верхней части гребенкой. Они встречаются в верхнем горизонте средней части стратифицированной толщи Ракушечного Яра, а также в виде отдельных находок на Донеччине и на поселениях Северного Прикаспия.

Несомненно, с верхним горизонтом поселения связывается группа фрагментов посуды, глиняная масса которой очень напоминает квинтянскую. Из их числа привлекает внимание часть широкой чаши или миски, вероятно, плоскодонной или округлодонной, со своеобразным загибающимся внутрь под прямым углом венчиком, украшенная

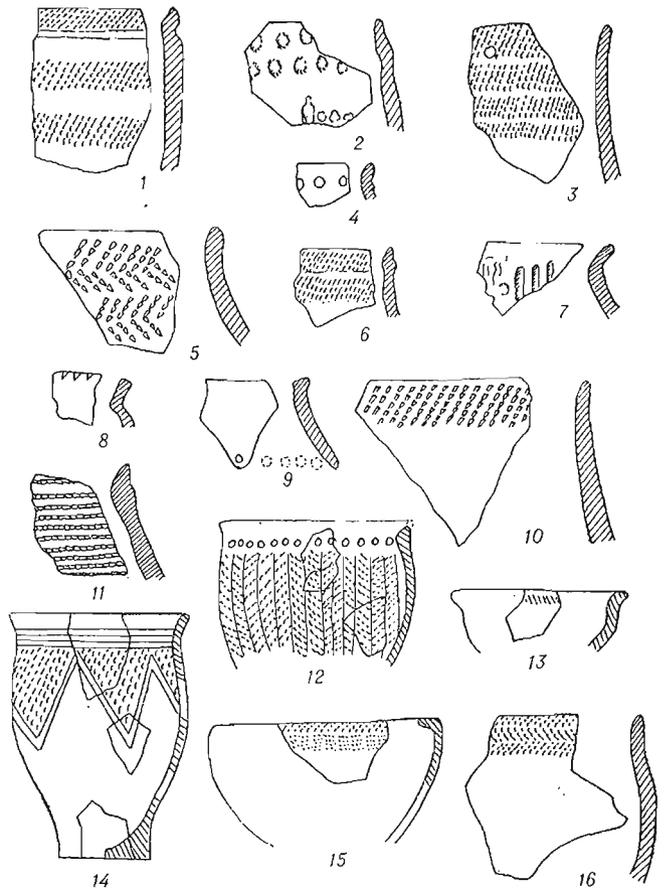

Рис. 16. Образцы раннеэнеолитической керамики периода ассимиляции азово-днепровской культуры:

1, 3, 4, 6 — Нижний Дон; 2, 7, 10—12, 15 — Днепровское Надпорожье; 4, 9 — Донеччина, Александрия; 5 — район Мелитополя; 8, 13, 14 — Херсонщина; 16 — Рын-Пески; 11, 12, 14 — из кромлехов.

вертикальными полями, составленными из отрисков гребенчатого штампа (рис. 16, 15).

Несколько слов необходимо сказать и о Среднем Стоге — стратифицированном памятнике, давшем в виде нижнего слоя эпонимный памятник, датирующийся второй фазой развития азово-днепровской культуры, а в виде среднего — эпонимный памятник, давший наименование неизвестному до его открытия типу культуры, и, наконец, верхний слой, относящийся к бронзовому веку⁸⁷.

Для среднего слоя характерны плечистые горшки с высоко отогнутым венчиком, украшенным гусеничным орнаментом, кремь, а также несколько фрагментов, принадлежащих красноглиняным сосудам развитой поры трипольской культуры⁸⁸.

Ниже рассмотрим стратиграфические данные памятников, исследованных в последние годы.

Важное место среди них занимает расположенный в средней части Днепровского Надпорожья Никольский могильник, исследованный Д. Я. Телегиным⁸⁹. Несмотря на то, что основная часть материалов этого памятника, включая и плоскодонные сосуды с подтреугольными наколами, отвечает поздней поре Мариупольского могильника,

Если исходить из местного, по материалу, орнаменту и имитации формы остродонного сосуда, со стянутым верхом и воротничковым окончанием венчика (рис. 9, 31), описанная часть могильника должна быть синхронна с каким-то, возможно, достаточно ранним, хронологическим подразделением памятников чигиринско-квитянского типа.

Из числа памятников, исследованных в послевоенные годы и дающих материал для воссозда-

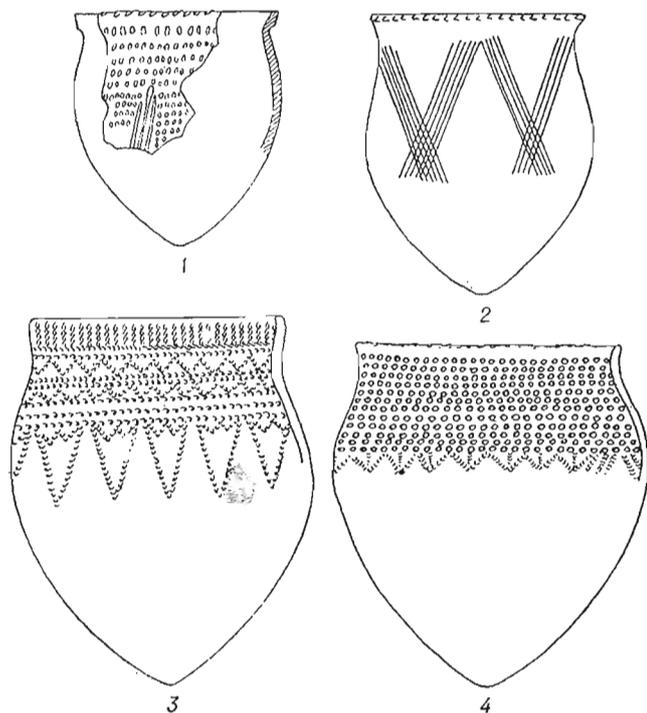

Рис. 17. Реконструированные сосуды, связывающие степной неолит с ямной культурой:

1—3 — Стрельча Скеля; 4 — Александрия.

считать его хронологически однослойным все же нельзя. О том, что Никольский могильник существовал несколько последовательных этапов, свидетельствуют такие стратиграфические данные: развал уникального амфорообразного плоскодонного сосуда, сопоставимого по ряду признаков с позднейшими изделиями буго-днепровской и сурско-днепровской культур, залегал несколько глубже развалов обычных среднестоговских сосудов (Средний Стог I), и в то же время импортный сосуд, относящийся к рубежу раннего и развитого Триполья, залегал выше последних (рис. 9, 35).

О синхронности основной части могильника с заключительным периодом развития Мариупольского могильника говорит наличие в первом металлических вещей, поздних пластинок мариупольского типа, а также обломка булавы, имеющего аналогию в инвентаре раннего скорченного (№ XXIV) погребения Мариупольского могильника⁹⁰.

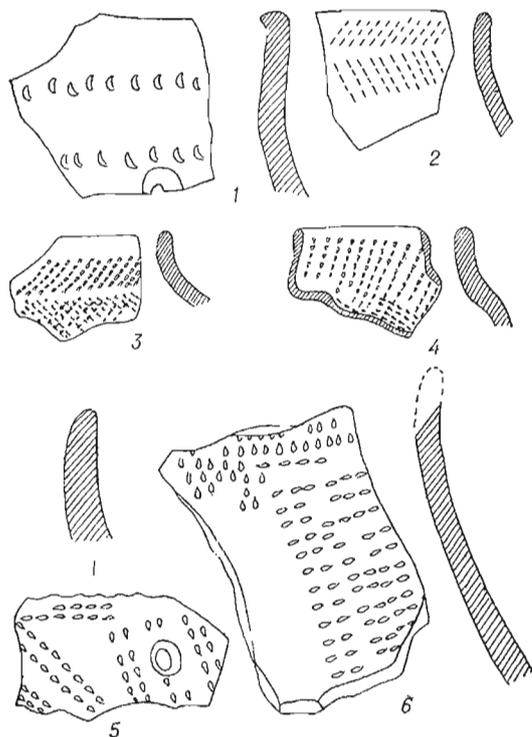

Рис. 18. Фрагменты сосудов рубежа степного неолита и энеолита (Вовниги, Стрельча Скеля и др.).

ния культурно-стратиграфической шкалы, называем также поселение Игрень VIII⁹¹.

Оно расположено на северной границе Надпорожья и интересно не только полнотой представляющей его археологической свиты, но и географическим положением — на северной окраине ареала сурско-днепровской культуры.

На поселении обнаружены: слой докерамического неолита (или мезолита, по А. В. Добровольскому), слой поздней поры сурско-днепровской культуры с остатками остродонных сосудов без примеси ракушки в глиняном тесте, слой Д₁, имеющий аналогии в позднейших отложениях буго-днепровской и сурско-днепровской культур, и слой, несомненно синхронный Лысогорскому и основной части Никольского могильников.

В виде особого культурного стратиграфического признака этого же памятника следует назвать и расположенный в верхней части поселения могиль-

ник, среди погребений которого выявлены захоронения с поздними среднестоговскими сосудами.

Интересную и в то же время сложную картину представляет стратиграфия находящегося к югу от Днепропетровска островного поселения Стрильча Скеля, исследованного автором и А. В. Добровольским в 1946 г.⁹² После раскопок мы считали, что это поселение включает поздние слои сурско-днепровской и азово-днепровской культур,

заговые линейные композиции. Встречаются орнаментальные схемы, состоящие из оттисков скобчатого и других штампов. Близость этой посуды к синхронной посуде с поселения Вовчок не вызывает сомнения.

Посуда вклинившегося слоя азово-днепровской культуры почти безраздельно представлена глубокими плоскодонными банкообразными горшками с воротничковым венчиком. Обращает на себя

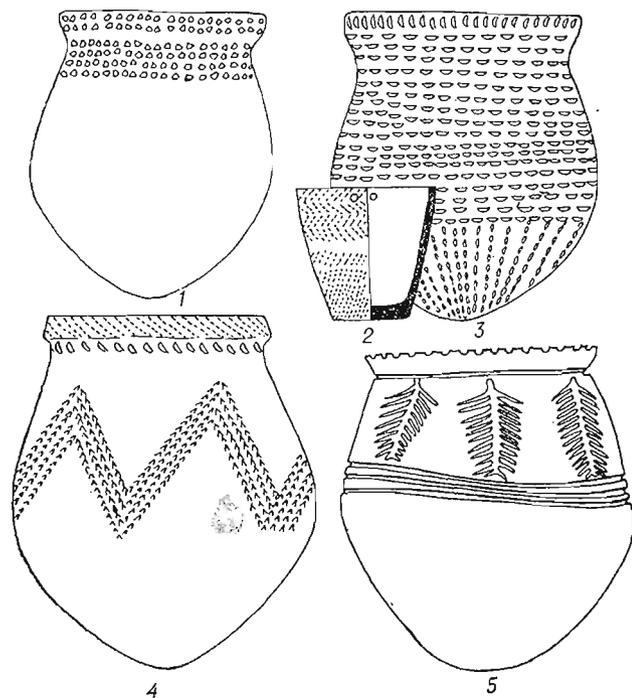

Рис. 19. Сосуды каспийско-днепровской фазы развития ямной области:

1 — Кировоград; 2, 3 — ст. Политотдельская; 4 — (реконструкция) — Рын-Пески; 5 — Архаринский могильник.

ранний слой культуры Средний Стог II, датирующийся находками импортной трипольской посуды типа Кукутени А — Сабатиновка I, и, наконец, слой раннекатакомбного времени⁹³.

В результате дополнительного изучения выявленных материалов было установлено, что слой сурско-днепровской культуры, прежде считавшийся монолитным, в действительности распадается на два самостоятельных слоя, разделенных слоем азово-днепровской культуры, что в целом указывает на отношение частичной синхронности, устанавливающейся для обеих этих культур.

Поздний комплекс сурско-днепровской культуры представлен тремя формами сосудов: горшки S-видного профиля, бокастые низкогогорлые сосуды наподобие амфор, морфологически близкие к упоминаемому выше амфоровидному сосуду из Никольского могильника, и миски. В глине обнаружена примесь песка и графита. Характерны наколы по срезу венчика, доминируют шевронные и зиг-

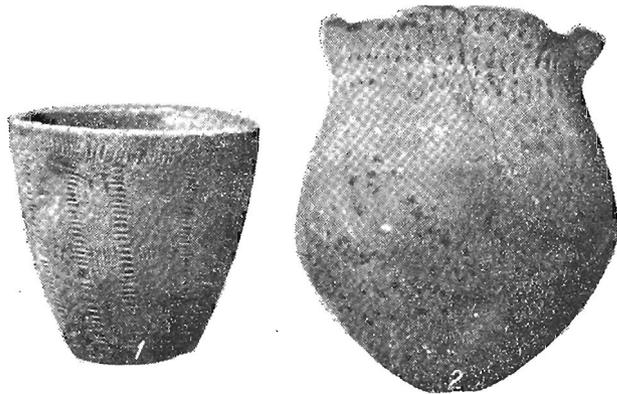

Рис. 20. Керамика каспийско-днепровской фазы.

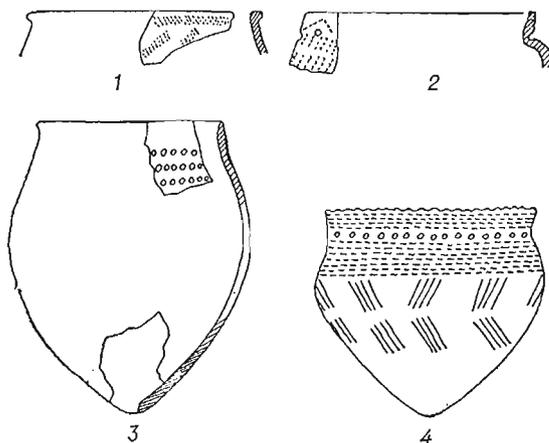

Рис. 21. Образцы керамики квитянской фазы:

1, 3 — район Изюма; 2—4 — Александрия.

внимание появление некоторого количества сосудов с примесью ракушки. Характеристику слоя дополняет обломок узкообушного кремневого топора типа найденного при Π погребении Мариупольского могильника⁹⁴.

Следующий слой, дающий основание говорить об особом типе памятников по наличию сосудов S-видного профиля с крупными наколами по венчику с линейным проглаженным орнаментом по тулову, может сравниться с посудой позднего сурско-днепровского слоя этого же местонахождения. От последней выделенная группа посуды отличается обилием ракушки в глине. Преобладают остродонные горшки с отогнутым, прямым, воротничковым или склоненным внутрь венчиком. Характерны

линейно-шевроновые и зигзаговые накольчатые скорописные орнаментальные композиции, выполненные лопаточкой или острием с двумя зубьями (рис. 17, 1—4; 18, 5).

Наиболее близкой аналогией для подобной посуды является горшок S-видного профиля, украшенный двузубым штампом (рис. 19, 1; 20, 2), выявленный в 1914 г. П. С. Рябковым в районе Кировограда, в кургане с кромлохом, где он сопровождал группу из трех вытянутых погребений*.

К числу аналогий следует отнести и некоторые находки из поселения в районе Вовнигского порога (рис. 18, 1, 6); из донецкого поселения Изюм V⁹⁵ (рис. 21, 1, 3); из раннеэнеолитического слоя донецкого поселения у хутора Александрия⁹⁶ (рис. 21, 2, 4), что в целом подтверждает мысль о восточных генетических связях вновь выделенного типа памятников.

Из других находок, характеризующих этот слой Стрельчей Скели, назовем удильный крючок, гарпун-багор, а также поворотный гарпун, изготовленный из отростка рога оленя (рис. 22, 1, 2).

Вероятно, в прямой связи с этим слоем находится размытый в 1941 г. некрополь, расположенный близ Стрельчей Скели — на о. Лоханского порога. Могильник, по свидетельству производившего здесь сборы А. В. Бодянского, включал несколько погребений. Погребенные лежали на спине с поднятыми вверх коленями; один был слегка повернут вправо головой на восток. Из погребений выделяется захоронение мужчины, лежащего на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, приподнятыми в коленях ногами, ориентированное головой на северо-восток. Оно сопровождалось поворотным гарпуном и рыболовным крючком стрельчанского типа. На обычай прикрывать погребенных камнями указывает найденный А. В. Бодянским каменный ящик, сложенный из валунов.

Гарпун стрельчанского типа был найден при скорченном энеолитическом погребении, расположенном против центра с. Волошского, примерно в 1,5 км к северу от Стрельчей Скели⁹⁷ (рис. 22, 6, 7). Для уточнения хронологического положения памятников описываемого типа необходимо отметить, что гарпуны названного типа встречаются и в комплексах некоторых раннетрипольских поселений, например Луки-Врублевцевкой⁹⁸ и Голеркан⁹⁹.

Средний слой Стрельчей Скели прежде всего интересен как памятник, отражающий ранее звено в цепи развития культуры типа Средний Стог II. Он представлен очагами, обложенными камнями, кучами раковин перловицы, костями диких и домашних животных, среди которых выделяются кости быка и особенно коня, кремневым инвентарем позднего мариупольского типа, включающим,

в частности, наконечники дротиков, ретушированных с двух сторон, небольшие кремневые топорки (рис. 23, 1—8; 24, 1—9). Глиняная посуда представлена только плескистыми яйцевидными горшками с довольно высокими отогнутыми наружу венчиками, с обильной примесью ракушки и

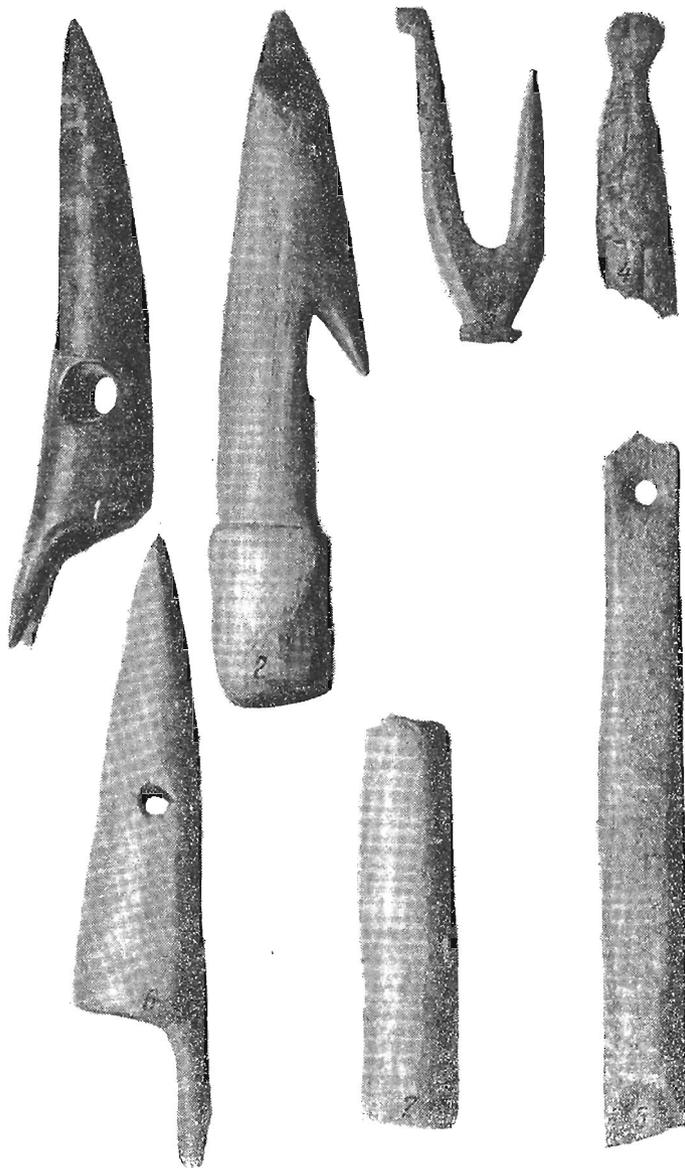

Рис. 22. Рыболовческий инвентарь из кости и рога оленя.

украшенные различными типами орнамента: зональными композициями, состоящими из оттисков гребенчатого штампа, скорописных наколов, врезанных прямых или зигзагообразных линий (рис. 25, 1—7).

В отличие от среднестоговской посуды, по срезу венчика и по его основанию нередко нанесены насечки или округлые углубления. Почти полностью здесь отсутствует ранняя форма шнуrowого орна-

* Фонд Вуак за 1927 г. Архив ИА АН УССР.

мента — гусеничный штамп. Вместе с такой дошнуровой посудой и были найдены фрагменты импортной посуды, относящейся к рубежу раннего и развитого Триполья (рис. 25, 8).

Для освещения культурно-стратиграфических данных необходимо сказать несколько слов и о

Рис. 23. Образцы изделий из кремня. Стрильча Скеля (средний слой).

таким хорошо известном памятнике, как Мариупольский могильник. В отличие от других крупных археологических комплексов, этот памятник датируется сравнительно узким периодом времени, что подтверждается и выводами, полученными первым исследователем этого могильника Н. Е. Макаренко¹⁰⁰ и А. Д. Столяром¹⁰¹. Кроме того, это положение подтверждается отсутствием в составе инвентаря могильника настоящих микролитов и наоборот — присутствием во всех его слоях крупного кремня и наконечников дротиков, исполненных в технике двусторонней ретуши.

Подавляющее большинство погребений Мариупольского могильника относится к достаточно позднему периоду азово-днепровской культуры. Точнее, к тому ее хронологическому отрезку, когда в степной полосе Восточной Европы уже существовали достаточно определившиеся в культурном отношении ранние племена древнеямной культуры.

В единую группу более поздних захоронений (по признаку скорченности погребенных и близости погребального инвентаря), сменяющих могильник азово-днепровской культуры, должны быть отнесены находившиеся еще в общем ряду погребения в каменном ящике (скорченное погребение № XXIV¹⁰², парное скорченное погребение № XXI¹⁰³, погребение-трупосожжение¹⁰⁴) и недостаточно четко определяемое «погребение с медными браслетами» (недалеко от погребения № XXI, за пределами основного ряда погребений¹⁰⁵).

О том, с какими типами культуры пришлось столкнуться населению, оставившему Мариуполь-

ский могильник, говорят находки навершия булавы второго Мариупольского типа, известные на Северном Кавказе и в районе Пятигорска¹⁰⁶, наличие в погребениях VIII и XVII фрагментов чернглиняной посуды¹⁰⁷, видимо, также северокавказского происхождения или, по крайней мере, возникшей под северокавказским влиянием, часть плоскодонного сосуда с примесью ракушки в массе, украшенного гребенчатым орнаментом¹⁰⁸, являющегося, как мы полагаем, обломком глубокого банкообразного сосуда того же типа, что и сосуд в погребении № 15 в кургане № 12 у ст. Политотдельской на Нижней Волге¹⁰⁹ (рис. 19, 2, 3). Последний, в свою очередь, в отношении ряда деталей аналогичен сосуду, случайно найденному в районе с. Васильевки над Ненасытецким порогом, который по технологическим признакам неотличим от сосудов чигиринско-квитянского типа.

При исследовании вопроса о сложении древнеямной культуры роль стратифицированного местонахождения у хутора Александрия представляется особой¹¹⁰. Во-первых, в свое время при выработке гипотезы о сложении древнеямной культуры на основе местной днепро-донецкой и пришлой с востока степной культуры Д. Я. Телегин считал Александрию краугольным камнем. Во-вторых, юго-восточное географическое положение этого

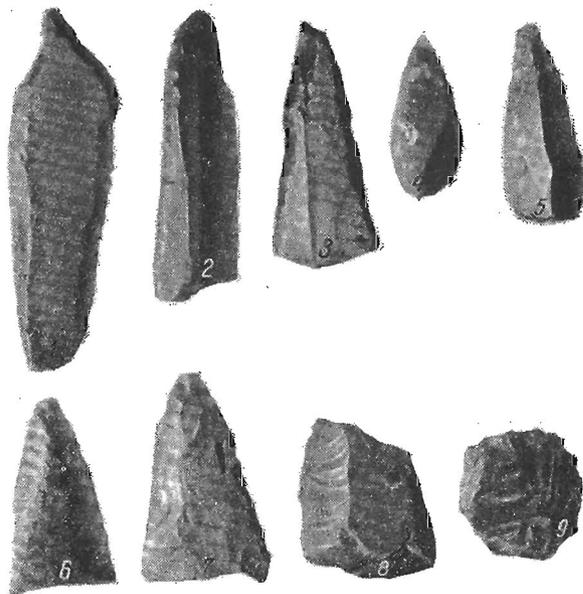

Рис. 24. Образцы изделий из кремня. Стрильча Скеля (средний слой).

поселения говорит о его большом значении в исследовании процесса проникновения в местную культуру пришлого с востока компонента.

Построение Д. Я. Телегина об Александрии как о культурно-историческом комплексе, якобы полностью раскрывающим процесс становления древнеямной культуры на двойственной основе, буду-

чи основанным на недостаточно убедительном анализе материала, в значительной степени устарело. Так, например, насколько это вытекает из проведенного автором дополнительного анализа материала, к периоду энеолита Д. Я. Телегиным были зачислены не менее трех разновременных и разно-

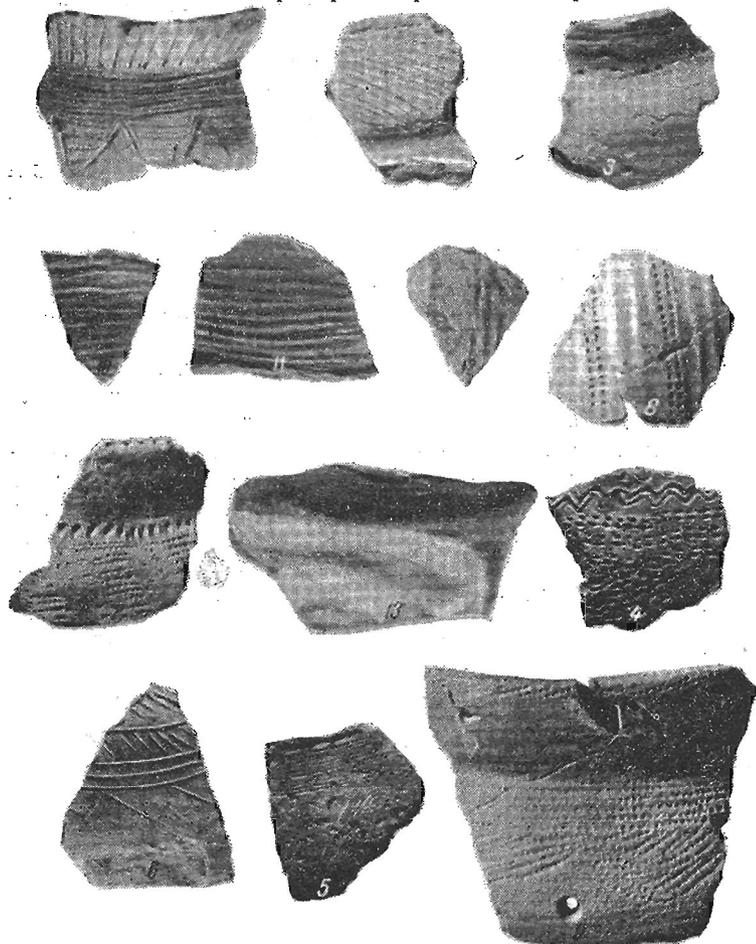

Рис. 25. Образцы керамики из среднего слоя Стрильчей Скелы и сопутствующие им трипольские импорты.

культурных археологических комплексов, из которых два в чистом виде известны по другим местонахождениям.

Наиболее древним среди них является поздне-неолитический или раннеэнеолитический комплекс, характеризующийся ранним набором кремня мариупольского типа и сравнительно архаической посудой, изготовленной из глины с растительной примесью. Она представлена двумя основными формами — численно преобладающими остродонными бокастыми горшками со стянутым верхом и глубокими банкообразными сосудами с едва намечающимся плоским дном и воротничковым венчиком. Для тех и других характерны округлые углубления под венчиком, зональные штамповые — гребенчатые и треугольно-накольчатые композиции и линейно-геометрические схемы.

По культурной принадлежности этот слой, вероятно, еще является днепро-днепцевским, но уже обладает рядом признаков перекристаллизации местной культуры в азово-днепровскую (крупный кремль, появление плоскодонных сосудов своротничковым венчиком и намечающимися доньями).

Описанный комплекс несомненно древнее поселение Устье Оскола II (верхний слой), где прослеживаются признаки перерастания местной культуры в неолит ямочно-гребенчатой керамики¹¹², и веревкинско-го поселения, тяготеющего к кругу памятников азово-днепровской культуры.

Выше идет собственно раннеэнеолитический слой, как особый культурный тип, прослеживавшийся на основании отрывочных материалов с донецких поселений Изюм IV и V, Яремовка, Студенок II¹¹³, но раскрывшийся с достаточной полнотой в результате раскопок в Александрии.

Найденный в этом александрийском слое кремль также имеет мариупольский характер: в нем заметное место занимают различные ножи, изготовленные из крупных пластин, и наконечники дротиков, ретушированные с двух сторон. Чисто донецкий колорит этому комплексу придают довольно многочисленные и разнообразные топоры и тесла, изготовленные из кремня.

Входящая в состав этого комплекса посуда делится на две главных технологических группы — сосуды с примесью мелкого песка, с подлощенными или несущими следы полосчатого сглаживания стенками, и сосуды с пепельно-серым изломом из-за примеси мелкоотертой ракушки с примесью кровавика, со светлым охристым ангобом и тем же характером сглаживания стенок.

Из форм посуды первой группы часто встречаются грубовато выполненные остродонные с высоким положением плечиков горшки, с невысоким отогнутым наружу

венчиком с гофрированным срезом. Горшки орнаментированы округлыми углублениями под венчиком и линейно-врезанными или линейно-накольчатыми композициями по верхней части тулова (рис. 21, 2, 4).

Речь идет о том типе сосудов, который отмечается для Веревкинского поселения, Волчанских хуторов и Волянцева, уже рассмотренные нами, как показатель преломленных кельтеминарских влияний.

Очень характерны тщательно выполненные плечистые остродонные горшки со стянутым верхом и воротничковым венчиком (рис. 21, 2). Орнамент состоит из округлых углублений под венчиком, из зональных, украшающих верхнюю часть сосуда, композиций, выполненных из наколов нескольких форм, а также из оттисков гребенчатого штампа.

Подчеркиваем полное отсутствие подтреугольных оттисков, характерных для азово-днепровских памятников Приднепровья.

Несколько реже встречаются остродонные горшки со стянутым верхом и едва отогнутым наружу коротким венчиком, украшенные по верхней части зонально размещенными оттисками гребчатого штампа.

Интересна небольшая, широко открытая, плоскодонная мисочка, с подлощенной наружной поверхностью, с полосчатой сглаженностью, украшенная изнутри гребчатыми композициями (рис. 26, 7). Из других редких форм называем два широко открытых горшка с утонченным, слегка отогнутым наружу венчиком и округлым туловом. Для обоих предполагаются острые или закругленные донья. Сосуды изготовлены из хорошо отмученной глины. Поверхности стенок ангобированы и подлощены. Орнамент размещен в верхней части. В одном случае это линейная композиция, состоящая из букрания и зигзаговой ленты, в другом — три ряда оттисков гребчатого штампа (рис. 26, 10, 11).

По технологическим признакам к этой посуде следует отнести и небольшой остродонный горшочек с высоким сильно стянутым верхом, с низко посаженными плечиками, украшенный сложной линейно-ленточной композицией, близкой к описанной выше (рис. 26, 9).

По ряду признаков названные сосуды близки к горшкам из этого же слоя, однако присущие им черты, включая тонкость выделки и некоторые особенности формы, разрешают видеть в них свидетельство южных и восточных влияний. Так, например, горшки с плавным профилем, украшенные в верхней части рядами гребенки, известны в Прикаспии (Досанг) (рис. 16, 16), на Нижнем Дону (Ракушечный Яр) (рис. 16, 3, с воротничковым венчиком — 1, 6).

О тех же связях говорят и горшки со стянутым верхом, встречающиеся в Степном Поволжье (ст. Политотдельская) (рис. 19, 2, 3), в Калмыкии (район Элисты) (рис. 19, 5; 27, 1).

Для уточнения истоков культурных связей, способствовавших появлению подобной посуды, следу-

ет подчеркнуть, что остродонные горшки без примеси ракушки в массе встречаются преимущественно в Предкавказье, где они, как правильно отметил Р. Мунчаев, найдены в зоне культурного контакта куро-аракского энеолита (кюльтепинской или

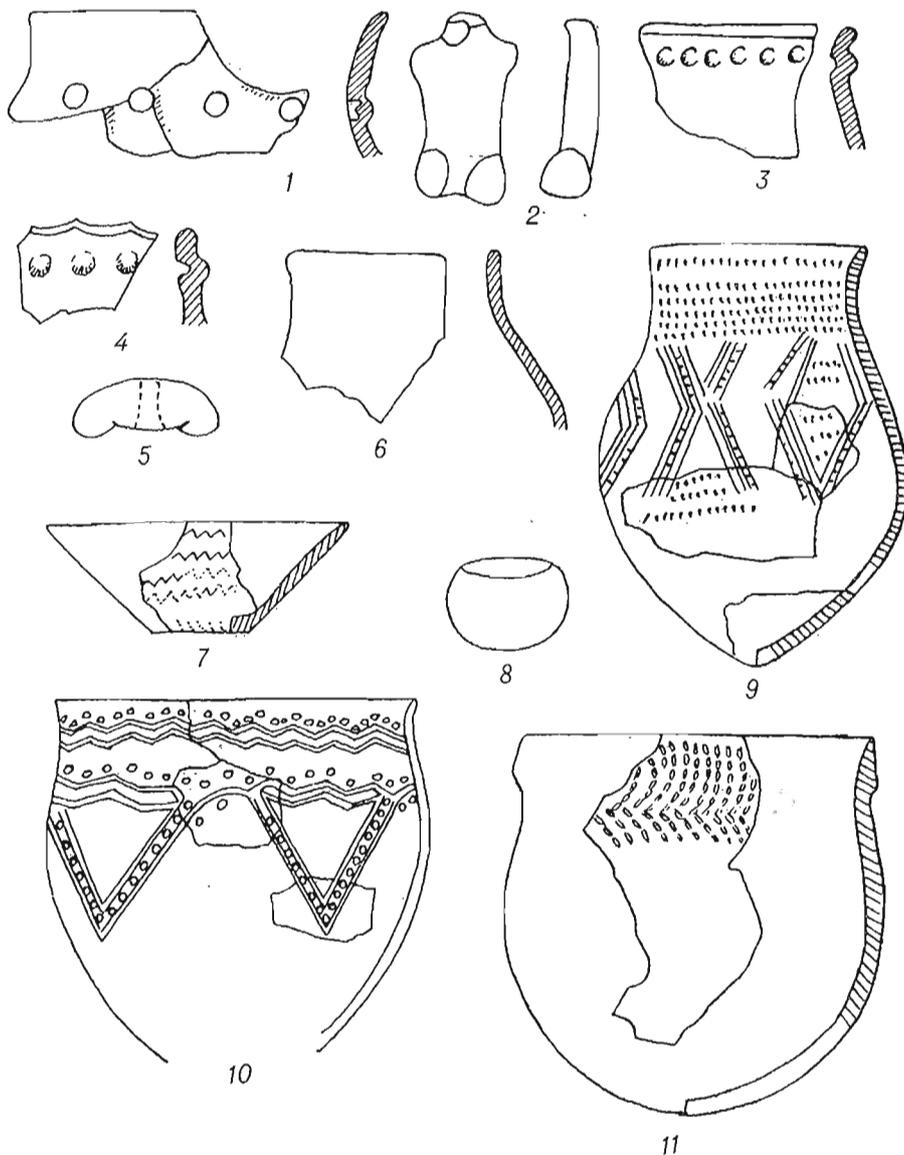

Рис. 26. Энеолитическая керамика:

1, 6, 7, 9—11 — Александрия; 2, 3, 8 — замок у Кисловодска; 4 — Раздольное; 5 — наконечник булавы мариупольского типа из района Пятигорска.

кирбет-керакской культуры) с культурами степного Предкавказья¹¹⁴ (рис. 28, 1—11). О том, что при изучении Александрии и, надо полагать, других районов Южной Донеччины и Приазовья, речь должна идти о связях с бассейном Кубани, где в это время протекал ранний период развития майкопской культуры, говорят некоторые новые факты.

Так, например, заслуживает большого внимания раннемайкопский памятник — поселение Мокрая

Балка в районе Пятигорска, исследованное в последние годы А. П. Руничем. Весьма интересна найденная здесь посуда, представленная в основном двумя формами — небольшими чашами (рис. 29, 1б), численно преобладающими глубокими горшками S-видного профиля с несколько уплощенным, реже острым дном, с гофрированным срезом венчика и так называемым жемчужным орнаментом под ним. Особо отмечаем находки глиняных антропоморфных статуэток, типичные для культуры каменные браслеты и проч.¹¹⁸ (рис. 29, 1 — 20; 26, 2—4, 8).

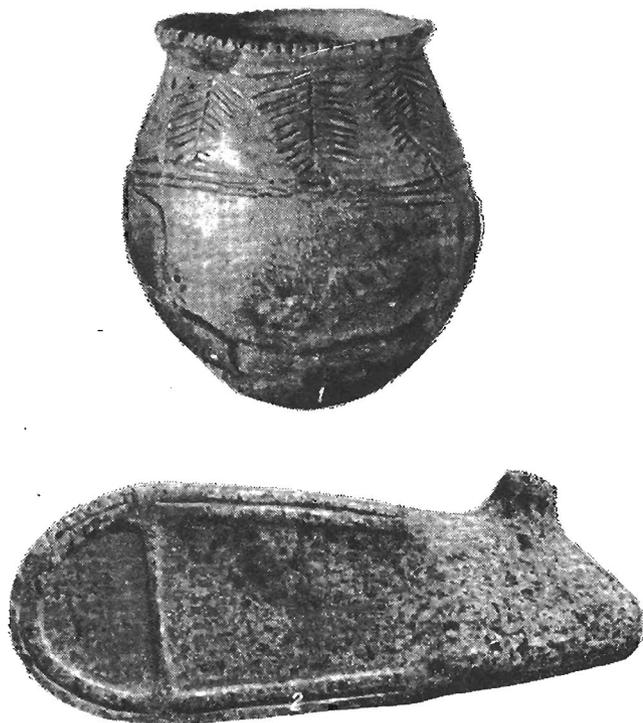

Рис. 27. Сосуд и навершие начала ямной культуры из Архаринского могильника в Калмыкии.

Несомненно, о контакте с культурой раннемайкопского типа свидетельствуют найденные в Александрии обломки двух небольших плоских донеч, а также венчик сосуда S-видного профиля, украшенный оттиснутыми изнутри жемчужинами (рис. 26, 1). Попутно отметим наличие сходного венчика с так называемым жемчужным орнаментом и на поселении Студенок II (рис. 26, 4).

Рассматривая происходящую из раннеэнеолитического слоя Александрии посуду с примесью мелкоотертой ракушки, следует отметить сходство ее форм и системы орнаментации с описанной выше. Она представлена остродонными горшками с широким устьем или воротничковым венчиком, украшенными округлыми углублениями под воротничком, зональными штамповыми линейными и линейно-накольчатые композиции по верхней части тулова, реже — по всему тулову. В то же время следует отметить, что для этой группы посуды более

характерно украшение среза венчика крупными наколами, а тулова — композициями, состоящими из скорописно-накольчатых и зигзагообразных линий (рис. 30, 1—8), то есть схемами орнамента, особенно характерными для памятников кельтеминарского круга¹¹⁶.

Необходимо отметить очевидное сходство названной посуды с раннеэнеолитической посудой Стрильчей Скелли, что следует рассматривать как указание на то, что описываемый слой Александрии фиксирует один из географических пунктов вторичного проникновения с востока в Поднепровье посуды с примесью толченой ракушки, а вместе с ней и тех форм этнокультурного развития, которые в определенной мере были равнозначны сложению древнейшей культуры.

Следующий — третий по счету — слой Александрии свидетельствует о внедрении глиняной посуды с примесью толченой ракушки или, говоря иначе, о развитии следующего этапа древнейшей культуры. Здесь найдены яйцевидные плечистые горшки с относительно высоким отогнутым наружу венчиком, распадающиеся на две технологические группы — сосуды с обильной примесью крупнотертой ракушки и сосуды с примесью охры, чем объясняется их кирпично-красный цвет.

В отношении формы эти сосуды явно близки к посуде памятников типа Средний Стог II, но отгиб венчиков здесь более плавный, а пропорции короче (рис. 31, 1—4; 32, 4).

Орнамент сосредоточен в верхней части сосудов, покрывая венчик и верхнюю часть тулова. Очень редко встречаются сосуды, орнаментированные до самого дна. Преобладают зональные композиции, состоящие из оттисков гребенчатого штампа. Обращают внимание довольно широко распространенные линейно-накольчатые композиции, включающие и зигзагообразный элемент, что снова дает основание сравнивать орнамент этого типа с орнаментом кельтеминарской культуры (рис. 30, 1—8).

Правильность такого сопоставления подтверждают находки керамики из Северного Прикаспия (Досанг) (рис. 33, 5, 6), а также сходство с известным сосудом из Бережновки (рис. 32, 1) и, наконец, сходство со случайно найденным сосудом, хранящимся в Новочеркасском музее (рис. 32, 5).

О том, что существование посуды, окрашенной кровавиком, было необходимым звеном в ранней истории развития древнейшей культуры, свидетельствуют и некоторые факты, установленные для Днепровского Надпорожья.

В этой связи следует подчеркнуть сходство описанной выше керамики с посудой, представляющей нижний энеолитический слой поселения с. Похилый, а также сходство ее с горшками из верхнего слоя поселения Сурский остров II¹¹⁷ и проч.

Следующий слой Александрии, также помещенный Д. Я. Телегиным под рубрику «энеолита»¹¹⁸, представляет собою позднейший памятник средне-

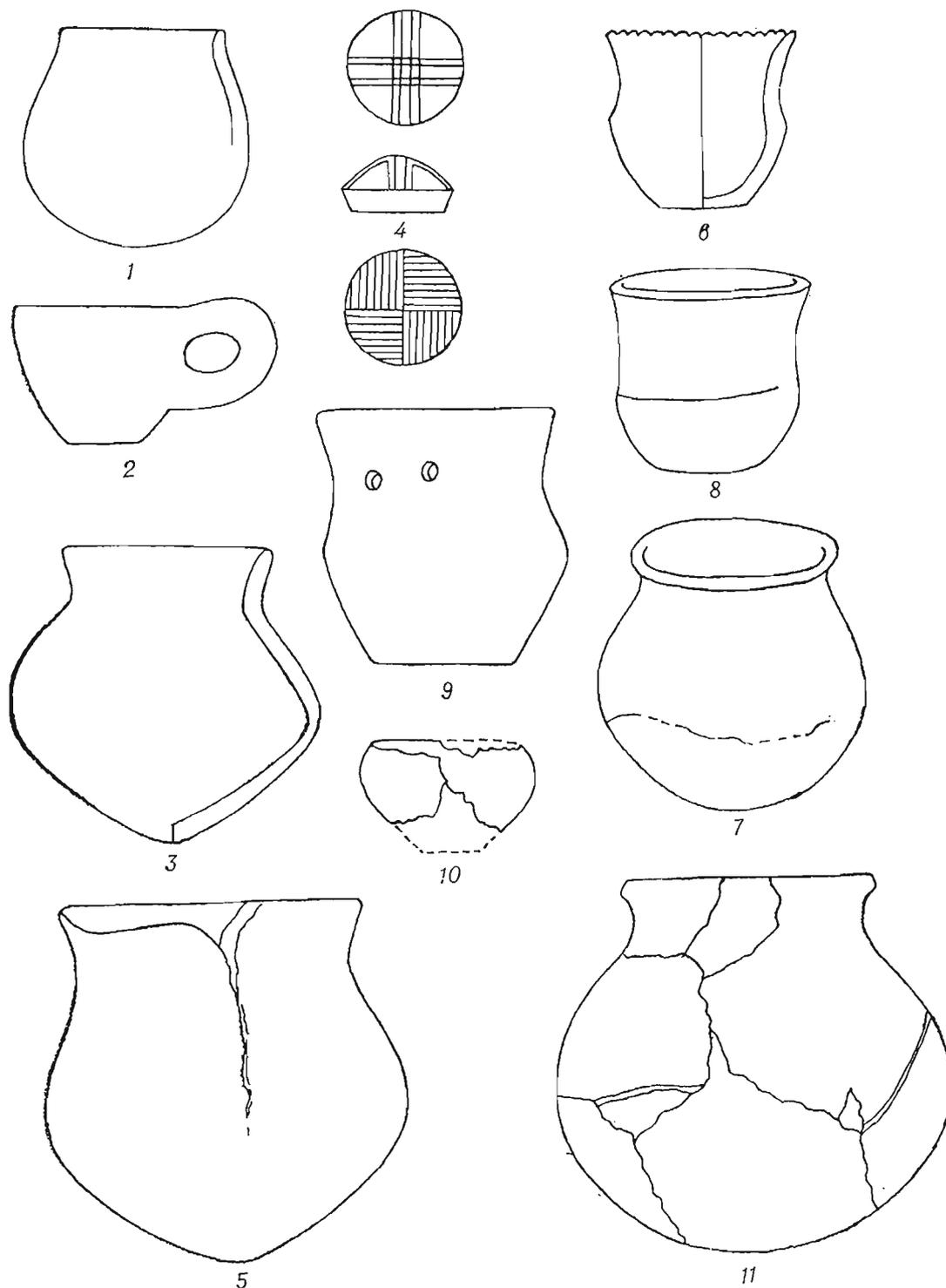

Рис. 28. Формы посуды степного энеолита, общие для Предкавказья и азово-черноморского ареала Украины:

1—3 — горшки; 4 — печать из гешира, найденная в кургане Радутка в районе Ростова; 5 — горшок из кургана в районе с. Любимовка на Херсонщине; 6 — горшок из кургана у с. Огородное на Одессине; 7 — горшок с поселения Луговое; 8 — горшок из кургана у Ростова-на-Дону; 9, 10 — горшки из кромлеха возле с. Осокоровка на Херсонщине; 11 — горшок из Каменной могилы.

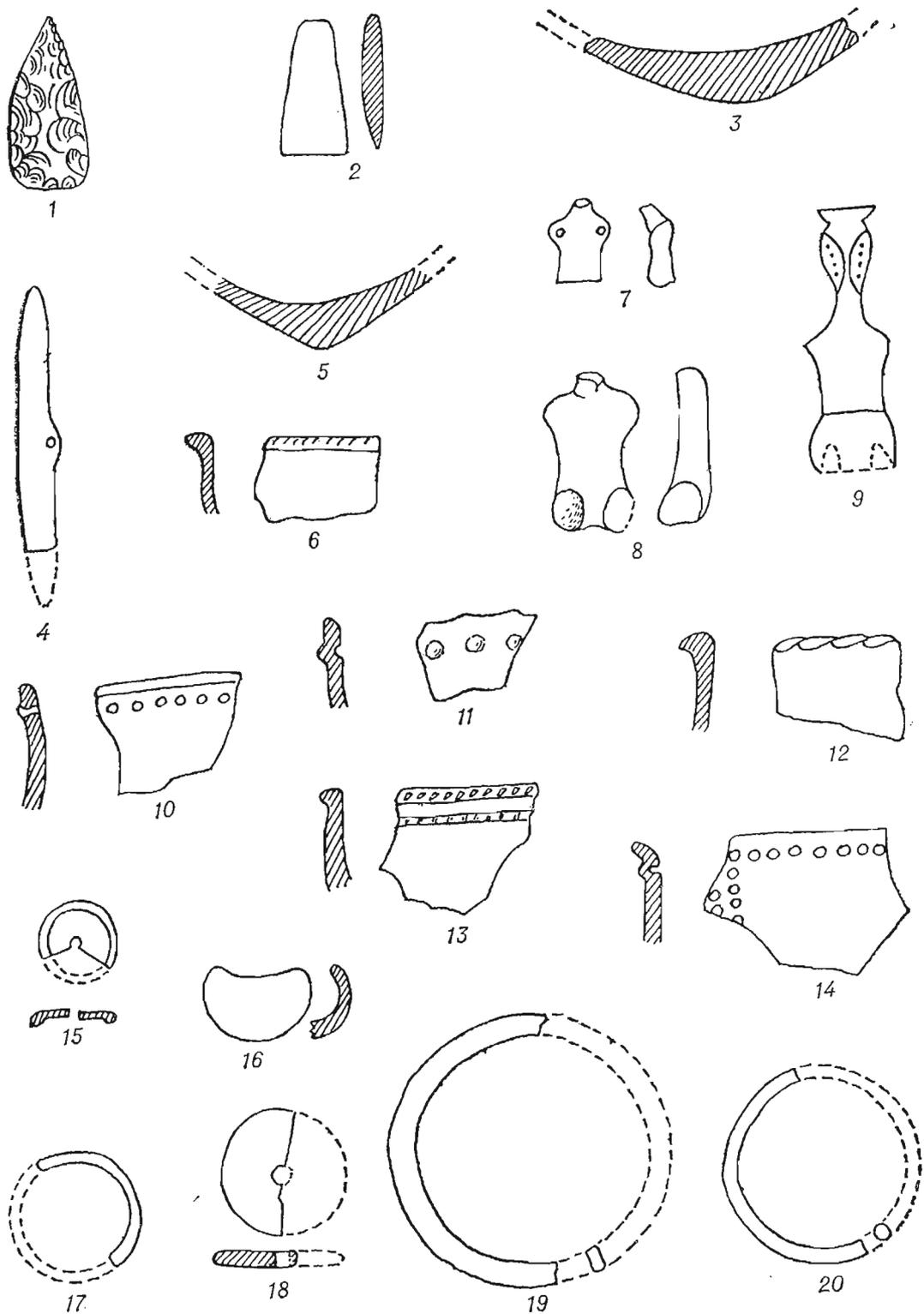

Рис. 29. Комплекс ранне-майкопского типа. Поселение Замок в районе Кисловодска:
 1 — кремь; 2, 19, 20 — камень; 3, 5—18 — образцы керамики, прясло и статуэтка из глины; 4 — кость.

стоговской линии развития, культурная принадлежность которого, после раскопок известного Деревиского поселения¹¹⁹, стала достаточно очевидной.

Слой представлен характерными плечистыми горшками с обильной и хорошо заметной примесью ракушки в массе, с высокими, слегка отогнутыми,

богатым инвентарем, преимущественно крупными кремневыми пластинами и ножами.

Пятый слой Александрий, описанный Д. Я. Телегиным под рубрикой «верхнего энеолита»¹²⁰, имеет близкую аналогию во втором слое Михайловки, в чем легко убедиться, сравнив материалы¹²¹.

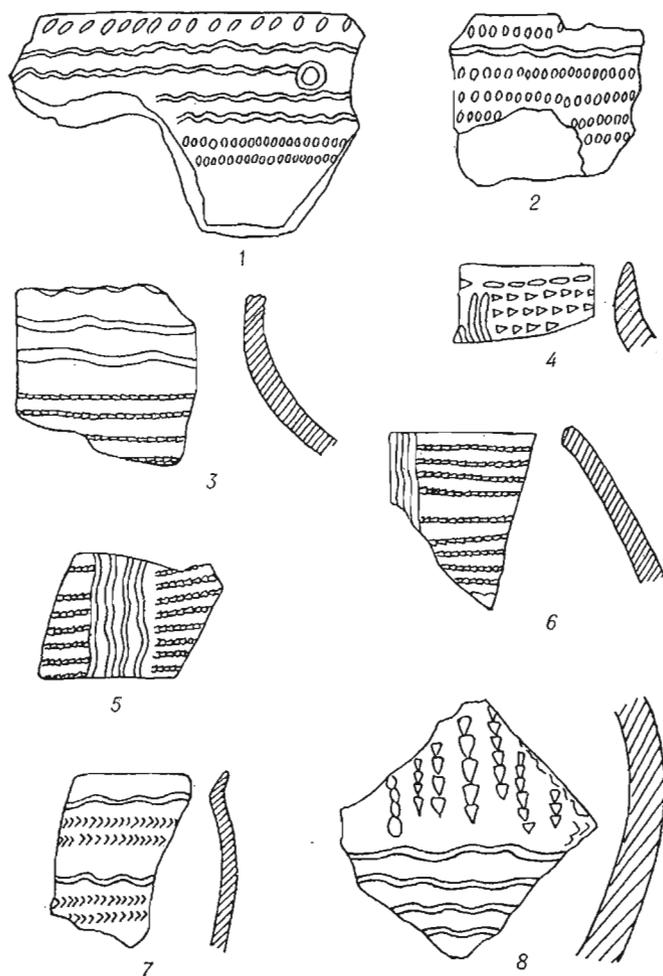

Рис. 30. Фрагменты керамики с орнаментом кельтеминарского стиля:

1—2 — Рын-Пески; 3—8 — Александрия.

почти вертикальными и даже загнутыми внутрь венчиками, а также округлодонными мисочками. Орнамент зональный, состоящий из оттисков гребчатого штампа и реже — гусенички и шнура.

Подобная посуда, помимо оговоренного выше сходства с посудой из Деревки, очень близка к посуде одного из горизонтов поселения на о. Виноградном, а также имеет сходство с известным сосудом из верхнего слоя донецкого местонахождения Минивский Яр (рис. 34).

В прямой связи с описанным выше слоем Александрии находится плоский могильник, расположенный на поселении, характеризующийся скорченными захоронениями, сопровождающимися не-

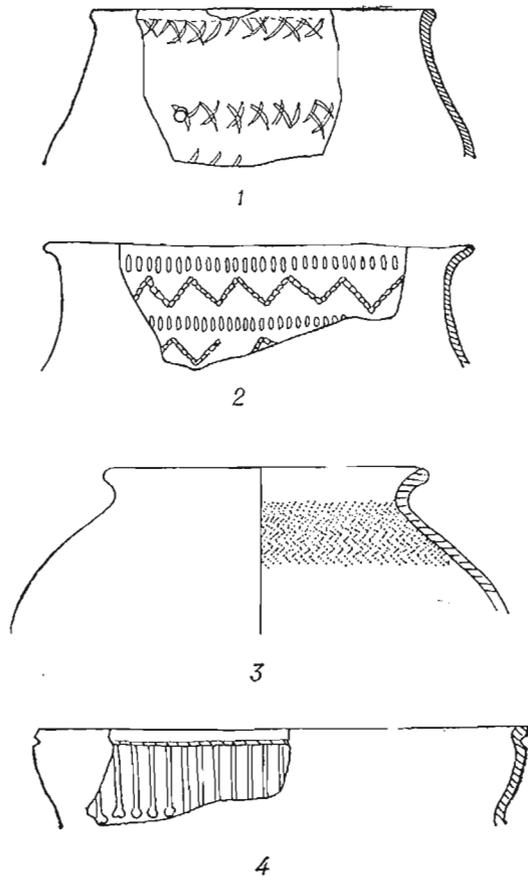

Рис. 31. Образцы энеолитической керамики Александрия.

Шестой и последний слой Александрии относится к началу поздней бронзы — к раннему периоду срубной культуры, что исключает необходимость какого-либо рассмотрения.

Ввиду особой сложности и значения поселения Александрия как археологического памятника кратко суммируем сообщенные о нем сведения.

Открывающий стратифицированную толщу местонахождения нижний слой, культурно смыкающийся с кругом днепро-донецкой и азово-днепровской культур, отражает бытование на территории Донецчины и, надо полагать, на территории всей левобережной Лесостепи, особого, не родственного древнейшей культуре субстрата, ассимилированного при продвижении с востока новым типом культуры, принявшей непосредственное участие в сложении азово-днепровской культуры.

Второй слой местонахождения дает качественно новый тип культуры. Из состава присущего ему

материального комплекса особый интерес представляет группа сосудов с примесью ракушки в массе, со стянутым верхом, украшенных зональным

Пятый — идентифицируемый со средним слоем Михайловки — фиксирует один из относительно поздних этапов развития древнеямной культуры, который протекал в момент доминирования на Востоке культуры типа хутор Репин.

Для раскрытия процесса формирования древнеямной этнокультурной области памятником не менее важным, чем Александрия, является многослойное местонахождение Ракушечный Яр на Нижнем Дону. Как показали систематические раскопки, проводившиеся Т. Д. Белановской, здесь различается ряд последовательно залегающих слоев, относящихся к эпохам неолита и энеолита¹²².

Ввиду того, что исследование этого памятника еще не завершено, а соответствующий материал не опубликован, мы ограничимся его общей характеристикой.

Из сообщения автора раскопок Т. Д. Белановской следует, что обнаружено до 20 слоев, как нам представляется, распадающихся на ряд культурных типов: неолитический слой, тяготеющий к кругу азовской культуры, характеризующийся гладкостенной посудой с примесью ракушки в массе, своеобразный поздний неолит-энеолит с плоскодонной посудой того же технологического состава, а также два энеолитических слоя — с чертами переживания азово-днепровской культуры и, наконец, архаической среднестоговской. Важно подчеркнуть, что материалы всех средних и верхних слоев Ракушечного Яра имеют ближайшие аналогии в Северном Прикаспии.

К сожалению, в такой важной, с точки зрения понимания процесса сложения древнеямной культуры, территории, как Северный Прикаспий, нам не известны стратифицированные местонахождения конца неолита — начала энеолита. Довольно многочисленный и разнообразный материал, полученный в результате разведок В. Д. Белецкого в районе Астрахани (несколько поселений близ населенных пунктов Досанг и Иссук-Кей * (рис. 33, 1—10), имеет ближайшие аналогии в материалах верхних слоев Ракушечного Яра, а отчасти и в материалах восточнокаспийского памятника Джебел,

* В последние годы в Северном Прикаспии ленинградским археологом А. Н. Мелентьевым осуществляется обширная программа планомерных разведок, проводимых в больших тер-

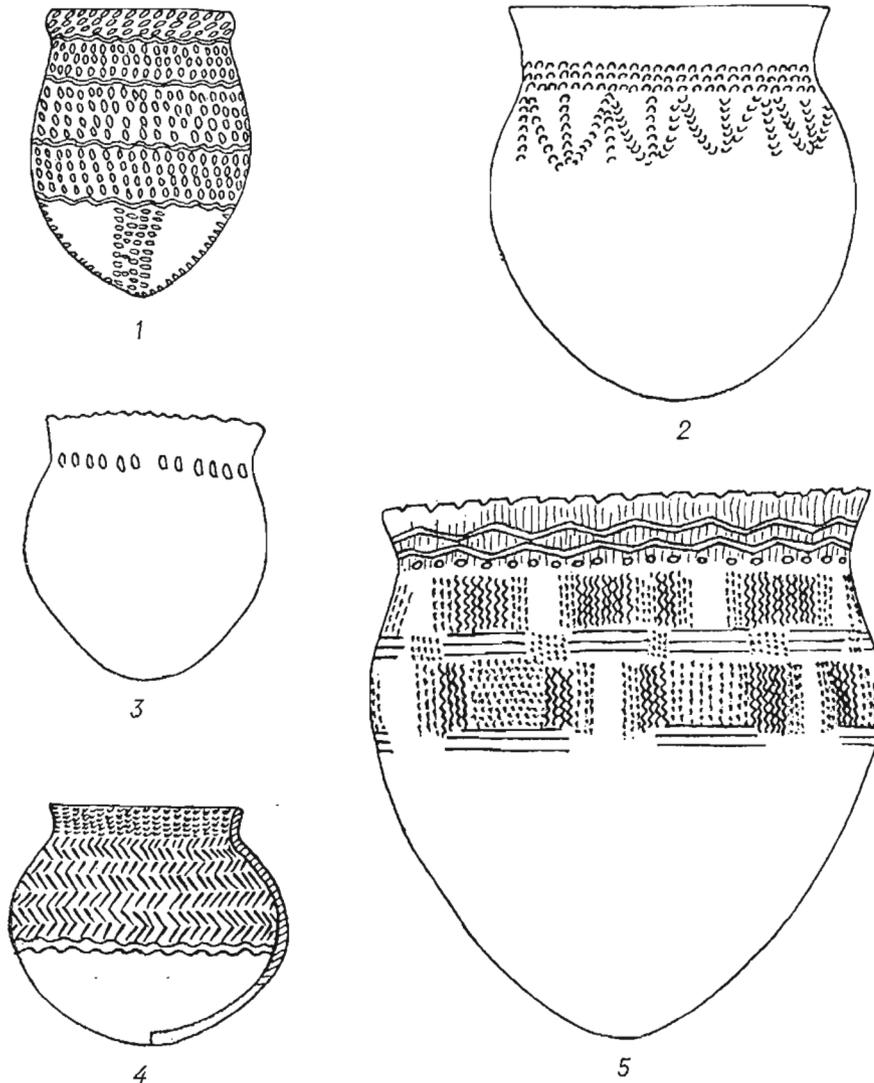

Рис. 32. Горшки бережновской фазы стоговского периода:

1 — Бережновка; 2 — Жданов; 3 — район Мелитополя, с/х Аккермень; 4 — Александрия; 5 — Новочеркасск.

гребенчатым орнаментом. Этот тип культуры можно рассматривать в качестве локального прототипа древнеямной культуры того периода, когда происходило формирование чигиринско-квитянского типа глиняной посуды.

Третий слой Александрии фиксирует процесс нарастания элементов нового, также проникающего с востока особого бережновского типа культуры, известного в Северном Прикаспии и в степных районах Поволжья и Подонья.

Четвертый слой, культурно идентичный с Деревкой, фиксирует последующий этап развития пришлого с востока культуры древнеямного облика.

что в целом обуславливает целесообразность попытки интерполяционно расчленить собранный здесь материал на хронологические группы. Но в начале мы кратко напомним культурно-стратиграфическую характеристику Джебела.

Джебел, как уже подчеркивалось рядом авторов, является важнейшим памятником в плане исследования процесса сложения неолита на юге Восточной Европы. В частности, он важен и для познания процесса формирования бугднестровской культуры. Значение этногенетических связей культуры джебельского типа этим не исчерпывается, а если говорить о процессе сложения древнейшей культуры — даже возрастает.

Восьмой и седьмой слои Джебела относятся к докерамическому неолиту (или к позднему мезолиту), представленному микролитонидным, слабо диагностичным кремнем¹²³.

Отличительной чертой шестого слоя Джебела является появление геометрических форм (трапеций), а также каменных дисковидных скребел, подобных найденным* в древнейших комплексах сурско-днепровской культуры¹²⁴.

Пятый слой поселения в культурном отношении является прямым продолжением нижележащего. Специфику его составляют находки глиняной посуды — глубокого шиподонного горшочка и нескольких чаш формы полушара, содержащих примесь шпата или толченой ракушки¹²⁵.

О генетических связях четвертого слоя с предыдущим свидетельствует микролитонидный кремь, глубокие, широко открытые остродонные горшки S-видного профиля и полузакрытые чаши, иногда с небольшим уплощенным донцем, по-прежнему с примесью толченой ракушки в массе и проч.¹²⁶ Вместе с тем часть инвентаря, для которой следует подчеркнуть наличие кельтеминарских аналогий (наконечник стрелы с боковой выемкой на ножке, скорописный накольчатый орнамент на

риториальных масштабах. Из богатейших материалов и из объяснений автора следует, что на названной территории прослеживается присутствие двух культурных комплексов: раннеэнеолитического с кремнем кельтеминарского типа и плоскодонной посудой с кремнем кельтеминарского типа и плоскодонной посудой с кремнем кельтеминарского типа, а также энеолитического, с крупным кремнем, включающим и двусторонние формы и с округлодонной керамикой с примесью ракушки, относимой нами к начальной поре местной ямной культуры.

* Найденные в шестом и пятом слоях обломки наконечников стрел, выполненные в отжимной технике, как мы полагаем, проникли сюда из вышележащего третьего слоя по норам грызунов. Таким же путем из верхних слоев в нижние проникали и обломки глиняной посуды.

обломке сосуда с воротничковым венчиком¹²⁷ (рис. 14, 11), следует выделить в особый, синхронный позднему Кельтеминару горизонт.

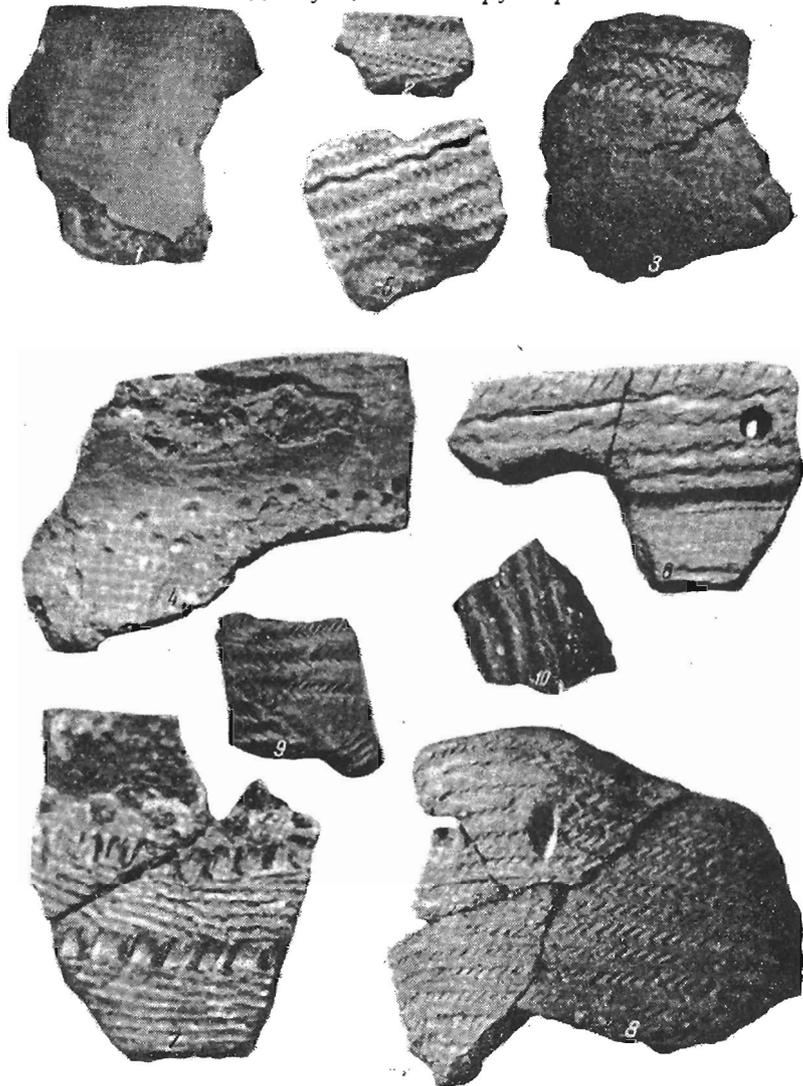

Рис. 33. Фрагменты керамики квитянского, стоговского, бережноовского и михайловского периодов ямной культуры (Северный Прикаспий и Рыч-Пески).

Третий слой Джебела — энеолитический. Об этом прежде всего свидетельствует крупный кремь, в составе которого заметное место занимают большие пластинчатые ножи одних размеров с концевыми скребками, а также довольно разнообразных наконечники дротиков и копий, исполненные в технике двусторонней ретуши¹²⁸. В целом подобный комплекс кремневых изделий довольно близок к мариупольскому, точнее, к кремню раннеэнеолитического слоя Александрии.

Все принадлежащие к этому слою фрагменты глиняной посуды содержат примесь толченой ракушки. Из форм различаются довольно открытые остродонные (или округлодонные) горшки со

стянутым верхом, со слегка отогнутым воротничковым венчиком, а также горшки-миски с несколько загнутым, утолщенным изнутри венчиком¹²⁹.

Следует обратить внимание на перемешанность материалов этого слоя, что проявляется не только в проникновении из вышележащего (второго) слоя обломков гончарных сосудов, украшенных каннелюрами, но и в наличии фрагментов полусферических чаш, имеющих аналогии в четвертом и пятом слоях Джебела¹³⁰.

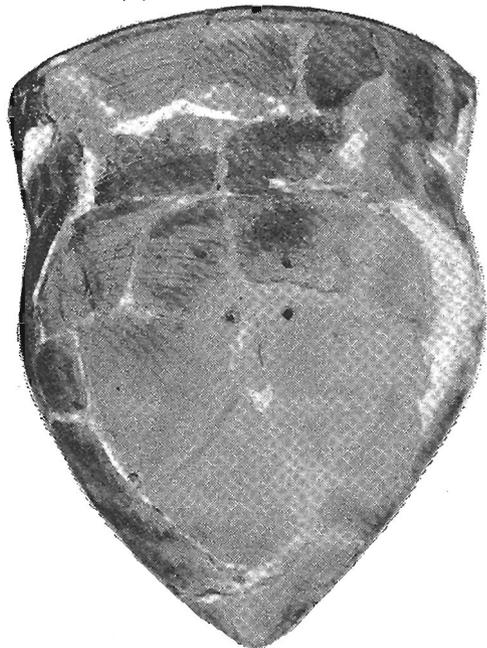

Рис. 34. Сосуд деревяской локальной культуры. Донеччина, Минивский Яр, верхний слой.

Принципиальное значение имеет вопрос о возрасте найденных здесь фрагментов керамики, обнаруживающей очевидное сходство с древнеямной. Речь идет о содержащих примесь ракушки в глине плечистых яйцевидных горшках с невысокими отогнутыми наружу венчиками, украшенными нарезками или насечками по срезу¹³¹. Как явствует из данных двух заключительных слоев Джебела — второго и первого, где встречается подобная керамика¹³², ее правильнее было бы рассматривать в органической связи со вторым слоем местонахождения.

Второй и первый слои Джебела по характеру инвентаря — изделий из кремня и керамики названного выше типа — являются прямым продолжением того же типа культуры, который с достаточной определенностью выступил уже в третьем слое, а также и в слое ямной культуры Заман-Бабинского могильника¹³³, расположенного в низовьях Зеравшана.

Представляет интерес керамика, являющаяся или свидетельством прямого импорта, или же возникшая в результате подражания передневосточ-

ной посуде. Так, например, заслуживают внимания встречающиеся во втором и третьем слоях фрагменты черных кружальных сосудов, украшенных горизонтальными и пересекающимися каннелюрами, а также обломок стенки лепного сосуда с длинным «пальцеобразным выступом и вертикальным проколом для подвешивания»¹³⁴. Для кружальных сосудов автор раскопок А. П. Окладников называет аналогии в Иране — Шах-Тепе и Кизил-Арвате¹³⁵. Перечень аналогий можно расширить, указав на близость названных импортов к раннебронзовой керамике анатолийского Бейчесултана, датированного Д. Меллаартом временем до середины III тысячелетия до н. э.¹³⁶

Суммируя сказанное выше, в стратифицированной толще Джебела можно выделить такие культурно-стратиграфические компоненты: три докерамических слоя (VIII—VI), два ранних керамических слоя (V—VI), связанный с ними генетически слой, культурно продолжающий комплекс предшествующего времени, но обнаруживающий признаки кельтеминарского влияния (часть материалов из IV и III слоев), и, наконец, распадающийся на два-три горизонта очень архаический слой местной древнеямной культуры, датирующейся временем, как мы полагаем, до середины IV тысячелетия до н. э. (основание — третий слой и отчасти второй и первый).

Несмотря на принципиальное сходство данных стратиграфии Джебела и Ракушечного Яра, особенно отчетливо проявляющееся в характере их нижних слоев, несмотря на наличие в более поздних слоях этих памятников, близких в отношении формы и технологических признаков, горшков и мисок, в характере культуры обоих памятников заметны существенные различия. Последние проявляются, например, в том, что на Нижнем Дону широкое распространение получили плоскодонные горшки, имеющие здесь глубокую генетическую подоснову и встречающиеся также в азово-днепровском комплексе; горшки со стянутым верхом; кроме того, посуда из Джебела, в отличие от ракушечной, почти не имеет орнамента.

Глиняная посуда Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья (по крайней мере, на территории от Астрахани до Волгограда), относящаяся к концу неолита и к раннему энеолиту, ближе к нижнедонской, чем к восточнокаспийской — джебельской. Более того, как видно из небольшого раскопок, проведенных в последние годы В. Н. Гладилиным на Айдаре (Подгоровка) и О. Г. Шапошниковой на Кальмиусе (Раздольное)¹³⁷, сходный с северокаспийским тип культуры долгое время бытовал и в украинской части Приазовья.

В составе доступного исследованию материала из Северного Прикаспия, если к тому же опираться на сравнительные данные Джебела и Ракушечного Яра, выделяются три хронологически смежные группы. Первая представлена находками керамики,

содержащей примесь ракушки (пункты 55, 98, 99, 136 — Досанга; пункт 12/41, 59 — Иссык-Кея и др.). В их составе различаются глубокие широко открытые горшки со стянутым верхом, украшенные вверху линейно-накольчатым или гребенчатым орнаментом, напоминающие некоторые сосуды из верхних слоев Ракушечного Яра (рис. 12, 1; 13, 1, 4, 5, 7). Интересен округлодонный сосуд со стянутым верхом и воротничковым венчиком, найденный в Досанге (пункт 55; рис. 19, 4). Очевидно, подобному сосуду принадлежит упоминавшийся выше венчик кельтеминарского сосуда из IV—III слоя Джебела. К досанговскому сосуду близки многие раннеэнеолитические горшки Ракушечного Яра и, что особенно интересно, из раннеэнеолитического слоя Александрии (рис. 26, 11).

Вторую хронологическую группу представляют фрагменты керамики, также с примесью ракушки (пункт 136 — Досанга; пункты 9/38, 55 — Иссык-Кея), глубоких остродонных или яйцевидных сосудов с невысоким отогнутым наружу венчиком, украшенным рядом углублений под ним; по верхней части тулова нанесены гребенчатые или позднекельтеминарские композиции, состоящие из наколов и обрамляющих их волнистых линий (рис. 33, 5, 6).

Хронологически эта группа керамики и, следовательно, представленные ею памятники, определяется сходством с посудой конца второго — начала третьего слоев Александрии, Бережневки, Новочеркаска и пр.

Третью и последнюю группу представляют находки керамики из районов Досанга (более поздняя часть коллекций из пунктов 136, 122) и Иссык-Кея (пункты 9/38, 43). Речь идет о фрагментах глубоких яйцевидных горшков с отогнутым наружу венчиком, украшенных по плечикам рядом жемчужин или округлых углублений, а по тулову — оттисками штампов или шнура. Все сосуды с обильной примесью ракушки в массе. Поверхность стенок, особенно изнутри, обработана зубчатым инструментом (рис. 33, 7—10; 37, 1).

Перечисленные группы имеют аналогии в комплексе Скели-Каменоломни, в среднем слое Михайловки¹³⁸ и в ряде других приднепровских памятников¹³⁹. Следует подчеркнуть их большую близость с керамическим комплексом хутора Репин¹⁴⁰. Сближают их особые приемы обработки поверхности стенок, а также очевидное преобладание в орнаменте скорописных композиций, выполненных углом кремневой пластинки. Кроме того, отметим близость рассматриваемой группы сосудов к ряду основных древнеямных погребений из района с. Быкова на Нижней Волге (Быково II, курган № 1, курган № 3, погребение № 8, курган № 2, погребение № 3 и др.)¹⁴¹.

Естественно, что охарактеризованные хронологические группы не отражают всех этапов развития энеолитической (и раннебронзовой) культуры

Северного Прикаспия. И все же предпринятая нами попытка культурно и хронологически определить происходящий из этого района довольно-таки случайный археологический материал, по-нашему, достигает цели.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что культуры Джебел и памятников Астраханского района, по крайней мере в период палеометаллической эпохи и тех веков, когда в степях Восточной Европы происходило сложение древнеямной культуры, принадлежали к родственным, но все же различным этнокультурным ареалам. Своеобразие последних определялось конкретными формами развития пастушеского хозяйства: преобладание мелкого рогатого скота в прикаспийском (джебельском) ареале¹⁴²; развитие коневодства (Деревка, хутор Репин¹⁴³) и крупного рогатого скота (древнеямные слои Михайловки и ее многочисленных аналоги¹⁴⁴).

Вместе с тем достаточно ясно, что локальные различия в характере пастушеского хозяйства, вызванные своеобразием естественных условий конкретных районов, не могли обуславливать возникновения стабильных границ между этнокультурными ареалами. В силу деятельности исторических факторов, среди которых не последняя роль принадлежала росту народонаселения, границы экономических и этнокультурных ареалов нередко нарушались и передвигались, что приводило к переплетению различных линий этнокультурного развития.

Приведенный выше обзор стратифицированных памятников, расположенных в обширной части евразийских степей от Днепра до Юго-Восточного Прикаспия, а в древности, вероятно, до бассейна Зеравшана включительно, дает основание для выработки достоверной периодизации тех типов древней культуры, которые в той или иной степени приняли участие в сложении древнеямной этнокультурной области или способствовали сложению других, тесно соприкасавшихся с ними этнокультурных массивов.

Главное в этой периодизации — выделение реальных этапов этнокультурного развития, получивших отражение в конкретных археологических памятниках и культурах, достоверность определения их последовательности, что должно обеспечить правильность понимания роли конкретных этнокультурных групп в реальном этногенетическом процессе.

ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ

Для разных районов евразийских степей вопрос о сложении древнеямной этнокультурной области может решаться по-разному, так как в одном случае доминировали эволюционные формы развития, в другом — происходил процесс ассимиляции местной культуры пришлой.

На основании анализа приведенных выше данных можно сделать вывод, что в западной части этой области первый этап сложения древнеямной культуры был также процессом ассимиляции азово-днепровской культуры и, как показывают некоторые данные Поднепровья, отчасти ассимиляции позднейших переживаний сурско-днепровской культуры.

О закономерном процессе разрушения старого и возникновении на иной основе обновленных форм развития свидетельствуют и некоторые факты,

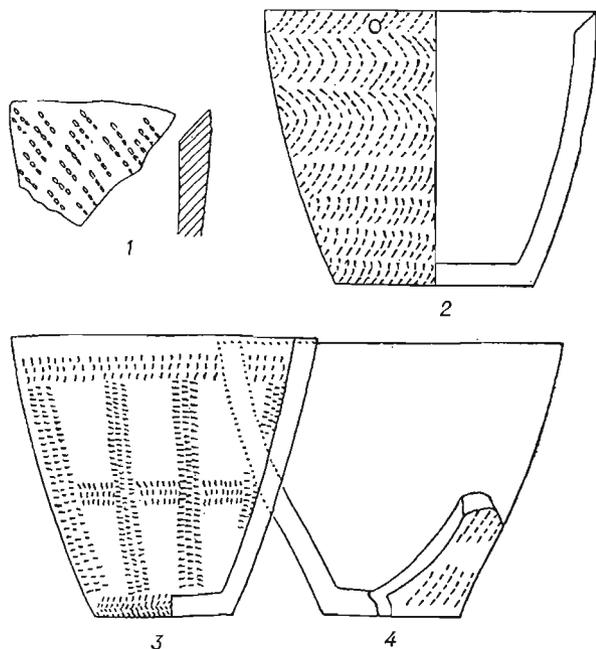

Рис. 35. Чашеобразные сосуды раннеэнеолитического периода (Поволжье и Поднепровье):

1 — о. Виноградный; 2 — ст. Политотдельская; 3 — Васильевка; 4 — Мариупольский могильник.

смысл которых становится ясным только при раскрытии воссоздаваемой системы историко-культурной периодизации.

Ассимиляция азово-днепровской культуры. Сложение древнеямной культуры на территории Южной Украины по времени совпадает с процессом вытеснения массовых могильников мариупольско-вовнигского типа плоскими или курганными могильниками с преобладанием скорченных захоронений.

Так, например, о возникновении в Приазовье какой-то новой культуры говорит появление в Мариупольском могильнике скорченных захоронений с обычным мариупольским инвентарем, но помещенным в каменные ящики, перекрытые каменными закладами¹⁴⁵.

О сходном процессе свидетельствует позднейшая (третья) часть чаплинского могильника. Она возникла после группы вытянутых погребений азово-днепровской культуры и характеризуется нали-

чием каменных закладов, скорченным положением погребенных¹⁴⁶ и, наконец, медными украшениями, перекликающимися с инвентарем известного мариупольского «погребения с браслетами»¹⁴⁷.

Нечто подобное наблюдается и в исследованном О. Г. Шапошниковой капуловском могильнике на Днепропетровщине, где появление слегка скорченных захоронений совпало с появлением керамики нового, не азово-днепровского типа¹⁴⁸.

Следует подчеркнуть, что ни в одном из названных случаев нельзя с уверенностью говорить о том, что инфильтрирующая культура имела характер древнеямной в строгом смысле этого слова. Это подтверждает и характер глиняной посуды, найденной в виде фрагментов в захоронениях.

Так, например, уплощенную придонную часть горшка с примесью ракушки, украшенную гребенкой, найденную в засыпи Мариупольского могильника (рис. 35, 4), и придонную часть плоскодонного сосуда, изготовленного из прокопченной глины*, обнаруженную в чаплинском могильнике, можно связать только со скорченными погребениями.

На Нижнем Днепре пришлый тип культуры представлен более выразительным материалом. Так, например, у с. Бабино на Херсонщине выявлены остатки поселения с керамикой, содержащей примесь толченой ракушки. Из форм удалось определить широко открытые миски с утолщением внутри венчиком, а также глубокие горшки с коротким отогнутым венчиком, украшенным насечкой¹⁴⁹ (рис. 16, 8, 13).

С этим поселением связан исследовавшийся в этом районе могильник, включавший несколько кромлехов, ограбленных в древности. В одном из кромлехов найдено скорченное захоронение мужчины и череп коня; в другом — фрагменты глубокого плоскодонного банкообразного сосуда с утолщенным венчиком, содержащего в массе растительную, охристую и ракушечную примесь (рис. 16, 14)¹⁵⁰.

На Нижнем Поднепровье, у с. Золотая Балка, было исследовано около десяти кромлехов с закладами. Несмотря на то, что они были потревожены еще в древности, удалось обнаружить некоторый материал: в одном кромлехе — захоронение овцы; в другом — рядом с разрушенным труположением высокий плоскодонный горшочек с отогнутым коротким венчиком, украшенным насечкой¹⁵¹, того же типа, что и на поселении у с. Бабинс; в третьем вместе со скорченным погребением найден плечистый плоскодонный горшочек с примесью толченой ракушки в массе¹⁵².

В свете приведенных выше данных становится более понятной культурная принадлежность некоторых кромлехов, исследованных на порогах. Так, например, следует упомянуть кромлехи из района сел Майорка и Волошское. Здесь найдены остатки

* Хранится в фондах ИА АН УССР.

глубоких сосудов с утолщенными изнутри венчиками, украшенных гребенкой или линейно-сколописным орнаментом¹⁵³ (рис. 16, 11, 12).

О процессе вклинивания в культурно-исторический комплекс азово-днепровской культуры элементов новой, продвигающейся с востока, пастушеской культуры свидетельствуют фрагменты сосудов, изготовленных из глины с примесью ракушки, характерные для азово-днепровских комплексов обоих поселений у Каменной Могилы, поселений на Малом и Дубовом острове, Собачки и др.

Следует отметить, что в ряде случаев по фрагментам удавалось восстановить формы сосудов, проникающих на Поднепровье. Это широко открытые чашеобразные или, реже, банкообразные, иногда плоскодонные горшки. Заслуживают внимания фрагменты чаши с простым или резко загнутым внутрь венчиком с поселения Собачки (рис. 16, 10, 15).

Для установления эпицентра этой мигрирующей к западу культуры необходимо отметить, что поселения с подобной керамикой известны на Нижнем Дону (третий и второй слои Ракушечного Яра), в Рын-Песках, около Астрахани (Досанг, Иссык-Кей), в соседних районах Западного Казахстана (Саратдин)¹⁵⁴ и в районе Волгоградской ГЭС¹⁵⁵ (рис. 13, 2, 3, 6).

Создается впечатление, что если не говорить о древнеямной культуре, в арсенале ассимилируемой азово-днепровской культуры переплелось, по крайней мере, два этнокультурных течения.

Исходя из того, что в материалах перечисленных выше памятников помимо признаков степной культуры (керамика с примесью ракушки в глине) присутствуют южные элементы (каменные кромлехи, заклады, черноглиняная плоскодонная подлощенная посуда), можно прийти к выводу, что южная часть зоны формирования новой культуры граничила с областью кавказско-каспийского энеолита кюльтепинского типа и что это формирование шло параллельно с процессом сложения майкопской культуры, также обнаруживающей признаки этнокультурного контакта со степным миром.

Вполне очевидно, что импульсом, приведшим в движение новую культуру, было пастушеское скотоводство. Так как вопрос о роли пастушества будет рассматриваться позднее, отметим только, что культовое захоронение овцы и коня в кромлехах у сел Бабино и Золотая Балка свидетельствуют о скотоводческом характере этого этнокультурного процесса.

КВИТЯНСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ

Первый период сложения древнеямной культуры может быть разделен на две фазы. Старшая из них — каспийско-днепровская — отвечает време-

ни проникновения из Прикаспия в степную зону Украины первых племен древнеямной культуры, вступивших в соприкосновение с позднейшими племенами сурско-днепровской, буго-днепровской и азово-днепровской культур; младшая — квилянская — отвечает времени завершения процесса ассимиляции азово-днепровской культуры и возникновения в азово-черноморских степях Восточной Европы нескольких исключительно архаических вариантов древнеямной культуры.

Каспийско-днепровская фаза. В составе керамического комплекса ряда надпорожских и донецких памятников (верхний слой поселения Вовчок, нижний энеолитический слой Стрильчей Скелі, Изюм V, раннеэнеолитический слой Александрии, Яремовка и др.) преобладают остродонные горшки S-видного профиля, содержащие примесь толченой ракушки (рис. 12, 1—11; рис. 14, 1—11; 17, 1—4; 18, 1—6; 19, 1—5; 20, 1—2; 21, 1—4).

Из проанализированных выше культурно-стратиграфических данных становится ясным, что среди форм посуды, имеющей корни в степном неолите (от Каспия до Днепра) наиболее архаическими являются горшки S-видного профиля. Таким образом, вопрос о первой фазе древнеямной культуры в определенном смысле является вопросом о ее преемственной связи с заключительной порой степного восточноевропейского неолита.

Остродонные горшки S-видного профиля, датирующиеся эпохой неолита, чаще всего встречаются на Поднепровье и в Прикаспии. Так как в Поднепровье на рубеж неолита и энеолита приходится доминирование совершенно нового материального комплекса азово-днепровской культуры, а на Нижнем Дону и в Крыму горшки S-видного профиля не получают надлежащего развития, то следует вывод, что именно в Прикаспии в неолитическую эпоху возникает древнеямная культура. Отсюда она в более или менее сложившемся виде распространяется на другие территории, в частности на Поднепровье.

В Прикаспии и на Нижней Волге этого времени нам не известны погребальные памятники с глиняной посудой интересующего нас типа. Отмечая это, следует подчеркнуть, что только на востоке исследуемого ареала имеются древнеямные погребения, сохраняющие очевидную преемственную связь с неолитической эпохой. В этом смысле заслуживает особого внимания погребение № 17 в кургане № 9 около с. Бережновки, в низовьях Еруслана, исследованное И. В. Синециным. Это типичное древнеямное погребение, совершенное в обычной грунтовой яме, вмещающей захоронение взрослого субъекта, лежащего на спине с поджатыми ногами, головой на запад. Его сопровождал набор кремневых орудий неолитического облика — два микролитических скребка и типичный сегмент¹⁵⁶.

Между тем, в западной половине ареала наиболее архаические погребальные памятники древнеямной культуры и даже поздней азово-днепровской уже свидетельствуют об энеолитическом этапе развития. Возможен единственный вывод: побудительной силой, обусловившей широкую этнокультурную перегруппировку и продвижение древнеямной культуры к западу и способствовавшей ее стремительному перерастанию из неолитической в энеолитическую, были не столько племена древ-

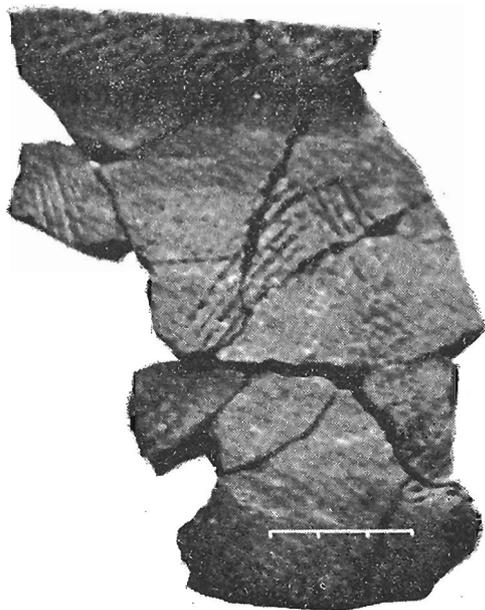

Рис. 36. Фрагмент сосуда каспийско-днепровской фазы. Рын-Пески.

неямной культуры, сколько раннеэнеолитические поселения Прикавказья и Прикаспия с культурами, близкими к Майкопу и позднему Кельтеминару.

В условиях Днепровского Надпорожья первый этап сложения древнеямной культуры носил характер борьбы пришлых культур с появившейся ранее на этой территории азово-днепровской культурой.

Как свидетельствуют данные поселений Вовчок, Игрень VIII, первое проникновение новой культуры относится к тому времени, когда на днепровских порогах еще существовала сурско-днепровская культура с чертами буго-днестровской. Данные стратиграфии Стрильчей Скели говорят о том, что памятники с интересующим нас типом культуры продолжали существовать и после поздних азово-днепровских поселений.

Если исходить из того, что культура типа IV слоя Джебела была тем прикаспийским компонентом, который лег в основу формирующейся древнеямной культуры, и из того, что несколько позднее она уже обладает признаками Кельтеминара, сле-

дует предположить, что именно продвижение к западу культур кельтеминарского типа и было тем доминирующим процессом, который обуславливал перемещение к западу, по крайней мере на Поднепровье, ряда скотоводческих культур.

Разумеется, IV—I слои Джебела представляют незначительную собственно восточноприкаспийскую часть первичного древнеямного ареала. О том, что он был значительно шире и, несомненно, занимал некогда увлажненную область нынешних Каракумов, свидетельствует открытая в низовьях Зеравшана так называемая заман-бабинская культура. Ее «ямная» часть сопоставляется Е. Е. Кузьминой с верхними слоями Джебела*.

Не следует, однако, думать, что инфильтрация племен древнеямной культуры происходила в обстановке полного запустения степных восточно-европейских территорий. Скорее всего, этот процесс происходил в период столкновения двух типов скотоводческого хозяйства — так называемого припоселкового полуседлого скотоводства сурско-днепровской и азово-днепровской культур с пастушеским хозяйством пришлой культуры, которое способствовало разведению мелкого рогатого скота и коневодства.

Исходя из того, что в отличие от материалов Джебела для памятников рассматриваемого типа характерны сосуды с штамповым, линейным, а в отдельных случаях и с так называемым жемчужным орнаментом, можно с уверенностью говорить о том, что формирование основных признаков наиболее архаического звена древнеямной культуры происходило в обстановке контакта с племенами других этнокультурных ареалов: в одном случае, как об этом свидетельствует находка подлощенной посуды, иногда с жемчужным орнаментом — с северо-западным Кавказом, в другом, что подтверждается посудой с примесью ракушки и штамповым орнаментом, — с Северным Прикаспием и Степным Поволжьем.

Об особой роли северо-прикаспийского импульса свидетельствуют данные раннеэнеолитического слоя Стрильчей Скели. Здесь вместе с описанным выше типом глиняной посуды найден особый, прежде неизвестный, набор рыболовных орудий: крупные удильные крючки, костяные багры и поворотные гарпуны; их возникновение естественнее всего связывать с приморскими районами, изобилующими рыбой. Аналогичная находка — гарпуны на Нижнем Дону — подкрепляет правильность такого вывода¹⁵⁷. Вероятно, именно северо-прикаспийская культура служила тем промежуточным звеном, которое обусловило распространение поворотных гарпунов у раннетрипольских племен (Лука-Врублевецкая, Голерканы).

То, что ловля и бой крупной рыбы в хозяйстве племен этой поры играли немалую роль, подтверж-

* См.: СЭ, № 2, М., 1959, стр. 25 сл.

дает рыболовческий набор, найденный в составе инвентаря некоторых погребений со скорченными захоронениями в районе Стрильчей Скели. Это группа погребений под закладами, одно из которых сопровождалось крючком и поворотным гарпуном (остров Лоханского порога), и группа сходных по ритуалу захоронений, расположенных против центральной части с. Волошского¹⁵⁸. Одно из исследованных здесь погребений сопровождалось поворотным гарпуном, непонятным обломком костяного орудия, другое — кремневым скребком и чернолощеной мисочкой, изготовленной из придонной части плоскодонного сосуда, третье — в целом безинвентарное — остатки погребальной тризны (в засыпи раковины *Unio*), копытами овцы-козы и обломками пористой и чернолощеной керамики.

В заключение следует напомнить, что Надпорожье не является западной границей распространения памятников начальной поры сложения древнейшей этнокультурной области. В этом смысле особое значение приобретает уже упоминавшееся групповое погребение из района Кировограда с горшком S-видного профиля, имеющим аналогии в раннеэнеолитическом слое Стрильчей Скели и на поселении близ Вовнигского порога (рис. 18; 5, 6; 19, 1; 20, 2).

Подобная находка свидетельствует не столько об обычае снабжать умерших сосудами, сколько о глубоком проникновении древнейших древнеямных памятников в глубинные районы Степного Правобережья. Кроме того, Кировоградский сосуд обнаруживает очевидное сходство с керамикой памятников сурско-днепровской культуры. Означает ли это, что в составе исследуемой культурной группы присутствует также и компонент позднейших переживаний сурско-днепровской культуры?

При настоящем уровне сведений об энеолите бассейнов Ингула и Ингульца ответить на этот важный вопрос не представляется возможным. Ясно лишь одно: если сурско-днепровская культура существовала еще в начале энеолита и даже приняла участие в сложении древнеямной культуры, то роль ее в этом процессе, по сравнению с ролью названных выше восточных, то есть в основе прикаспийских, компонентов, проявляющихся на всех этапах формирования древнеямной этнокультурной области (рис. 36; 37, 1—4), все же была скромной.

Чигиринско-квитянская фаза. Это название, впрочем, и названия других архаических фаз древнеямной культуры, в достаточной степени условно, ибо если исходить из наличия соответствующих памятников в степном Поволжье, чигиринско-квитянскую фазу можно назвать и волго-днепровской. Не делаем этого ради сохранения исследовательской традиции, поскольку еще в 50-х годах мы начали говорить о памятниках этого типа как об одной из архаических фаз древнеямной культуры¹⁵⁹.

Тогда же было отмечено, что для чигиринско-квитянской фазы характерны погребальные

каменные заклады со скорченными захоронениями под ними, для инвентаря — орудия труда из кремня, ретушированные с двух сторон отжимной ретушью; остродонные или со слегка уплощенным дном яйцевидные горшки, изготовленные из пористой, вследствие обильной примеси ракушки, глины, со стянутой горловиной, украшенной мелкозубчатыми отгисками гребенчатого штампа и с едва намеченным отогнутым наружу венчиком (рис. 12, 2, 5, 8; 14, 1, 2, 4, 5; 38, 1—5; 39, 1, 2; 40, 1, 2).

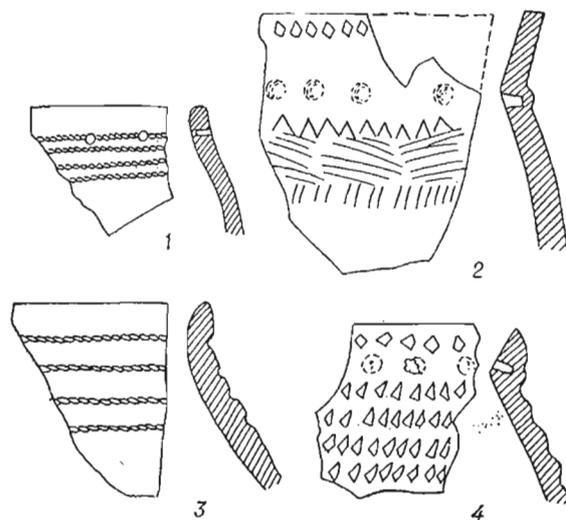

Рис. 37. Фрагменты керамики михайловского периода. Северный Прикаспий, Рын-Пески.

В настоящее время стало ясным, что приведенная выше характеристика по существу относится к северной части рассматриваемой группы памятников, а именно — к расположенным на Среднем Днепре и в пределах Днепровского Надпорожья.

На Нижнем Днепре (Золотая Балка, Капуловка, Михайловка и др.) преобладает посуда, изготовленная из плотной глины с обильной грубо измельченной ракушечной примесью, встречаются плоскодонные горшки (рис. 12, 5, 7, 8).

По признаку наличия в массе сосудов толченой ракушки к нижнеднепровским местонахождениям относятся местонахождения Приазовья и Южной Донеччины (Каменная могила, Подгоровка, Раздольное и др.).

О том, что население вело кочевнический образ жизни, говорит факт, что все известные к настоящему времени поселения чигиринско-квитянской фазы представлены небольшими сезонными стойбищами, с незначительным количеством фрагментированных сосудов, обломками костей животных и характерными кремневыми изделиями.

В настоящее время на Поднепровье известно довольно много стойбищ этой культурной принадлежности. В Надпорожье они выявлены на о. Демском, балке Ключниковой, возле Вовнигского порога (рис. 12, 2, 4, 6; 18, 2, 3; 14, 1, 2, 4, 5), в районе

Вольного порога — на островах Виноградном, Похилом и территории ДГЭС им. Ленина, на Нижнем Днепре — в районе Золотой Балки, у с. Леонтьевки, где были открыты кучи кухонных отбросов из раковин перловицы, костей рыб и обломков керамики ¹⁶⁰ (рис. 12, 5, 7, 8).

В Приазовье поселения этой фазы встречены в бассейне р. Молочной — у сел Новотроицкое и Новофилипповка ¹⁶¹ (рис. 14, 3; 16, 5) и на площади многослойного поселения у Каменной могилы ¹⁶².

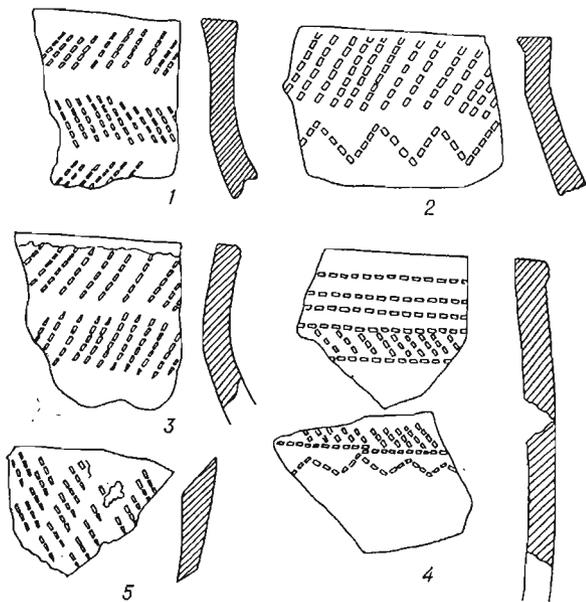

Рис. 38. Фрагменты раннеэнеолитической керамики с Днепроовского Надпорож'я (о. Виноградный).

В южной части Донеччины известно два уже называвшихся поселения — у сел Подгоровка на Айдаре и Раздольное на Кальмиусе; в северной части — один из горизонтов многослойного поселения у с. Александрия и остатки поселений у Изюма — Изюм V, Яремовка и др.

Установлено, что в Поднепровье для данной фазы развития древнеямной культуры характерны скорченные захоронения, погребенные в грунтовых ямах или в каменных ящиках, перекрытых закладами, или помещенные в центре кромлехов.

Наиболее значительным памятником этой культуры является погребение на балке Квитяной, около с. Федоровка Запорожской области. Ввиду несомненного интереса к этому памятнику, раскопанному А. В. Бодянским, и необходимости некоторых критических замечаний к первой его публикации ¹⁶³ напомним основные данные. Мы не разделяем сомнения автора относительно позднебронзового возраста раскопанного им погребального заклада ¹⁶⁴ и предлагаем такую реконструкцию сооружения и дальнейшего существования памятника.

Вначале было совершено два захоронения в неглубоких грунтовых ямах, которые затем были пе-

рекрыты круглой (диаметром около 8 м) каменной насыпью. Одно из погребений, находившееся под средней частью заклада, впоследствии оказалось разрушенным впускным погребением. От скелета остались обломки челюсти и плечевой кости, сохраняющие следы охры. На расстоянии 1,5 м к югу от этого погребения было совершено второе захоронение, принадлежавшее взрослому человеку, лежавшему в скорченном положении на правом

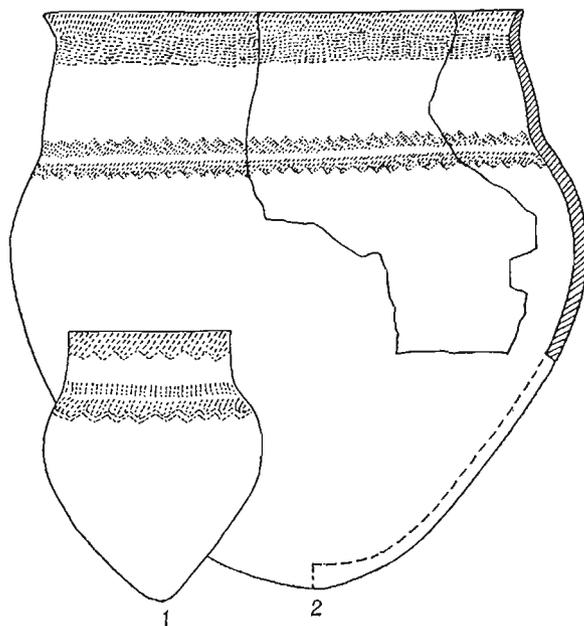

Рис. 39. Сосуды из погребального комплекса в балке Квитяной.

боку, головой на северо-запад. У головы стоял типичный для памятников этого рода горшок (рис. 39, 1).

На расстоянии 1,5 м к югу от предыдущего погребения под камнями был найден неполный развал очень крупного сосуда сходного типа, но с округлым снаружи и заметно уплощенным изнутри дном (рис. 39, 2). Возле сосуда найдены изготовленные из кремня нож и скребок крупных размеров. Определить точно значение этой находки нелегко. Перед нами или сопровождающий инвентарь несохранившегося детского погребения, или, что гораздо вероятнее, следы заупокойной тризны, связанной с описанным выше погребением ¹⁶⁵.

Последнее погребение было расположено под небольшим каменным закладом круглой формы, примыкавшим к большому закладу с юго-востока. Погребенный лежал в яме, заложеной камнями, на спине с подогнутыми ногами, головой на юг. Сопровождающего инвентаря * не выявлено ¹⁶⁶.

* Мнение Е. Ф. Лагодской о том, что погребение относится к «эпохе поздней бронзы», не представляется основательным, ибо здесь явно прослеживаются впускные позднебронзовые захоронения в заклады, что вызывало разрушение погребений с квитянской керамикой.

О типичности каменных закладов для данной фазы развития культуры говорит ряд фактов. Так, например, несмотря на различные относительно поздние повреждения, нам удалось установить, что исследовавшиеся в свое время Е. Ф. Лагодской над Вовнигским порогом «каменные заклады»¹⁶⁷ относятся к квитянской фазе развития древнейшей культуры, о чем свидетельствуют находки обломков типичной квитянской посуды.

Другой формой погребального сооружения этого же времени является каменный ящик, обычно окруженный кромлехом. Примером могут служить два кромлеха у с. Золотая Балка, исследованные в 1957 г. О. Г. Шапошниковой¹⁶⁸.

Кромлех № 1, диаметром около 3 м, был сооружен из каменных плит, стоявших вертикально. В центре находился каменный ящик, перекрытый двумя крупными плитами. Погребенный ребенок лежал на спине, вероятно с поджатыми ногами, головой на северо-восток. Возле головы найден фрагмент сосуда чигиринско-квитянского типа, но очень плотный и от примеси кровавика розоватый. В отношении фактуры этот фрагмент идентичен одной из групп импортной посуды, найденной на поселении Собачки. На шее погребенного — медная проволочная гривна с утонченными концами и простой петлей на одном из них.

Кромлех № 2 сооружен из камней меньших размеров, что обусловило менее организованную укладку камней и стоящего в центре каменного ящика. Диаметр кромлеха около 5 м. Длина ящика около 2 м. На дне ящика найдено захоронение взрослого. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине¹⁶⁹.

К погребальному ритуалу описанного памятника близко погребение из района балки Майорка, южнее о. Волошское, исследованное А. В. Бодянским в 1958 г.¹⁷⁰ Здесь найдено захоронение взрослого в неглубокой погребальной яме, перекрытой каменным закладом прямоугольной формы (3 × 1,2 м), в котором, как мы полагаем, следует видеть несколько деформированный каменный ящик и заклад. Умерший лежал на спине с поджатыми ногами головой на восток. Рядом с головой стоял остродонный типичный квитянский горшок (рис. 40, 1).

Рядом с описанным захоронением находился каменный кромлех, синхронный, как полагает автор раскопок, описанному выше комплексу.

О других погребальных памятниках чигиринско-квитянского типа наши сведения менее определены.

Так, например, явно из погребения происходит небольшой, совершенно целый горшочек, с чуть уплощенным дном, найденный в районе Чигирин задолго до Великой Отечественной войны¹⁷¹ (рис. 40, 2). Он настолько типичен, что его находка в свое время разрешила говорить о чигиринском типе энеолитических памятников¹⁷².

В заключение краткой характеристики погребальных памятников чигиринско-квитянской фазы несколько слов следует сказать о Капуловском могильнике, упоминавшемся уже в связи с вопросом о процессе ассимиляции азово-днепровской культуры.

Из отчетных данных исследовавших этот памятник О. Г. Шапошниковой и А. В. Бодянского¹⁷³ следует, что могильник включал около 65 вытянутых безинвентарных погребений, залежавших в

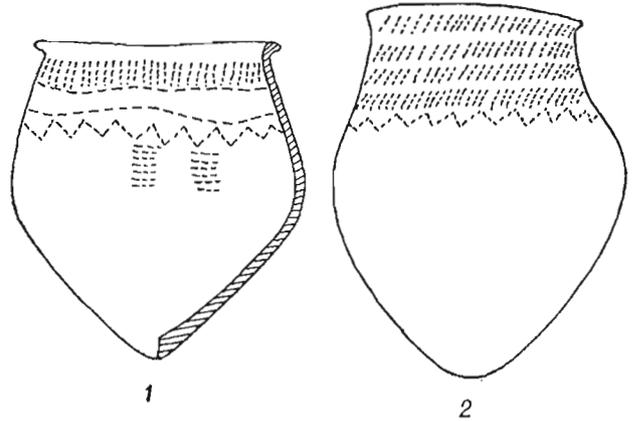

Рис. 40. Сосуды квитянской фазы:
1 — район с. Волошское; 2 — Чигирин.

одн ряд, ориентированных головами на восток. Найденное здесь погребение № 40 отличалось от других тем, что у скелета правая нога была чуть согнута; кроме того, погребенный сопровождался небольшим сосудом, изготовленным из «квитянской» глины, но плоскодонным, плечистым, с небольшим отогнутым венчиком, украшенным двумя рядами округлых углублений (сравн. рис. 57, 10).

Фрагменты подобных сосудов встречены на некоторых пунктах Надпорожья (о. Похилый, Вовниги). К нему близки фрагменты посуды из второго энеолитического слоя поселения у Каменной могилы.

Особенно важно отметить наличие сходной керамики среди раннеэнеолитических материалов Северного Прикаспия (Иссык-Кей, пункт № 9/38; Досанг пункт № 125) (рис. 13, 7; 33, 4).

На расстоянии около 3 м от основного ряда Капуловского могильника находилось погребение № 1. Погребенный лежал в вытянутом положении, со слегка согнутой правой ногой, ориентированный в общем направлении. Его сопровождал горшок из «квитянской» глины, плоскодонный, с очень низким положением плечика и невысоким слегка отогнутым венчиком, украшенным крупными вертикальными расчесами (сравн. рис. 57, 11).

Оба сосуда имеют аналогии в так называемой кухонной посуде развитого Триполья, в частности в инвентаре поселения Березовская ГЭС на Южном Буге¹⁷⁴ (сравн. рис. 57, 6).

Не следует думать, что наличие подобной посуды в рассматриваемом комплексе обусловлено исключительно трипольским влиянием, так как обнаруживает бесспорное сходство с посудой приднепровских памятников типа первого и второго энеолитических слоев на о. Похилом и нижнего слоя Михайловки. Однако именно о восточном ее оформлении говорят близкие аналогии с Нижнего Дона (Ливенцовка) и Нижней Волги (Волгоград) (рис. 57, 8).

Несмотря на своеобразие обоих капуловских сосудов, описываемый памятник все же нельзя оторвать от круга памятников чигиринско-квитянского типа. В пользу таких связей говорят несколько найденных на площади могильника фрагментов от типичных квитянских сосудов, из которых один лежал под костями руки погребения № 5, входившего в основную ряд захоронений капуловского могильника.

Положение памятников чигиринско-квитянской фазы в конкретной периодизационной схеме определяется стратиграфическими данными ряда памятников — первого энеолитического слоя поселения у Каменной могилы, II слоя Александрии, III и II слоев Ракушечного Яра, IV—III слоев Джебела и пр. Не подлежит сомнению, что по крайней мере позднее подразделение азово-днепровской культуры синхронно с чигиринско-квитянской фазой древнеямной культуры.

В этом смысле интересен найденный в Никольском могильнике уникальный круглодонный сосуд со стянутым верхом и воротничковым венчиком, украшенный снизу доверху накольчатым орнаментом (рис. 9, 31). Он изготовлен не из глины с примесью ракушки, как это естественно было бы ожидать, учитывая его восточные аналогии, а из обычной песчаной массы, характерной для сосудов азово-днепровской культуры¹⁷⁶.

Возникновение в комплексе азово-днепровской культуры подобных сосудов обусловлено влиянием архаической древнеямной культуры, что отражено в слое Джебела, обнаруживающем черты смыкания с Кельтеминаром, в находке сходного сосуда из Досанга (погребение № 55); в материалах погребения № 12 из кургана № 15 у ст. Политотдельской, где сосуд со стянутым верхом найден вместе с плоскодонным банкообразным сосудом-чашей¹⁷⁶ (рис. 19, 2; 35, 1—4) того же типа, который спорадически встречается на порогах; кроме того, найден фрагмент такого сосуда в Мариупольском могильнике. Целый комплекс столь же архаических древнеямных погребений исследован в 1963 г. и И. В. Сивичиным в кургане № 27 Архаринского могильника в Калмыкской АССР¹⁷⁷. Здесь встречено три интересных погребения: основное, включающее вытянутое захоронение женщины и слегка скорченное мужчины, и два более поздних захоронения. Погребенные лежали в скорченном положении. Одно погребение сопровождалось круглодонным

горшком со стянутым верхом (рис. 19, 5; 27, 1) с обильной примесью ракушки, а другое — полированным каменным клевцом, относящимся к числу так называемых скипетров, получивших в начале эпохи металла широкое распространение от Каспия¹⁷⁸ до Западных Балкан¹⁷⁹ (рис. 27, 2).

Предварительное сопоставление данных памятников каспийско-днепровской и квитянской фазы развития древнеямной культуры свидетельствует о том, что, несмотря на принципиальное единство линий их развития, нельзя говорить о чисто эволюционном перерастании этнокультурного комплекса первой фазы в этнокультурный комплекс второй.

Об этом, прежде всего, говорит тот факт, что эволюционным путем из горшков так называемого S-видного профиля никак нельзя получить доминирующие на протяжении квитянской фазы остро-донные горшки со стянутым верхом.

В Северном Прикаспии и на Нижней Волге на определенном этапе развития также появляются сосуды этой формы. Они имеют бесспорные древние корни в Северном Приазовье и в Крыму. И тем не менее очевидно, что горшки со стянутым верхом наиболее распространены на Нижнем Дону, где они на различных стадиях развития найдены почти во всех слоях Ракушечного Яра. Несомненно, к кругу очень архаических проявлений этой формы относятся и упоминавшийся выше сосуд из Архаринского курганного могильника.

Из сказанного можно сделать вывод, что именно Восточное Приазовье и примыкающий к нему уголок Прикаспия являются тем эпицентром, где возник и затем распространился в восточном и западном направлениях особый вариант древнеямной культуры, получивший в Поднепровье и примыкающих к нему районах Приазовья характер памятников квитянского типа, а на востоке — памятников политотдельского типа¹⁸⁰.

СРЕДНЕСТОГОВСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ

Второй период развития древнеямной культуры — среднестоговский — подразделяется на четыре фазы: бережновскую, скелянскую, стоговскую и дереивскую. В археологическом отношении этот период прежде всего характеризуется иным, в сравнении с предшествующим периодом, комплексом глиняной посуды. Так, например, если в предшествующем периоде определенно преобладали горшки со стянутым верхом и встречались глубокие плоскодонные банкообразные сосуды, то в среднестоговском периоде безраздельно преобладают плечистые горшки с сильно отогнутым венчиком; выходят из употребления плоскодонные банки и отчасти их место занимают редко встречающиеся чаши полусферической формы.

Изменяется и характер ракушечной примеси. Глина с небольшим содержанием мелкоперетертой

ракушки уже не применяется. Вместо нее используется глина с обильной крупной примесью из раковин перловицы. Однако в памятниках переходной бережновской фазы, особенно на Нижнем Дону, на юге Донеччины и отчасти на Днепровских порогах, встречается посуда с переходными признаками — примесью мелкотертой ракушки и в некоторых случаях кровавика, что сближает ее с посудой предшествующего периода.

Если говорить о кремневом инвентаре, то изменения в нем не так очевидны. По-прежнему доминирует крупный кремь примерно того же облика, что и в Мариупольском могильнике и его аналогах. Становятся типичными великолепно выполненные из крупных пластин концевые скребки и остроконечные ножи, увеличивается количество наконечников дротиков, исполненных в технике двусторонней ретуши, появляются скребки со скошенной рабочей частью (рис. 23, 1—8; 24, 1—9).

Изменения в характере каменных орудий гораздо заметнее. Появляется особый набор, предназначенный для обработки дерева. Получают широкое распространение топоры и тесла, изготовленные из серых мелкокристаллических пород; изредка встречаются изделия из зеленокаменных сланцевидных и змеевиковых пород. Камень обрабатывается так называемой точечной оббивкой с последующей шлифовкой и полировкой. Преобладают узкообушные овального профиля топоры и короткие, с подобным обушком, но с широкой рабочей частью, плоскоовальные в сечении тесла. Очень интересны настоящие каменные узкообушные рубанки с небольшими скошенными против рабочего хода выступами и шишечками-цапфами. Довольно обычны маленькие подшлифованные кремневые орудия с узким обухом, которые, судя по сбитостям на рабочей и на обушковой частях, использовались без рукоятей в качестве долот (рис. 24, 8, 9).

Новые достижения в изготовлении каменных орудий свидетельствуют о высоком уровне обработки дерева, применявшегося при изготовлении челнов и строительстве жилищ.

Костяной инвентарь довольно однообразен. Преобладают грубо изготовленные шилья. Из костяных орудий рыбной ловли известны крупные удильные крючки, свидетельствующие о том, что рыбная ловля, как и в предшествующем периоде, велась «на выбор» (рис. 22, 3—5).

Ведущей отраслью производства по-прежнему оставалось пастушеское скотоводство. По свидетельству фаунистических остатков Каменной могилы, Стрильчей скели, Среднего стога, Деревки и других, где почти неизменно преобладают кости лошади, пастушеская форма скотоводства в продолжении среднестоговского периода развития древнеямной культуры заметно окрепла и утратила прежний земледельческий налет. О последнем, в частности, свидетельствует полное исчезновение кремневых серпов, изредка встречавшихся

в инвентаре памятников предшествующего периода.

Из дальнейшего изложения будет видно, что изменения были обусловлены двумя причинами: с одной стороны, сказывался общий прогресс, охвативший обширные пространства восточноевропейских степей, с другой — происходило изменение состава культуры вследствие инфильтрации с востока новой волны пастушеских племен.

Бережновская фаза. Из того, что первая фаза среднестоговского периода развития древнеямной области названа нами бережновской, еще не следует, что памятники этого типа, вошедшие в науку после открытия известного погребения в кургане у с. Бережновки на Нижней Волге, получают распространение в границах всей ойкумены древнеямной культуры. Несмотря на скромность современных источников, в настоящее время уже очевидно, что памятники собственно бережновского типа не распространяются далее Северного Прикаспия, Степного Поволжья, Нижнего Дона и части Донеччины, то есть они ограничиваются восточной половиной раннего древнеямного ареала. Таким образом, если исходить из того, что памятники этого рода приходят на территорию Украины из Северного Прикаспия, должен быть сделан вывод о том, что племена с собственно среднестоговской культурой первоначально обитали несколько западнее бережновских племен и что последние подтолкнули их продвижение на Поднепровье.

Поэтому рассматривать материалы бережновской фазы необходимо в двух территориальных аспектах — собственно бережновском, то есть прикаспийском, и собственно среднестоговском, то есть причерноморском.

Прежде всего, отметим памятники бережновского типа в Северном Прикаспии — территории в данном случае ключевой. Речь идет о поселении в районе Досанга (пункт 136). Среди обнаруженных здесь материалов выделены два типа горшков с короткими отогнутыми наружу венчиками и своеобразной формой тулова. Тулово первого типа горшков глубокой овоидной формы, второго — приплюснутой тыквообразной. Характерны орнаментальные композиции так называемой кельтеминарской схемы, включающие прямые накольчатые и зигзагообразные врезанные линии (рис. 31, 1—4; 32, 1, 4, 5; 33, 5, 6; рис. 41).

На территории Степного Поволжья основным памятником является погребение, найденное возле с. Бережновки. Погребенный (мужчина) лежал в сильно скорченном положении. Рядом найден характерный горшок S-видной формы с коротким отогнутым венчиком, с большой примесью ракушки, украшенный орнаментальной композицией описанного выше типа¹⁸¹ (рис. 41).

На Нижнем Дону основным памятником является второй сверху слой Ракушечного Яра. Здесь найдено некоторое количество керамики, сходной

с описанной выше, а также горшок крупной овоидной формы, во многом близкий к бережновскому, хранящийся в г. Новочеркасске, в Музее истории донского казачества. Сосуд почти целый и, несомненно, происходит из погребения¹⁸² (рис. 32, 5).

Таким же памятником на Донеччине является третий слой Александрии. Здесь, в комплексе глиняной посуды, выделено не менее трех форм горшков, отличающихся короткими и укороченными пропорциями венчиков, имеющих овоидное уплотненное тыквообразное или плечистое, с пристро-

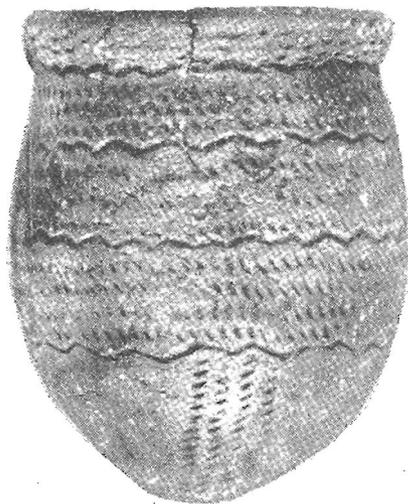

Рис. 41. Сосуд с чертами кельтеминарского орнамента, с. Бережновка.

енным дном, тулово. Типична обильная примесь ракушки, смешанной с охрой, что придает сосудам кирпично-красный цвет. Некоторые сосуды формой, размещением орнамента на венчике и плечиках, а также преобладанием в орнаменте зональных гребенчатых и накольчатых схем близки к собственно среднестоговским. Принципиальное значение имеет наличие сосудов, органически входящих в состав комплекса, в отношении формы и орнамента близких к кельтеминарским (рис. 31, 2; 32, 4).

Бережновская фаза в Днепровском бассейне (район Порогов) представлена двумя небольшими поселениями типа стойбищ. Наиболее значительным является нижний неолитический слой Похилого острова. В состав раннеэнеолитического комплекса этого поселения входит коллекция кремневых орудий и довольно большое количество фрагментов глиняной посуды.

Кремень крупный — мариупольского типа. Для него характерны пластинчатые ножи с краевой ретушью, остроконечные ножи с краевой и концевой ретушью, концевые и отщеповые скребки, сверла и, наконец, довольно большое количество наконечников дротиков подтреугольной формы, выполненных путем двухстороннего ретуширования.

Глиняная посуда в целом близка к описанной

выше александрийской. Однако она отличается рядом деталей, иногда довольно существенных. Так, например, посуда с о. Похилого объединяет три технологические группы: гладкостенная посуда с песчаной примесью, прокопченная вследствие обжига в печи с восстановительным пламенем; посуда с примесью ракушки, сходная с предшествующей; посуда с примесью ракушки и охры, аналогичная александрийской. С последней ее сближает также сходство форм: короткий венчик, плечистое или уплощенное тыквообразное тулово, частое употребление линейно-накольчатого орнамента. Интересны горшки с маленьким уплощенным донцем и сосуды с вертикальными расчесами по венчику или с округлыми углублениями под ним, напоминающие посуду из Капуловки.

Особо подчеркиваем наличие в составе комплекса фрагментов трех сосудов, изготовленных из серой отмученной глины, которые на основании технологических признаков и орнамента необходимо отнести к началу развитого Триполья (тип Борисовка) (рис. 14, 8—10).

Вторым памятником, относящимся к этой же фазе, на территории Надпорожья является верхний слой поселения о. Сурский¹⁸³. Здесь обнаружена своеобразная мастерская с большим количеством типичных орудий и отходов производства, сопровождавшаяся остатками глиняной посуды, скоплением раковин, костей и пр. Среди фрагментов посуды с неизменной ракушечной примесью различаются две группы — обычная и содержащая обильную примесь кровавика. Из форм устанавливаются плечистые горшки с невысоким венчиком, сближающиеся с типичными сосудами собственно среднестоговских памятников.

Исключительно интересные данные, раскрывающие характер погребального обряда этого времени, дает курган высотой 4 м, исследованный Н. И. Веселовским в 1902 г. у ст. Кубанской¹⁸⁴. Здесь открыто несколько впускных погребений, среди которых есть катакомбное, сопровождавшееся жаровней. На уровне древнего горизонта было исследовано кострище (жжение) с обломками черепа и фрагментами горшка, а под ним — обширная грунтовая яма с двумя вытянутыми скелетами, ориентированными головами на запад. На костях ног одного из них — следы медной окиси. Погребенные сопровождалась тремя сосудами овоидной формы с короткими отогнутыми венчиками. Глина без примеси ракушки. Один из сосудов сплошь украшен линейно-врезанной вертикально-зигзагообразной композицией, другой украшен по венчику короткими вертикальными линиями, а по плечикам — пятью врезанными горизонтальными линиями, ниже — двойным зигзагом (рис. 42, 1).

Близкую картину дает курган № 10 и ст. Усть-Лабинской, исследованный Н. И. Веселовским в 1903 г.¹⁸⁵ Курган достигал в высоту около 1,5 м

и не содержал поздних захоронений. Погребенный лежал в неглубокой грунтовой яме, в вытянутом положении на левом боку, головой на северо-запад. У его ног найден сосуд, подобный описанным выше, но украшенный по венчику рядом ногтевых углуб-

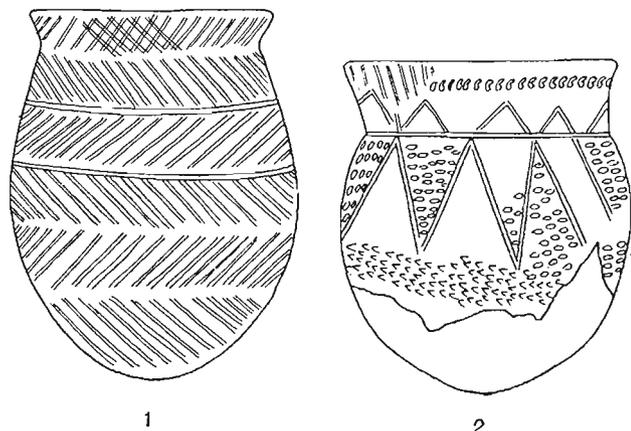

Рис. 42. Сосуды, сходные с бережновскими. Северный Кавказ: 1 — ст. Кубанская; 2 — ст. Усть-Лабинская.

лений и зигзагом, по плечикам — шевронами с оттиском ногтя, а еще ниже — горизонтальной зоной, состоящей из подтреугольных наколов (рис. 42, 2).

Сходные в культурном отношении погребальные памятники имеются и в Центральном Приазовье, а именно — в долине р. Молочной. Это, например, сильно расплывшийся курган возле с. Терпенья на Мелитопольщине, исследованный автором в 1947 г. Помимо ряда впускных погребений в нем открыто два древних погребения, заслуживающих особого внимания.

Одно из них, принадлежавшее взрослому субъекту, лежащему в вытянутом положении головой на северо-запад, было перерезано типичным древнеямным погребением. Другое, совершенное в мелкой овальной яме, засыпанной охрой, и сопровождавшееся каменной кладкой, принадлежало ребенку, лежащему вытянуто, головой на северо-восток. Оно сопровождалось небольшим горшочком, изготовленным из песчанистой глины, овоидной формы, с невысоким отогнутым венчиком. Рядом с могилой найдены остатки костра, обложенного камнями, а под ним — жертвенная ямка с остатками ритуального сожжения. Здесь же обнаружены фрагменты сосуда с обильной примесью ракушки, украшенные мелкозубчатым гребенчатым штампом, обломки черепа быка и нескольких черепов козлов¹⁸⁶.

К описанным погребениям хронологически близки некоторые древнейшие групповые погребения из кургана № 11 около совхоза Аккермень, исследованном в 1951 г.¹⁸⁷ Это находящееся в центре кромлеха, в обширной каменной гробнице, к сожалению, разрушенное погребение, сопровождав-

шееся культовым кострищем; ямное погребение № 3, расположенное под каменными плитами со скорченными погребением взрослого, ориентированного головой на восток. Здесь найден небольшой овоидной формы горшочек с примесью ракушки в массе, поверхность подлощена; небольшой отогнутый венчик, украшенный насечкой, по тулову которого концом палочки в скорописной манере нанесены подтреугольные наколы (в публикации «скрученная веревочка») (рис. 43; рис. 32, 3). Последняя находка особенно важна, так как по форме, массе и способу украшения венчика этот сосуд близок к новочеркасскому и вместе с тем перекликается с горшками из среднего энеолитического поселения у Каменной могилы, который отвечал промежуточному положению между чигиринским и поздним среднестоговским этапами.

В свете приведенных данных становится более ясным возраст и культурная принадлежность парного погребения, найденного во время земляных работ при строительстве «Азовстали» в г. Мариуполе.

Одно погребение сопровождалось скорлупой яиц, а другое — горшком, типологически близким к описанному выше, но с обычным срезом венчика, украшенным по основанию замысловатой линейно-зигзаговой композицией, выполненной надрезанной камышинкой¹⁸⁸ (рис. 32, 2).

Скелянская фаза. Реальным доказательством существования скелянской фазы развития древнеямной культуры прежде всего является средний слой поселения Стрильча Скеля. Следует оговориться, что есть возможность подразделить его на отдельные горизонты. Однако во избежание

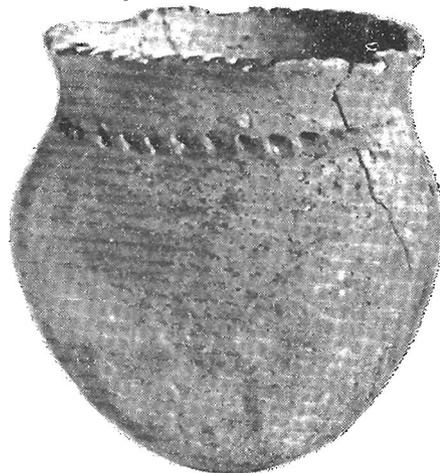

Рис. 43. Сосуд из района Мелитополя (Аккермень).

излишней детализации в настоящем изложении подчеркиваем только его специфику.

Средний слой Стрильчей Скели представляет собой довольно мощное скопление раковин, разделяющееся двумя горизонтами кострищ, обложенных

камнями. Среди собранных костей преобладают кости домашних животных — преимущественно быка, коня, а также овцы-козы. Поселение раскрывает картину жизни скального убежища

сти животных и пр. Об относительно длительном периоде образования слоя свидетельствуют фрагменты трипольских керамических импортов — от фрагментов, относящихся к началу среднего Триполья, до единственного фрагмента с остатками мохромной росписи. Из дальнейшего изложения будет видно, что в самом скелянском материале также определенно преобладают находки архаического облика.

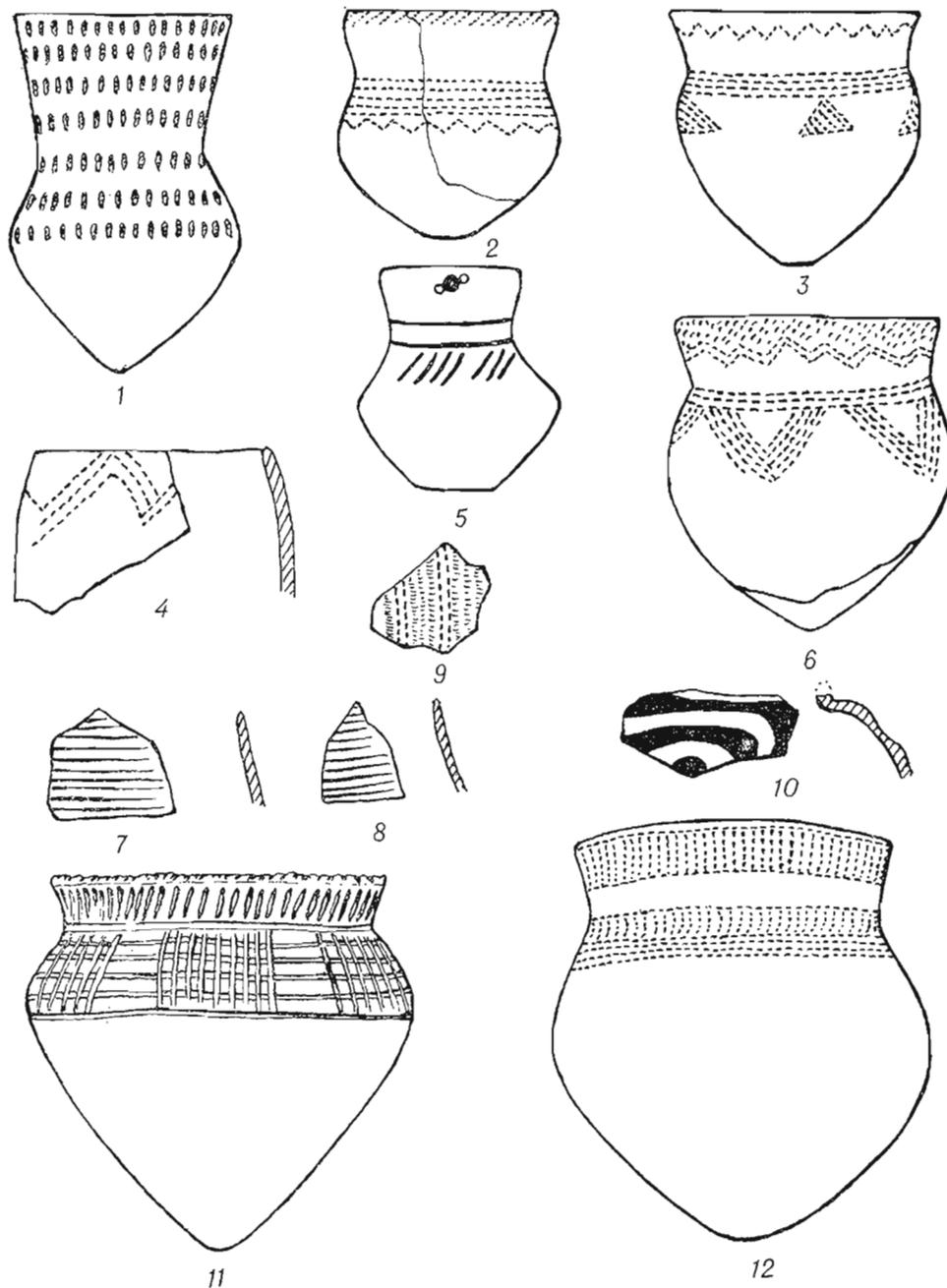

Рис. 44. Сосуды среднестоговской культуры и отвечающие им трипольские импорты: 1 — Гадючья балка; 2, 5, 6 — Игрень; 3 — о. Хортица; 4 — Вережкино XIV, верхний слой; 7—10 — Стрельца Скеля, средний слой; 11 — хут. Попов; 12 — Средний Стог, средний слой.

пастухов, попутно занимавшихся рыбной ловлей и добыванием съедобных моллюсков.

Археологический материал, собранный на этом поселении, включает многочисленные остатки глиняной посуды, изделия из камня и кремня, ко-

сти животных и пр. Об относительно длительном периоде образования слоя свидетельствуют фрагменты трипольских керамических импортов — от фрагментов, относящихся к началу среднего Триполья, до единственного фрагмента с остатками мохромной росписи. Из дальнейшего изложения будет видно, что в самом скелянском материале также определенно преобладают находки архаического облика.

Кремневый инвентарь очень характерен и во многом близок к похоловскому. Он представлен остроконечными ножами (более десяти), которые по мере затупления превращались в сверла или даже в ретушеры, крупными скребками, отщеповых и концевых форм. Типичны скребки со скошенной рабочей частью. Найдены наконечники дротиков с примитивной двусторонней ретушью. Подчеркиваем наличие небольших подшлифованных топориков-долот (рис. 24, 8—9).

Из числа каменных орудий отмечаем топор овального сечения, песты для растирания смолы и охры, а также плиту, предназначенную для этой же цели.

Глиняная посуда в основном с обильной ракушечной примесью. Горшки невысоким, отогнутым венчиком. Значительно реже встречаются горшки со средним по высоте венчиком, относящиеся, как показывает пример Среднего Стога и его аналогов, к началу второй половины среднестоговского периода (рис. 25, 1, 9; 44, 2, 3, 6, 12).

Орнамент обычно размещен по венчику и плечикам сосудов. Архаическую группу составляют сосуды с насечками или наколами по венчику и округлыми углублениями под ним. Заметно преобладают горшки, украшенные зональными гребенчатыми композициями. Нередки композиции, исполненные в технике скорописного накола. Они

свидетельствуют о древности комплекса, точнее, о явственных переживаниях предшествующего периода. Встречаются орнаментальные схемы, состоящие из прямых или волнистых линий. Характер композиций в целом определяет узор, состоящий из горизонтальной линии и находящейся под ней зоны зигзагов или шевронов.

С целью уточнения хронологического положения описанного комплекса следует более подробно рассмотреть вопрос о характере присутствующих на нем трипольских керамических импортов.

Это два фрагмента высокой, покрытой поперечными каннелюрами горловины черноглиняного амфорообразного сосуда, идентичного посуде, встречающейся на памятниках типа Греновка — Лука-Врублевская¹⁸⁹ (рис. 25, 10, 11; 44, 7, 8). Далее следует фрагмент ребристого сероглиняного сосуда, украшенного крупными поперечными каннелюрами, промежутки между которыми заняты оттисками крупнозубчатого гребенчатого штампа (рис. 25, 8; 44, 5, 9). Орнаментированные подобным образом сосуда наиболее распространены в памятниках типа Борисовка и Сабатиновка I¹⁹⁰. И, наконец, предвенчиковая часть грушевидного сосуда, с расписной композицией, выполненной довольно суммарно в два цвета (Кукутени А₃ по В. Думитреску)¹⁹¹ — почти черным и белым (рис. 25, 13; 44, 10). Красноглиняный плотный фрагмент принадлежит небольшому сосуду неопределимой формы. На нем видны следы росписи в виде буроватого поблескивающего ангоба и тонкой почти черной линии, что в целом определяет его принадлежность ко второй половине развитого Триполья (тип В₂ по Т. С. Пассек) (рис. 25, 12).

На основании приведенных данных можно заключить, что связи населения Стрильчей Скелли с Трипольем отличались особой интенсивностью в период расцвета, то есть в первой половине периода аккумуляции слоя, что в целом следует синхронизировать с началом развитого Триполья (В₂ по Т. С. Пассек; Кукутени В₁ по В. Думитреску)¹⁹².

Небольшой, но достаточно выразительный материал этой же фазы развития древнеямной культуры дает верхний слой донецкого поселения Верекинский хутор XIV. Среди керамики преобладают фрагменты плечистых со средними венчиками остродонных горшков, украшенные гребенкой и резе скорописными наколами. Интересна находка верхней части чаши полусферической формы¹⁹³ (рис. 44, 4), уникальной для рассматриваемого типа культуры.

Этим временем, если не более древним, можно датировать и часть материалов, собранных Г. И. Горещким на поселении в районе Цимлянкой ГЭС. Имеются в виду фрагменты верхних частей плечистых горшков с невысокими, относительно плавно отогнутыми венчиками. Последние иногда украшены вертикальными проглаженными линиями и насечкой по срезу, а также округлыми углублениями¹⁹⁴.

Погребальные памятники этого времени пока известны на Нижнем Дону, где они представлены погребением № 4 в кургане № 31 возле хутора Попова в районе ст. Цимлянкой¹⁹⁵.

Это типичное ямное погребение под курганной насыпью, совершенное в обширной, но неглубокой грунтовой яме, перекрытой деревянными прутьями и циновкой. Детское захоронение сильно потревожено землеройками. Но судя по всему, умерший был уложен на угольную прослойку в северо-западном углу ямы, в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-юго-запад (?). В составе сопровождавшего его инвентаря найдены: три крупных кремневых ножевидных пластины; мелкие каменные бусы, вроде некоторых мариупольских или лысогорских; глиняный сосуд. Последний — типичный плечистый скелянский горшок с невысоким венчиком, с обильной ракушечной примесью в глине. Срез венчика украшен насечками, венчик — короткими проглаженными линиями, а плечики — линейно-проглаженной композицией, состоящей из чередующихся лесенок и решеток (рис. 44, 11).

О том, что племена скелянской фазы развития древнеямной культуры представляли собой силу, способную оказывать значительное влияние на этнокультурное развитие соседних племен, свидетельствует ряд фактов.

Материалы некоторых памятников Побужья и Поднестровья говорят о том, что в это время произошел процесс замены обычных раннетрипольских банкообразных кухонных сосудов горшками с примесью ракушки в глине и обладающими другими признаками среднестоговской посуды.

Так, например, среди материалов трипольского поселения Сабатиновка I выявлен плечистый остродонный сосуд среднестоговской формы с небольшим отогнутым венчиком, изготовленный из типичной трипольской глины. Возникновение подобных сосудов в результате степного влияния подтверждается находкой части сосуда той же формы, но изготовленного из глины с ракушечной примесью и украшенного типичным для степного энеолита зональным скорописно-накольчатым орнаментом.

В связи с вопросом о степных влияниях называем найденные на этом поселении, а также и на ряде других трипольских поселениях стержневидные изделия из рога оленя с просверленным петлеобразным выступом сбоку. Очевидно, это застежки (цирки) примитивнейшей конской узды¹⁹⁶.

Об этих же этнокультурных связях свидетельствуют материалы, полученные автором, а позднее и В. П. Цибековым, при раскопках поселения типа Сабатиновка I, расположенного у Березовской ГЭС, несколько севернее Сабатиновки¹⁹⁷.

Отражение степных влияний в материалах керамики этого поселения также достаточно очевидно. Во-первых, выявлены традиционные раннетрипольского характера, плоскодонные банкообразные

кухонные сосуды, но изготовленные из глины с ракушечной примесью. Во-вторых, здесь встречены остродонные сосуды описанного выше скелянского типа, украшенные зональным накольчатым орнаментом. В-третьих, найден остродонный (?) сосуд с низко расположенными плечиками и едва заметным отогнутым венчиком. Сосуд украшен линейным орнаментом и по форме напоминает горшки из калмыкского (архаринского) и политотдельского курганов. В-четвертых, необходимо отметить небольшой плечистый сосуд с отогнутым венчиком, украшенный по основанию углублениями, а по тулову и самому венчику — линейно-геометрическим орнаментом. Сходство этой формы с сосудами из капуловского могильника уже отмечалось. В-пятых, назовем каменное навершие, аналогичное архаринскому, но выполненное более грубо (сравн. рис. 64, 4). В-шестых, подчеркиваем наличие роговых застежек для конской узды описанного выше типа.

В материалах среднеднепровского поселения Новые Русешты, выявленных раскопками В. И. Маркевича¹⁹⁸, есть находки, свидетельствующие о связи со степными племенами. Это прежде всего спорадически встречающиеся остатки остродонных и круглодонных черноглиняных горшков, изготовленных, как отмечалось и для Сабатиновки I, из обычной глины; очень редкие плоскодонные кухонные сосуды с примесью ракушки в массе.

Следует отметить, что в керамическом материале поселения Новые Русешты стеной компонент чувствуется гораздо слабее, чем в описанных выше комплексах, но зато, отражая наиболее важное во взаимоотношениях племен архаической древнеямной культуры с племенами Триполья, в комплексе поселения Новые Русешты присутствует целая серия роговых застежек для конской узды (сравн. рис. 65, 4—7, 9).

По-видимому, этот же характер взаимоотношений со степью характерен и для более западных районов трипольского ареала. Об этом, в частности, свидетельствуют данные расположенного в бассейне Серета трипольского поселения Хэбэшести, в инвентаре которого встречаются застежки для конской узды (сравн. рис. 65, 12).

Заслуживает особого внимания тот факт, что все перечисленные выше трипольские памятники (Сабатиновка I, Березовская ГЭС, Новые Русешты и Хэбэшести) на основании присутствующей здесь расписной керамики (роспись бурого цвета, подражающая рисунку линейно-врезанного орнамента) должны быть отнесены к узкому хронологическому периоду — ко времени памятников типа Кукутени А₂₋₃ по периодизации В. Думитреску¹⁹⁹. Последние, что подтверждается полученными для Хэбэшести данными радиоуглеродного анализа, датируются временем до середины IV тысячелетия до н. э.²⁰⁰

Следующий этап взаимоотношений, установившихся у племен архаической древнеямной культу-

ры с Трипольем, можно проследить на материалах днепровского поселения Солончены II, исследованного Т. Г. Мовшей²⁰¹. Здесь, как явствует из публикации автора, обнаружена целая группа приземистых, плечистых горшков с ракушкой в глине, с почти острыми доньями и хорошо выраженными отогнутыми венчиками, то есть морфологически близких к скелянским.

Подобная картина наблюдается и на синхронном названному днепровскому поселению Журы. Здесь найдены сходные по форме плечистые горшки с обильной ракушечной примесью в массе и с несколько уплощенными доньями²⁰².

Для этого типа посуды характерен линейный орнамент, выполненный гребенчатым инструментом, имеющий аналогии в материалах среднего слоя Стрильчей Скели.

Из характера выявленной здесь расписной посуды, относящейся к типу Кукутени АВ (Кукутени А₄ по В. Думитреску)²⁰³, вытекает, что оба названных выше памятника следует датировать второй половиной IV тысячелетия до н. э.

Этнокультурное воздействие ранних звеньев древнеямной культуры на местные культуры проявилось в иных формах в прикиевской части Среднего Поднепровья. Здесь на протяжении всего энеолитического периода выработывался особый тип культуры — днепро-донецкий, испытавший сильное влияние Триполья и других соседних культур.

В «Неолите Украины» речь о днепро-донецкой культуре шла преимущественно в аспекте раскрытия процесса ассимилирующего воздействия на нее трипольской культуры, завершившегося сложением памятников киево-софиевского типа²⁰⁴.

Между тем, также ясно, что древнеямная культура чуть ли не с самого начала своего возникновения и до развитого бронзового века оказывала сильное влияние на этнокультурное развитие северной части Среднего Поднепровья.

В рассматриваемом аспекте немалый интерес представляют наиболее древние памятники синкретической культуры и среди них поселение у Никольской Слободки в районе Киева (рис. 45, 2), поселение и небольшой некрополь, открытые нами несколько лет назад на дюне у с. Бортнички, восточнее Киева²⁰⁵.

Здесь вместе с посудой, носящей черты переживания днепро-донецкой культуры (остродонные горшки с зональным гребенчатым орнаментом и др.), найдены плечистые, остродонные горшки с отогнутым венчиком, с насечкой по срезу и наколами под ним, появившиеся благодаря воздействию архаической древнеямной культуры, а также глубокие плоскодонные чаши, появившиеся в результате трипольского влияния (рис. 45, 1). Следует подчеркнуть, что сосуды обоих типов были встречены среди материалов небольшого некрополя с трупосожжениями, что может свидетельствовать о ка-

кой-то особой этнокультурной принадлежности местных памятников и о том, что оба типа посуды изготовлены из одинаковой, не содержащей примеси ракушки, песчанистой глины, что опять-таки говорит о локальном своеобразии культуры.

Стоговская фаза. Основным памятником, представляющим эту фазу, является средний слой поселения — Средний Стог²⁰⁶. До некоторой степени он близок к среднему слою Стрильчей Скели, и его также можно разделить на более мелкие культурно-стратиграфические подразделения. Однако характеризуя этот памятник, мы подчеркнем только наиболее существенное.

Кремневый инвентарь из среднего слоя Среднего Стога специфически близок к описанным выше комплексам кремня из нижнего слоя о. Похилого и из среднего слоя Стрильчей Скели. К последнему он значительно ближе. Здесь доминируют остроконечные ножи, легко, по мере изнашивания, превращаемые в проколки или ретушеры. В большом количестве встречаются концевые скребки с закругленной или скошенной рабочей частью. Обычны получающие различное применение крупные ножевидные пластины и наконечники дротиков подтреугольной формы. Найден подполированный кремневый топорик-долото. Новым для комплекса является, пожалуй, уменьшение количества отщеповых скребков, сохраняющих неолитический облик, появление наконечников копий субромбической формы, а также наконечников стрел подтреугольной формы.

Сходство характера и состава производственного инвентаря этого памятника со скелянским усугубляется наличием обычного каменного узкообушного топора, растиральников и др., что свидетельствует о принципиальном сходстве роли обоих наскальных убежищ-поселений в жизни местных племен культуры среднестоговского типа.

Сходство обоих поселений подтверждает и набор глиняной посуды среднего слоя Среднего Стога. Доминируют плечистые остродонные горшки с отгнутым венчиком, содержащие обильную примесь ракушки в массе.

Несмотря на сходство средних слоев Стрильчей Скели и Среднего Стога, существуют некоторые различия в характере форм и орнамента глиняной посуды.

Переходя к краткой характеристике комплекса среднего слоя Среднего Стога, прежде всего следует отметить различия в форме сосудов. Так, на-

пример, нарастающей тенденцией является увеличение размеров венчиков и довольно широкое распространение их так называемого желобчатого профиля (рис. 44, 1, 2, 3, 12).

Орнамент в целом более унифицированный. Так, например, из орнаментальных композиций почти полностью исчезают линейные и линейно-накольчатые узоры, являющиеся переживанием глу-

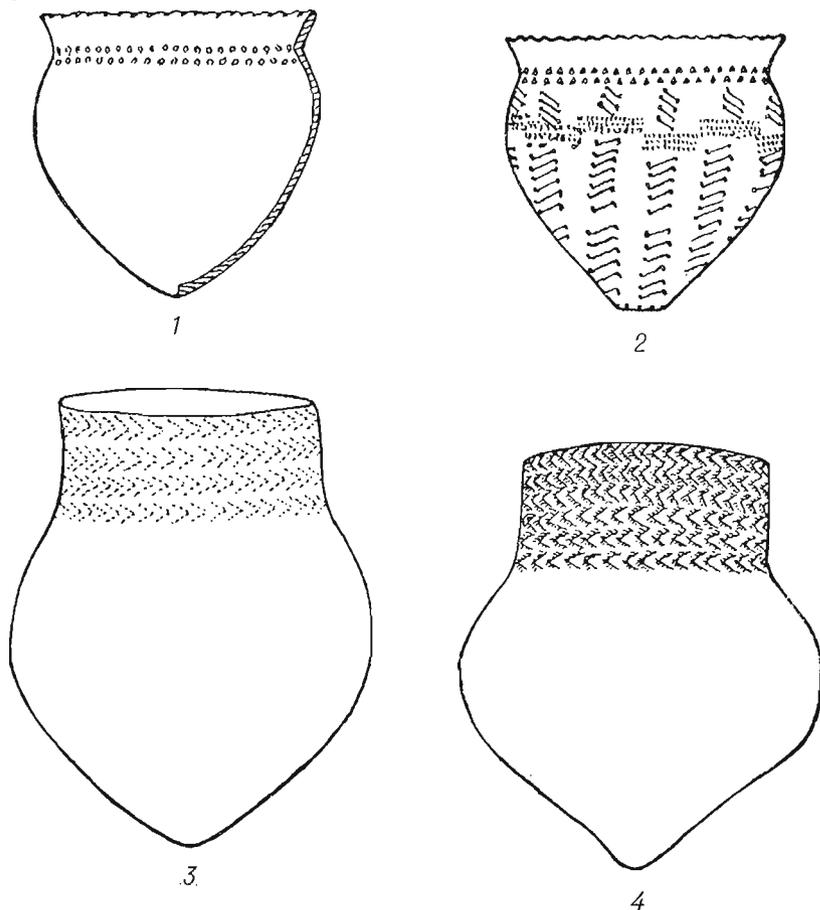

Рис. 45. Сосуды стоговского периода со Среднего Днепра: 1 — Бортнич; 2 — Никольская Слободка III; 3 — Мокрая Калыгирка; 4 — Веселый Кут.

бокой древности. На первое место выдвигаются линейно-зигзаговые композиции, составленные из оттисков гребчатого штампа, украшающие верхние части венчиков и плечики сосудов. Принципиально новым является как бы сменяющий гребчатые композиции так называемый гусеничный орнамент, представляющий собой не что иное, как шнуровую иммитацию гребчатого орнамента. Появление раннего типа шнурового орнамента, украшающего верхнюю половину сосудов, составляет наиболее яркую особенность среднего слоя Среднего Стога как культурно-исторического комплекса.

Вероятно, к какому-то погребальному памятнику, тяготеющему к описанному поселению,

относится целый горшок среднестоговского типа, выловленный сетями в Днепре около о. Хортица (рис. 44, 3).

Следы могильника, относящегося к этой же фазе развития древнеямной культуры, прослежены на расстоянии около 10 км к северу от Среднего Стога — у так называемой Гадючей балки над Вольным порогом.

Могильник состоял из нескольких круглых каменных насыпей, перекрывающих грунтовые ямы или гробницы из каменных ящиков.

В силу гидроскопичности местной песчанистой почвы, вторичного использования каменных насыпей в скифское время и, наконец, в результате грабительских раскопок от древнейших захоронений остались незначительные остатки. Удалось обнаружить под одной из насыпей (№ 10) набор типичных кремневых орудий, а также сравнительно хорошо сохранившийся яйцевидный горшок с высоким венчиком раструбом и обилием ракушечной примеси в массе. Вся верхняя часть горшка украшена оттисками гусеничного штампа²⁰⁷ (рис. 44, 1).

Далее к северу, почти до района Днепропетровска, не считая незначительного поселения этого времени на Стрильчей Скеле, памятники поздней поры среднестоговского периода почти не известны. Учитывая хорошую изученность Надпорожья в археологическом отношении, мы можем судить о характере заселения этой части Днепровского бассейна.

Комплекс памятников этого времени, включающий два поселения и могильник, отмечается в северной части порогов Днепра.

Вероятно, важную роль в жизни среднестоговского населения играло наскальное поселение на о. Кодачек, южнее Днепропетровска²⁰⁸. Здесь обнаружены остатки мастерской по выделке каменных орудий: топоров, тесел, рубанков с цапфовидными ручками и проч., найденных во всех стадиях изготовления. Фрагменты плечистых с высокими венчиками горшков, украшенных гребенчатыми композициями, подтверждают стоговский возраст поселения на о. Кодачек (рис. 25, 9).

В какой-то связи с названным памятником находилось поселение, расположенное на Игреньском полуострове к северу от поселения Кодачек²⁰⁹. По своему составу собранный здесь археологический материал близок к Кодачку. Здесь, в частности, были встречены каменные орудия с цапфами наподобие изготовлявшихся на Кодачке, что подтверждает существование связи между названными береговым и скальным поселениями, возникших на северной границе Днепровских порогов.

Могильник этой же культуры расположен на площади поселения Игрень VIII. Он исследовался дважды — в предвоенные годы экспедицией НК Просвещения УССР²¹⁰ и непосред-

ственно после Великой Отечественной войны²¹¹. В результате раскопок был раскрыт рядовой могильник, объединявший десятки погребений, в большинстве своем со скорченными безинвентарными захоронениями. Принадлежность могильника к стоговской фазе древнеямной культуры подтверждают некоторые погребения с инвентарем.

Погребение № 1 (довоенные раскопки) совершено в грунтовой яме под каменным закладом из крупных плит. Костяк плохой сохранности лежал, очевидно, в вытянутом положении, головой на северо-восток. Возле черепа обнаружен небольшой плечистый яйцевидный сосуд с надбитым венчиком, с обильной ракушечной примесью в массе и остатками орнаментальной композиции, состоящей из оттисков гусеничного штампа.

Парное погребение № 7 и 8 (довоенные раскопки) принадлежит женщине, лежащей на спине с приподнятыми коленями, ориентированной головой на восток-северо-восток, и ребенку шести лет, также ориентированному на восток-северо-восток. У головы последнего найден небольшой ребристый трипольский сосудик с монохромной росписью (рис. 44, 5).

Погребение № 1 (послевоенные раскопки) представляет собой несколько разрушенную гробницу в виде каменного ящика. Умерший лежал на левом боку, головой на восток-северо-восток.

Погребение № 7 находилось в грунтовой яме. Частично поврежденный скелет, по-видимому, лежал в вытянутом положении, головой на запад. В перекрывающем грунте — крупные фрагменты типичных стоговских сосудов (рис. 44, 2, 6).

Подобное распределение памятников стоговского типа в границах Днепровского Надпорожья едва ли случайно. Создается впечатление, что игреньско-кодацкая группа памятников граничит с Днепровским Надпорожьем с севера, в то время как Средний Стог и примыкающие к нему памятники граничат с ним на юге, что в целом довольно четко обрисовывает территориальные границы локальной среднестоговской культуры.

Особый вариант памятников стоговской фазы развития древнеямной культуры существовал, как выяснилось, и на Среднем Днепре. Именно его в свое время мы именовали типом Сунка²¹². Этот тип культуры представлен всего четырьмя памятниками: исследованной автором безочаговой землянкой из нижнего энеолитического слоя Молюхов Бугор, отличающейся органическим сочетанием остродонных горшков, украшенных гребенкой и гусеничной композицией, с плоскодонными сосудами и большим количеством костей лошади в остеологическом комплексе²¹³, тремя целыми сосудами из сел Сунка, Веселый Кут и Мокрая Калыгорка, обнаруженными в разрушенных погребениях²¹⁴. Сосуд из с. Веселый Кут, как оговорено в публикации, происходит из любительских раскопок кургана²¹⁵. Отличительной чертой керамического

комплекса рассматриваемого типа памятников является наличие в нем подчеркнуто остродонных горшков с плечиками, расположенными на середине высоты тулова, с высоким, почти цилиндрическим венчиком, а также с орнаментом почти исключительно в границах зоны венчика (рис. 45, 3, 4).

Сосуды этого типа во многом напоминают остродонные горшки кватянско-чигиринского типа, что и дало нам в свое время повод их не различать²¹⁶.

В настоящее время хронологические различия обоих типов памятников достаточно очевидны, а их сходство, по-видимому, следует объяснить наличием генетических связей. Например, весьма правдоподобно, что на этапе продвижения в Надпорожье населения с собственно стоговской культурой племени с чигиринско-кватянским типом культуры переселились на Средний Днепр, в частности в Днепро-Бугское междуречье, и обитали на протяжении таких этапов развития локального варианта древнеямной культуры: Чигирин — Тетячино — Сунка — Молюхов Бугор.

Хронологическое положение памятников стоговской фазы определяется целым рядом фактов. Так, например, только с позднейшим горизонтом Стрильчей Скелы, представленным, в частности, редкими (всего четыре экземпляра) находками фрагментов керамики, украшенных гусеничным орнаментом, можно синхронизировать найденный здесь фрагмент трипольского сосуда со следами монокромной росписи (рис. 25, 12).

Вероятно, к этому же времени относится и маловыразительная трипольская красноглиняная керамика, обнаруженная в среднем слое Среднего Стога²¹⁷. В этом же плане следует рассматривать находки типичного стоговского остродонного горшка и не менее типичного трипольского биконического сосуда, встреченные на площади игренского могильника (рис. 44, 5). Несмотря на то, что найдены они в различных погребениях, ввиду их уникальности допускать случайность их «встречи» в одном и том же комплексе и, следовательно, в их практической синхронности не приходится. Следует вспомнить и найденные на Молюховом Бугре фрагменты красноглиняных трипольских сосудов, изготовленных из плотной глины²¹⁸.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что памятники стоговской фазы развития древнеямной культуры синхронны с памятниками второй половины развитой поры Триполья (Кукутени В или Триполье В₂ по схеме Т. С. Пассек), что с учетом соответствующих показаний радиоуглеродного метода должно означать первую половину III тысячелетия до н. э.

Деревская фаза. Открытые в зоне строительства Днепродзержинской ГЭС у с. Деревки обширные поселение и могильник, датируемые заключительной порой архаического периода древнеямной этнокультурной области, являются наи-

более значительными памятниками, обуславливающими правильное понимание процесса сложения и развития степного энеолита. Благодаря систематически проводившимся Д. Я. Телегиным²¹⁹ исследованиям в Деревке определено реальное место в процессе развития древнеямной культуры верхнего слоя Миневского Яра²²⁰, уточнено хронологическое положение некоторых материалов из Александрии²²¹, определено стадийное положение энеолитического материала с о. Виноградный, выделена особая группа находок на Скеле-Каменоломне и др. (рис. 35).

В результате раскопок деревского комплекса стало очевидным, что представляемый им и перечисленными выше памятниками вариант архаической древнеямной культуры характеризуется особенно интенсивным развитием коневодческой формы пастушеского хозяйства, а также созданием поистине пастушеского комплекса материальной культуры.

Несмотря на то, что в ходе раскопок деревского поселения уже получено свыше 10 тыс. археологических предметов, среди которых доминируют фрагменты глиняной посуды, на раскопанной площади были найдены следы только двух долговременных жилых сооружений. Все это говорит о поселении-стойбище, возникшем, скорее всего, неподалеку от пойменных пастбищ и для которого были характерны легко снимающиеся наземные жилища.

В полном соответствии с воссоздаваемой картиной поселения находится, прежде всего, состав фаунистических остатков, где около 80% остеологических материалов составляют кости коня. О культурном осмыслении последнего свидетельствует интересная находка — захоронение целого черепа коня.

Нормам пастушеской жизни отвечает и характер комплекса глиняной посуды этого времени. Преобладают глубокие, плечистые, подчеркнуто остродонные горшки с очень высокими, раструбленными, вертикальными и даже несколько стянутыми венчиками, содержащие в глине неизменную и обильную ракушечную примесь. Второй несравненно более редкой формой являются небольшие плоскодонные или со слегка уплощенными доньями чашечки, функционально близкие, вероятно, к бокалам. Украшались орнаментом преимущественно горшки — обычно венчик и верхняя часть плечиков. Доминируют зональные композиции, выполненные различными штампами, среди которых преобладает гребенчатый, а также оттисками настоящего шнура. В числе орнаментальных схем довольно обычны так называемые горолочные схемы, состоящие из вертикальных полей, размещенных с интервалами по венчику и по верхней части плечиков. В предшествующее время подобные композиции не встречались. Появление их, если исходить из факта сходства таких композиций с

некоторыми композициями на сосудах майкопской культуры, следует связывать с установлением контакта племен Приднепровья с племенами Степного Прикавказья.

Необходимо также учитывать бесспорное сходство дереивской глиняной посуды с посудой, происходящей из нижнего слоя нижнедонской Ливенцовки, что может служить указанием на участие в формировании дереивского типа также и нижнедонского этнокультурного компонента.

В характере производственного инвентаря дереивской фазы развития имеются некоторые неясные моменты. Так, например, обилие микролитического кремневого инвентаря (пластинки, скребки и пр.) на площади дереивского поселения, где наряду с ним встречается привычно крупный кремневый инвентарь (ножи, скребки и пр.), разрешает думать о двуслойности памятника. Эта мысль кажется нам тем более реальной, если учитывать, что в позднем энеолитическом комплексе Александрии, глиняная посуда которого близка к дереивской, кремень в целом имеет обычный среднестоговский характер.

Яснее обстоит дело с другими категориями инвентаря Дереевки, например, с изделиями из рога оленя. Речь идет о довольно многочисленной группе топоров и так называемых мотыг, изготовленных из рога оленя, имеющих сверлины или вырезанные металлическим орудием прямоугольные отверстия для насаживания рукояти. Учитывая подчеркнuto скотоводческий характер культуры, следует думать, что эти орудия не были связаны с обработкой земли и представляют собой одну из наиболее ранних разновидностей боевых топоров или клевцов.

На Дереевском могильнике найдена группа инвентаря, до сих пор не встречавшаяся в комплексах других хронологически и культурно близких памятников. Это довольно многочисленная группа культовых терракот. Из их числа выделяется натуралистическая статуэтка кабана, а также фрагменты нескольких плоских антропоморфных статуэток так называемой скрипичной схемы — с коротким или длинным выступом шеи-головы.

Обращает внимание несходство местной антропоморфной пластики с трипольской. Исключение составляют некоторые статуэтки усатовской этнокультурной группы²²². Нельзя не заметить их сходства с хронологически близкими малоазийскими образцами, которые в это время получают самое широкое распространение не только по всей Малой Азии и проникают в островной мир Эгейды²²³, но и в Южной Европе²²⁴.

Генетическая подоснова для подобной пластики на территории Малой Азии до сих пор не установлена, что разрешает думать о ее проникновении из Южной Европы, возможно даже из области пастушеских культур Восточной Европы²²⁵.

Для точного определения хронологического положения дереивской фазы развития древнеямной

культуры данных немного. Отдельные трипольские импорты (например, мисочка в дереивском могильнике) позволяют думать, что памятники этого времени синхронны с Трипольем В₂ (по Т. С. Пассек) и что они непосредственно предшествуют времени памятников усатовского типа.

МИХАЙЛОВСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ

Третий период древнеямной культуры назван михайловским не случайно. В эпонимном стратифицированном поселении возле с. Михайловки Ново-Воронцовского района Херсонской области, исследованном О. Ф. Лагодовской, О. Г. Шапошниковой и М. Л. Макаревичем²²⁶, имеются все данные для характеристики третьего и последнего периода развития древнеямной культуры, что устраняет необходимость пересказывать здесь опубликованные материалы и вытекающие из них выводы. Вместе с тем археологические открытия последних лет делают необходимыми некоторые замечания в связи с совершенно ясным михайловским периодом.

Михайловский период — период сложения именно того позднейшего типа древнеямных памятников, который впервые был выделен В. А. Городцовым в особую древнеямную культуру. В развитии древнеямной культуры он был последним. В частности потому, что наступило время расселения племен катакомбной культуры с востока, приведшее в Калмыкии, на Нижнем Дону, а затем и на Донеччине к ассимиляции древнеямной культуры. Последняя продолжала существовать лишь на Днепре, вероятно, до времени культуры многоваликовой керамики.

Михайловский период развития культуры подразделяется на четыре фазы: репинско-рогачикскую, михайловскую II и III, а также собственно древнеямную, которую в определенном смысле можно было бы именовать и городцовой. Это был период дальнейшего развития пастушеско-скотоводческого хозяйства, его дальнейшей специализации, выразившейся в появлении больших общинных стад крупного рогатого скота и табунов лошадей, в возникновении, под кавказским влиянием, местной металлургии меди-бронзы. Отмечается дальнейшее усиление общественной и имущественной дифференциации, приводившей к более частому столкновению патриархальных племен, что, с одной стороны, выражается в появлении того комплекса оружия, несколько видоизмененный вариант которого мы знаем по данным историко-культурной области шнуровой керамики²²⁷, а с другой — в появлении укрепленных поселков.

Последние являлись оплотом племенных организаций, местом обитания ведущих пастушеских общин, признаком их частичной оседлости и, нако-

нец, свидетельством какой-то роли земледелия. В противоположность укрепленным поселениям, на местах пастбищ возникали стойбища, свидетельствующие о развитии пастушеского скотоводства и являвшиеся местами кочевий рядовых общинников — пастухов.

Именно на этом этапе развития древняя культура окончательно превращается в курганную. Курганы как религиозно-идеологическое отражение пастушеского скотоводства получают повсеместное распространение. В то же время продолжают существовать и значительно реже встречаются плоские могильники, являющиеся переживанием предшествующих эпох и принадлежностью оседлых поселений.

В плане исследования процесса сложения древней культуры большой интерес представляют репинско-рогачикская и собственно древняя (городцовская) фазы развития культуры. Первая — в плане изучения процесса скрещивания новых этнокультурных компонентов, слияние которых привело к возникновению древнейших памятников наиболее распространенного типа. Вторая — как показатель финальных форм развития культуры, исчерпавшей свой миграционный потенциал и превратившейся в объект ассимиляции со стороны продвигавшейся с востока катакомбной культуры.

Репинско-рогачикская фаза. В аспекте изучения исторической специфики процесса развития древней культуры репинско-рогачикская фаза имеет особое значение. В ее раскрытии важная роль принадлежит О. Г. Шапошниковой, выяснившей, что так называемый второй слой Михайловки в действительности делится на два культурно-самостоятельных слоя²²⁸. В этом смысле наибольший интерес представляет нижняя часть так называемого среднего слоя, залегающая в Михайловке между нижним слоем на Днепре, знаменующим локальный перерыв в древней области, и собственно вторым слоем Михайловки. Последний свидетельствует о начале позднего периода развития древней культуры.

Как выяснилось, отличительной чертой вновь выделившегося культурного комплекса является органическое сочетание двух типов посуды, встречающихся в самостоятельном виде в комплексах культурно-родственных, но все же различных памятников. Первую группу составляет посуда, характерная для памятников так называемого пивихинского типа²²⁹. Она представлена различными плоскодонными сосудами, изготовленными из относительно тонкой глины с примесью тертой обожженной ракушки и кровавика, придающих сосудам

охристо-красный цвет. Из форм устанавливаются плоскодонные горшки с плечиками, расположенными почти на середине высоты сосуда, с довольно высокими отогнутыми венчиками, а также широко открытые банки и миски. Орнамент представляет собой так называемые жемчужины, иногда со следами дополнительного зашпиывания пальцем, расположенные на венчике, на переходе от него к тулову и изредка по верхней части плечиков,

Рис. 46. Керамика из киево-кирилловских землянок.

а также настоящий шнуровой отпечаток, состоящий из сочетания горизонтальных линий и зигзагов, нанесенных по верхней части сосуда.

Второй тип посуды представлен плоскодонными горшками, близкими по форме к описанным выше пивихинским, но, как правило, содержащими в глине обычную примесь мелкого песка или толченой ракушки. С посудой первого типа их сближает наличие специфических разновидностей жемчужного и шнурового орнаментов, что разрешает думать о заметном участии в формировании этой культурной группы культуры пивихинского типа. В то же время вторая группа посуды существенно отличается от первой обычным серым цветом, отсутствием кровавика и нередко примеси ракушки в массе, развитостью разнообразного штампового орнамента, выполненного гребенчатым, прямым и другими штампами.

В культурно-обособленном виде посуда второго типа выступает в комплексах ряда памятников,

относящихся к послетрипольской поре раннего бронзового века. Наиболее значительными среди них являются Белая гора под Лубнами²³⁰, а также хорошо известные после раскопок В. В. Хвойки Киево-Кирилловские землянки²³¹ (рис. 46, 1—

но, а трипольский — значительно слабее. В комплексе Мнево присутствуют признаки северо-западных связей с культурами воронковидных сосудов и шаровидных амфор. Так, в комплексе поселения выявлена группа фрагментов от сероглиняных лощеных и украшенных полосчатым сглаживанием сосудов, оказавшихся здесь в результате связей с племенами культуры воронковидных сосудов. Об этих же связях свидетельствует и появление служившего для украшения среза венчиков особого валикового орнамента.

В комплексе синхронного поселения Никольская Слободка III встречаются остатки импортных сосудов, указывающих на те же северо-западные связи, например фрагмент от шаровидной амфоры.

В коллекции из киево-кирилловских землянок имеются фрагменты сосудов с валиковым украшением венчиков, близких к одной из упоминавшихся выше групп керамики из Мнево.

Возникновение названных выше северо-западных связей говорит о многом. Так, не подлежит сомнению, что возникновение этих связей хронологически совпадает с началом шестой с запада экспансии двух северных культур: воронковидных сосудов и шаровидных амфор, появляющихся именно в это время на территории Западной Украины и в сопредельных с ней районах Белоруссии, Румынии²³⁴ и Польши²³⁵.

Вполне очевидно, что это продвижение не было изолированным явлением и представляло собою лишь звено в цепи значительных этнокультурных перегруппировок.

Таким образом, появление на периферии трипольской ойкумены памятников типа киево-кирилловских землянок прежде всего говорит о начале продвижения по лесостепной и даже степной зоне Украины позднейших эпигонов днепро-днепровской культуры, которые под давлением северного этнокультурного массива покинули часть своих коренных территорий и начали продвижение на Юг.

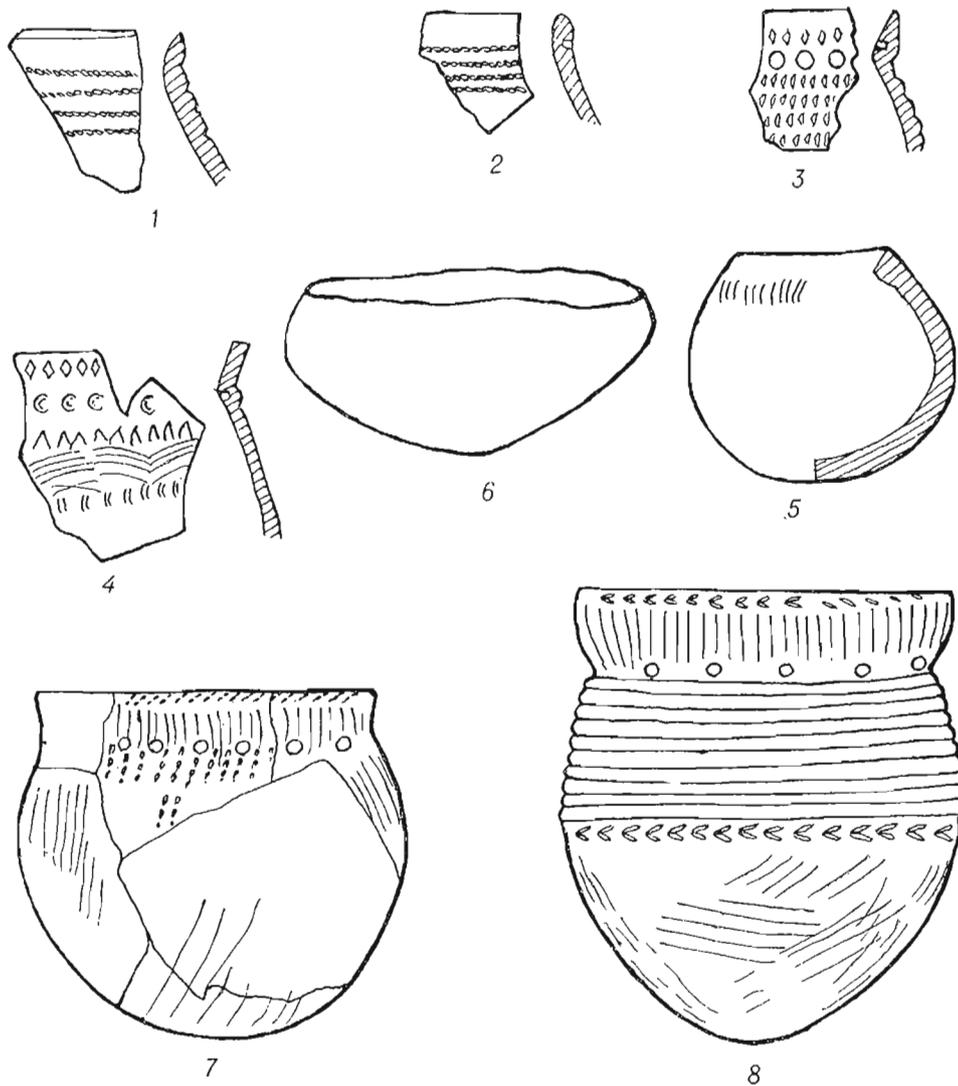

Рис. 47. Типичная посуда михайловского периода:
1—4, 6 — Прикаспий; 5, 7, 8 — Степное Поволжье.

10), что свидетельствует об их северном, возможно, днепро-днепровском происхождении. Им предшествуют памятники, синхронные ранней поре позднего Триполья. Например, Никольская Слободка III или Бортничи (отдельная дюна)²³², в которых выступает днепро-днепровский компонент, но в сильно осложненном виде из-за влияния позднейшего Триполья или его степных соседей.

В более северном районе Среднего Поднепровья, например в культурном комплексе Мнево²³³ (исследовавшемся в последние годы В. И. Неприной), днепро-днепровский компонент выступает более силь-

О широте этого продвижения свидетельствует территориальное положение таких памятников, как кирилловские землянки (Киев), Белая Гора (Лубны), один из слоев поселения Гайворон-Полижок (среднее течение Южного Буга), где сходные с Мневым материалы выступают вместе с фрагментами посуды усатовского типа²³⁶, уже упоминавшийся слой Михайловки и недавно исследовавшееся О. Г. Шапошниковой поселение Нижний Рогачик на Херсонщине²³⁷, являющееся прямой аналогией этого слоя. Таким образом, реальность сделанных О. Г. Шапошниковой наблюдений над средней частью стратифицированной толщи Михайловка дало нам право, применительно к обстановке Поднепровья, говорить об особой рогачикской стадии в развитии древнейшей этнокультурной области.

Вполне очевидно, что появление нового типа культуры на такой обширной территории — от Припяти и почти до Черного моря — также означало исчезновение целого ряда первобытных культур (городской, киево-софиевской, пивихинской, усатовской и типа Михайловка I), которые в процессе интенсивной ассимиляции были как бы поглощены переживавшим период подъема новым типом культуры.

Из приведенных выше фактов можно сделать важный историко-культурный вывод: непосредственным субстратом сложения позднего типа древнейшей культуры является не культура типа Михайловка I, а культура северного типа, доминирующим компонентом которой были позднейшие переживания днепро-донецкой культуры.

Теперь рассмотрим обновленный тип древнейшей культуры, распространение которого по Степной и Лесостепной зонам Левобережной и отчасти Правобережной Украины привело к возникновению памятников типа Михайловка II,²³⁸ являющихся предшественниками древнейшей культуры позднейшего городцовского типа.

Благодаря современному уровню накопления источников можно утверждать, что таким типом культуры могли быть только древнейшие памятники типа хутор Репин, известные в Северном Прикаспии²³⁹ (Досанг, поселения № 122, 136; Исык-Кей, поселения № 9/38 и 43) (рис. 47, 1—4), в степном Поволжье²⁴⁰ (древнейшие курганы быковского могильника) (рис. 47, 7, 8). В волгодонском междуречье они выступают в виде эпонимного памятника поселения хутор Репин²⁴¹ (рис. 48, 1—4).

Отличительной особенностью материального комплекса этого типа древнейшей культуры являются горшки глубокой оvoidной формы с обильной примесью ракушки. Венчик высокий, отогнутый наружу, с жемчужным орнаментом по его основанию. Горшки украшены глубокими расчесами по поверхности стенок, в верхней части сосуда — зонами из оттисков подтреугольного или гребенча-

того штампов и значительно реже — простыми шнуровыми композициями.

Форма горшков приземистая, с сильно раздутой средней частью тулова. В остальном они ничем не отличаются от сосудов описанного выше типа (рис. 47, 5, 7; 48, 1, 2). К ним морфологически близки нередко лишенные орнамента приземистые тыквообразные чаши без венчиков (рис. 33, 1, 3; 47, 6), возможно, являющиеся древним переживанием тех чашеобразных сосудов, которые были найдены в древних слоях Джебела. О глубоких

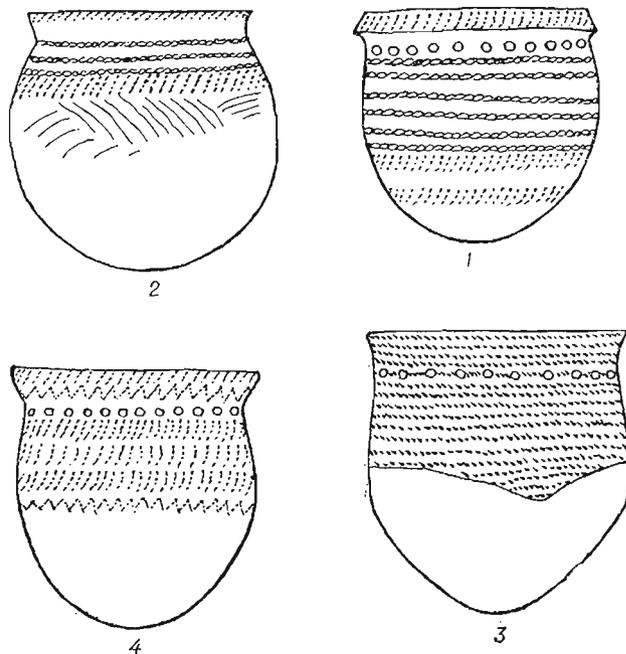

Рис. 48. Сосуды Михайловского периода с поселения хутор Репин, на р. Иловле, в междуречье Волги и Дона.

местных традициях этой формы горшков говорит их широкое распространение именно в Степном Поволжье (ямный комплекс Заман-Бабинского могильника) и почти полное отсутствие на Поднепровье.

Изредка керамика специфическо-репинского типа встречается и на Поднепровье, например, в комплексе Скели-Каменоломни. Однако и без этого ясно, что формирование культурного типа Михайловка II в первую очередь зависело от активного подключения к процессу развития древнейшей культуры именно каспийско-донских памятников репинского типа, возникших на основе памятников бережновского типа*.

Фаза Михайловка II. Она отвечает времени расцвета древнейшей культуры. Вероятно, именно в это время племена древнейшей культуры занимают коренные трипольские территории, расположенные в глубине Правобережной Лесостепи,

* Памятники, непосредственно близкие к Среднему Стогу II, ни в Прикаспии, ни в Степном Поволжье до сих пор неизвестны.

что подтверждается появлением здесь погребальных памятников старшего яцковичского типа²⁴². В процессе расселения племен древнеямной культуры в область племен неолита, ямочно-гребенчатой ке-

границах Степного Поволжья, несмотря на значительный объем проводившихся полевых работ, до сих пор неизвестны. Это обстоятельство можно оценить как указание на то, что эллипс развития

древнеямной культуры в это время окончательно перемещается с каспийско-волжских степей на территорию Степной и Лесостепной Украины, главным образом, в границы Днепровского бассейна. Не исключено, что внешней силой, стимулировавшей происходившую в эти времена этнокультурную перегруппировку, было проникновение в границы юго-восточной периферии древнеямной культуры (Калмыкия, бассейн р. Маныч) первой волны племен формирующейся катакомбной культуры²⁴⁹ и, вместе с ней, в границы Степного Поволжья, не совсем ясных по происхождению племен полтавнинской культуры²⁵⁰.

Фаза Михайловка III. По времени она также относится к периоду расцвета и преимущественно эволюционного развития культуры (рис. 50, 1—4; 51, 1—4). Следы ассимилированных компонентов — городской, киево-софиевской, пивихинской и старшей Михайловской культуры уже окончательно исчезают в материальном комплексе этого времени. Однако взамен их появляются явные признаки этнокультурного контакта с племенами формирующейся на востоке (Калмыкия, доно-манычский район) катакомбной культуры, а также, вероятно, и с племенами кемибобинской культуры, продолжавшими в это время существовать в Крыму и в приморской части Днепровского бассейна. О контактах с населением катакомбной культуры свидетельствует появ-

ление так называемого тесемчатого шнурового орнамента и курильниц. В то же время появление монохромной чернолощенной посуды и различных фигурных ручек, скорее всего, указывает на связи с пережиточной кемибобинской культурой.

На Поднепровье основным памятником этого времени, прежде всего, является верхний слой Михайловки, с его оборонительными стенами, каменными основаниями жилищ и пр.²⁵¹, а также целый ряд ямных захоронений²⁵², нередко сопровождаемых каменными закладами²⁵³, кромлехами²⁵⁴ и

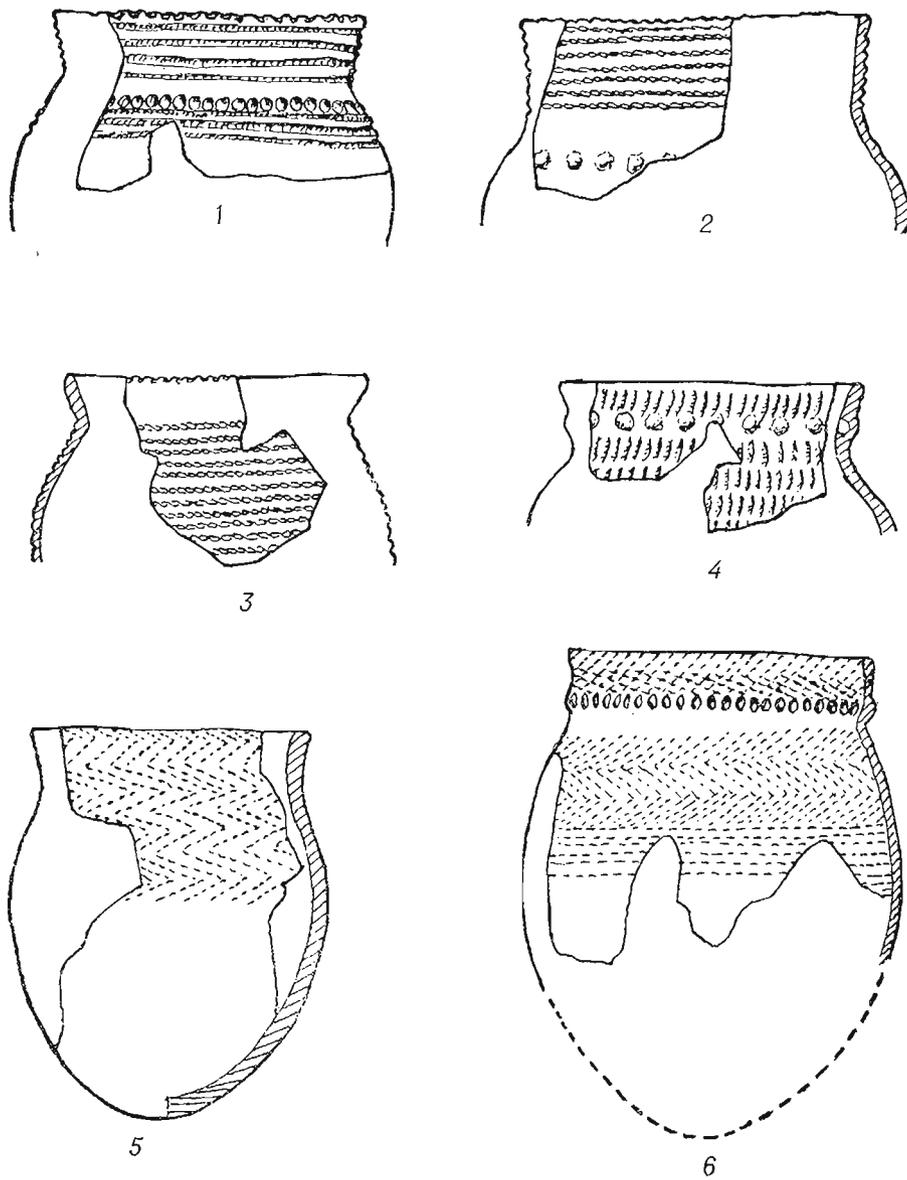

Рис. 49. Сосуды фазы Михайловка II.

рамики возникает деснянская группа так называемой среднеднепровской культуры²⁴³, а, возможно, и западное (московское) первичное ядро фатьяновской культуры²⁴⁴.

Наиболее значительными памятниками этого времени являются средний (IIб) слой Михайловки²⁴⁵, большая часть материалов Скелы-Каменоломни²⁴⁶, а также целый ряд курганных погребений, встреченных в Приазовье²⁴⁷ и в Среднем Поднепровье²⁴⁸ (рис. 49, 1—6).

Близкие аналогии памятникам этого типа в

ящиками ²⁵⁵. Достаточно характерны плоские могильники, например, некрополи на о. Виноградном ²⁵⁶ и в районе Михайловского поселения ²⁵⁷.
Вероятно, именно в это время, в результате пре-

ние на обширной территории — от Северского Донца (Александрия) и Дона (Новочеркасск и др.) до Степного Поволжья и Прикаспия (тип Березновка) особого типа древнеямных памятников.

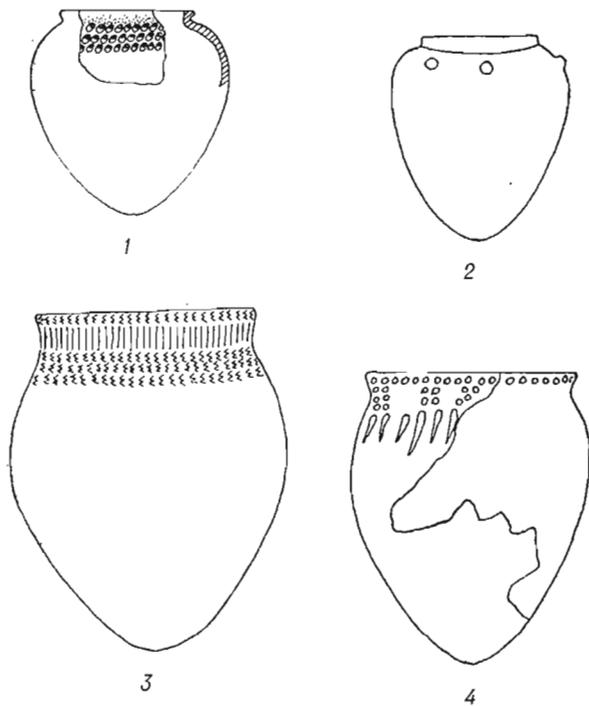

Рис. 50. Сосуды фазы Михайловка III.

обладания автохтонных процессов, возникает ряд сравнительно небольших локальных групп древнеямной культуры, выделение которых обосновывается в работах Н. Я. Мерперта ²⁵⁸, М. Гимбутас ²⁵⁹ и О. Г. Шапошниковой ²⁶⁰. Различия в облике материальной культуры выделяемых локальных этнокультурных групп оказываются тем значительнее, чем больше между ними расстояние.

Если исходить из сравнения прикаспийско-поволжских древнеямных памятников с памятниками афанасьевской культуры, можно прийти к выводу, что примерно в это время, в процессе значительного расширения ареала древнеямной культуры на востоке ²⁶¹ произошло выделение из древнеямной культуры афанасьевской.

К вопросам, затрагивающим различные аспекты этноистории афанасьевской культуры, нам еще предстоит возвратиться. Здесь важно подчеркнуть лишь то, что говорит о возникновении этой культуры на пограничье древнеямной и кельтеминарской этнокультурных областей, то есть к востоку от Волги, в нескольких тысячах километров западнее более поздней сибирской родины этой культуры.

В подтверждение этой мысли можно назвать целый ряд до сих пор не суммированных фактов: сходство глиняной посуды позднейших кельтеминарских памятников с древнеямными; существова-

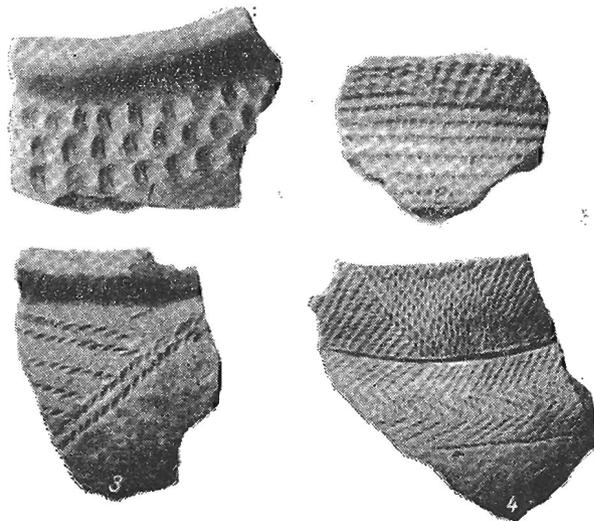

Рис. 51. Керамика поздней поры фазы Михайловка III.

Выявленная здесь посуда как в отношении форм, так и по струйчатому и накольчатому орнаментам связывается с кельтеминарской. Переживание по-

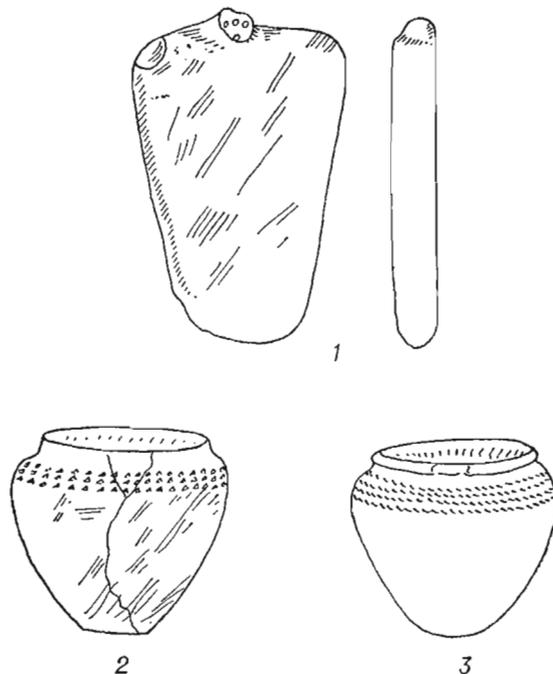

Рис. 52. Стела и сопровождающие ее сосуды позднейшего ямного периода (Нижний Днепр).

добного орнамента на древнейшей посуде стоговского периода, наличие на горшках восточных памятников михайловского периода сложного зонально-скорописного орнамента, выполненного

надломленной кремневой пластинкой, в целом напоминает близкий к Кельтеминару тип орнамента, встречающийся на сосудах афанасьевской культуры.

рый (начиная с В. А. Городцова) получает разностороннее отражение в большом количестве публикаций и обобщающих трудов. Подобное обстоятельство снимает необходимость вновь составлять краткую характеристику и давать общую оценку огромного, в общем уже хорошо известного, фактического материала. Кроме того, характеризующий эту фазу материал в незначительной степени находится за пределами темы, в основном посвященной исследованию процесса сложения древнейшей этнокультурной области.

Последняя («городцовская») фаза развития древнейшей культуры может представлять для нас интерес только в плане осмысления позднейших исторических судеб населения этой культуры. Материалы Донеччины, Приазовья и Надпорожья свидетельствуют о том, что в это время древнейшая культура определенно сосуществует с катакомбной и переживает период ее ассимилирующего воздействия²⁶².

Оказывается, что инфильтрация населения катакомбной культуры не была единственной причиной, обусловившей ассимиляцию древнейшей культуры и, разумеется, частичное расселение ее носителей за пределы традиционных областей обитания²⁶³.

Указание на истоки другого внешнего импульса, обусловившего деградацию древнейшей культуры, следует видеть также и в распространении разнообразных антропоморфных каменных стел, которые нередко (сразу по несколько штук) использовались для перекрытия могил позднейших древнейших погребений²⁶⁴ (рис. 52, 1—3).

Стелы этого типа получили широкое распространение от Северного Кавказа и Крыма до Западной Трансильвании и Болгарии²⁶⁵ (рис. 53, 1—6, 54).

Наилучшие образцы их происходят из Крыма²⁶⁶, Северного Кавказа²⁶⁷ и Нижнего Поднепровья²⁶⁸, что, очевидно, подкрепляет мысль А. Щепинского о том, что подобные стелы являются принадлежностью выделенной им кеми-обинской культуры²⁶⁹.

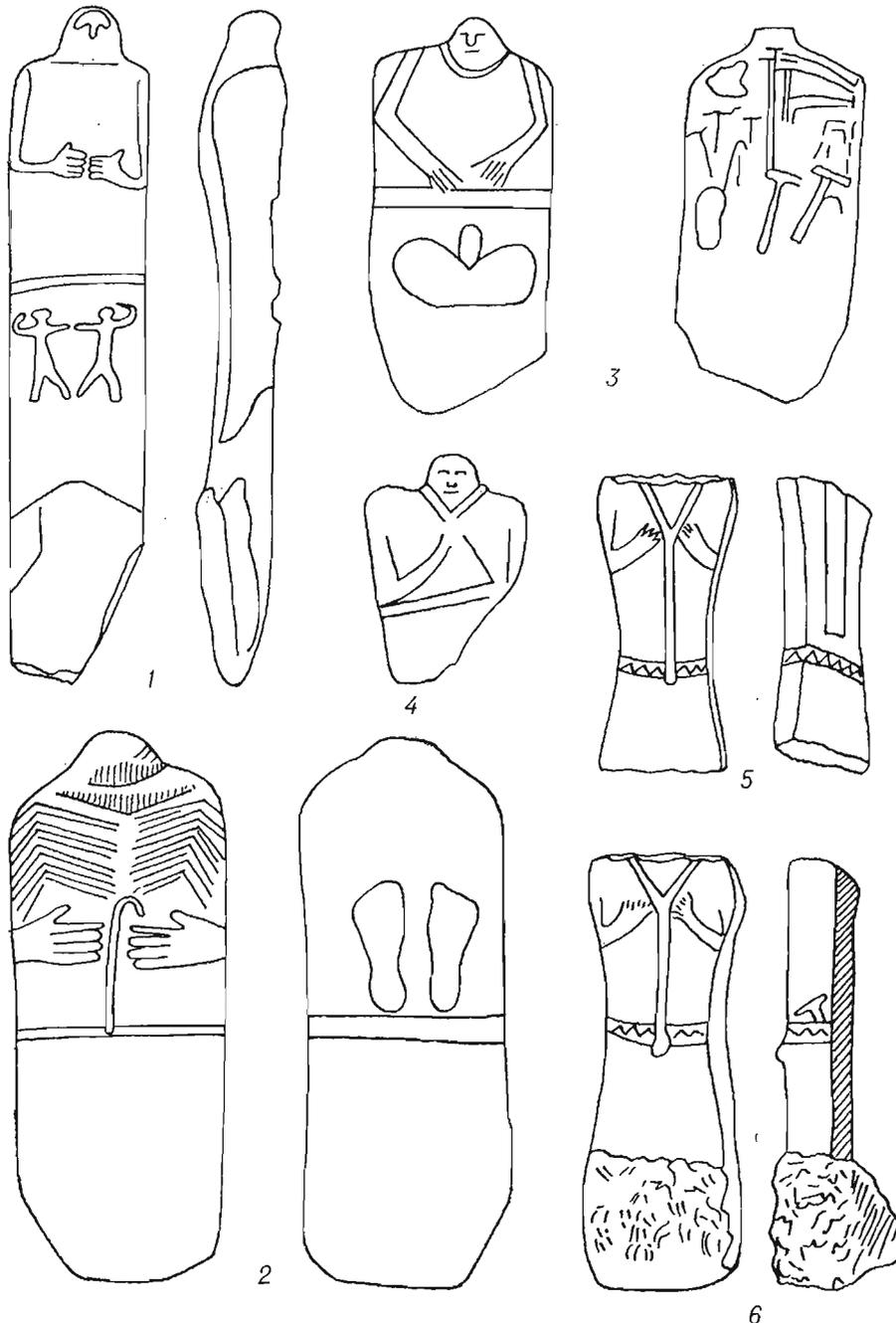

Рис. 53. Стелы из Приазовья и Причерноморья:

1 — с. Казанки; 2 — район Новочеркасска; 3 — Добруджа, Хаманджия; 4 — Болгария; 5, 6 — Трансильвания (Бая-де-Криш).

Наконец, для восточных памятников и для афанасьевских следует подчеркнуть типичность не только остродонных горшков, но и приземистых чаш.

Последняя («городцовская») фаза древнейшей культуры. Это наиболее изученный период, кото-

Однако нам кажется, что значение этих стел как исторического источника намного превосходит факт установления их связи с комплексом кемпи-обинской культуры, так как и культура и стелы принадлежат к обширному этнокультурному ареалу, объединяющему целый ряд локальных археологических культур

Рис. 54. Стела из Белогрудовки.

Так, например, становится очевидным, что в отношении характера погребальных сооружений и глиняной посуды она перекликается с позднемайкопской²⁷⁰ (новосвободненской) и так называемой мегалитической культурой Закавказья²⁷¹, которые, в свою очередь, по ряду признаков близки к кюльтепинской культуре²⁷² и к древнейшим памятникам катакомбной культуры калмыко-маньчского района²⁷³.

В то же время можно отметить, что все перечисленные культуры в различных степенях близости смыкаются с так называемой кирбет-керакской культурой и ее аналогами, занимающими значительные районы Переднего Востока²⁷⁴.

Переходя к конкретному вопросу о происхождении названных стел как особого типа памятни-

ков, прежде всего попытаемся рассмотреть вопрос об их идеологическом содержании и о характере их культового назначения.

Использование стел для перекрытия могил не является их первоначальной функцией, ибо у всех дольные части необработаны. Это говорит о том, что стелы вкапывали в землю.

Атрибутами, сопровождающими стелы, являются: пастуший посох²⁷⁵, булава²⁷⁶, лук²⁷⁷, боевой топор²⁷⁸, ступни человеческих ног²⁷⁹, знаки пола²⁸⁰ и, наконец, изображения борющихся воинов²⁸¹ (рис. 53, 1; 55, 1).

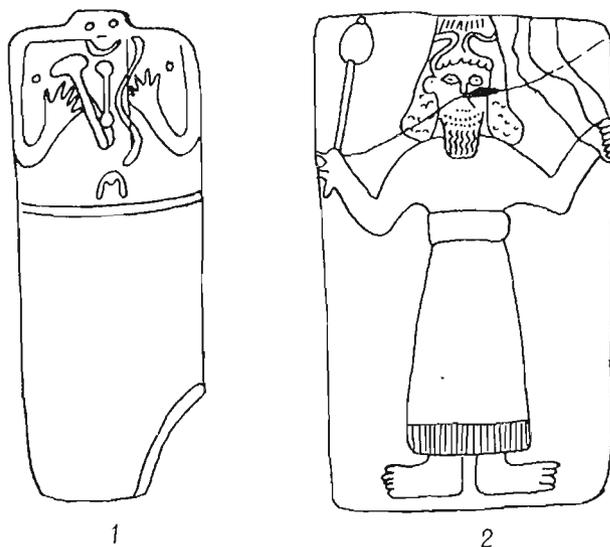

Рис. 55. Стелы:

1 — Натальевка (изображение Тешуба); 2 — Тель-Халаф, изображение Тешуба.

Тот факт, что стелы встречаются группами, а также содержание имеющихся на них атрибутов позволяет сделать вывод, что они воспроизводят не реальных людей, а скорее божеств. Так, например, стелы: новочеркасская с изображением пастушьего жезла (символ владыки) (рис. 53, 2), натальевская — с боевым топором, булавой и луком (рис. 55, 1), хаманджийская — с набором боевых топоров (рис. 53, 3) и, наконец, казанковская — с борющимися людьми (рис. 53, 1) (есть стела с парующимися животными) воспроизводят, скорее всего, божество типа передневоосточного Тешуба, являющееся верховным патриархальным божеством, объединяющим в себе также функции божества войны и грома²⁸² (рис. 54; 55, 2; 56, 1—6).

Распространение стел из Степного Предкавказья и Крыма в западном направлении (Добруджа и Трансильвания), по-видимому, совпадает с процессом расселения части смешавшихся с Кемпи-Обой древнеямыных племен на Нижний Дунай и на Балканы, что освещено в трудах Н. Я. Мерперта^{283—284}, М. Гарашанина²⁸⁵ и др.

Следует отметить, что связывать с этим же миграционным потоком распространение наверхней-

скипетров было бы неправильно, ибо оно, как это в настоящее время можно считать доказанным, происходило не в конце этнокультурной экспансии древнеямных племен, а примерно на два тысячелетия раньше.

Хронологический диапазон последнего периода развития древнеямной культуры был достаточно

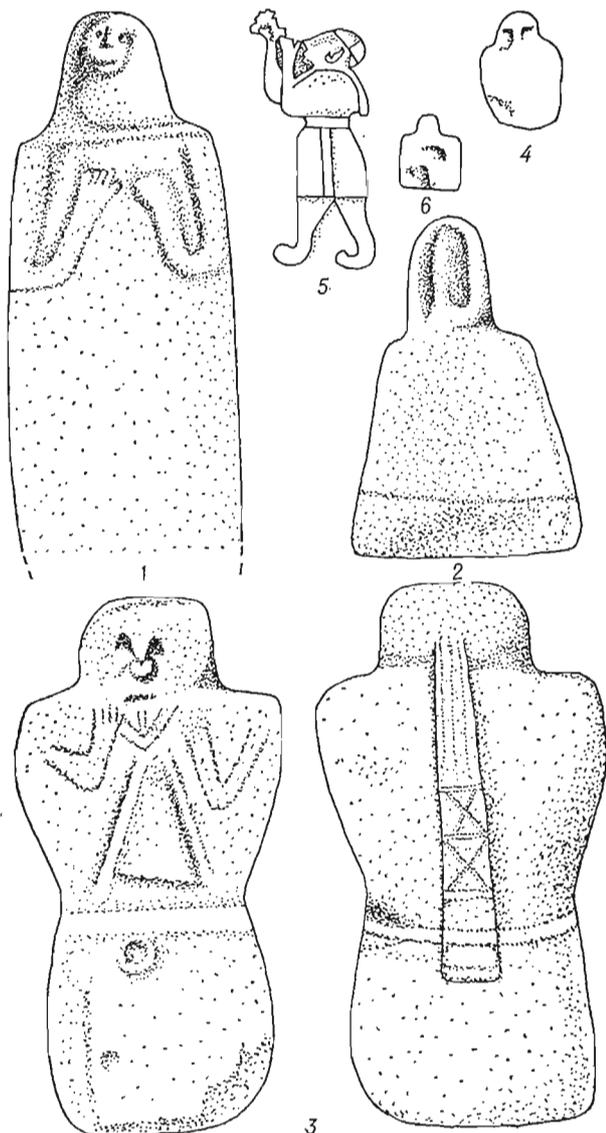

Рис. 56. Ближневосточные аналоги причерноморских стел:
1 — Абу-Ирей; 2, 3 — Гавра 2, Билла 7; 4, 6 — Алалах Д.
Е; 5 — фигура хетта с рельефа из Аладжа-Хююка.

широким. Об этом свидетельствуют усатовские керамические импорты, найденные в основании II слоя Михайловки, и тот факт, что в конце периода развития названной культуры появляются боевые топоры, типологически близкие к бородинским. Таким образом, этот период длился не менее семи веков и продолжался примерно с XXIV по XVII вв. до н. э.

Итак, суммируя все сказанное о процессе сложения и развития древнеямной этнокультурной области, следует сделать заключение, что различные локальные варианты культуры этой области, заметно изменявшиеся во времени, а иногда и стремительно перемещавшиеся в пространстве, просуществовали целую историческую эпоху — с рубежа V и IV тысячелетия и до XVIII—XVII вв. до н. э.

Не подлежит сомнению, что все охарактеризованные выше локальные и хронологические варианты (или локальные культуры) древнеямной этнокультурной области возникали и развивались прежде всего на основе древних неолитических скотоводческих культур, существовавших в обширном степном ареале — от Каспия до Северо-Западного Причерноморья.

К числу таких культур следует в первую очередь отнести прикаспийскую (джебельскую), приазовскую, сурско-днепровскую и крымскую. Каждая из них обладала определенной спецификой экономического развития, сходного, однако, по признаку преобладания скотоводства.

В зависимости от конкретных условий в ареалах названных этнокультурных областей преобладали различные формы скотоводства: в прикаспийском ареале — разведение мелкого рогатого скота, в части кавказского и крымского ареалов — свиноводство, в Приазовском и Днепровском ареалах — разведение крупного рогатого скота.

Условия для разведения коневодства не созрели ни в одном из них, хотя возникновение его естественно связывать с тем ареалом, где экономическое значение мелкого рогатого скота было более высоким, то есть с каспийско-кавказским пограничьем.

На настоящем уровне развития историко-археологической науки решить вопрос об удельном весе каждой из этих культур в процессе сложения древнеямной этнокультурной области не представляется возможным. Одно ясно, что к моменту экспансии днепро-донецкой культуры, а позднее — слагавшегося Триполья, ареалы культур данного типа должны были сместиться к востоку. Наиболее эволюционные формы их формирования естественно связывать именно с каспийско-азовским степным пограничьем.

Следует подчеркнуть, что предгорья и нагорья Крыма не входят в район формирования древнеямной области. Здесь формируется культура, близкая к майкопской, вероятно, не без кавказского влияния, которая, как известно, особенно в гористых местах долгое время носила характер свиноводческой культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О СЛОЖЕНИИ ДРЕВНЕЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ

Приведенные выше археологические и исторические факты свидетельствуют о том, что процесс сложения древнеямной культуры отличался боль-

шим территориальным масштабом, участием в нем значительного количества родственных в этнокультурном отношении компонентов, генетически восходящих к охотничье-скотоводческим культурам неолитической эпохи, развивавшимся в степном и лесостепном пограничье Европы и Азии. В меньшей степени в этом процессе приняли участие инородные, в этнокультурном отношении, массивы, процесс формирования которых шел параллельно с процессом формирования древнеямной культуры. Таким образом, древнеямная культура на протяжении своей более чем двухтысячелетней истории никогда не была и не могла быть однородным массивом в этнокультурном отношении, но, образуя единую этнокультурную область, она, подобно трипольской культуре, также распадалась на ряд локальных культур, входивших в неизменно переплетавшиеся этнокультурные отношения.

Особая сложность поставленной задачи — исследование процесса сложения древнеямной культуры — требовала особых методов разрешения. В приведенном выше разделе были рассмотрены малоизвестные, собранные по крохам археологические коллекции, воссоздана картина историкокультурной стратиграфии, создана локальная периодизация и разработана хронология различных фаз развития древнеямной культуры, рассмотрены вопросы о других этнокультурных группах, развитие которых так или иначе соприкасалось с процессом сложения и первоначального развития древнеямной культуры.

Распределение во времени конкретных форм взаимодействия названных выше этнокультурных компонентов дает следующую картину процесса сложения и первоначального развития древнеямной культуры.

Конец V — начало IV тысячелетия до н. э. Переход от неолита к энеолиту и связанные с ним экономические и социальные изменения в обстановке каспийско-азовского ареала означали завершение процесса формирования древнеямной культуры, оставившей в начале своего развития памятники типа верхних слоев Джебела и ямной части Заман-Бабинского могильника.

Именно в это время взаимоотношения передне-восточных земледельцев и прикаспийских скотоводов стали приобретать антагонистический характер, что выразилось в первом общественном разделении труда, совпавшим с относительным перенаселением Ближнего Востока и Большого Прикаспия. В свою очередь, следует предположить перенаселение находившегося в приуральской Лесостепи первичного ареала кельтеминарской культуры, обусловившее расселение ее носителей на Урал, в Западную Сибирь и в лесную и лесостепную зоны Восточной Европы.

Необходимость значительных этнокультурных перегруппировок обуславливалась еще начавшимся, надо полагать, именно в это время, иссушением прикаспийской части Средней Азии; расши-

рением зоны Каракумов, бывшей до этого обширной зоной степных пастбищ, а также в исчезновении Узбоя и пр.

Таким образом, сложение древнеямной этнокультурной области являлось частным случаем в системе широкого исторического процесса, первого общественного разделения труда, затрагивавшего, как это отмечалось ранее, земледельческие ареалы — в Малой Азии и на юге Европы.

Расселение племен возникающей древнеямной культуры обуславливалось не только перенаселением Прикаспия, но также стимулировалось экспансией кельтеминарской культуры, население которой, в силу перенаселения, тоже начало проникать и в Восточную Европу. На востоке начало процесса формирования древнеямной культуры получило выражение в памятниках джебельского типа, а на западе, где происходило впитывание субстрата позднейших переживаний сурско-днепровской культуры, этот же процесс отразился в культуре раннеэнеолитических слоев Вовчка, Стрильчей Скели и погребении из района Кировограда.

Наступил конец экспансии днепро-донецкой и буго-днестровской культур, а также древнейшего Триполья. В то же время расширение зоны формирования древнеямной культуры в западной части ареала тормозилось вклинившейся на Поднепровье азово-днепровской культурой, появление которой в этом районе следует объяснить как результат опосредованной экспансии кельтеминарского этнокультурного массива. Для Поволжья этого времени известны первые захоронения в курганах. Для Поднепровья их наличие еще не доказано.

Первая половина IV тысячелетия до н. э. Вторая волна расселения племен древнеямной области явилась следствием продолжения обрисованных выше процессов. Благодаря раздвоению процесса формирования древнеямной этнокультурной области на каспийско-волжское и азово-днепровское ответвления, на Востоке, Северном Прикаспии, в калмыцко-донском ареале и в Степном Поволжье появляются памятники политотдельского типа, на западе — в Приазовье, в Степном и Лесостепном Поднепровье — памятники чигирино-квитянского типа.

Начался процесс ассимиляции азово-днепровской культуры, в завершении которого также приняли участие и племена, представляющие особую линию развития степного энеолита и оставившие памятники типа Чаплинского могильника, поздних погребений Мариупольского и Капуловского могильников.

Несомненно, с этого времени древнеямная культура в какой-то степени становится курганной. Для западной части ареала особенно характерно употребление камня в погребальных сооружениях, что следует объяснить влиянием, шедшим с Кавказа, и обилием естественного камня на Поднепровье.

Середина IV тысячелетия до н. э. — первая половина III тысячелетия до н. э. Третья волна

расселения племен древнеямной культуры, подобно предшествующей, с одной стороны, основывалась на продолжении автохтонного процесса, а с другой — была связана с дальнейшим расширением древнеямного ареала на западе, что, отчасти, стимулировано продолжением экспансии племен позднейшего Кельтеминара.

Показателем миграционной активности восточной части племен древнеямной культуры следует считать появление памятников бережновского типа в Северном Прикаспии, Степном Поволжье, на Нижнем Дону и на Северском Донце. Ее непосредственным отражением в обстановке азово-днепровского ареала было появление древнейших памятников среднестоговского типа.

Курганы этого времени известны только в восточной части ареала — на Нижнем Дону и в Приазовье, что не исключает их открытия в будущем и на Днестре.

Вторая половина III тысячелетия до н. э. Это период относительно эволюционного развития ранее определенных этнокультурных явлений, вызвавшего образование в доно-днепровском междуречье целого ряда локальных культур среднестоговского типа и, по-видимому, к перемещению эпицентра развития древнеямной культуры в западную часть этнокультурного ареала.

Очевидно, обособление восточного и западного путей развития древнеямной культуры совпало с периодом миграционной активности племен анатолийско-кавказского ареала, что привело к распространению культуры майкопского типа на Северном Кавказе и в Крыму, а на Нижнем Дону — к возникновению культуры старшего ливенцовского типа.

Окончание этого периода совпало с распространением на Поднепровье четвертой волны древнеямной культуры, которая была отражена в верхнем энеолитическом слое Александрии, в верхнем слое Миневского Яра, или, говоря иначе, в появлении на Днестре памятников дереивского типа.

Как проявление особой линии развития степного энеолита следует рассматривать появление на Нижнем Днестре памятников типа Михайловка I, осокоровских кромехов, появление, возможно, культурно с ними близкого степного субстрата усатовской культуры, а также возникновение архаического ядра кеми-обинской культуры в Крыму.

Конец III тысячелетия до н. э. В этот период происходит процесс интенсивного скрещивания позднего Триполья со степными культурами обеих линий развития с подключением позднейших племен днепро-донецкой культуры и племен, называвшихся ранее мегалитических культур. В конечном итоге это привело к распаду основных энеолитических культур Восточной Европы и к возникновению на их основе значительного количества локальных культур начала бронзового века.

В условиях Поднепровья процесс деструкции

затронул и проникшие сюда племена древнеямной культуры. Позже этот процесс усиливается за счет расселения к югу позднейших племен днепро-донецкой культуры, в значительной степени деформированной вследствие слияния с трипольским и степным компонентами, а также теснивших ее на северо-западе племен — культур воронковидных сосудов и шаровидных амфор.

Не избежали разрушительного воздействия северной (в основе днепро-донецкой) волны и поздние локальные культуры трипольской линии развития, и племена с культурой архаического михайловского типа. Вероятно, только племена кеми-обинской культуры сохранили в основном свой этнокультурный облик и прежние районы обитания. В Поднепровье несомненно продолжают существовать племена усатовской культуры, часть которых именно в это время оказалась за Нижним Дунаем.

Эпицентр развития древнеямной культуры, по-видимому, снова локализуется в каспийско-волгодонском ареале, где, как мы полагаем, на основе переживаний культуры бережновского типа возникли памятники типа хутора Репин, известные только в волго-донском междуречье, в Северном Прикаспии и в Степном Поволжье.

Для того чтобы степные и лесостепные территории Украины снова оказались в ареале развития древнеямной культуры, потребовалась пятая и последняя волна древнеямных племен, прокатившаяся в самом конце III тысячелетия до н. э. от волго-донского междуречья до Среднего и Нижнего Поднепровья. Здесь позднее произошло оформление культурного типа Михайловка II, представляющего собой древнеямную культуру в общепринятом значении.

Более или менее очевидно, что внешним импульсом, побудившим племена древнеямной культуры в пятый раз расселяться в азово-днепровские степи, была происходившая этнокультурная перегруппировка в ареале майкопской культуры, где приблизительно в это время должен был наметиться и произойти переход от майкопского к новосвободненскому этапу развития.

Следует учитывать, что именно в это время должен был завершиться процесс формирования древнейшего в истории катакомбной культуры калмыкско-маньчского ареала, что необходимо рассматривать как важное проявление особой линии развития степного скотоводческого энеолита и раннего бронзового века.

Так, в конечном итоге, завершился процесс формирования позднейшего («городцовского») этапа древнеямной культуры, перед серединой II тысячелетия до н. э. почти полностью подвергшейся ассимиляции со стороны катакомбной культуры. Лишь на Поднепровье древнеямная культура просуществовала еще два-три века, а затем была поглощена этнокультурными массивами культур средне-днепровской и многоваликовой керамики.

ОБ АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКОЙ ЛИНИИ РАЗВИТИЯ СТЕПНОГО ЭНЕОЛИТА

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.
ТИПЫ ПАМЯТНИКОВ

На ближнем пограничье Европы и Азии расположен Кавказ. Его предгорья и долины заселены с глубокой древности. С востока и северо-востока Кавказ граничит с каспийско-приазовскими степями, с юго-запада — холмистыми нагорьями Анатолии, с запада его омывает Черное море, что содействовало этнокультурной пестроте территории, начиная с глубокой древности. Неолит и энеолит Кавказа еще изучены недостаточно, но уже в настоящее время очевидно, что главными в этом обширном и сложном ареале с началом энеолита становятся майкопская культура, обладающая несомненными чертами контакта со Степью, и кюльтепинская (куро-аракская), обнаруживающая признаки органической близости с доиндоевропейской Анатолией.

Кавказ, особенно степные районы Предкавказья, играли большую роль в судьбах энеолитического населения Юго-Восточной Европы.

В процессе исследования сложения древнеямной культуры мы уже рассматривали вопрос об особых скотоводческих памятниках, отличающихся от ямных иным обликом материального комплекса (рис. 57, 1—11). В частности, они отличаются близостью глиняной посуды к так называемой кухонной посуде развитого Триполья, содержащей примесь толченой ракушки и реже — кровавика в массе (рис. 57, 1—11; 58, 1—2; 59, 1—7; 60; 61, 1—8; 62, 1—5).

Впервые с названным типом культуры мы столкнулись свыше полутора десятилетия назад, когда возникла необходимость определить культурную принадлежность и время древнейших погребений в кромлехах возле с. Осокоровки на Херсонщине¹, а позднее нижнего слоя Михайловки (Михайловка I)².

Было высказано мнение, что в энеолите азово-черноморских степей помимо древнеямной культуры также развивался особый тип памятников, объединяющий помимо элементов древнеямной

культуры элементы Триполья и энеолитической культуры Северного Кавказа (например, Майкопской, Новосвободненской)³.

Разумеется, дать исчерпывающее объяснение этому факту на том этапе развития науки было нелегко. Нельзя сказать, что и в наши дни возможно раскрыть все детали процесса формирования этой новой культуры, определить все локальные ее проявления. Однако с годами количество фактов росло и становилось ясным, что соответствующие разновидности трипольской керамики появляются только в период перехода от раннего Триполья к развитому, и что импульс, видоизменивший материальный комплекс этой культуры, скорее всего, лежит на Востоке.

Таким образом, выяснилось, что новая культура носит самостоятельный характер и первоначально генетически не связана с Трипольем.

Постепенно было установлено, что вновь открытая культура в основном локализуется в азово-черноморской прибрежной зоне, тогда как памятники собственно ямной культуры глубоко проникали в зону разнотравной Степи и даже обнаружены в зоне Лесостепи.

В настоящее время тезис о существовании на территории Украины подобной культуры, состоящей, как оказывается, из ряда локальных культур, подтвердился открытием на Среднем Днепре среднего и верхнего слоев Молюхова бугра⁴, памятников пивихинского типа⁵, известных по данным поселений и древних погребений в курганах⁶. В районе Порогов это открытие подтверждается существованием культурно соприкасающегося раннеэнеолитического слоя на о. Виноградном⁷, обоих энеолитических слоев на о. Похилом⁸, своеобразных погребений на о. Сурском⁹; на Нижнем Днепре — наличием нижнего слоя Михайловки¹⁰, осокоровских кромлехов¹¹ и пр.

Одними из наиболее древних свидетельств существования этого типа культуры являются, несомненно, упоминавшиеся в другой связи плоскодонные сосуды из капуловского могильника (рис. 57, 10, 11), которые по технологическим

признакам очень близки посуде чигирино-квитянского типа.

К ним близки горшки из нижнего энеолитического слоя о. Виноградного, обнаруживающие еще большее сходство с квитянскими (рис. 14, 1—6;

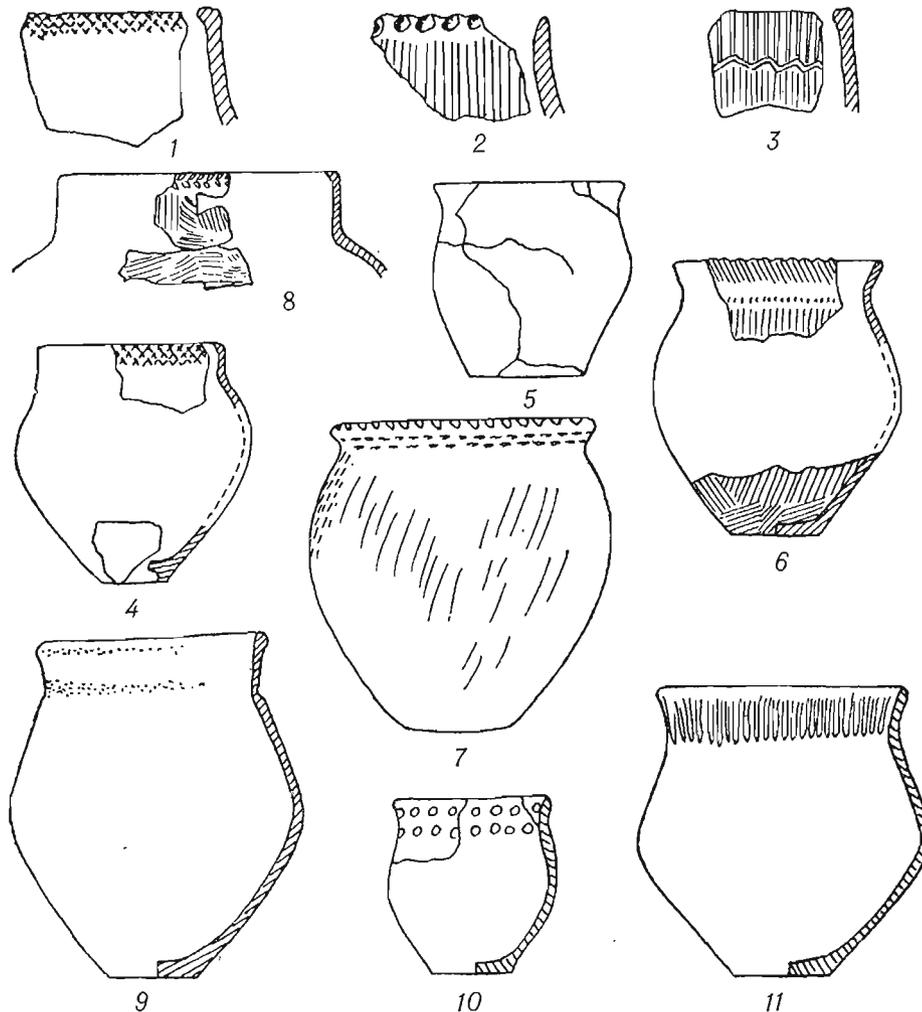

Рис. 57. Образцы керамики азово-черноморских энеолитических культур. Ранний и развитый этапы:

1—4 — о. Похилый; 5—7 — Золотая балка, 6 — Березовская ГЭС; 8 — Ливенцовка; 9 — бас. Когальника; 10, 11 — Капуловка.

38), но отличающиеся от них наличием закругленных или слегка уплощенных доньев.

Особую разновидность этой культуры представляют древнее поселение у с. Бабино, кромлехи у сел Бабино и Золотая Балка, могильники чаплинский¹² и в районе с. Волошского¹³, для которых помимо применения камней для закладки могил, общей была чернолощенная посуда с уплощенным дном, имеющая аналогии в Предкавказье.

Следующий этап в развитии культуры представлен верхним энеолитическим слоем поселения на о. Похилом. Собранная здесь керамика представлена плоскодонными горшками, близкими к кухон-

ной посуде Триполья (рис. 57, 2—4). Черты своеобразия ей придает специфическая примесь в глине, включающая мелкотертые ракушку и кровавик. Вместе с тем необходимо подчеркнуть ее близость (по технологическим признакам и, особенно, по характеру орнамента) к посуде Нижнедонской Ливенцовки (рис. 57, 8) и древнейшим поселениям деревинского типа (рис. 34).

Слой поселения на о. Похилом в отношении типа культуры перекликается с группой упоминавшихся кромлехов и закладов на южной окраине о. Сурском, исследованных в 1946 г. Е. Ф. Лагодовской¹⁴ и автором¹⁵, а также и в районе Стрильчей Скели (рис. 58, 1—2). В большинстве это вытянутые захоронения. Из их числа выделяется погребение ребенка, сопровождавшееся двумя небольшими мисочками, изготовленными из специфической похиловской глины с примесью тертых ракушек и кровавика (рис. 15, 1—3). Поза этого погребенного (согнуто только одно колено) сходна с положением скелетов в примыкающих погребениях Капуловского могильника.

Нижний слой Михайловки сближает с Деревинкой темный цвет глиняной посуды, обильная крупная ракушечная примесь в массе, сходство обработки поверхности сосудов, морфологическая близость верхних частей горшков, наличие общих форм и техническое и композиционное сходство орнамента¹⁶.

Между тем вся посуда из нижнего слоя Михайловки плоскодонная. Она представлена плечистыми горшками, с ребристым или округлобоким туловом с низко расположенным плечиком, небольшими широко открытыми мисочками и мисочками на крестообразном поддоне (своего рода жаровни).

Следует отметить наличие в составе старшего михайловского комплекса обособленной группы монохромной лощеной керамики, содержащей примесь только мелкого песка, что, как это вытекает из многочисленных аналогий, сближает ее с энеолитической посудой Северного Предкавказья.

Представление о характере погребальных памятников, культурно связанных с нижним слоем Михайловки, дают те же кромлехи из Осокоровки. Для них характерны скорченное положение погребенных, а также незначительный погребальный инвентарь: горшочек с высокой горловиной, чашечка и круглое медное височное кольцо ¹⁷ (рис. 59, 3, 4).

С осокоровскими кромлехами культурно связаны захоронения из района с. Федоровки, на Порогах, где под округлым каменным закладом были исследованы полуистлевшие захоронения детей, сопровождавшиеся кувшинообразным сосудиком и чашечкой, типа осокоровских (рис. 59, 1, 2).

С описанными выше памятниками следует сопоставить некоторые погребения из древних курганов Нижнего Поднепровья.

В этом смысле, например, заслуживает внимания группа скорченных захоронений из с. Михайловки в районе Запорожья, исследованных еще Д. И. Яворницким ¹⁸. Одно из них сопровождалось приземистым бокастым горшком, украшенным несколькими углубленными зооморфными символами (рис. 59, 5).

В этом же плане представляет интерес древнейшие погребения из кургана около с. Грушевки на Херсонщине и связанные с ними находки — горшочек, наподобие описанного выше, а также небольшой амфоровидный сосуд с двумя ручками ¹⁹ (рис. 59, 6, 7). Несмотря на известное сходство описанных сосудов с материалами из нижнего слоя Михайловки, нельзя не видеть, что по облику они принадлежат к иной разновидности степной энеолитической культуры и родственной синхронным памятникам крымской кеми-обинской культуры.

В рассматриваемом плане следует отметить особое научное значение недавно открытой в Крыму кеми-обинской культуры ²⁰ (рис. 60), а также характер относящихся к еще более древнему времени верхних слоев пещерных поселений Таш-Аир ²¹, Фатьма-Коба ²² и др., что в целом подтверждает существование культурной близости всей палеометаллической культуры Крыма с майкопско-новосвободненской культурой Северного Кавказа и упоминавшимися в другой связи палеометаллическими культурами Закавказья ²³ (рис. 61, 1—8), кюльтепинской культурой ²⁴. Последняя, как известно, продолжается в кирбет-керакской культуре Переднего Востока ²⁵, а в условиях Южного Прикаспия, как мы полагаем, находит локальное выражение в так называемой суяргинской культуре ²⁶, которая в свою очередь перекликается

с рядом локальных энеолитических культур Северного Ирана и сопредельных с ним районов Переднего Востока.

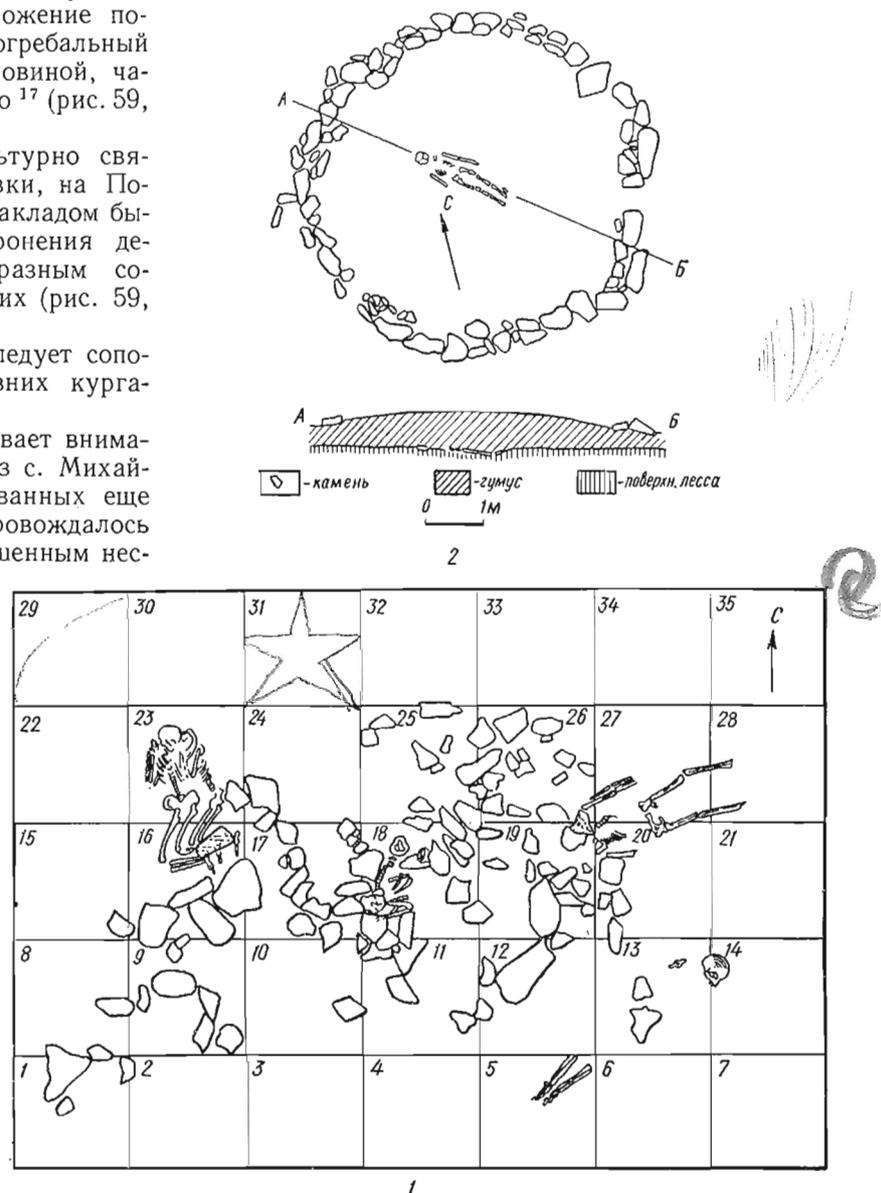

Рис. 58. Погребальные комплексы в районе с. Волошское: 1 — о. Сурской; 2 — Стрельча Скеля — Майорка.

Суммируя сказанное, приходим к выводу, что перечисленные выше локальные варианты степной пастушеской культуры в конечном итоге смыкаются с теми же, имеющими глубокие местные корни, энеолитическими культурами Ближнего Востока, которые характеризуются использованием монохромной лощеной посуды.

В то же время необходимо учитывать, что почти для всех находящихся в пределах Украины, включая и Крым, локальных культур характерен особый тип глиняной посуды, также монохромной

и подлощенной, но преимущественно темного цвета и с примесью ракушки, что побуждает думать об относительно северной локализации ареала ее формирования.

В этом смысле особый интерес приобретают спорадически встречающиеся в Северном Приазовье памятники с подобным, северным типом культуры. Так, в условиях бассейна р. Молочной существо-

вала и юго-восточнее. Об этом свидетельствует так называемая заман-бабинская культура, указывающая на то, что и восточнее Каракумов возникло особое органическое переплетение пастушеской и земледельческой культур²⁸.

Многие из перечисленных выше локальных этнокультурных групп стали известны только в последние годы, и сведения о представляющих их

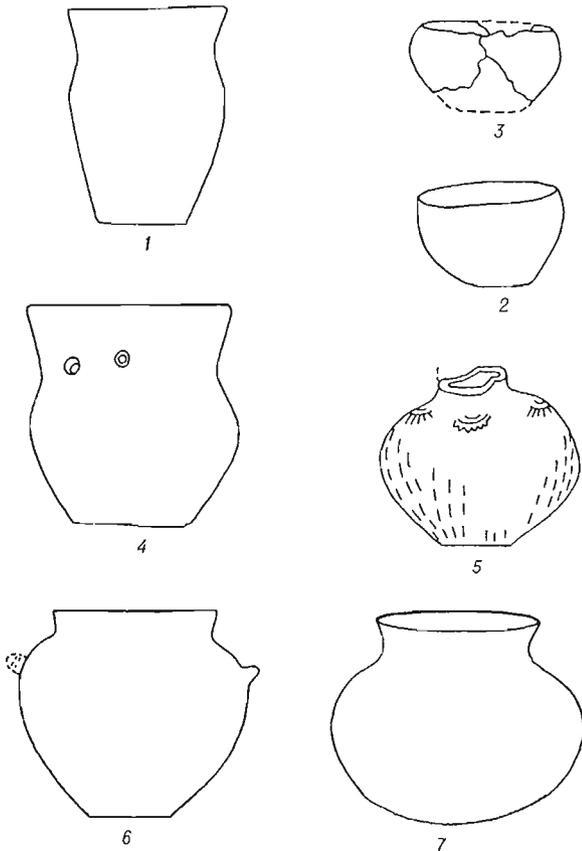

Рис. 59. Посуда поздней поры азово-черноморского степного энеолита:

1, 2 — Надпорожье, уроч. Кишло близ с. Федоровки; 3, 4 — Херсонщина, из кромлеха у с. Осокоровка; 5 — Михайловка на Запорожье; 6—7 — Грушевка на Херсонщине.

вание сходного типа культуры подтверждается наличием среднего энеолитического слоя поселения у Каменной могилы, а также характером некоторых курганных погребений.

На Нижнем Дону наличие очага культуры рассматриваемого типа фиксируется в виде нижнего слоя стратифицированного поселения Ливенцовка²⁷.

Восстанавливаемый круг, как и следовало ожидать, замыкается в Северном Прикаспии. Здесь имеются следы локальной культуры рассматриваемого типа (Исык-Кей, пункт 9/38) (рис. 13, 7; 33, 4). Хотя ясно, что зона такой культуры прости-

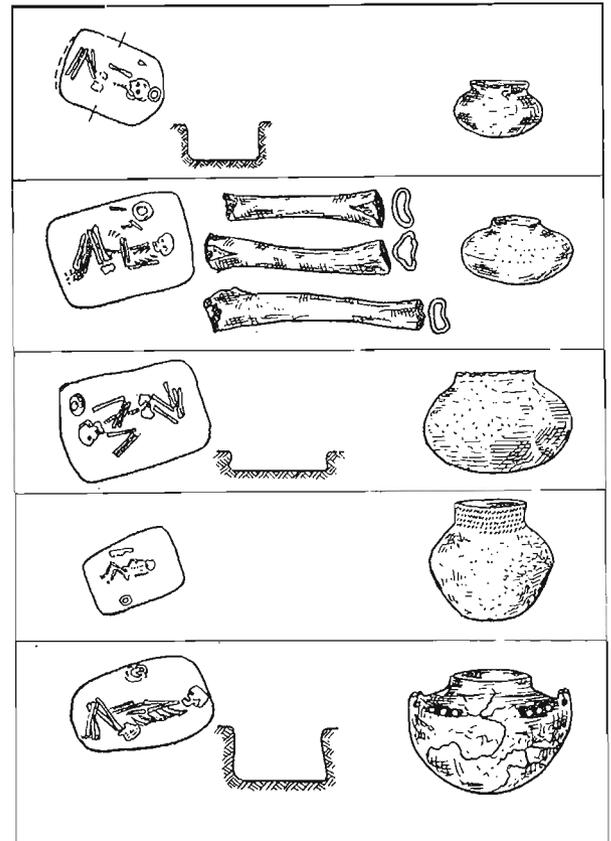

Рис. 60. Несколько Кемь-Обинских энеолитических погребальных комплексов (по А. А. Щепинскому).

памятниках нередко еще фрагментарны. Однако несмотря на довольно немногочисленный материал уже просматриваются основные черты особой пастушеско-скотоводческой культуры, возникшей в зоне этнокультурного контакта первобытных земледельцев Переднего Востока и первобытных пастухов Средней Азии и Прикаспия, впоследствии стремительно распространившейся по степной зоне Причерноморья.

Анализ проводимых далее фактов разрешает считать, что эта культура, распавшаяся на локальные варианты или локальные культуры, продвигалась в западном направлении несколькими волнами, каждый раз внося свой вклад в этнокультурное развитие древнего Северо-Западного Причерноморья и более западных районов Южной Европы.

Экономический аспект активности этой новой культуры более или менее ясен. По фаунистическим данным майкопской культуры²⁹, данным ранней поры палеометаллической эпохи Дагестана³⁰, нижнего слоя Михайловки³¹ и перекликающейся с

земледельческим образом жизни. Отсюда следует вывод, что возникновение пастушеского скотоводства не являлось непосредственным результатом количественного роста мелкого рогатого скота, хотя, разумеется, он играл определенную роль.

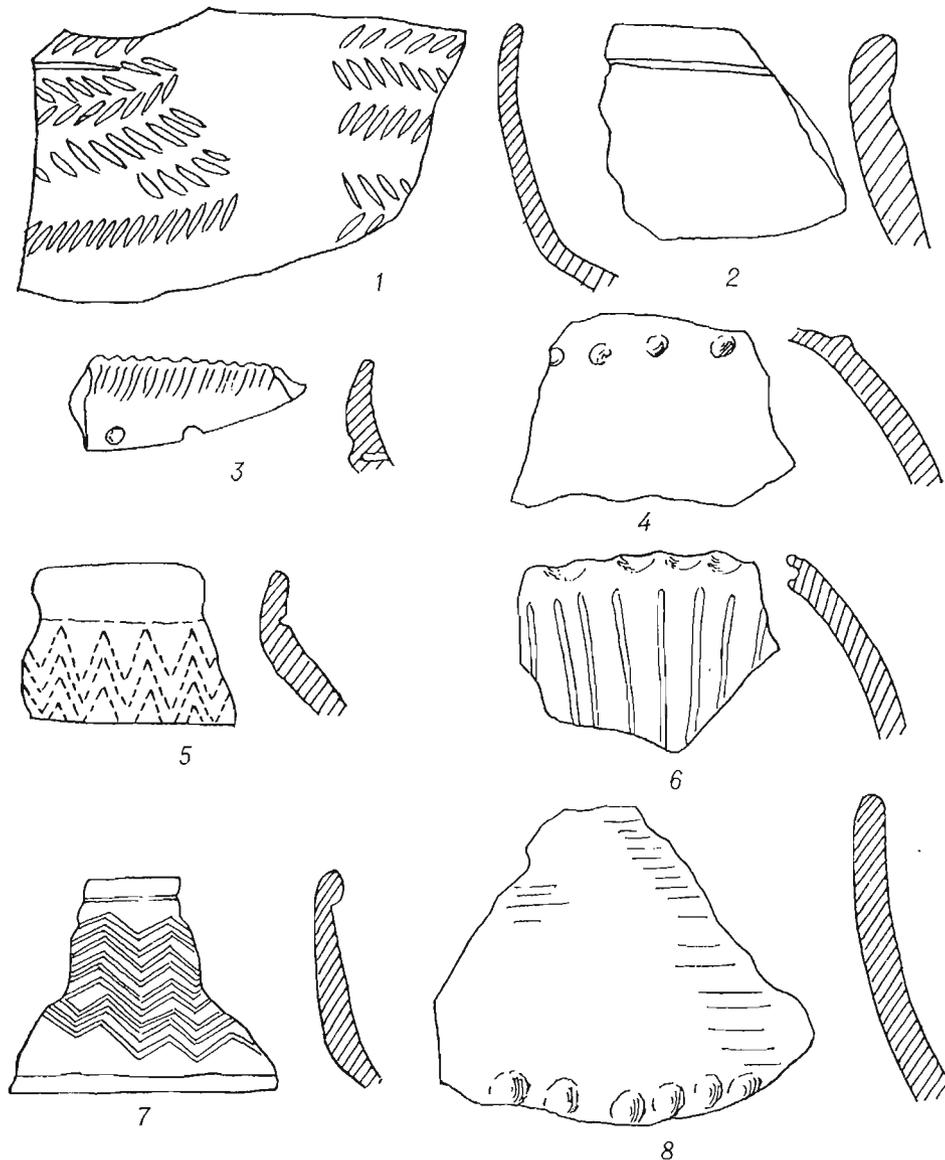

Рис. 61. Фрагменты энеолитической керамики с чертами майкопской культуры:
1—6 — Крым, Фатъма-Коба; 7, 8 — Северный Кавказ, Хаджох.

ним (в отношении типа кухонной посуды и состава стад) усатовской культуры³², — все эти локальные группы характеризуются экономическим доминированием кочевого пастушества, основанного на разведении мелкого рогатого скота.

Как свидетельствуют многочисленные примеры неолитической эпохи, разведение мелкого рогатого скота первоначально совмещалось с оседлым

Спецификой этой эпохи, несомненно, было приручение коня и возникновение всадничества, являвшегося необходимой предпосылкой мобильных форм пастушества и конной охраны стад и табунов. Речь, разумеется, идет не о специализированном коневодческом хозяйстве, существование которого отражают памятники типа Молюхова Бугра³³, Деревки³⁴ или хутора Репина³⁵, а о комплексном

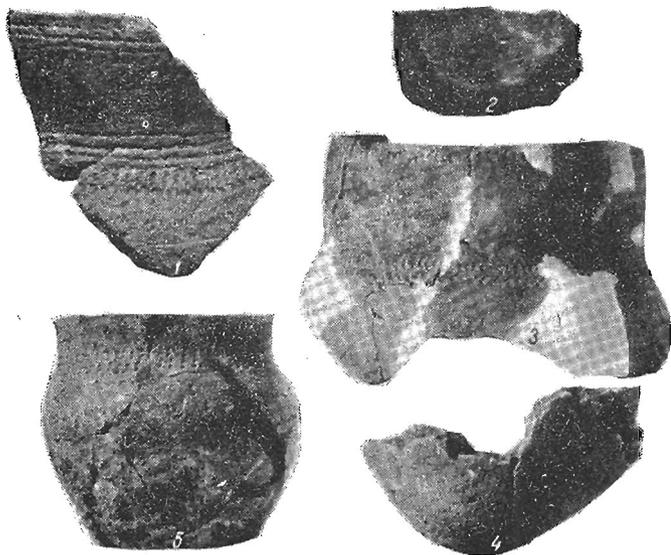

Рис. 62. Фрагменты керамики из верхнего слоя поселения Молохов бугор.

пастушеском хозяйстве, как это видно по материалам памятников типа Михайловка I, Устово и др.

ВСАДНИЧЕСТВО И ПОВОРОТ В ЭТНОИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ

Этнокультурное и зонально-экономическое размежевание энеолитических племен Южной Европы — факт хорошо известный. Чем ближе возраст памятников той поры к современности, тем очевиднее различия между ними. Можно даже утверждать, что уровень этих различий находится в определенной зависимости от экономического, социального и культурного развития. Известно, что количество культур энеолитической эпохи в границах Южной Европы, при сравнении с неолитической эпохой, увеличивается по меньшей мере вдвое. Происходили процессы внутренней дифференциации энеолитических этнокультурных единств и территориального разрастания тех этнокультурных областей, население которых объединялось общностью происхождения.

Трудно, например, отрицать, что культуры Трипольская, Боян, Гумельница, Бутмир, Петрешти, Димени и др. имеют общее происхождение и, сопоставительно с территориальными границами родственных культур неолитической эпохи, занимают более широкие территории. Этноисторический анализ названных выше явлений дает немало доказательств того, что вновь возникающие этнические единства, в сравнении с неолитическими, приобретают более усложненный, синкретический характер. Это говорит о закономерности процесса скрещи-

вания между соседними культурами, пребывающими не только в состоянии взаимного уничтожения и ассимиляции, но и усовершенствования собственных экономических и социальных структур за счет имманентного развития, заимствования прогрессивных черт культуры у соседних этноисторических образований.

Обоснованный Л. Морганом и Ф. Энгельсом закон всеобщего общественного разделения труда обычно оценивается как указание на существование антагонистических отношений между земледельцами и скотоводами. Подобная оценка в известной мере однобока. Мы считаем, что содержание процессов скрещивания было прежде всего обусловлено необходимостью выработки наиболее прогрессивных форм развития общества в экономическом и социальном плане.

Широко известен факт, что ранняя пора энеолитической эпохи в Евразии, начиная от Аральского моря на востоке и Гибралтара на западе, характеризовалась четким общественным разделением труда. На западе, вплоть до Днепра, бесспорно доминировало земледелие, в то время как на востоке преобладало мобильное скотоводческое хозяйство.

Около середины IV тыс. до н. э. антагонистические отношения между этими двумя хозяйственными ареалами достигли того критического уровня, когда установленные между ними территориальные границы должны были нарушиться. Вместе с тем население этих ареалов поднималось к новым уровням этноисторического взаимовлияния, что в определенной степени обеспечивало сотрудничество соседних антагонистических этноисторических образований.

Можно считать, что нарушение границ старых ареалов происходило прежде всего там, где этнические или экономические различия оказывались наибольшими.

Классическим примером является общественное разделение труда, существовавшее между племенами трипольской культуры и их восточными скотоводческими соседями.

Описанные выше явления отражены в достаточно большом и разнообразном археологическом материале. Рассмотрение вещественной аргументации нам представляется удобным начать с упоминания о том, что около четырех десятилетий тому назад на территории Румынии были открыты первые зооморфные скипетры из порфирита, зооморфность которых никогда не отрицалась, но и не получила окончательного уточнения³⁶. Количество типологически сходных находок постепенно увеличилось.

Были опубликованы находки из Терекли-Мектеба (Дагестан)³⁷, Касимчи (Румыния)³⁸. Среди исследователей получила распространение мысль о том, что скипетры в большинстве случаев скульптурно воссоздают голову коня.

Правда, А. А. Иесеен, хотя и считал их почему-то воспроизведением головы кабана, совершенно обоснованно ставил вопрос об их восточном, прикавказском происхождении³⁹, о влиянии восточноевропейского энеолитического населения на западноевропейское, что до сих пор сохраняет научное значение. Этот вывод привлекает все больше сторонников, несмотря на то, что иногда проявляются рецидивы гипотезы о восточно-средиземноморском происхождении скипетров⁴⁰.

Теперь можно считать, что восточное происхождение скипетров в границах Южной Европы принадлежит к числу решенных вопросов. Между тем историческое значение скипетров не будет полностью раскрыто до тех пор, пока не решится вопрос о содержании главного образа, ими воспроизводимого.

В последнее время получен новый материал, свидетельствующий о том, что скипетры в обобщенной форме передают изображение головы коня (рис. 63, 1—7). Подтверждает это находка из с. Суворова, расположенного близ Низового Дуная. Исследования проводились Днестро-Дунайской экспедицией Института археологии АН УССР и Одесского археологического музея.

Археологический комплекс, в состав которого входил скипетр, характеризуется такими данными. Курган № 1 могильника № 2 представлял собой округлую насыпь диаметром до 75 м и высотой до 4,5 м. Насыпь перекрывала кромлех диаметром около 13 м, появившийся в результате перестройки двух меньших кромлехов предшествующих времен. Остатки последних прослеживались в западной части кургана. Можно считать доказанным, что погребение со скипетром было основным в северо-западном полуразрушенном кромлехе, так как здесь оно занимало центральное положение.

Погребение находилось под первичной насыпью в яме, дно которой прослеживалось на глубине 4,9 м от условной точки. Яма имела трапециевидную форму и была ориентирована длинной осью с востока на запад. Ширина восточной стены — 1,7 м, западной — 1,4 м; длина ямы — 2 м, глубина — 0,4 м.

На дне ямы лежало два скелета, ориентированные черепами на восток. Первый из них, возможно мужской, лежал на спине с руками, вытянутыми вдоль туловища, и ногами, позднее распавшимися ромбом. Слева от черепа найден обломок каменного растиральника со следами охры; около правой ключицы — кремневый нож длиной 12 см и медное шило круглого сечения длиной 12,5 см; кремневый нож меньших размеров лежал на фалангах левой руки. На тазовых костях обнаружен скипетр.

Левее первого находился другой скелет, вероятно женщины, как бы повернутый в сторону предыдущего. Он лежал почти на правом боку, с подогнутыми ногами, упавшими вправо. Кости рук

немного согнуты в локтях. Кисть левой руки положена на тазовые кости. Рядом с ней выявлены кремневый нож и медное шило меньших, по сравнению с описанными, размеров. Правая рука вытянута в сторону левой руки лежащего рядом скелета. Возле пальцев руки находилось комбинированное орудие в виде концевого скребка с ретушью, заходящей на края, со следами пребывания в огне. О том, что это погребение женщины, свидетельствуют найденные на тазовых костях остатки пояса, сделанного из большого количества довольно грубых перламутровых бусин, изготовленных из раковины *Unio*, а на шейных позвонках фрагменты ожерелья из таких же бусин. Дно могилы и оба скелета были покрыты толстым слоем мела и ярко-красной охрой, общей толщиной до 4 см.

Упомянутый скипетр изготовлен из порфирита темно-серого цвета с выступающими светло-серыми и белыми пятнышками.

Навершие из Суворова состоит из двух частей: изображения головы коня и обушка, приспособленного для крепления на рукоять. Общая длина скипетра 17,1 см, ширина нижней челюсти и лба коня — 5 см, толщина челюсти — 3,3 см.

Изображение головы коня занимает большую половину длины навершия. Это настоящий шедевр первобытной скульптуры степной Южной Европы энеолитической эпохи. Сохраняя пропорции, изделие передает тип коня, физически близкий к степному тарпану: немного горбоносый, короткомордый, с тяжелой нижней челюстью и свисающей нижней губой. Уши коня торчат, между ними воспроизведена челка. Ноздри, глаза и нижний срез глазного углубления переданы рельефом. Ноздри несколько напряжены — конь как будто бы собирается заржать. Челюсти сомкнуты, губы переданы рельефным валиком. Начиная с заднего угла нижней челюсти, приблизительно на четверть, особым углублением передано межчелюстное пространство. В целом изображение передает напряженную экспрессию и динамику боевого коня.

Поверхность головы коня полирована, обушковая часть сохраняет следы точечной отбивки. На верхнем срезе ее средней части находится выступ почти цилиндрической формы, верхняя часть которого также заполирована (рис. 63, 3).

Анализ соотношения заполированной и шершавой частей скипетра не оставляет сомнения в том, что он скреплялся с расщепленной коленчатой рукоятью и, наверное, закреплялся при помощи ремешков. Едва ли при этом употреблялись смола или битум, так как неполированная часть скипетра сохраняет следы толстого слоя охры.

Неоспоримо, что скипетр из Суворова представляет собою интересную находку. Вместе с тем ее нельзя считать единичной, ибо известны типологически близкие скипетры. Это навершия из Теркли-Мектеба (в северном пограничье Дагестана), верховьев Терека⁴¹, Суводола в Югославии⁴².

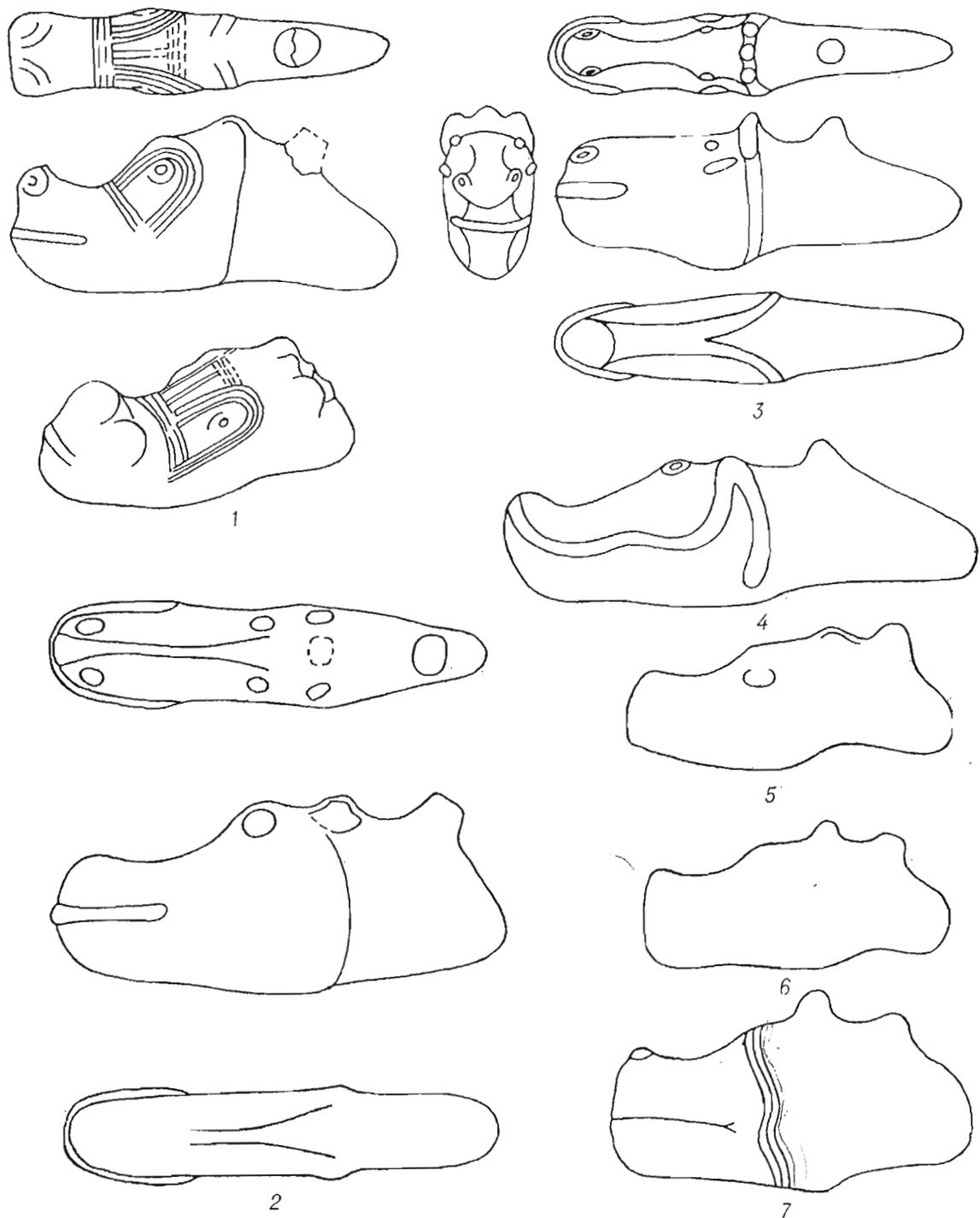

Рис. 63. Навершия скипетров в виде стилизованных лошадиных голов:
 1 — Касимча; 2 — Терекли-Мектеб; 3 — Суворово; 4 — Суводол; 5 — Феделешень; 6 — Ръжево; 7 — Селькуца.

Особое значение намерения из Суворова состоит в том, что присущий ему реализм изображения кладет конец высказанному в литературе сомнению по поводу того, что зооморфные скипетры этого рода воспроизводят изображения голов коня, а не иного животного.

Как отмечалось, скипетр из Суворова имеет типологически и функционально близкие аналогии. Они отражают определенный хронологический этап в развитии энеолитической культуры Европы и вместе с тем фиксируют существование определенного этнокультурного течения, насыщенного конкретным этническим и социально-экономическим содержанием. Скипетры в виде стилизованных голов лошадей изготовлены из порфирита — обычно серого с белыми пятнышками. Так, из него изготовлены скипетры из Терекли-Мектеба⁴³, Селькуца, Федельшень, Касимча⁴⁴, Ръжево⁴⁵, Суводол⁴⁶.

Скипетр из Суворова ценен тем, что найден в характерном архаическом ямном комплексе. К последнему наиболее близок в территориальном и культурном отношении комплекс погребения из Касимчи (Добруджа)⁴⁷, принадлежащий к числу захоронений с охрой, редких на территории Румынии. Найденный инвентарь состоит из скипетра, пяти кремневых шлифованных топоров подтреугольной формы, а также трех кремневых ножевидных пластин.

О глубокой древности скипетра, найденного в Румынии возле с. Селькуца, свидетельствует то, что он обнаружен среди материалов развитой поры гумельницкой культуры⁴⁸. Еще больше для уточнения энеолитического возраста дает находка скипетра из Федельшень (Румыния), обнаруженная в наслоении типа Кукутени А⁴⁹. Культурную принадлежность скипетра из Ръжева установить не удалось⁵⁰. Очевидно, его следует связывать с наслоениями культуры типа Гумельница—Русе. Югославский скипетр из Суводола можно отнести к культуре Црнобуки, которая, по мнению М. Гарашанина, синхронна с памятниками типа Бубань-Хум Iа. Этот тип в свою очередь считается синхронным с памятниками типа Усатово⁵¹. Очевидно, при датировании скипетра из Суводола его ошибочно отнесли к комплексу памятников типа Црнобуки и поэтому их возрастом датировали саму находку.

О том, что скипетры в виде стилизованных лошадиных голов действительно относятся к сравнительно узкому хронологическому отрезку — около середины IV тысячелетия до н. э. — и являются принадлежностью разных культурных групп (ямной, трипольской, типа Кукутени А, Гумельницы развитой поры и пр.), свидетельствуют и другие факты. Прежде чем перейти к их рассмотрению, напомним о скипетрах в виде вытянутого овала, которые, очевидно, также представляют особый тип стилизации головы коня. Скипетры этого типа ничем не отличаются от описанных способом крепления к деревянной коленчатой ручке.

Следует подчеркнуть, что скипетры второго типа изготовлены из порфирита и встречаются в границах области, лежащей на север от Каспийского моря и на западе почти достигающей побережья Адриатики.

В северо-восточной части этой области в районе Орджоникидзе⁵² найден скипетр второго типа. Северо-западнее него, в районе Элисты, в инвентаре архаического ямного погребения найден скипетр, почти ничем не отличающийся⁵³ от предшествующего. В фондах Куйбышевского краеведческого музея хранится скипетр, напоминающий в деталях описанные⁵⁴.

Большой интерес представляет скипетр, найденный в составе инвентаря одного из жилищ трипольского поселения типа Сабатиновка I (Триполье В, по Т. С. Пассек) — Березовская ГЭС, расположенного в среднем течении Южного Буга⁵⁵. Важное значение имеет находка сходного скипетра в районе Секельвайо в Западной Трансильвании⁵⁶.

В отличие от большинства скипетров второго типа, скипетры из Березовской ГЭС и Секельвайо не имеют рельефного обрамления по периметру, а украшены углубленными бороздками, повторяющими внешний контур изделия.

О том, что скипетры второго типа в более стилизованном виде воспроизводят голову коня, было сказано нами на пленуме Института археологии АН УССР в 1964 г. Теперь эта точка зрения имеет сторонников⁵⁷.

Можно привести немало примеров, доказывающих существование в это время и других типов скипетров — одни были знаками власти, подобно булавам, другие — настоящим оружием. Примером первых может быть, вероятно, скипетр в виде каменного чекана со сверлиной, изображающий голову гривастого коня (найден в районе Новороска на Оренбургщине⁵⁸), примером вторых — навершие типа пальштаба с обушком из бассейна р. Берды на Запорожье. Последний подобен скипетрам первого и второго типов*.

Значение скипетров всех типов заключается не столько в их художественной ценности, сколько в том, что при их помощи можно объяснить некоторые важные вопросы экономического, социального и этнокультурного развития энеолитического населения почти всей Южной Европы.

Прежде всего следует выразить уверенность в том, что большинство названных выше изображений в целом воспроизводят головы верховых и даже боевых коней. Для подтверждения этой мысли можно привести ряд доказательств.

Во-первых, уже приобретает историческую оценку тот факт, что в ряде ранне- и среднеэнеолитических комплексов Восточной Европы археологами и палеозоологами в составе фаунистических остатков

* Довоенная зарисовка автора. Хранился в фондах Мариупольского музея.

этого времени были обнаружены кости коня, которые на таких поселениях, как Молюхов Бугор, Деревка и хутор Репин, определенно доминировали над костями других животных. И хотя вопрос о морфологических отличиях диких и домашних лошадей еще не окончательно разрешен палеозологами, возникает предположение, что такое большое количество костей коня скорее всего принадлежит домашнему виду⁵⁹. Для усиления соответствующей аргументации был поставлен вопрос о

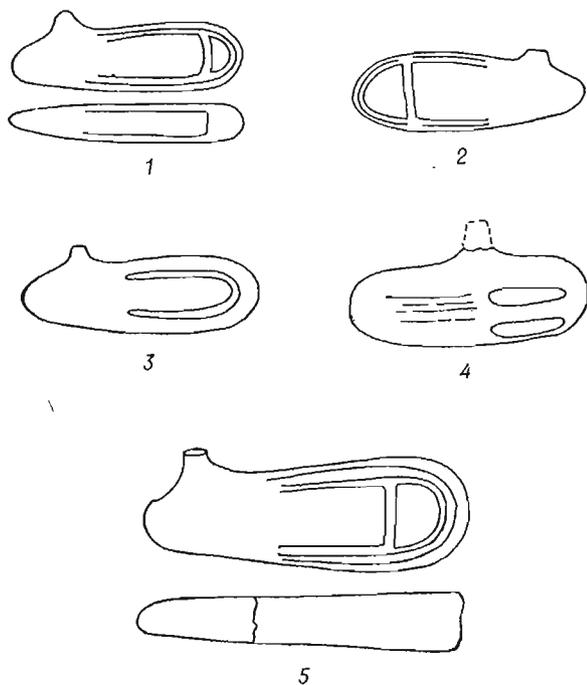

Рис. 64. Навершия энеолитических скипетров второго типа:

1 — район Куйбышева; 2 — Архаринский могильник; 3 — Трансильвания, Секельвайо; 4 — Березовская ГЭС; 5 — район Орджоникидзе.

древнейших типов псалий. В отдельных случаях псалиями считают небольшие клевцы, изготовленные из обрезков рога оленя. И хотя не всегда мы имеем дело с настоящими псалиями, постановку вопроса об их существовании все же следует признать закономерной.

Во-вторых, отдельные детали хорошо моделированных скипетров первого типа, которые, на первый взгляд, кажутся обычным орнаментом, могут быть объяснены только при изучении древнейших типов снаряжения верхового коня (рис. 63, 1, 4, 7).

В этом отношении наибольший интерес представляет скипетр из Касимчи, точнее, свойственные ему так называемые орнаментальные детали. Речь идет о рельефно переданных лентах, размещенных на лбу и носу, которые полуовалами заходят на щеки и голову животного. Едва ли можно возразить против того, что этот орнамент передает не что иное, как очень примитивную узду типа намордника, конструктивно близкую к уздечкам,

изображенным на рисунках ослов и лошадей древнего Востока⁶⁰.

Нечто подобное, также в технике рельефных лент, очевидно ремни, изображено на скипетре из Суводола (рис. 63, 4).

На скипетре из Селькуцы поперек морды коня заметна волнистая лента, состоящая из трех параллельных врезанных линий (рис. 63, 7). Здесь, наверное, мы имеем дело с крайней стилизацией той же самой узды-намордника. О характере уздечки говорят и отдельные детали скипетров второго типа. Речь идет о рельефных бордюрах на скипетрах из Орджоникидзе, Елисты и Куйбышева. Вдоль овала стилизованной морды коня идет поперечная полоса, пересекающая переднюю часть морды (рис. 64, 1, 2, 5). Способ передачи узды зависит от уплощенности основных пропорций скипетра. Однако передана она не менее полно, чем на реалистических скипетрах.

Следующую ступень стилизации уздечного снаряжения представляют желобки на скипетрах из Березовской ГЭС и Секельвайо (рис. 64, 3, 4). Здесь периферийные ленты, сохраняющие общую композиционную схему, образованы вышлифовыванием желобков типа канелюр в средней части овалов*.

Приведенные выше данные свидетельствуют о появлении всадничества в Восточной Европе уже около середины четвертого тысячелетия до нашей эры. Подтверждает эту мысль, в частности, установление того факта, что в энеолите существовала особая ременная уздечка типа намордника, изобретенная для приручения диких лошадей. Такие уздечки были надежным средством держать животное в подчинении. Но они едва ли были конструктивно связаны с псалиями.

Между тем материал, имеющийся в нашем распоряжении, указывает на то, что прототип псалий, с течением времени переросший в настоящие псалии, существовал уже в середине IV тысячелетия до н. э.

Речь идет об особых застезках типа позднейших цурок (цирок), изготовленных из рога оленя. Последние имели вид массивных продолговатых стержней (длиной от 10 до 20 см, шириной от 1 до 1,5 см), с прямоугольным выступом и отверстием на одной из сторон изделия (рис. 65, 1—12).

В конструктивном отношении они нередко субтильнее поздних псалий и называют их застезками, а не псалиями нам представляется более правильным. Установлена совершенно неопровержимая связь этих прототипов псалий именно с трипольскими памятниками типа Сабатиновка I—Кукутени A₂₋₃ (Сабатиновка I, Березовская ГЭС, Новые Русешты, Хэбэшешть и др.⁶¹ (рис. 65, 4—12). Ино-

* На скипетре из Березовской ГЭС целостность композиции нарушена, вероятно, потому, что овальная часть непропорционально короткая в настоящее время, была в древности надбита, а затем отремонтирована.

гда они встречаются в составе комплексов западно-европейских энеолитических памятников. К сожалению, в ареале евразийского пограничья, за редким исключением, мы не имеем протопсалиев конструктивно близкого типа. В частности, это можно объяснить слабой изученностью энеолитических памятников данного района. О том, что подобные псалии-застежки и в кавказском ареале имеют длительную и прочную традицию, свидетельствуют найденные в составе энеолитического комплекса из урочища Замок в районе Кисловодска ⁶² (рис. 63, 1—3) протопсалии этого же типа.

В-третьих, следует подчеркнуть, что описанные наверху в свете приведенных ранее данных должны называться именно скипетрами, так как они являются атрибутами патриархальной власти вождя — всадника. В частности, скипетры обоих названных типов практически появляются одновременно с другими знаками власти, которые во всех типичных случаях символизируют черты общественной, военной, также и духовно-жреческой власти вождей-патриархов. В этой связи следует назвать такие комплексы, как погребение из Криволучья ⁶³ с клевцоподобной булавой; Мариупольский ⁶⁴ и Никольский могильники ⁶⁵ с булавами разных типов; Майкопский курган и его аналоги ⁶⁶, погребальный комплекс из Веремья ⁶⁷, где вместе с боевым клевцом была найдена крестоподобная булава, богатый клад из Карбуны ⁶⁸, в котором преобладают жреческие атрибуты и пр.

Привлекает внимание тот факт, что ряд культурно и хронологически сопоставимых памятников энеолитической эпохи, расположенных от Прикаспия и Кавказа до восточного побережья Адриатики, дают первые металлические изделия. Появляются и быстро распространяются изделия из меди, золота и серебра. Следует напомнить, что в составе инвентаря Никольского могильника было найдено небольшое золотое височное кольцо, изготовленное из обрезка нашивной пластинки, имитирующей обычную форму пластин марипольского типа, изготовлявшихся из эмали клыка кабана. Никольский могильник синхронен с заключительной порой Мариупольского, где в составе инвентаря рядовых погребений была найдена единственная медная бусина. Карбунский клад едва ли моложе этих памятников, а Майкопский курган, возраст которого прогрессивно углубляется различными специалистами, очевидно, не следует отрывать от памятников рассматриваемого энеолитического цикла.

Вывод ясен: скипетры и функционально близкие к ним булавы выразительно свидетельствуют о далеко зашедшем процессе имущественного и социального расслоения. Это же подтверждают такие уникальные комплексы, как Майкопский курган и Карбунский клад. Основу богатств тех времен составляли не столько металлические ценности, сколько доля отдельного общинника в общественных земельных угодьях — пахотных полях, пастби-

щах и, тем более, личная доля в общественных стадах и табунах. Можно считать, что переход от коллективных могильников марипольского типа к курганному погребальному обряду является прежде всего свидетельством усиления экономического и социального могущества патриархов. Между размерами кургана и численностью общинников, которые его насыпали, имеется определенная зависимость, так же, как существует она и между

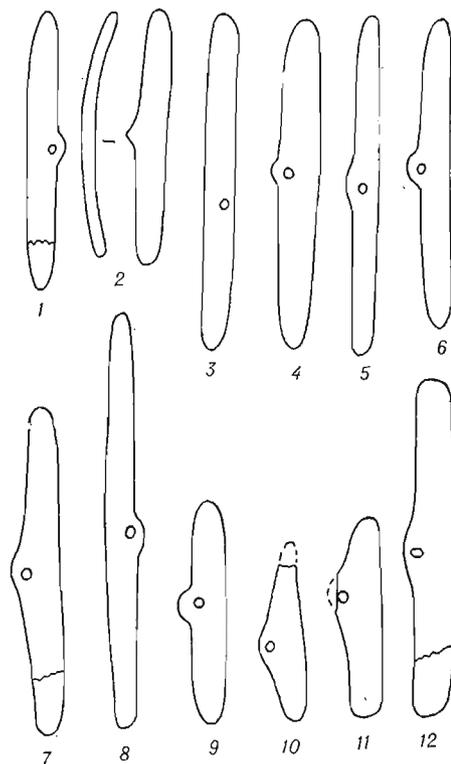

Рис. 65. Прототипы древнейших псалii Европы:

1—3 — Замок в районе Кисловодска; 4—7, 9 — Новые Русесы; 8 — Березовская ГЭС; 10—11 — Сабатиновка; 12 — Хэбзешеть (Румыния).

численностью общинников и количеством скота, принадлежавшего патриарху, погребенному над курганом.

В-четвертых, постепенно углубляясь в проблематику социально-экономических характеристик южноевропейских энеолитических культур, нам легче рассмотреть отдельные вопросы конкретной этноистории.

Так, например, возникает вопрос о тех этноисторических и социально-экономических изменениях, которые произошли в жизни южноевропейских племен энеолитической эпохи во времена распространения скипетров и связанных с ними социально-экономических явлений. Нам, в данном случае, интересуют вопросы о том, какие формы этнического проникновения доминировали в рассматриваемое время. Исходя из того, что появление скипетров

является свидетельством важных общественных сдвигов, в частности древнейшего всадничества, генетически связанного с каспийско-прикавказским ареалом, мы можем ставить вопрос о проникновении какой-то части племен азиатско-европейского пограничья в центральную и даже западную часть Южной Европы. Механизм проникновения мог приобретать различные конкретные формы. Решение этих и родственных им вопросов представляет не только конкретно-исторический, но и общий, методологический интерес.

Анализ соответствующих процессов может быть осуществлен лишь на основании рассмотрения определенных категорий археологического материала, которые относятся к данному хронологически ограниченному диапазону середины IV тысячелетия до н. э. Сначала напомним основные случаи совместного нахождения скипетров с другими категориями археологического материала.

Речь прежде всего пойдет о навершиях булав так называемого крестовидного типа. Наиболее древними являются булавы из Мариупольского могильника. Для них типично наличие массивного выступа вокруг сверлины. Об обоснованности вывода о древнем возрасте таких булав говорит наличие аналогий на Ближнем Востоке, например, в составе инвентаря известного Сузианского могильника, возраст которого безусловно древнее возраста Мариупольского⁶⁹.

Следует помнить, что в составе инвентаря Мариупольского могильника есть навершие булавы, специфически вытянутой, но в целом крестовидной формы⁷⁰. Из-за отсутствия срединного выступа она приближается к другому типу крестовидных булав. Классическим образцом булав с вогнутой нижней и несколько выпуклой верхней плоскостями основного тела является булава известного трансильванского могильника Деция-Мурешулуй⁷¹. Булава именно такого типа⁷² хранилась перед второй мировой войной в фондах Мелитопольского музея. Она изготовлена из серого с белыми пятнышками порфирита, что еще раз подчеркивает ее приазовско-причерноморское происхождение.

Помимо окончательно завершенных булав на соседние территории проникали и полуфабрикаты, найденные на Среднем Днепре, одиночные заготовки булав второго типа, изготовленные из серого порфирита с белыми пятнышками⁷³. Типологически близкая разновидность булав этого типа, отличающихся от предыдущих лишь некоторой приостренностью лучей,— булава из Веремья, сопровождавшаяся медным топором-клевцом, несомненно кавказского происхождения⁷⁴.

Хронологический диапазон крестовидных булав обоих типов едва ли может быть значительным и, наверное, ограничивается второй половиной IV — началом III тысячелетия до н. э.

Рассмотрим булавы вытянуто-крестовидного типа. Наиболее восточная находка этого типа—була-

ва из района Пятигорска⁷⁵. Если исходить из археологической специфики этого района Северного Кавказа, ее можно связывать лишь с наиболее архаическими проявлениями энеолитической майкопской культуры.

О наличии связей Северного Приазовья с Северным Кавказом во времена архаического этапа майкопской культуры свидетельствуют найденные в Мариупольском могильнике булава вытянуто-крестовидной формы и фрагменты чернолощенной керамики⁷⁶.

О том, что эти связи распространялись далее на запад, говорит находка фрагмента продолговатой булавы в составе инвентаря Никольского могильника в Надпорожье⁷⁷. Здесь же найдено несколько пластинок из эмали клыка кабана мариупольского типа. Подчеркиваем, что поздняя хронологическая граница этого могильника определяется выявленным в составе инвентаря трипольским горшком, что в свою очередь говорит о дальнейшем распространении связей в западном направлении.

Возвратимся, однако, к скипетрам в виде стилизованных лошадиных голов.

К сожалению, относительно культурной принадлежности скипетра, найденного в Северном Дагестане (Терекли-Мектеб), мы не можем сказать ничего определенного. Можно, однако, предполагать, что он связан с местной степной культурой, которая синкретизировала в себе черты как ямной, так и ранней майкопской культуры. Реальность такого предположения подтверждается характером инвентаря древнейших ямных погребений калмыцкоманьчского ареала, например № 1—3 из кургана № 27 Архаринского могильника и № 2 кургана № 23 Лолинского могильника⁷⁸ (рис. 27, 1, 2; 64, 2).

Тем важнее отметить значение Суворовской находки, которая хорошо иллюстрирует ряд существенных черт культурного комплекса: курган с кромлехом, просторная погребальная яма, скелеты на спине с немного согнутыми ногами, скипетр в виде реалистически воспроизведенной головы коня, медные шилья круглого сечения, большие ножевидные пластинки, крупный нож-скребок, бусы из раковин *Uroio* и др.

Погребение из Касимчи в какой-то степени повторяет погребение из Суворова, которое, однако, имеет несравненно более высокую научную ценность, так как было исследовано при планомерных научных раскопках.

Отличие комплекса из Касимчи состоит, как известно, в наличии пяти кремневых шлифованных топоров подтреугольной формы и значительной группы наконечников копий. Погребения из Архары, Суворова и Касимчи фиксирует единый и особый тип скотоводческой, точнее пастушеской, культуры восточного происхождения, в определенной мере повторяющей культуру, соприкасающуюся с майкопской.

Последняя по мере продвижения на запад несомненно стимулировала формирование первичных культурно-хронологических звеньев ямной этнокультурной области.

В пользу этой мысли можно привести ряд фактов. Таковы, например, курган из района Кировограда, в котором при коллективном погребении был найден горшок, по формальным и типологическим признакам близкий к найденному в архаринском кургане № 27⁷⁹; фрагменты темно-лощенной посуды, близкой к майкопской (например, Замок, Хаджох III и др.⁸⁰), найденные в составе инвентаря скорченных погребений могильников в районе сел Чапли⁸¹ и Волошского⁸². Особый интерес в этом плане представляет возможность привязать к кругу рассматриваемых явлений чаплинский могильник, известный своими богатыми находками медных украшений: диадем, пластинчатых и спиральных браслетов, бус-пронизок, подвесок в виде морских ракушек, бусин из перламутра, кремневых пластинчатых ножей и пр.⁸³

Очень важно открытие, к сожалению разрушенного могильника или кургана в районе с. Новоданиловка Ореховского района Запорожской области⁸⁴. Здесь вместе с остатками окрашенных скелетов был найден интересный энеолитический инвентарь, в его состав входили чернолощенный бокастый сосуд с острым дном и со слегка раструженным венчиком, под ним был расположен налестной жемчужный орнамент, несколько кремневых ножевидных пластин, бусы из перламутра, а также медный спиральный браслет, один конец которого хорошо заточен. Найденный в этом комплексе амфоробразный сосуд имеет большое значение (рис. 66, 1—8). В нем легко узнаются черты не только архаической майкопской керамики, но и, если говорить о признаках формы, сравнительно поздних, собственно майкопских сосудов, изготовленных из драгоценных металлов⁸⁵ (рис. 65, 8).

Мы не будем перечислять все известные к настоящему времени в границах Юго-Восточной Европы погребальные памятники, которые в культурно-хронологическом отношении контактируют с памятниками выявленного типа. Отметим только могильник из района с. Петрово-Свистунова, который дошел до нас, к сожалению, в полуразрушенном состоянии. Большое значение имеют наблюдения А. В. Бодянского, установившего для этого могильника обряд скорченных погребений, употребление охры и камня в ритуале. Кроме того, он собрал значительное количество разнообразного погребального инвентаря. В частности, называем превращенный в молоточек медный топор-клевец закавказского типа, медные спиралевидные проволочные браслеты с заостренными концами, трубчатые медные пронизки и бусы из этого же материала; многочисленные кремневые изделия (ножи, ножевидные пластины), наконечники копий подтреугольной формы, шлифованные топоры и заго-

товки для них, бусы из раковин *Unio*, подвеску из раковины морского моллюска *Cardium* и вырезанную из алебаstra подвеску, имитирующую раковину морского моллюска *Mastra*⁸⁶ (рис. 67, 1—12).

В составе инвентаря этого могильника присутствуют черты, роднящие его с названными выше памятниками: браслеты — с мариупольским, чаплинским и новоданиловским могильниками; кремневые ножи-пластины — с мариупольским, новоданиловским и чаплинским могильниками, с Суворовым, с Касимчей и др.; кремневые топоры подтреугольной формы — с мариупольским могильником, с нижним энеолитическим слоем Стрильчей Скелы (раскопки автора 1946 г., отчет в ИА АН УССР), с Касимчей и др.; бусы из раковин *Unio* — с мариупольским и чаплинским могильниками, с Суворовым и др.

Несколько слов необходимо сказать о погребении из разрушенного кургана, расположенного возле с. Кайнары (Молдавская ССР). В кургане выявлено окрашенное охрой погребение, которое сопровождалось фрагментом сосуда типа Сабатиновка I, медной проволочной гривной, частью медного спирального браслета с заостренным концом, на который было нанизано несколько перламутровых бусин, и, наконец, несколько ножевидных пластин и нуклеус⁸⁷.

Курган из Кайнар представляет собой степной памятник середины IV тысячелетия до н. э., времени, когда трипольские племена только вступили в контакты с восточноевропейскими энеолитическими пастушескими племенами.

Следует подчеркнуть, что в границах степной зоны Восточной Европы историческое развитие никак не отличалось этнокультурной гомогенностью скотоводческих племен, участвовавших в этноисторическом процессе. В частности, об этом говорит бесспорное взаимодействие таких внешне непохожих археологических памятников, какими, с одной стороны, являются массовые могильники типа Мариупольского, Никольского или Капуловского, а с другой — курганы типа Архаринского, Кировоградского, Суворовского и др.

Однако исходя из того, что скорченные погребения в культурно-хронологическом отношении первоначально связаны с могильниками массового типа, а позднее, в пору появления курганных насыпей, перекрывают их, можно сделать вывод о том, что курганный обряд захоронения в эти времена был более поздней, но быстро прогрессирующей формой погребального ритуала.

Такое культурно-историческое переслаивание можно наблюдать на примерах мариупольского и чаплинского могильников. Очевиден тот факт, что перекристаллизация погребального обряда шла в направлении распространения обычая сооружать курганы, нередко с кромлехами и другими формами применения камня, с погребениями в индивидуальных ямах и пр.

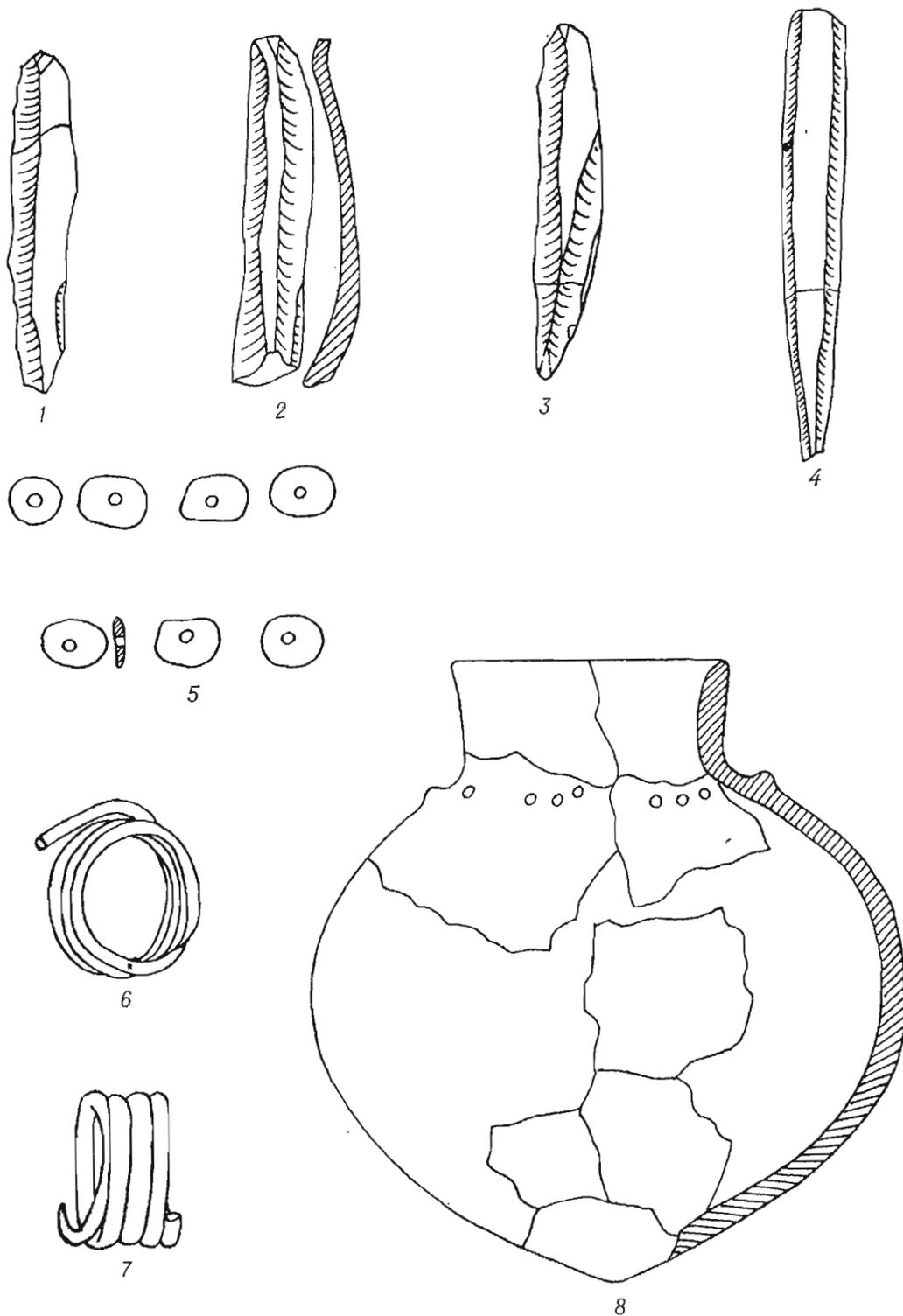

Рис. 66. Ново-Даниловка на Запорожье. Энеолитический погребальный комплекс инвентаря с чертами раннего Майкопа.

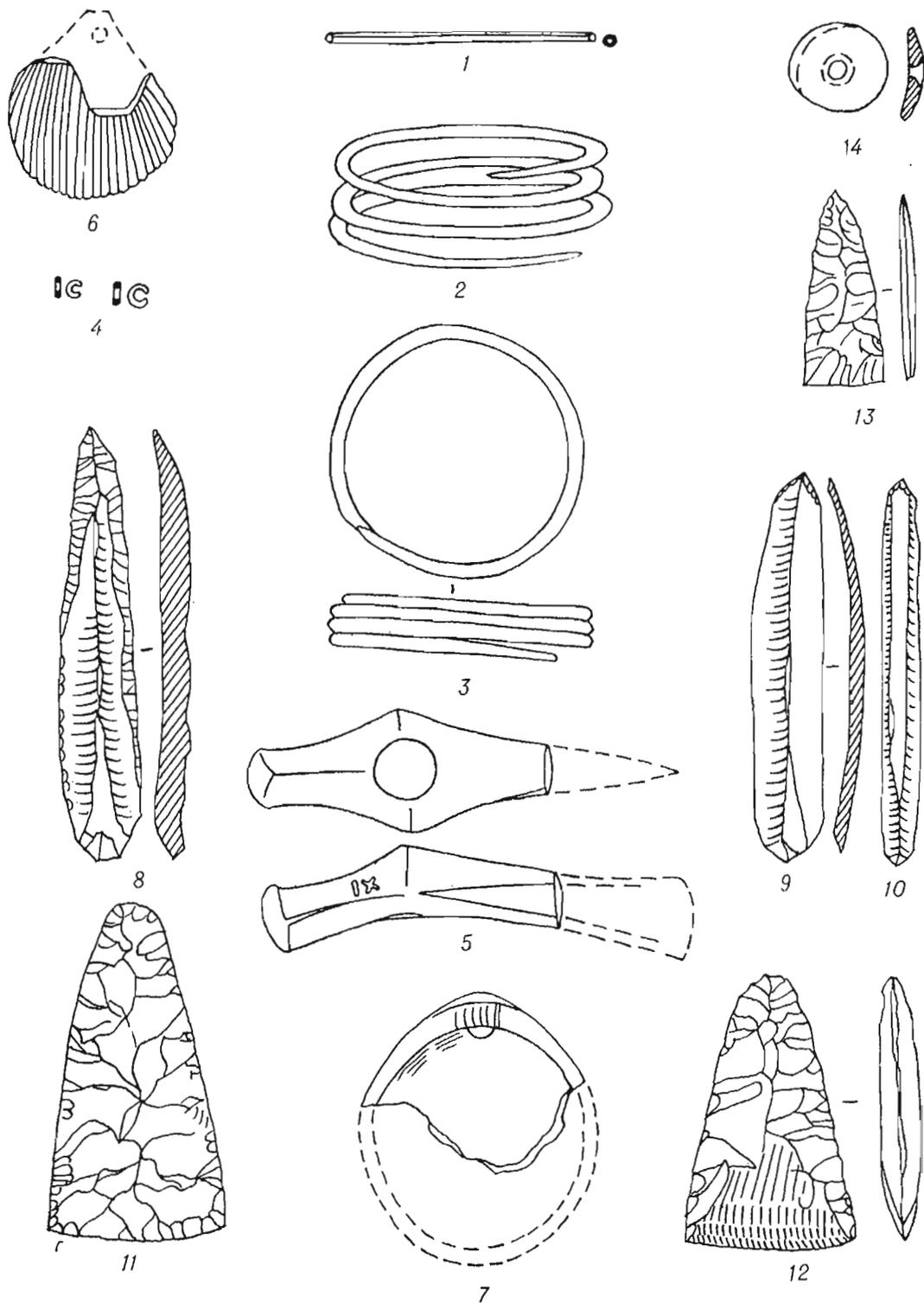

Рис. 67. Инвентарь погребений из Петрово-Свистуново.

Следует подчеркнуть, что не все курганные погребения в ямах могут считаться ямными в особом этнографическом смысле. Напоминаем, что в ряде погребальных комплексов этого времени в азово-причерноморском ареале найдены остатки плоскодонной посуды, близкой к некоторым прикаспийским прототипам, среди которых есть сосуды, напоминающие кухонную посуду развитой поры трипольской культуры (Бабино, Майорка и, особенно в плане сходства с Трипольем, Капуловка).

Если в составе погребальных комплексов древнейшие образцы посуды, типологически близкой к трипольской кухонной, были найдены в Капуловском могильнике⁸⁸, то позднейшие — в составе инвентаря погребений из района с. Федоровка Запорожской области⁸⁹ и с. Осокоровка на Херсонщине⁹⁰.

Такая архаичная посуда обнаружена в курганах с кромлехами около сел Золотая Балка и Бабино, где было зафиксировано культовое захоронение головы коня⁹¹.

Следует назвать ямное погребение из с. Огородное в Придунайской части Одесщины⁹², в котором найден небольшой плоскодонный горшок с высоким раструбленным венчиком, украшенным по срезу насечкой (рис. 28, 6, сравни — 8, 9.)

В Придунайской степной части Украины также встречаются грунтовые погребения с культовыми захоронениями голов домашних животных. Так, в одном из курганов возле с. Нерушай на Одесщине, на уровне древнего горизонта были обнаружены остатки погребального костра, сопровождавшего основное ямное погребение, а при нем скопленные черепки коня и быка, размещенных попарно⁹³.

Можно предположить, что эти погребальные памятники принадлежали пришедшим издалеканомадам. Однако против такой версии свидетельствует присутствие сходной посуды и на поселениях. В этой связи необходимо вспомнить о разнообразной посуде из энеолитического слоя поселения на о. Похилом⁹⁴, возраст которого определяется фрагментами трипольской керамики типа Сабатиновка I, а собранные здесь остатки посуды близко напоминают посуду из Капуловского могильника⁹⁵, что в целом разрешает синхронизировать их со временем трипольских памятников типа Борисовка — Сабатиновка I.

Следы поселений с остатками посуды, близкой к найденной в курганах около сел Бабино и Золотая Балка, были обнаружены возле сел Большие Копани и Каиры на Херсонщине⁹⁶.

Следующий этап развития культуры с посудой рассматриваемого типа фиксирует нижний слой поселения Михайловка⁹⁷.

Как известно, первый слой Михайловки надежно синхронизируется с доусатовским развитым Трипольем. То же, на основании ближайшего сходства соответствующих находок керамики, следует

сказать о кромлехах осокоровского типа и о погребении у с. Федоровки.

Памятников этого типа культуры, синхронных Усатову, к настоящему времени мы не знаем. В равной степени вызывает сомнение и то, что входящие в круг рассматриваемых явлений памятники кемибобинской культуры продолжают существовать в это же время, то есть в последних веках III тысячелетия до н. э.

Более вероятно, что в последних веках III тысячелетия до н. э. вторая линия развития степного энеолита продолжает существовать лишь в памятниках степного ареала усатовской культуры, для которой характерно сооружение курганов с кромлехами, а также широкое использование глиняной плоскодонной посуды с примесью толченой ракушки в массе. Изредка этой посуде сопутствуют остродонные горшки с высокими отогнутыми венчиками, напоминающие позднейшие среднестоговские.

И ямная, и азово-черноморская линии этноисторического развития степного энеолита Восточной Европы местами переплетались и в то же время оказывали заметное влияние на своих древнеземледельческих соседей, например на племена трипольской культуры.

О реминисценции обеих этих линий в этноисторическом развитии южноевропейских земледельческих племен говорит ряд данных.

Рассмотрим факты, касающиеся трипольского ареала. Прежде всего назовем находки на поселении типа Сабатиновка I — Новые Русешты (Молдавская ССР), которые свидетельствуют о начале контактов со степным населением (рис. 68, 1—10). Это — протопсалии, острое донце от чернолощеного горшка, закругленные донья обычных трипольских сосудов и фрагменты плоскодонного сосуда с примесью ракушки в массе⁹⁸. Комплекс Новые Русешты несколько древнее памятников типа Сабатиновка I, что свидетельствует о раннем контакте трипольцев со степными племенами.

В том же плане необходимо назвать находки с эпонимного поселения Сабатиновка I — протопсалии и два остродонных горшка, — типологически близкие к древнейшим среднестоговским.

Наличие контактов со Степью подтверждает комплекс поселения Березовская ГЭС, аналогичного поселению Сабатиновка I. Из числа находок следует назвать: навершие скипетра второго типа, несколько протопсалиев и остродонных горшков с примесью ракушки в массе (близких к ранним среднестоговским), остатки плоскодонных сосудов этой же технологической группы, один из которых заведомо близок к капуловским, шлифованный кремневый топор подтреугольной формы, типа найденных в Петрово-Свистуновском могильнике и в Касимче. Особый интерес, в плане констатирования карпато-балканских связей, представляет медный топор, имеющий большое значение для синхрони-

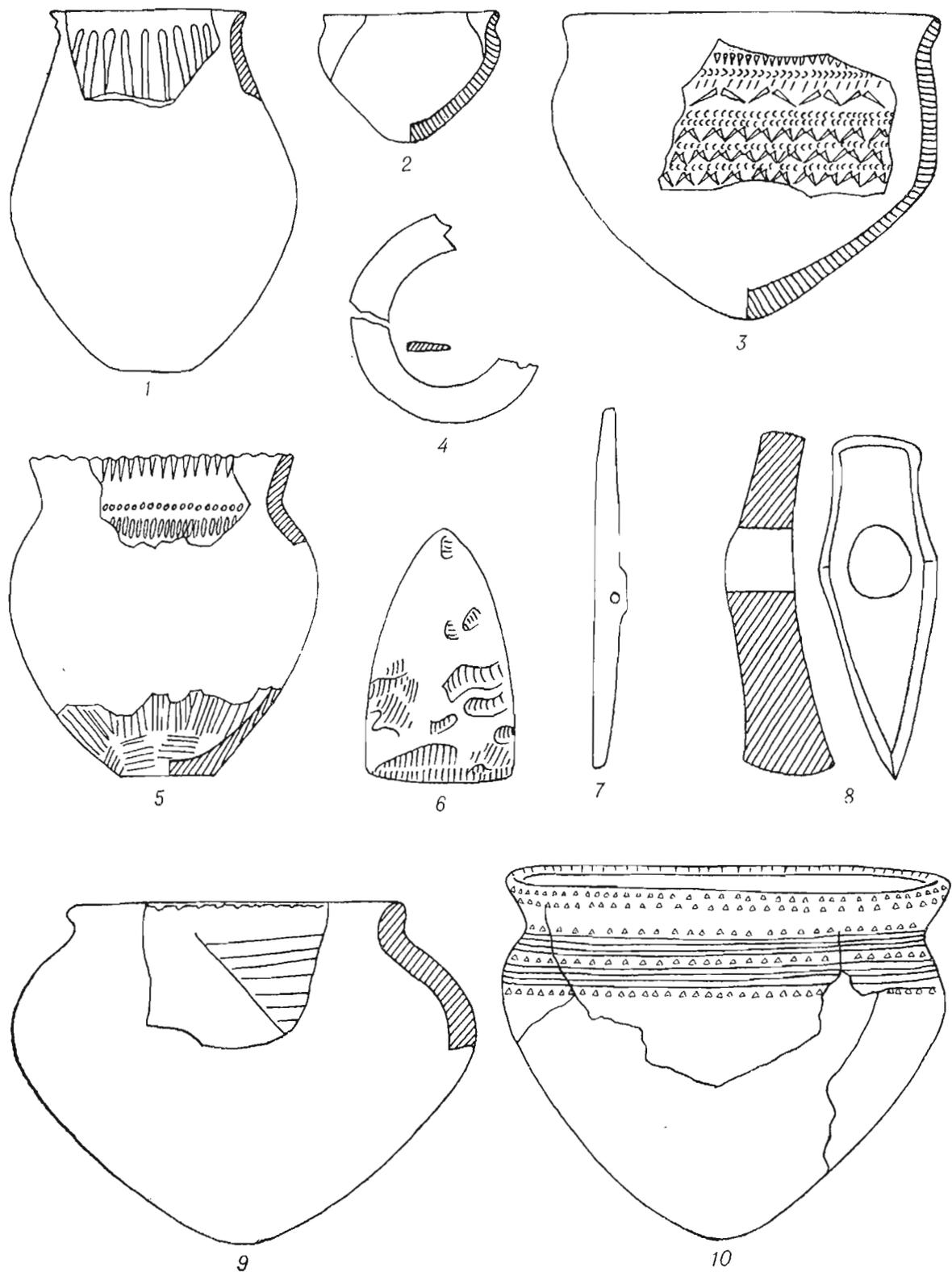

Рис. 68. Комплекс инвентаря трипольских памятников типа Сабатиновка I.

защиты с южноевропейскими земледельческими культурами энеолитической эпохи.

Назовем также скипетр из Федельшень, обнаруженный в трипольско-кукутенском комплексе типа Кукутени А, застежку-псалий, найденную на поселении Хэбэшети, синхронные памятникам типа Кукутени А — Сабатиновка I. Что касается скипетра из Селькуце, то мы согласны с мнением авторов, связывающих его с кругом памятников культуры Гумельница. Датировка скипетра из Ръжева культурным комплексом Гумельницы (Русе) остается наиболее вероятной. Немного можно сказать и об скипетре из Суводола. Его принадлежность к культурному комплексу Црнобуки до сих пор остается не исключенной.

Выше мы рассмотрели многочисленный и сложный материал, благодаря чему можно сделать такие выводы.

I. Скипетры восточного, точнее прикаспийско-кавказского, происхождения. Они символизируют определенный период в развитии энеолитической культуры, специфику которого прежде всего составляет возникновение кочевого скотоводства. В это же время возникает и интенсивно развивается металлургия, в первую очередь металлургия меди, появляется оружие, знаки власти, особый тип посуды с примесью ракушки в массе, удобный для хранения и обработки молочных продуктов, и пр.

В социальном плане этот этап энеолита на основании анализа перечисленных выше факторов должен быть охарактеризован как начало господства патриархальных отношений — возникновения имущественного неравенства, бурного развития межплеменного обмена и пр.

II. Каспийско-прикавказские энеолитические скотоводческие племена начали особенно интенсивно продвигаться в западном направлении не позднее середины IV тысячелетия до н. э. Это продвижение носило характер нескольких волн. Первая из них обусловила ассимиляцию азово-днепровской культуры. Она характеризовалась распространением к западу не ямного, а более древнего населения с плоскодонной посудой прикаспийского типа, которое привнесло из Прикаспия в азово-черноморские степи не только обряд подкурганного захоронения, но, надо полагать, также и первое знакомство с прирученным конем (Бабино, Майорка, Капуловка и др.).

III. Лишь немногим позднее в этом же направлении двинулись и племена формирующейся древней области. Они сохраняли свой миграционный потенциал почти до конца III тысячелетия до н. э., обусловив специфику нескольких этапов перекристаллизации ямной культуры, связанных с расселением с востока носителей развивающейся древней области. В процессе подобного расселения можно различить не менее трех волн, отразившихся в последовательном распространении с прикаспийско-азовского направления памятников типа

архаринского погребения (Архары — Кировоград), Бережновки (Бережновка — Александрия), хутора Репина (хутор Репина — частично Михайловка II).

IV. Движущей силой экспансии, с одной стороны, было относительное перенаселение ареала формирования прикаспийско-прикавказских пастушеских культур, а с другой — обезводнение этого ареала, обусловившее уменьшение пастбищ и ускорившее возникновение особой кочевой формы скотоводческого хозяйства, потребовавшей приручения коня и возникновения всадничества, включая и военное.

Высказанная мысль противоречит мнению некоторых исследователей, считающих, что скотоводческое хозяйство, присущее майкопским поселениям, характерно для всей майкопской культуры⁹⁹. К подобному выводу мы не можем присоединиться прежде всего потому, что фаунистический материал из прикаспийско-кавказского ареала до сих пор недостаточен, а в отдельных важных районах отсутствует вообще. Поэтому необходимо подчеркнуть присутствие костей коня на поселении Замок (Аликоновка), где была найдена группа протопсалиев.

V. Продвижение степных скотоводов, связанное с расселением значительных масс населения, сохранявшего исходные формы культуры, зафиксировано на территории от Каспийского моря до Добруджи (Терекли-Мектеб — Касимча).

VI. Ряд охарактеризованных выше фактов свидетельствуют о проникновении какой-то части пришлых культур и в трипольский ареал. Наиболее выразительным доказательством этого является тот факт, что при переходе от раннего Триполья к развитому произошла довольно быстрая замена старых типов так называемой кухонной посуды новыми. Это уже горшки с примесью ракушки в керамической массе, плоскодонные, а нередко и округлодонные с высоким отогнутым венчиком. Их прототипами, несомненно, являются горшки, первоначально изготовлявшиеся лишь степными скотоводами. Вероятно, изменения в характере так называемой кухонной посуды Триполья свидетельствуют о том, что трипольские племена под влиянием степных перешли к интенсивному развитию молочного хозяйства. Таким образом, обнаруживается еще один факт не столько антагонистических отношений между энеолитическими скотоводами и земледельцами, сколько их межплеменного сотрудничества, приведшего к появлению оптимальной формы хозяйственного развития — земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Можно выразить уверенность в том, что начиная с этого времени в системе хозяйства трипольских племен усиливается элемент скотоводства, вырастает удельный вес мелкого рогатого скота и довольно быстро распространяется коневодство.

Упрочение патриархальных отношений, регулярные военные столкновения способствуют рас-

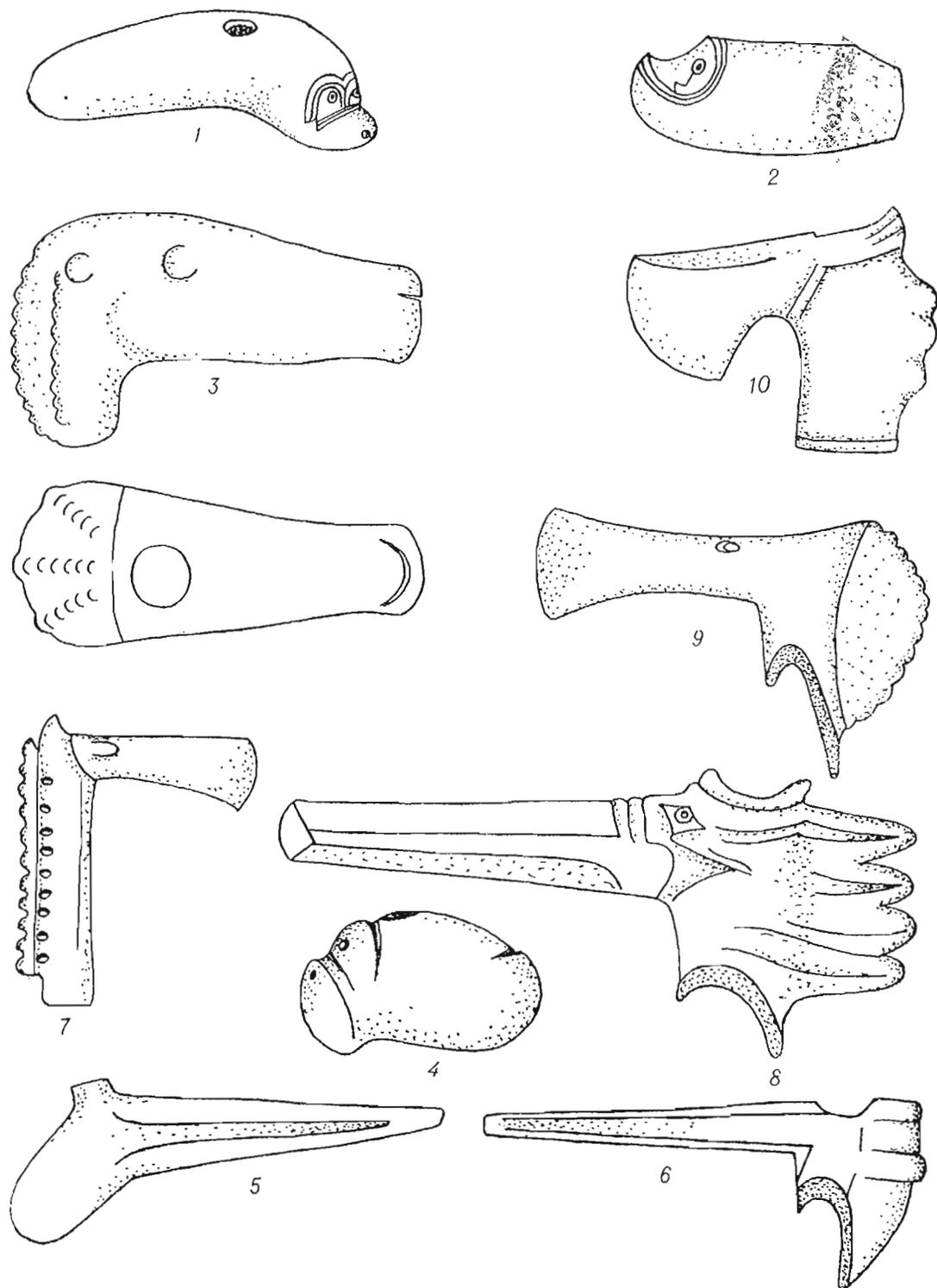

Рис. 69. Навершия поздних типов из камня и их металлические соответствия в энеолите Луристана: 1 — из Мариупольского музея; 2 — Альба — Юлия, Трансильвания; 3 — Новоорск; 4 — Аксай; 5 — Бассейн р. Берды; 6—10 — Луристан.

пространению среди трипольцев разнообразных предметов вооружения и знаков власти, в целом неизменно восточного происхождения — булавы и скипетров.

В отдельных случаях можно говорить о перенесении степными племенами в трипольскую среду отдельных достижений кавказских племен в области металлообработки (например, спиральные браслеты с заостренными концами из клада в Хэбшешть¹⁰⁰), о проникновении отдельных типов кремневых изделий (например, топор из Березовской ГЭС).

Следует подчеркнуть, что проникновение в трипольскую среду степных элементов в определенном смысле совпало с усилением контактов трипольских племен с населением карпатского и балканского ареалов. Свидетельством этого, с одной стороны, является распространение металлических изделий западного происхождения, а с другой — расписной посуды.

Есть данные, что на этом этапе трипольское население заимствует у степных племен курганный погребальный обряд (Кайнары), что говорит о начале этнического перерождения самого Триполья, приведшего в последующие века к сложению особой усатовской культуры.

VII. Имеется достаточно оснований полагать, что проникновение далее на запад (в направлении Адриатики) элементов культуры восточного происхождения отражает многоступенчатый, опосредованный процесс взаимоотношений населения ряда смежных ареалов. Несмотря на тот очевидный факт, что по мере продвижения на запад восточные по

происхождению элементы культуры в значительной степени затухают, не может быть сомнения в том, что цепная реакция этноисторической перегруппировки охватила всю Южную Европу — от Каспия и Кавказа (Терекли-Мектеб, Орджоникидзе) до Адриатики (Скопье — Суводол). Этот процесс в границах очерченной области не обошел ни одно этнокультурное образование, и возникновение здесь многочисленных локальных культур будет непонятным, если не учитывать этнических процессов расселения и взаимопроникновения.

VIII. О том, что охарактеризованные выше процессы выражали своеобразную этноисторическую активизацию восточной группировки индоевропейцев, говорит и тот факт, что в границах Древнего Востока вместе с признаками коневодства уже в III тысячелетии до н. э. появляются медные клевцы и топоры, нередко имеющие черты лошадиных голов. Вместе с тем они сохраняют сходство с теми каменными, относительно поздними прототипами, которые возникли в азиатско-европейском ареале (рис. 69, 1—10).

Возможно, речь должна идти об инвазии хеттов в границы Древнего Востока и, наверное, о расселении восточных индоевропейцев как в Адриатику, так и в степные ареалы Волги и Урала.

Нельзя не отметить, что намечающиеся контакты для Северного Прикавказья с Древним Востоком не были односторонними и, наверняка, происходили в обстановке формирования культурного комплекса так называемого куро-аракского энеолита, возникновение которого без решающей роли анатолийского населения не может быть понято.

ЭТНОИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В ОСВЕЩЕНИИ ЛЕКСИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Решение проблем этноисторического развития нередко затрудняется неразработанностью методологической основы. В частности, это проявляется в том, что среди археологов до сих пор не решен вопрос об этноисторическом объеме археологической культуры, а лингвисты нередко претендуют на исключительное право решать вопросы этноистории, опираясь только на данные собственной науки¹. Между тем в специфике археологического материала заключено все подлинно необходимое для раскрытия реальных положений древней истории².

Однако нередко остается неизвестным важнейший признак всякой этнической группировки — язык. В то же время, язык как исторический источник обладает тем постоянным недостатком, что в нем отсутствует надежный хронологический критерий и, как правило, не известны территории возникновения конкретных лексем и языковых явлений.

Лишь до определенной степени эти отрицательные свойства языкового материала снижаются планомерной разработкой топонимических и этимологических проблем, так же как и воссозданием архаических форм конкретного языка или групп языков путем так называемых внутренних реконструкций.

Мысль о необходимости комплексной разработки проблем этноистории получает все большее количество сторонников. В последние годы появился ряд этноисторических исследований, авторами которых являются лингвисты, учитывающие археологические данные³.

Археологи, создающие этноисторические построения, как правило, редко обращаются к непосредственным данным языка или же ограничиваются ссылками на соответствующие выводы лингвистов. Это обстоятельство не может не влиять на достоверность этноисторических построений. И все же уровень исторических заключений таких исследований заметен выше уровня просто описательных археологических работ, авторы которых

проявляют безразличие к этноисторической проблематике⁴.

Нам представляется естественным и необходимым увеличение удельного веса лингвистического элемента в историко-археологических исследованиях. Соблюдение этого условия увеличивает элементы хронологической и ареальной достоверности определенных языковых явлений и в конечном счете усиливает элемент достоверности конкретных этноисторических заключений. Много в этом вопросе зависит и от степени разработанности самих лингвистических проблем.

Несомненным достижением лингвистики последних лет является стремление преодолеть рамки традиционной индоевропейской компаративистики как в хронологическом, так и в территориальном отношении. В этом смысле особое значение приобретает старая, долгое время не разрабатывавшаяся гипотеза Х. Педерсена, согласно которой нынешние индоевропейская, алтайская, уральская, дравидская, картвельская и семито-хамитская семьи языков в глубокой древности составляли так называемую ностратическую семью языков, и даже ностратический праязык⁵.

Большую работу в плане дальнейшей разработки ностратической гипотезы в последние годы осуществлял В. М. Иллич-Свитыч, создавший новейшие фонетические и лексико-этимологические исследования, подтвердившие обоснованность ностратической гипотезы, что в целом по-новому раскрыло межсемейные связи индоевропейских языков и установило исключительно важный факт глубокого архаизма того лексико-этимологического пласта, который объединяет ностратические языки в реальное этноглоттогоническое единство⁶.

С целью раскрытия реального характера древнего индоевропейского этноглоттогонического процесса и, конкретно, с целью раскрытия его отдельных хронологических этапов и ареальных проявлений нами был собран лексический материал, этимологически проработанный не только другими авторами, но и полученный путем самостоятельной проработки. Кроме того, был использован ценный

лексико-этимологический материал ностратического уровня, собранный В. М. Илличем-Свитицем.

Накопленный материал был организован в несколько тематико-хронологических глоссариев. Так, для разных этапов индоевропейского уровня были собраны материалы, характеризующие лексико-этимологические реалии, связанные с металлургией, развитием транспортных средств, со скотоводством, собирательством, рыбной ловлей, охотой и пр. Лексико-этимологические реалии ностратического уровня по содержанию оказались более бедными и на их основе удалось составить только два глоссария: охотничий, а также небольшой словарь, характеризующий поселение и обитание на нем.

На основании анализа лексико-этимологического материала обоих уровней (индоевропейского и ностратического) были выработаны заключения как хронологического, так и ареального порядка.

Так, для индоевропейского уровня были получены приблизительные хронологические границы от VIII—VII тысячелетия до рубежа III—II тысячелетия до н. э. Позднее этого рубежа помещается время распада индоевропейского диалектного единства, раньше — заключительный период ностратического диалектного единства.

Анализ материала обеих групп (в плане раскрытия ареальности явлений) прежде всего говорит об исключительно древней расчлененности индоевропейской ойкумены на два основных ареала: восточный — прикаспийско-азовский, преимущественно скотоводческий и западный — карпато-балкано-дунайский, преимущественно земледельческий. В то же время анализ лексики реконструируемого ностратического массива, свидетельствуя об экономическом преобладании охоты, свидетельствует о локализации массива ностратических племен в границах географической зоны с умеренным климатом.

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ УРОВЕНЬ

Металлургия. В определенном смысле можно сказать, что вся первая половина IV тысячелетия до н. э. на территории Юго-Восточной Европы проходила в обстановке этноисторической стабилизации и доминирования раннего Триполья, переживавшего начальный период пашенного земледелия. Однако уже около середины IV тысячелетия до н. э. вся восточная половина Юго-Восточной Европы превратилась в мощный миграционный эпицентр. Первопричиной этого процесса, по нашему мнению, является возникновение в Предкавказье особой формы скотоводческой культуры, принципиальным достижением которой было приручение коня, использование его для верховой езды и обслуживания стад, в составе которых численно преобладал мелкий рогатый скот. Лишь с небольшим опозда-

нием происходило формирование дошнуровых этапов локальных культур древнеямной области, хозяйственной экономической основой которой было разведение крупного рогатого скота и в меньшей мере мелкого и лошадей.

Так в скотоводческом ареале Восточной Европы оформилось две линии этноисторического развития: азово-причерноморская, с формирующейся майкопской культурой в основе, и степная, древнеямной культуры.

На первом этапе развития степного энеолита племена формирующейся древнеямной этнокультурной области продвигались преимущественно на севере, где теснили племена неолита ямочно-гребенчатой керамики, которые были вынуждены расселяться в пределы Волго-Окской части лесной зоны Европы⁷. В то же время различные эпигоны майкопской культуры, эти несомненные застрельщики прогресса, главным образом продвигались на Запад, держась в основном Восточно-Европейского Приморья. Они проникли в трипольскую зону, что привело к появлению памятников типа Сабатиновка I — верхний слой Новые Русешты, к перерождению лесостепного Триполья и, в конечном итоге, к сложению усатовской локальной культуры.

В начале III тысячелетия до н. э. племена древнеямной культуры составляли основную миграционную силу, которой несколько веков противостояли трипольские земледельческо-скотоводческие племена. Высокий уровень их социально-экономического развития давал возможность не только противостоять напору Степи, но и выдерживать напор племен шаровидных амфор и воронковидных сосудов, продвигавшихся около середины III тысячелетия до н. э. на северо-западе современной территории Украины к востоку⁸.

Наконец, в результате более чем тысячелетнего соревнования двух миров — земледельческого и скотоводческого, на территории Украины победили нормы степного мира, а в западной части Европы, на основе местных земледельческих культур, претерпевавших вековое воздействие инфильтрации степных племен, возникла обширная область культур шнуровой керамики⁹. Сходный процесс, но в значительно меньших масштабах, протекал на севере (в Волго-Окском районе), где в результате степного проникновения оформилось двуединое ядро фатьяновской этнокультурной области¹⁰, в западной половине которой доминировал древнеямный компонент (московская группа), а на востоке — периферийно-майкопский (балановская группа).

Уже в середине IV тысячелетия до н. э. племена Восточной Европы были хорошо знакомы с металлургией, и потому не могли не принять участия в обогащении металлургического лексикона индоевропейцев этого времени. Если, например, в этой связи заняться вопросом о наименованиях металлов и металлургических процессов в данном райо-

не, то прежде всего следует подчеркнуть, что трипольская область на протяжении многих столетий отличалась широким распространением меди заведомо трансильванского происхождения¹¹. В то же время сосредоточенные в северной Степи старшие памятники древнейшей культуры дают очень мало изделий. В отличие от них на памятниках второй (майкопской) линии развития (например, Чаплинский могильник), встречается медь прикавказского, а то и кавказского происхождения¹².

Трансильванско-трипольский очаг металлургии возник на несколько веков раньше. Поэтому вполне вероятно, что основная часть индоевропейской металлургической лексики выработалась именно в карпатском регионе и уже отсюда распространилась в другие части индоевропейской ойкумены.

Металлургия меди пришла в Южную Европу с Древнего Востока. Об этом, в частности, говорит сходство с древневосточными культурами памятников тордошского типа, а также находки табличек урукского типа в тордошском слое поселения Тэртэрия¹³.

Индоевропейская лексика, связанная с добычей и обработкой металлов, а также сами наименования последних более других групп лексики свидетельствуют о времени относительно компактного обитания индоевропейцев и позволяют до некоторой степени датировать позднейшую хронологическую грань их совместного существования.

В этом смысле особый интерес представляют термины, отражающие добычу металлов и руд из недр земли. Ценность разных терминов из данной группы лексики для этноисторического исследования неодинакова, что, например, видно из приводимого ниже материала.

Так, славяно-русское *копь*, связанное с глаголом копать, или укр. *копалина*, отвечающее рус. — ископаемое, и пр. имеют весьма незначительные внешние языковые связи (см. лш. — *kaplis* — мотыга, кирка).

Между тем у другого этимологически близкого русского термина — *рудник* — эти связи как во внешнеязыковом, так и в хронологическом отношении значительно шире. В ближайшем языковом окружении он связан с лш. *raktuwe* — рудник и *rakt* — рыть и с нем. *erz*, которые еще Б. Грозный при помощи ряда соответствующих индоевропейских форм связывал с шум. *urudu* — медь¹⁴.

Ввиду исключительной продуктивности терминов с корнем *rud/rot* в индоевропейской языковой среде, где они, в частности, означают — **красный** и **кровь**, можно усомниться в чисто шумерском происхождении этого термина и предположить его связь с общими дометаллургическими — дошумерским и доиндоевропейским — субстратами.

Термин **медь** в рассматриваемом звуковом оформлении претерпел значительное фонетическое развитие и охватил по существу весь индоевропейский этнический массив. Иногда этот термин обознача-

ет металл вообще (ср. нем. *erz*, дрвн. *aruzzi*, лат. *aes/aeris*, скр. *ayah* и др.).

На этапе становления восточноевропейской металлургии понятия металла и меди должны были совпадать. Появляющийся около этого же времени термин золото едва ли в терминологическом отношении сильно отличался от меди. Приведем соответствующие лексико-этимологические доказательства: **медь** — лат. *aes/aeris* металл, медь, *aureus* — медный, помедненный, *raudus* — руда, кусочки меди; дрнем. *aruzzi* — металл, медь; гот. *ais* — медь, бронза; скр. *ayah* — медь; ав. *ayō* — медь.

Вероятно, стадильно более поздней формой этого же термина является его разновидность с сонорным на первом месте, например, нперс. *rōi* — медь; неп. *rucm* — медь, *Lohit* — красный, медный. Необходимо напомнить о хорошо освещенном в специальной литературе явлении переноса наименований меди на железо: скр. *ayah* — медь, железо; неп. *Lohit* — медь, *Loha* — железо; гот. *ais* — медь, бронза, *aizarn* — железо и пр.

Греч. *χαλκός* представляет второй тип наименования меди. Как полагают некоторые авторы, этот термин имеет субстратное, доиндоевропейское происхождение. В конечном итоге многие наименования могут восходить к доиндоевропейским временам. В конкретном же случае следует подчеркнуть, что О. Н. Трубачев недавно указал разветвленные связи этого термина в индоевропейской лексике и его особое значение для выработки термина **железо** (ср.: гр. *χαλκός* — медь, бронза; дрр. — *желѣзо*; лит. *geležis*; лш. *dzels*; дрпн. *gelso* и др.¹⁵).

Особое внимание привлекает явное созвучие греч. *χαλκός* — медь с хеттским *halkiš* — зерно, урожай, что говорит о более позднем возрасте этого термина в сравнении с шум. *urudu* и о его восточно-средиземноморском, именно индоевропейском, происхождении¹⁶.

Третий тип наименования меди дает лат. *cuprum* и его нем. аналог *kupfer*, несомненно идентичное с названием острова Купрос, который долгое время снабжал медью не только весь Эгейский бассейн, но и другие тяготевшие к нему в древности районы Европы*.

Связь обоих наименований бесспорна. Однако из факта такой связи не следует вывод об исключительной роли Южной Эгеиды в выработке рассматриваемого наименования меди.

Отнюдь не исключено, что *cuprum* представляет собою метатезу формы *kurp/karp*, также известной в области Эгеиды (ср. наименования острова *καρχατος/καραχτος*) и в то же время проступающей в наименовании горной системы Карпаты, что обнаруживает определенную связь с понятием **кривой, холмистый** (ср.: лат. *harpe*; неп. *khurpo* — серп;

* Следует, однако, признать, что такая лексическая связь документируется лишь поздними античными источниками.

хет. *karp* — подниматься, тох. АВ — *kārp* спускаться, подыматься, неп. *kurpo* — горбатый; лш. *kurpis* — горб, *krupis* — жаба, *kārpa* — бородавка и др.).

Возможно, что обе приведенные выше формы представляют собою метатезы более древней основы в *berg/breg*, перекликающейся с такими арханчскими формами, как хет. *parku* — высокий, *peruna* — вероятно, < *parkuna* — скала, *parkunu* — очистить; тох. В — *parki*, тох. А — *parkont* — высокий и мн. др.

Славянское *мѣдь* представляет четвертый тип наименования этого древнейшего металла. Термин медь обычно считают кельтским по происхождению (ср. кельтск. *mein/meinn* — медь). Отрицать языковую близость термина с кельтскими наименованиями не приходится. С ними легко сблизить нем. *messing* — медь, бронза, *messer* — нож; польск. *mosiądz*, укр. *мосяж* — бронза, латунь; возможно, лат. *mensis* и сл. мѣсяць (сближение по цвету) и пр. Кельтскими взаимствованиями нельзя объяснить ряд перечисляемых ниже фактов.

Так, невозможно объяснить тж. *mis* — медь, *misin* — медный, и *madan* — рудник. В то же время нет серьезных оснований думать, что термин типа *мѣдь* первоначально возник в ираноязыковой среде. Против такого предположения, например, говорит греч. *μεταλλον*, несомненно, опирающееся на греч. *μεταλλειά* — рудник, и нем. *mine* — с тем же значением.

Остается предположить, что различные варианты термина выработались в раннем бронзовом веке, начало которого в Восточной Европе датируется рубежом III и II тысячелетий до н. э., когда Триполье и сходные с ним культуры находились в упадке.

В пользу такого предположения свидетельствует тесная этимологическая связь с рассматриваемым термином большого количества индоевропейских терминов, возникших в сфере обмена и связанных с обменом взвешиванием и измерениями. О сказанном, в частности, говорит дрп. *мѣна*; лит. *māinas* — обмен; дрнем. *mein* — обман; гот. *gamainis* и лат. *communis* — общий и т. п., а также дрп. *мѣра*; скр. *mānam*, *matis* — мера, вес; лат. *metior*, *metiri*; греч. *μνα* — единица веса, *μισθος* — вознаграждение и др., восходящие к родственным индоевропейским корням — **mei* — менять и **me* — терять.

Наличие соответствующего термина в санскритской лексике доказывает существование в индоевропейском обиходе соответствующих терминов еще до времени обретения древними арийцами их новой родины, то есть до первой половины II тысячелетия до н. э.

Золото, а вслед за ним и серебро входят в число неолитических металлов, по древности открытия конкурирующих с медью.

По широте распространения термина золото следует непосредственно за медью, а по древности означения с ним индоевропейцев едва ли уступает меди. Наиболее древней (известной автору на территории Юго-Восточной Европы) археологической находкой золота является кольцо, сделанное из части нашивной пластинки, имитировавшей пластинки из эмали так называемого мариупольского типа, найденное в Никольском могильнике азово-днепровской культуры, что дает возможность датировать ее временем около середины IV тысячелетия до н. э.¹⁷

В отношении наименования золота индоевропейцы делятся на две большие группы — восточную и западную, внутри которых наименование его было более или менее одинаковым. Существовали и мало распространенные названия золота, имевшие для раскрытия этноисторического процесса небольшое значение.

Слав. *злато*: рус. *золото* (ср.: желтый); лш. *sells* (ср. *dzeltens* — желтый); тж. *sar* (ср.: *sard* — желтый); ав. *zaranya*; скр. и неп. *svarn* — типичные представители термина восточного ареала, пережившего реоформление в изоглоссу *satem*-ного типа. Тем интереснее отметить такие окраинные дериваты этого же термина, как скр. *hiranyan*, неп. *hiran* (ср. заимствованное из индоевропейского венг. *arany* «копей»), которые сохраняют признаки *kentum*-ного оформления, что интересно как показатель позднего возникновения в восточноевропейском ареале *satem*-ных инноваций.

В то же время нем. *gold*, гот. *gulđ* (ср. нем. *gelb* — желтый) в рассматриваемом плане представляет собою древний реликт. Лат. *aurum* является типичным представителем второго западного проявления интересующего нас термина. Механизм и источник его возникновения недостаточно ясны.

Кое-что в рассматриваемом плане имеется в данных балтийских языков. В этом смысле интересны лит. *auksas* и дрп. *ausin*, которые при ближайшем рассмотрении оказываются родственными названному выше ром. *aurum*. Сходное наименование золота имеется в тох. В — *yasā*, *ysā*. В тох. А золото обозначается термином *wās*, который обычно сблизают с прибалтийским финским *vaski* — медь, созвучным в свою очередь с финским *oski* — золото¹⁸.

Нам представляется, что противопоставление формы *wās* формам *yasā*, *ysā* так же необосновано, как и противопоставление лш. формы *wars* — медь, дрп. *ausin* и лит. *auksas*. Исходя из оценки общей тенденции развития, можно высказать предположение, что лабиализованная форма здесь древнее де-лабиализованной, возникшей необходимости терминологически отличать золото *ausin* — от меди — *wa(r)s*.

В свете приведенной выше аргументации воссоздается примерно следующая картина. Во всем индоевропейском ареале в начальном периоде ме-

таллургии доминировало несколько родственных между собою диалектных разновидностей термина **медь — металл**, восходящих к шум. *uudu* и созвучных с лат. *aeris*, дрнем. *aruzzi*, лш. *wars*, которые в ходе последующего развития дали лат. *aurum*, дрпр. *ausin* (правдоподобно < *wärs*) или тох. *A wäs* (правдоподобно < *wars*).

Таким образом, отпадает необходимость говорить о заимствовании из финского и, наоборот, обосновывается предположение о появлении у прибалтийских финнов контактов с индоевропейцами, которые на рубеже III и II тысячелетий до н. э. в виде протофатьяновского ответвления восточно-европейских культур шнуровой керамики неуклонно продвигались к северу и, разумеется, несли с собой навыки древнейшей металлургии.

Греч. *Χρυσος* — золото — так же своеобразно, как и греческое *Χαλκος* — медь. Объясняется это не столько своеобразием фонетики греческого языка, сколько одиночеством самого термина *Χρυσος*.

Между тем нам кажется возможным преодолеть изолированность этого термина, если использовать все данные индоевропейской металлургической лексики. Так, поиски аналогий для названного термина приводят к необходимости сопоставить греч. *Χρυσος* со слв. **крица** и укр. **криця**, которые соприкасаются со сл. **кръчнн** — кузнец и сопоставляются с ир. (*qur*) *kurd* — кузнец, слав. *курити* — дымить, лат. *kurti* — разжигать огонь. Закономерность такого сопоставления не вызывает сомнения уже хотя бы потому, что существуют иранские формы типа тж. *kūra*, обозначающие **горн-печь**. Однако признание терминологической связи понятия золота с операцией переплавки, столь необходимой при получении деловых слитков из мелких самородков и золотого песка, не решает вопроса о происхождении термина *Χρυσος*. Здесь, с нашей точки зрения, необходимо указать на утвердившийся в большинстве славянских языков термин — *kruš*, специально используемый для обозначения руды (ср.: **Крушныи горы** — Рудные горы; укр. *круш* — руда, металл; укр. *круц* — гвоздь; чешск. *krušec* — комок (соли); польск. *krušec* — руда, ценный металл; рус. — **крошиться**, имеющее близкие аналогии во многих славянских языках).

Поиски за пределами славянской лексики объяснения для греч. *Χρυσος* пока не дали результатов. Полагая, что *kruš* в славянском относится к явлениям глубокого субстрата, мы далеки от мысли думать о каких-то специфических доисторических греко-славянских языковых связях. И все же представляется достаточно вероятным, что в греческом языке имеются глоссы, которые привязывают его к миру Карпат, дававшему большое количество золота в энеолите, но еще больше в развитом бронзовом веке, что можно проследить благодаря культурно-сходному пласту, простиравшемуся от Северного Кавказа (через бородинский клад и его

контаминации в Трансильвании) вплоть до шахтных гробниц микенской эпохи¹⁹.

В системе лексики палеометаллической эпохи после **меди** и **золота** выступает **серебро**.

Наиболее типичным среди терминов, использовавшихся для обозначения **серебра**, нам представляется лат. *argentum*, почти тождественное с греч. *ἀργύρος/ἀργύριον* — серебро, которое благодаря наличию греч. *αργυρος* — светлый, сияющий — получает полное этимологическое истолкование.

Термины, служившие для обозначения серебра, подобные приведенным выше, применялись на значительной части индоевропейской территории, в частности в ираноязычном массиве (см.: иперс. *ardatam* и ав. *arazatem* — серебро, имеющие опору в местной лексике с традиционным значением **светлый, сияющий**).

Слав. *срѣбро*, укр. *срібло* и их прямые аналоги (ср.: лш. *sudrabs*; гот. *silubr*; нем. *silber*; скр. неп. *subhr*) обуславливают второй терминологический тип, существовавший в восточной половине индоевропейского ареала для обозначения серебра. Можно было бы неоднократно проиллюстрировать, как корень типа *silber* (серебро) увязывается с терминами, означающими **светлый, сияющий**. Особый интерес этого термина мы видим в другом, а именно — в его несомненном сходстве с корнем *gold/geld*, оформленным по нормам изоглоссы *kentum* и, вероятно, более древним. Представляется также, что линию *серебра* на позднейшем этапе продолжает ряд терминов, обозначающих **железо** (ср. дрп. *желѣзо*; лш. *dzels*; лит. *gelsis*; дрпр. *gelso* и др.).

Бронзовый век, начавшийся в Юго-Восточной Европе еще во второй половине III в. до н. э., был временем окончательного распада диалектного единства индоевропейцев и расселения их по многим районам Старого Света, в частности и таким, где в энеолите обитали неиндоевропейские племена.

Следовательно, в ряде районов Европы, Азии и даже Африки во второй половине III тысячелетия до н. э. — начале II тысячелетия до н. э. происходил процесс распада существовавших здесь в энеолите зон земледельческо-скотоводческих культур с расписной или чернолощеной керамикой. Процесс этот протекал под знаком повсеместной миграционной активности восточноевропейских пастушеских племен, в эпицентре которых была расположена древнейшая этноисторическая область. Несомненно, следствием происходивших этнических перегруппировок было формирование новых этноисторических образований и налаживание в принципе новых этноисторических связей.

Величайшие этноисторические катаклизмы рубежа III и II тысячелетий до н. э. нашли определенное отражение в древнейших письменных документах первого этапа мировой письменной истории, благодаря которым мы узнаем о происшедшей тогда индоевропеизации всей Малой Азии²⁰, о

движении гиксосов в Древний Египет, о расселении иранцев на Средний Восток²¹ и индоарийцев в границы их нынешней родины — Индии²².

В опоэтизированном виде эти величайшие этноисторические катаклизмы нашли отражение в шумерской и ведической литературной традиции о расцвете человечества в золотом веке²³, о последовательной смене его все ухудшающимися серебряным, медным и, наконец, железным веками²⁴. Этот сюжет, вероятно, позаимствованный Гесиодом у ученых-магов Древнего Востока, был развит древними греческими и римскими атомистами²⁵.

Ранний железный век был периодом сложения новой цепи таких раннегосударственных образований, как Ассирия, Лидия, Персия, Иония, Атика, Спарта и многие другие равновеликие государственные образования, среди которых, несомненно, присутствовала Скифия и примыкающие к ней ираноязычные государства меньших масштабов, включая союз саков, массагетов и др.

В восприятии утвердившихся в сознании своего величия индоевропейских брахманов апокалиптические события раннего железного века, именуемого ими кали-юга, что означает и позднейший железный век, выглядели следующим образом:

«Когда железный век достигнет силы, и будет предстоять гибель мира, закон погибнет. Отпав от правильного образа жизни, многие брахманы бросят веды и будут совершать запретные дела. Они будут продавать запретные товары, будут есть несъедобное и будут пить, чего нельзя пить. Другие, ослепленные жадностью и озабоченные исключительно наживой, будут приносить жертвы для женщин и шудр (людей низшего происхождения. — В. Д.), их посвящать, обучать их ведам и объяснять им закон. Вместе с шудрами будут жить, шудрам служить, будут есть еду шудр, шудрам будут давать своих дочерей и будут жениться на дочерях шудр. А шудры, набравшись гордости, займут места дважды рожденных, будут давать приказания брахманам, решать тяжбы и властвовать над землею. Роды воинов, правивших ранее согласно с законом, станут бессильными и постепенно погибнут. Когда таким образом возникнет ужасное смещение каст, Явана, Шака и другие варвары появятся на севере, юге и западе. С течением времени их сила возрастет. Они нападут на арийцев, будут сражаться с ними и победят их. Города они осадят; деревни, дома и дворцы сожгут огнем; горожан, старых и молодых, убьют мечом, похитят их добро и уведут их жен и детей связанными. Так земля станет необитаемой. Но немногие уберут в горы и избежат опасности»²⁶.

Исходя из того, что Явана здесь ионийцы, а Шака — скифы, приведенную выше запись следует датировать VIII—VII вв. до н. э.

Едва ли намного древнее греческая «Илиада», фиксирующая раннюю фазу того же мирового процесса. Будучи высокохудожественным и исторически

достоверным произведением, «Илиада» все же не достигла того уровня исторического обобщения, который отражен в приведенном отрывке.

Появившиеся с началом железного века наименования **железа** — образуют лексическую пестроту, унаследованную из разнообразных источников, датирующихся IV тысячелетием до н. э. (дрп. *желъзо*; лш. *dzels*; лит. *gelsis*; дрпр. *gelso*; гот. *aisarn*; нем. *eisen*; ав. *ayo*; скр. неп. *lohak*; скр. *aya* и др.), хорошо известных по данным предшествующих эпох, когда эти термины без значительных фонетических отличий от перечисленных выше форм означали **медь**, **золото** и, разумеется, **бронзу**.

О новых временах и вместе с тем о глубокой древности свидетельствует чеш. *kou* — **металл**, этимологически связанный с термином **бить**, особенно с балтийским и славянским вариантами (ср.: рус. *куй*; дрп. *кыл* — **молот**; дрпр. *kugis* — **молот**; лит. *kūjis* — **молот**; *kauti* — **убивать**, **бить**; лш. *kauja* — **бита** и мн. др.), но вместе с тем восходящее к словам глубокой индоевропейской древности (ср.: хет. *kuer* — **резать**, *kuen*, *kun* — **ударить**, **убить**).

Нередки случаи, когда железо, подобно его предшественникам, называлось по внешнему виду (ср. лат. *ferrum* — вероятно, **неблагородный**, **дикий**; *fera* — **зверь**; *fērocia* — **дикая отвага**; неп. *timir* — **железо**, **ржавчина**, несомненно, переключившееся с неп. *tamrak/taṅbo* — **медь**, вместе восходящие к скр. неп. *tamas* — **тьма**, чем подчеркивается их тусклый отсвет по сравнению с отсветом серебра и золота).

Для **молота** существует много способов выражения (ср.: дрп. *mlatъ*; рус. *молот*; лш. *kalmais*; лит. *kugis*; нем. *hammer*; лат. *mallus*; тж. *bolga*, *kubak*; скр. неп. *ghan*, *habro* и др.). Все они имеют глубокие корни в индоевропейской лексике.

Этимологии некоторых из них прозрачны (ср.: **молот** — *malleus*, опирающиеся на тот же корень, что и сл. **молотить**, что значит **бить**). Любопытно, что **молот** в границах индоевропейского мира связан с небесным молотом — молнией, тучей (ср.: рус. *молния*; дрсев. *miolnir* — **молот Тора**; лат. *malleolus* — **зажигательная стрела**), имеющие убедительные смысловые аналогии в неп. *ghana* — **молот**, **туча** и др.

В определенном смысле можно утверждать, что растиральник (курант) зерноотерки и молот у древних индоевропейцев имели более или менее одинаковое техническое оформление (ср. **МОЛОТЬ** — рус. **МОЛОТЬ**; лш. *malt*; нем. *mälen*; гот. *malan*; лат. *molo* и тж. *molidan* — **тереть**; тж. *malis* — **трение**, **растирание**). В самостоятельном плане это подтверждается нем. *hammer*, этимологическая связь которого со сл. **камень** общепринята²⁷. Не исключено, впрочем, что и **кий** — **молот**, и **hammer** — **камень** — **молот**, да и сам **молот** как термин

восходят еще к доиндоевропейской ностратической древности (ср.: ур. *kiwe*; картв. *kwa*; с/х *kw* — камень, также *ue* * *mer* — растирать, алт. *mur* |л| — размельчать, ломать; урал. *murl* — размельчать, ломать; драв. *mur* |л| *murl* — ломать, размельчать и пр.)²⁸.

Более пестрыми по составу и более показательными с точки зрения лексико-этимологической характеристики железного века являются те термины, для которых в прошлых эпохах не было опоры в технико-экономическом развитии. Таковы, например, **кузнец**, **наковальня** и **горн-печь**, в особом терминологическом выделении которых до наступления железного века не было настоящей необходимости (ср.: рус. *кузнец*; укр., дпр. *коваль* — кузнец; лш. *kaleys* — кузнец; напоминающие о корне *ku. С ними созвучны лат. *cidis* — наковальня; рус. *наковальня*; лш. *kaleyа*). Встречаются и принципиально новые лш. *laksta*; нем. *amboss*; тж. *sandan* — наковальня; тж. *oh*, *angar* — кузнец (от *oh*, *an* — железо, вероятно, восходящего к ав. *ayō*); рус. *кузнец*; лш. *kaleys*; нем. *šmid*; неп. *kāmi* и др., рус. *печь*; лш. *eže* (созвучно с готск. *aiz* — медь); нем. *šmideherd* — горн (перекликается с *šmid* — кузнец, которое в свою очередь созвучно с дпр. мѣдь) и пр. Любопытно отметить появление совершенно новых профессий, невозможных в бронзовом веке. Это, например, упоминавшиеся тж. *oh*, *angar* — кузнец, буквально **железник**; тж. *nālgar* — кузнец, специализировавшийся на изготовлении подков (*nāl* — подкова) или лат. *falcarius*/*falx* — серп, коса — кузнец, делающий серпы и косы.

Древнейшие упряжь и транспорт. Переходя к анализу группы индоевропейской лексики, связанной с использованием тягловой силы скота и с развитием транспортных средств, следует выразить уверенность в том, что в их развитии пастушеским племенам Восточной Европы принадлежала исключительно важная роль. Необходимо отметить, что приручение коня произошло здесь раньше, чем в любом другом месте планеты²⁹.

Так, анализ археологического материала и конкретно сопоставление некоторых северокавказских раннемайкопских памятников с трипольскими типа Сабатиновка I приводят нас к выводу о доминанте Степного Предкавказья, ставшего мировым центром сложения всадничества еще в начале IV тысячелетия до н. э., что и привело к возникновению общиндоевропейского названия коня (ср.: хет. *akivaya* — на коне; хет.-иер. *ašva* — конь; лат. *equus*; лит. *ašva*; греч. ἵπλος; тж. *asp*; скр. *ašva*; тох. *yuk*). Не исключено, что среди перечисленных выше терминов термин тох. *yuk* является стадильно древнейшим. Вместе с тем он и наиболее доступен в плане раскрытия его первоначальной этимологии. Особый интерес представляет давно установленный традиционным языкознанием факт, что термин **иго**, означающий и **ярмо** и **иго**, восхо-

дит к понятию **связывать, стягивать** (ср.: дпр. *igo* — ижеса, узы, уж (змея), веревка; лит. *yūgti*, *yūngiu* — связывать; лат. *yungo* — связывать; хет. *yuga* — связь годов (*tri* — *yuga* — трехгодовалый); скр. *yuga* — эпоха — ср. *satya* — *yuga*, *krita* — *yuga*, *deva* — *yuga* — золотой век; *tretayuga* — серебряный век; *dvapana* — *yuga* — медный век; *kali* — *yuga* — железный век и мн. др.).

Таким образом, оказывается, что **лошадь — конь** в их первоначальном значении означали не более чем **связанный**.

Археологический материал подтверждает, что древнейшей упряжью в истории освоения коня (и осла) была простая ременная узда, отнюдь не имевшая характера **ярма**.

Иллюстрациями к сказанному могут, например, служить изображения в ременных уздечках из Ура³⁰, каменные наверхия в виде взнузданных лошадиных голов из Причерноморья³¹ и, наконец, многочисленные находки особых роговых застежек для замыкания подобных уздечек, выявленных в том же азово-черноморском ареале³².

Период **узды — ига** длился около двух тысяч лет — с середины IV тысячелетия и примерно до середины II тысячелетия до н. э. Об этом свидетельствует тот факт, что только около середины II тысячелетия до н. э. и в Восточной Европе и в области Восточного Средиземного моря сразу появляется несколько типов костяных и металлических псалий, в частности получающих отражение в памятниках искусства, свидетельствующих о возникновении нового типа снаряжения верхового коня³³.

С понятием **ига — уздечки** терминологически и стадильно связано понятие **ига — ярма** (дрп. *igo*; лш. *yugs*; лит. *yungas*; гот. *yuk*; нем. *yoh*; лат. *yugum*; греч. ζυγόν, ир. *yug*, скр. *yugam* — иго; хет. *yuga* — годовалый; тох. *yuk* — лошадь).

Разумеется, процесс возникновения термина **иго — ярмо** не был односложным. На Древнем Востоке, на рубеже III и II тысячелетий до н. э. в составе упряжного инвентаря появляются первые металлические предметы, предназначавшиеся для направления вожжей, что уже предполагает наличие **ярма** какой-то примитивной конструкции³⁴; а около середины II тысячелетия до н. э. на глиняных табличках древнего Крита появляются изображения боевых колесниц и настоящего ярма³⁵. Примерно к этой же эпохе относится вторжение конников-гиксосов в Египет³⁶, и знаменитое наставление миттанийца *Kikkuli* по конному делу³⁷.

Вопрос о времени появления в Европе первого колесного транспорта довольно сложен. Рассмотрение его необходимо начать с указания на то, что для трипольской области середины III тысячелетия до н. э. и для синхронных памятников культуры воронковидных сосудов известны скульптурные воспроизведения быков, на которых, например, находка из Кошиловец, имеется роспись, несомненно,

имитирующая упряжь-игу, вероятно, еще лишенную металлических или деревянных частей³⁸.

Необходимо подчеркнуть, что для всей трипольской области этого времени до сих пор не известно ни одной находки, надежно фиксирующей существование колесного экипажа хотя бы типа арбы, и, наоборот, в Кошиловцах найдена модель своеобразного экипажа типа саней-волокуш³⁹.

В настоящее время на территории Восточной Европы известно более десяти курганных находок деревянных арб со сплошными колесами, относящихся к заключительной поре развития древнеямной культуры, или к ранней поре развития катакомбной культуры⁴⁰. К сожалению, дерево со всех этих памятников попадало в коллекции в таком состоянии, что не разрешало сказать что-либо определенное о типе ярма и даже о факте его существования.

По древности с этими находками может сравниться только найденная в Венгрии, в пещельском комплексе начала II тысячелетия до н. э., глиняная модель четырехколесной арбы с высоким закрытым кузовом, удобным для перевозки сжатого хлеба⁴¹.

Из приведенных выше данных можно сделать вывод, что **арбе колесного** типа в энеолитической эпохе Восточной Европы предшествовала существовавшая несколько веков арба-волокуша, прототип современных саней⁴².

В последние годы среди наскальных рисунков Каменной могилы были выделены изображения древнейших транспортных средств: волокуш с лошадиной упряжкой⁴³ и арбы с парной — бычьей упряжкой⁴⁴. Изображение волокуши с парнокопной упряжкой сопровождалось слоем, относящимся к ранней поре древнеямной культуры (стоговская фаза, около середины IV тысячелетия до н. э.⁴⁵). Изображения арб в стилистическом отношении близки к изображению волокуш, что разрешает датировать изображение арбы не позднее середины III тысячелетия до н. э.

Особого внимания заслуживает найденный под одной из плит Каменной могилы чернолощенный сосуд майкопского типа. Он подтверждает существование майкопского элемента среди изображений этого уникального хранилища памятников первобытного искусства и идеологии (рис. 28, 11).

Итак, из анализа приведенных выше данных можно сделать вывод, что обособление понятий **ехать** от **идти** и **везти** от **вести** должно было возникнуть на территории Юго-Восточной Европы не позднее середины IV тысячелетия до н. э., что равнозначно признанию факта распространения из эпицентра Восточной Европы по всей расширяющейся индоевропейской ойкумене терминов, связанных с колесным транспортом.

Придя к такому выводу, мы не станем полемизировать с утверждением А. Мейе об отсутствии в общем индоевропейском лексиконе единого термина для телеги — повозки⁴⁶, так как подобный недочет в лексическом источнике вполне компенси-

руется общей распространенностью такого термина, как **ось** (ср.: рус. *ось*; лш. *ass*; лит. *aszis*; дрпр. *assis*; лат. *axis*; нем. *ahse*; греч. ἄξων — ось; греч. ἀμαξία — колесница) и колесо (см.: сл. *коло*; рус. *колесо*; дрпр. *kelan*; греч. κήλος — колесо; греч. πῶλος — ось; скр. *čarati* — движение; скр. *čakra* (< čar); ав. *čakra* — колесо, которые логично связывать с восточной половиной ойкумены; лш. *rats*; лат. *rota* — колесо, круглый; нем. *rad* и др., имеющие больше связей в западной половине индоевропейской ойкумены.

Приведенные выше факты разрешают прийти к выводу, что после середины IV тысячелетия до н. э. во всем индоевропейском мире был известен колесный экипаж типа арбы, который мог впоследствии превратиться в колесницу боевого типа. На это указывает не только неразрывная связь **оси** и **колеса с повозкой — колесницей**, но и некоторые чисто лексические реалии.

В этой связи особое значение приобретают затерявшиеся на крайнем востоке индоевропейского ареала названия для колесницы (тох. А *kukäl*) тох. — *kokole*, которые по структуре мало чем отличаются от греч. κήλος — колесо и в общей сложности созвучны с именем знаменитого миттанийского наставника по конному делу середины II тысячелетия до н. э. *Kikkulis' a*, которое скорее определяет профессию этого деятеля (колесничий), чем передает его собственное имя.

Нельзя не обратить внимание и на такие созвучия, как нем. *ahse* — ось; нем. *ohs* — бык; лат. *axis* — ось; и тох. В *oksaine* — бык, позволяющие считать, что в древнейшую повозку Европы впрягали **быка**, а не **коня**. Последний терминологически был первоначально связан с темой **игу — узда**, но отнюдь не с темой **повозка**.

Что же касается темы **конь — колесо**, то ее явление следует отнести к более позднему времени, чем **ось — бык**, и связывать возникновение именно с теми районами Юго-Восточной Европы, где происходило приручение коня. Стремясь ответить на вопрос о времени возникновения темы **конь — колесо — повозка**, естественнее всего думать о рубеже III и II тысячелетий до н. э., после которого уже следовало время колесницы, время *Kikkulis' a*.

На основании приведенных выше данных, касающихся металлургии и транспортных средств, можно сделать несколько общих выводов о последнем периоде относительно сосредоточенного обитания индоевропейцев.

Во-первых, на основании археологических данных этот период необходимо датировать временем с середины IV тысячелетия по рубеж III—II тысячелетий до н. э.

Во-вторых, для начального этапа периода следует предполагать наличие двух основных историко-диалектных зон: западной (охватывавшей

Карпаты, вероятно, Восточные Балканы и Эгеиду), где возникло наименование **меди**, поздним дериватом которого является лат. *cuprum* (*curpum*), и восточноприкавказской, где возникли наименования **меди**, восходящие к древневосточному, возможно шумерскому, *urudu*.

В-третьих, термин *mienn*, *mǝdǝ*, *mis* скорее всего возникает для обозначения **бронзы**. Не исключено, что он появляется в Прикавказье (наличие очага сурмяно-мышьяковистых бронз на Кавказе⁴⁷, и существование этого термина в иранском) и уже отсюда, не без помощи обмена, распространяется в различные районы индоевропейской ойкумены.

В-четвертых, в разных диалектных районах индоевропейского ареала название **меди** созвучно с терминами **рудник**, которые в свою очередь восходят к словам-понятиям **рыть** — **копать**.

В-пятых, не позднее середины IV тысячелетия до н. э. в обеих зонах индоевропейской ойкумены начинает применяться тягловая сила животных, в то время как в западном карпато-днестро-бугском районе ойкумены она в основном была связана с ранней формой пашенного земледелия, а в восточном — с пастушеством. В первом доминировали ассоциации, связанные с использованием **быка**, для возделывания почв и перевозки тяжестей, во втором доминировали ассоциации, связанные с пастушеством — коневодством. Если земледельческий вариант использования тягловой силы животных, очевидно, древнее, то пастушеско-коневодческий более значителен по своим историческим последствиям и в смысле динамики расселения самых индоевропейцев, и в распространении по всей ойкумене терминов, связанных с пастушеством и коневодством (например, хет. *akivaya* — на коне; хет. иер. *ašša*; лат. *equus*; греч. *σλος* — конь и пр.).

В-шестых, около середины IV тысячелетия до н. э. появляется колесный транспорт, который отмечен распространением двух типов наименования — **Rot* на западе, и **kol* — на востоке. Существует возможность установить генетическую связь терминов **колесо** с **санями**, а возможно, и с **плугом** (см. греч. *πολος* — ось; рус. *полоз* — деталь саней, *полоса* — длинный след; укр. *плазувати*; рус. *ползать*, сл. — *плугъ*; нем. *pflüge* и мн. др.).

В-седьмых, рубеж III и II тысячелетий до н. э. мы вправе считать временем интенсивного и окончательного распада обеих зон индоевропейской ойкумены и вместе с тем временем расселения индоевропейцев на запад Европы, Ближний Восток, в Малую и Среднюю Азию и, наконец, в нынешнюю Индию, вплоть до пограничья ее с современным Китаем (тохары).

Скотоводство. В истории скотоводства Юго-Восточной Европы можно различить несколько историко-экономических пластов — от древнейшего пласта **собаки**, восходящего к эпохе неолита, до пласта **коня**, генетически связанного только с энеолитической древностью.

Поскольку мы пытаемся проследить явления в их ретроспективной последовательности, отметим, что тема **коня** нами уже рассматривалась в связи с темой **транспортных средств**. Дальнейшее изучение вопроса следует продолжить анализом лексических данных, связанных с **овцой**, начало разведения которой в условиях Юго-Восточной Европы относится к довольно позднему времени. Наиболее древними свидетельствами появления этого животного на территории Юго-Восточной Европы являются кости овцы, найденные в нижнем слое ранне-трипольского поселения Сабатиновка II⁴⁸, что указывает на балкано-дунайские генетические связи овцеводства, возникшего в Восточной Европе в первой половине IV тысячелетия до н. э.

Название овцы в индоевропейских языках проявляется в ряде форм (ср.: рус. *овца*; лш. *awes*, *aita*; лит. *avis*; дрн. *ouwi*; лат. *ovis*, греч. *ὄϊς*; скр. *avih* — *avis* — *avika*; неп. *avik* — овечий; хет. *hauaš* — овца и пр.; но тут же тж. *meš* — овца; неп. *māš* — баран, *mās* — козел; неп. *sheri* — овца). Основной здесь несомненно является форма **овца** — *ovis*. Термин **баран** подобен термину овца (ср.: дрп. *овьнъ*; лш. *auns*; лит. *avin*; скр. др. *up. avins*; скр. *avinas*; рус. баран; неп. *bhero*; тж. *barro* — ягненок, вероятно, являющееся древним заимствованием из шумерского⁴⁹; ареальные: лш. *tekis*; тж. *taka* — козел, несомненно, тяготеющие к восточному ареалу; лат. *aries*; нем. *widder*; тж. *gusfand*; неп. *māš* и др.).

В определенном роде **овца** была восприимчивой **kozy**. Кости домашней козы в Юго-Восточной Европе обнаружены вместе с керамикой восточно-каспийско-азовского облика, что позволяет думать о восточном происхождении одомашненной козы, так же как и о восточном происхождении древнейших ее названий.

Наименования **kozy** в индоевропейском ареале отличаются заметным разнообразием (ср.: рус. *коза*; лш. *kaza*; алб. *kots*, нередко считающиеся заимствованием от тюркоязычных племен; лит. *oška*, несомненно, ареальное, аналогичное лат. *capra* — козел, а вместе они, вероятно, созвучны с карпато-эгейским *cuprum/curpum*; лит. *oška*; скр. *adža*; греч. *αῖς*; арм. *aus* и др. отражают, надо думать, основной тип; наконец, тж. *bus*, представляющее собой интерес в виду его созвучия с шум. *abzu* — козел, олицетворение мировой реки — океана⁵⁰).

Наименование **козла** в индоевропейской лексике, как правило, является дериватом наименования козы (ср. лш. *asis*; лит. *ažis*; скр. *adžah* и иное по происхождению лат. *caper*, о котором речь шла выше).

Необходимо подчеркнуть продуктивность и ориентировку связей тж. *bus* — коза, козел и отвечающее ему неп. *bākhro* — козел, *bakhri* — коза, нем. *Vock*, дрнем. *Vok*, ав. *Buza* ирл. *Voss* — козел, арм. *Vuk* — ягненок. О возможных генетических связях

этой формы с шум. *abzu* — козел, олицетворяющий океан, уже указывалось. Следует подчеркнуть функциональную связь козы — козла с овцой — бараном (ср.: арм. *buk* — ягненок; укр. *баран-буц* — детское обозначение удара рогами; нем. *zigebock* — козел).

Об особой увязке этого термина с и/е **бык**, **боз** — **бык**, я даже с и/е **peku* — скот речь пойдет особо. Сейчас необходимо выяснить, в каком виде выступил термин, выработанный специально для обозначения **козы** — **козла**.

Несомненно, преобладающим наименованием **козы** — **козла** являются дериваты формы *ažis* — *adžak* — *aiξ* — *aus*, которая скорее всего послужила основанием для выработки наименования овцы (ср. лат. *ovis*, рус. овца).

Наиболее вероятно, что корень *ag >až > as* возник еще в каспийско-азовском ареале и применялся для обозначения мелкого рогатого скота вообще, отсюда в VI—V тысячелетии до н. э. распространился к западу, включая балкано-дунайский ареал, но уже в начале IV тысячелетия до н. э. вернулся на восток в значении *овцы*, представлявшей именно в это время одну из важнейших отраслей пастушеского хозяйства.

Древность **свиньи**, как домашнего животного, не меньшая чем **козы**. Существует обоснованное мнение, что в предгорной зоне приручение этого животного восходит к донеолитическому⁵¹ и, что не исключено, к доиндоевропейскому времени.

Свинья символизирует полуседелое отгонное скотоводство, не признающее долгих перекочевков, доступных только мелкому рогатому скоту и лошадям.

Если не считать некоторых ареальных наименований **свиньи** (ср.: рус. *свинья*; нем. *schwein*), то можно сказать, что в целом у индоевропейцев оно является всеобщим (ср.: лш. *sika*; лат. *sus*; ав. *huk*; скр. *sūkarah*; неп. *sūkar*). Это может служить указанием на многовековую продолжительность расселения индоевропейцев, в частности индоарийцев, и на то, что этот процесс происходил в умеренной зоне предгорий.

Наименование **боров** — **кабан** дает более подробную картину (ср.: рус. *кабан*, *боров*; нем. *bork*; лш. *vepris*; лат. *mayalis*), до некоторой степени указывающей на то, что в терминологическом отношении самцы и самки этого животного не всегда различались.

Кости domesticированного крупного рогатого скота, происходящие из слоев докерамического неолита поселения у Каменной могилы, являются самым древним свидетельством начала его массового разведения. Эти слои можно датировать X—VIII тысячелетиями до н. э.⁵², но найденный материал не доказывает domesticацию крупного рогатого скота именно в приазовской части Европы. Такому выводу, в частности, противоречит принадлежность костей с названного поселения вполне одомаш-

ненному виду, но отнюдь не курообразному **быку**⁵³.

О том, что знакомство с одомашненным крупным скотом пришло не с запада, а с задонского Востока, говорит отсутствие костей домашнего быка в раннеолитических слоях буго-днестровской культуры и, кроме того, появление с Востока не имеющих местных корней наборов кремневых изделий, а с началом керамического неолита — глиняной посуды⁵⁴.

Лексико-этимологические связи индоевропейцев в сфере, касающейся крупного скота, также свидетельствуют об их восточной ориентации.

В составе индоевропейской лексики отражены две основные диалектные группы, относящиеся к теме крупного рогатого скота. Первую из них с полным правом представляет др. *говядо* (ср.: рус. *говядина* — коровье мясо; лш. *gous* — бык, корова; арм. *kov* — корова; ав. *gauš*; перс. *gāv* — бык; тж. *gov* — бык, корова; ср. *mada* — *gov* — мать «корова», *nar* — *gov* — муж. — «корова», скр. *gaūs* — бык, корова, *gō* — бык, корова и др.). Интересно, что для приведенной формы названия — коровы-быка Б. Грозный в качестве прототипа называет шум. (n) *gu* (d), сопоставляя с тибето-бирманскими формами *ngû*, *gû*, *gô*, сохраняющими то же значение⁵⁵.

Вторую, имеющую отношение к теме группы представляет рус. **бык**, укр. *бугай* (ср.: лат. *bos*, *bovis*, греч. *βους* и др.).

Традиционное сравнительное языковедение считает скр. *gauh*, греч. *βους*, за которыми стоят все другие модификации этих форм, равноправными в фонетическом отношении и восходящими к индоевропейскому **gūōi* — **бык**. Учитывая возможность различных степеней приближения к решению данного вопроса, мы не станем отрицать закономерность подобного вывода, если, например, стоять на позиции этноглотогонической замкнутости индоевропейцев. Если же стоять на позиции существования очень древних межсемейных языковых связей, свидетельствующих о существовании в глубокой древности особого так называемого ностратического этноязыкового единства, традиционное истолкование терминов *gauh* — *βους* может не удовлетворить.

Как нам представляется, для того, чтобы проникнуть в глубь происходивших этноглотогонических процессов, необходимо обратиться к данным алтайско-тюрской семьи языков⁵⁶.

В составе лексики последней для понятий **корова** — **бык** прослеживается лабилизированная форма с корнеобразующим спирантом (см.: алт. **P'ō-kār* — бык, корова > эвен. *hukur* — корова; монг. *hūker* — бык; туркм. (h) *ōkiz*; ср.: тур. *Öküs*, тур. *Bodža* — бык, вероятно, восходящие к алт. **P'ōkar* > *P'ōküz* > *Öküz*⁵⁷, родственные к нем. *ohs* < *Bohs*, тох. *aksaine*, вероятно, (B) *oksaine* и др.).

В рассматриваемой связи нельзя не заметить сходства, представляющего эту группу греч. βοῦς — бык и перекликающихся с ним греческих же слов βοῦς — пища, корм, βοῦσθω — пасти, βοῦχος — пастих; с иранским (тж.) *bus* — козел; неп. *Bakhei/Bakhra*; нем. *Bock* — козел — коза и пр.; а также с неп. *māk* — козел, *mās* баран; тж. *meš* — овца и с лат. *vacca* — корова (ср.: лат. *bos* — бык).

Все приведенные сопоставления, на наш взгляд, прежде всего указывают на глубочайшую архаико-неолитическую древность разведения крупного рогатого скота и говорят о совместных в этом отношении усилиях формирующихся индоевропейцев и тюрко-алтайцев; о глубоких связях этого процесса с формирующимся шумерским ареалом и, наконец, о том, что на определенном этапе экономического развития, также в неолитическое время, термин *корова* — *бык* был перенесен на *козу* — *козла* и даже на *овцу*. Как это будет видно из дальнейшего изложения, в процессе словотворчества, связанного с развитием скотоводства, терминологический уровень *быка* — *коровы* является не древнейшим. Ему предшествует стадийно-терминологический уровень *собаки*.

Достигнув животноводческого уровня *собаки*, мы получаем возможность рассмотреть этноглотогонические процессы, происходившие на стыке двух эпох палеолита и неолита, то есть в XII—X тысячелетиях до н. э.

Как известно, на территории Юго-Восточной Европы кости собаки найдены в составе остеологического материала местных мезолитических поселений, существовавших в тарденуазе⁵⁸. Их еще много в слоях докерамического неолита⁵⁹, а затем их количество быстро уменьшалось, вероятно, вследствие развития скотоводства и появления соответствующих табу.

Название *собаки* — *суки* — *кобеля* в характерном фонетическом оформлении охватывает всю индоевропейскую ойкумену (ср.: рус. *собака*; лш. *suns*; нем. *hund*; лат. *cānis*; тж. *kičik*; ав. *sra*; неп. *sua*; хат. иер. *šwānā*; хет. кл. *kiwanai*; греч. *κῶν*; тох. *kat* (ков. падеж) — *собака*; рус. *сука*; нем. *hundin*; неп. *kukur* — *сука*; нем. *hund*; лш. *suns-tevins*; неп. *kukurui*, отвечающие рус. *кобель*. Хеттские формы *kiwanai* и *šwānā* по документации в памятниках письменности и по фонетическому выражению являются исключительно древними; с ними в этом отношении перекликаются скр. *šivan* и греч. *κῶν*. Обращает на себя внимание созвучие этих форм с рус. *свинья*, нем. *schwein* — *свинья*, неп. *ghonī* — *свинья* и рус. *коть*, что, вероятно, указывает на какую-то преемственно-функциональную связь названий этих животных с названием *собаки*.

Нельзя не заметить, что определенная доля созвучия у некоторых из приведенных названий *собаки* имеется с отдельными терминами охоты

(ср.: рус. *гнать*; дрп. *ΓῆΝᾶΤΗ*; лит. *genu*; лш. *dzenat* — *гнать*; греч. *φοῦος* — *дубинка*; рус. *гончий*, восходящие к и/е **gunh*; лш. *kauja* — *битва*; лит. *kauti* — *убивать, бить*; лит. *kautis* — *биться, сражаться*; лш. *kaūt, kaūnu, kasu* — *бить, рубить*; хет. *kuen* — *бить, убивать, восходящие к и/е **g^when* — поражать*).

Интересно подчеркнуть, что для наименования *собаки*, подобно тому как это было отмечено и для наименований *коровы* — *быка*, имеются довольно близкие ностратические соответствия (ср.: ностр. **kujna* — *волк*; *ур. *kūynā* — *волк*; с/х **k^(u)n* — *собака*), сопоставленные В. М. Илличем-Свитычем с и/е **kuōn/kuon* — *собака*⁶⁰.

Приведенные языковые данные вполне согласуются с биологическими и археологическими данными относительно генетических связей собаки с волком⁶¹, а также с археологическими свидетельствами того, что в процессе формирования неолита Юго-Восточной Европы должен был принимать участие и уральский компонент⁶².

После биологического обособления *собак* от *волка* развитие материнской формы волка шло прежним путем с сохранением замедленного темпа, а развитие дочерней формы — *собаки* пошло все убыстряющимся темпом. Так возникло дуалистическое противопоставление *волка собаке*. Можно не сомневаться, что помимо чисто экономического эффекта превращения волка в собаку процесс возникновения последней имел также и сакральное осмысление. Волк постепенно становился олицетворением могучей, но враждебной силы природы. Достаточно вспомнить об индоевропейском мифе о волке-оборотне (рус. *вурдалак*; укр. *вовкулака*; срб. *vučódlaka*; лш. *vilkata, vilkacis*; рум. *vârcolác*; нем. *werwolf* и др.), чтобы понять его особое положение в системе воззрений индоевропейцев на заре их истории. Естественна и система запретов, затронувшая волка и собаку. Табу прежде всего подверглось имя самого волка, который в индоевропейских языках получает наименование особого зверного Агасфера, содержанию которого могло бы соответствовать укр. *волоцюга* (ср.: рус. *волк*; лш. *vilks*; лит. *vilkas*; дрп. *wilkis*; гот. *wolfs*; лат. *lupus*; греч. *λυκος*; ав. *varkho*; скр. *vrki*; неп. *vrika* и др.).

Древнее ностратическое название волка **kuyna- и/е **kuon**⁶³ переходит на собаку как на особый, дружественный дериват и антипод волка, оставшийся при человеческом коллективе и начавший ему служить. Собака стала своеобразным членом коллектива, помощником охотника.

Отношение к собаке во времена формирования скотоводства было двойственным.

Возникла необходимость в новом названии *собаки*. И такое название возникло и сохранилось в реликтовом виде в форме дрп. *пысь* и рус. *пес*.

В науке уже было высказано предположение, что дрп. *пысь* объективно соответствует скр. *pācis* —

домашний скот, *râcû* — скот. Решение вопроса тормозилось тематическим расхождением терминов, а также трудностями фонетического порядка⁶⁴. Главным, разумеется, было расхождение в теме, так как критерии темы в этимологических заключениях обычно имеют решающую силу. Сейчас, вследствие получения новой информации, подтвердившей, что на протяжении нескольких тысячелетий собака была единственным видом домашнего животного, присутствие в индоевропейском словаре термина *пес* со значением домашний скот можно считать вполне оправданным (ср.: рус. *пес*; др. *пъсъ*; гот. *faihu* — скот; рум. *pisică* — кошка; осет. *fus/fys* — овца; лат. *pecu* — скот; греч. *βοσκω* — пасты и пр.).

В неразрывной связи с лексикой скотоводства находится лексика даваемого им сырья. Многие из названий этого порядка, вероятно в силу их относительно позднего энеолитического возраста, имеют ареальный характер (рус. *шерсть*, лш. *spatwa*, нем. *fell*, рус. *волна*, лш. *wilna*, нем. *wolle*, *Fell*; неп. *urn'* — шерсть, рус. *мех*, лш. *kašo-ada*, нем. *Pelz*, *Fell* — мех, неп. *massar* — мех для воды, интересное своим созвучием с тж. *meš*, неп. *māš* — овца, неп. *māk* — козел; рус. *жила* — сухожилие, лш. *dzisla*, нем. *sene*, тох. *snore* — сухожилие, любопытное почти полным совпадением с нем. *Šnur* — шнур и др.).

Еще очевиднее энеолитический возраст молочных продуктов, косвенные археологические следы которых появляются на территории Юго-Восточной Европы одновременно с признаками коневодства и ранними фазами развития древнеямной этнокультурной области, то есть около середины IV тысячелетия до н. э.

Сказанное в первую очередь относится к **молоку** (ср.: рус. *молоко*; лш. *pens*; нем. *milch*; лат. *lac*; *laktis*; тж. *sir*; неп. *kšir*), **сыру** (рус. *сыр*, лш. *sêrs*, нем. *keise*, лат. *caseus*), **сыворотке** (рус. *сыворотка*, лш. *sulinas*, нем. *molke* (ср.: *milch* — молоко), лат. *serum*; тж. *šira* — сок, неп. *pakhalā* — сыворотка (ср.: рус. *пахта*) и в меньшей степени **маслу**, которое как позднейший продукт молочного хозяйства могло возникнуть в Юго-Восточной Европе только в начале бронзового века, то есть на рубеже III и II тысячелетий до н. э. (ср.: рус. *масло*, лш. *swests*; нем. *butter*; скр. *sarpih*; алб. *galbe*; др. англ. *sealf*, др. нем. *salba*, греч. *ἐλαρός*).

Среди других обозначений корень *sir/sar*, применяемый для обозначения **сока** (ср.: рус. *сырой*), **молока**, **сыворотки** и даже **масла**, несомненно, является древнейшим и общераспространенным. В до-молочный период скотоводства он обозначал **сок** — **жидкость**, а уже около середины IV тысячелетия до н. э. (с началом молочного хозяйства) был перенесен на **молоко** и в этом виде, вероятно из Юго-Восточной Европы, распространился по всей индоевропейской ойкумене. Термин **масло**, разившийся из него, но гораздо позднее, проделал тот же путь на рубеже III—II тысячелетий до н. э.

Подведем итоги сказанному в свете сопоставления лексико-этимологических и археологических данных.

Первый период в развитии этой важнейшей в условиях Юго-Восточной Европы отрасли хозяйства следует связать с domestikацией волка и с превращением его в собаку, а затем с domestikацией крупного рогатого скота, что в целом совпало с процессом формирования неолита как эпохи (X—VIII тысячелетия до н. э.). В археологическом и в лексико-этимологическом аспектах этот период рассматривается как время формирования индоевропейцев, обнаруживающих еще черты родственности с алтайскими и уральскими народностями.

Второй период, связанный с domestikацией **свиньи** и **козы**, был продолжением предшествующего, когда новые животные, ввиду выполнения ими прежних функций, назывались, исходя из лексико-этимологических норм, **коровами** — **быками** и **собаками**. В историко-культурном плане этот период совпал с временем керамического неолита (VII—V тысячелетия до н. э.). Для него характерны преимущественно имманентные процессы, которые, однако, сопровождалось сохранением восточного импульса и расселением индоевропейцев по Южной и Средней Европе.

Третий период у земледельцев был связан с использованием в качестве тягловой силы крупного рогатого скота, применявшегося в пашенном земледелии. У скотоводства, с приручением и разнообразным использованием коня, ускорился переход к пастушеству. В целом третий период был временем, стимулированным восточносредиземноморским развитием, освоения всех основных металлов, за исключением бронзы и железа, то есть времени энеолита (IV — первая половина III тысячелетия до н. э.). Для относительного единства индоевропейцев это было время этноисторической поляризации. С одной стороны, земледельческих, а с другой — пастушеских племен, что не могло не привести к значительному расширению индоевропейской ойкумены за счет неиндоевропейских территорий. Кроме того, это было время частичной деформации земледельческого ареала за счет инфильтрации древнеямных племен в среду трипольцев.

Четвертый период характеризовался количественным ростом всех тех достижений, которые в данной отрасли хозяйства наметились еще в предшествующем периоде. В плане развития металлургического производства его с полным основанием можно назвать ранним бронзовым веком (конец III — начало II тысячелетия до н. э.). В этот период неуклонно прогрессирует распад прежде единого диалектного эпицентра индоевропейцев, обусловленного прежде всего большой миграционной активностью пастушеских племен Юго-Восточной Европы. В конечном счете это привело к индоевропейзации многих, прежде неиндоевропейских обла-

стей Средней, Северной, Северо-Восточной и Юго-Западной Европы, Средней Азии, Древнего Востока и, наконец, нынешних Синцзяна и Индии, где возникли совершенно новые индоевропейские этноисторические образования, среди которых были хетто-лувийское, гиксосское, митаннийское, иранское, индоарийское, протогреческие и др.

Земледелие. В Юго-Восточной Европе земледелие появилось на два-три тысячелетия позже скотоводства, бывшего здесь подлинной основой формирования неолита, как особой эпохи развития культуры. Земледелие, как самостоятельная отрасль хозяйства, формировалась здесь приблизительно в VII тысячелетии до н. э. В VII—V тысячелетиях до н. э. оно переживало мотыжный этап развития и на территориях, лежащих к западу от Днестра, играло роль, если и не слишком продуктивной, то, тем не менее, самой прогрессивной отрасли хозяйства. Возникший на рубеже V и IV тысячелетий до н. э. энеолит стал ранним этапом пашенного земледелия, обусловившего высокий социально-экономический потенциал земледельческих племен и их историко-культурное доминирование на протяжении многих столетий. Примерно со середины IV тысячелетия до н. э. началась инфильтрация, а затем миграция степных скотоводов в среду земледельческого населения, что привело к всеобщей интенсификации развития, а на рубеже III—II тысячелетий до н. э. — к распаду диалектного единства индоевропейцев.

Четкие различия, существующие между мотыжно-земледельческой буго-днестровской культурой и трипольской, с ее аналогами, разрешают проследить естественный ход развития процесса, начиная с древнейших этапов.

Понятие **земли**, как нижней тверди, имело черты относительного лексического единообразия во всей индоевропейской ойкумене (ср.: относительно позднее *земля*; лш. *seme*; дрпр. *semme*; лит. *žeme*; ав. *zā/zamō*; перс. *zami*; лат. *humus* — земля; почва; греч. *χαιμα*; скр. *kṣāmi*, *džmas*, *kṣmas*; неп. *kṣma*; тох. В *ket*; фриг. *Σεμέλη* — земля; а также более древние хет. *tekam*; хет/иер. *dakam*; тох. А. *tkam*, греч. *Χθον/Θχον*), позволивших специалистам прийти к выводу, что общеиндоевропейской формой названия земли было **dheǵhom/ǵhdhōm—dhǵhom*⁶⁵. О глубокой древности этого названия и о его восточно-средиземноморском происхождении говорит *c/x t'(t) h* и картв. *digaltiga* — почва, глина⁶⁶.

Этот древнейший термин для обозначения **земли** не лишен оттенка космологического обобщения (ср.: рус. *земь* в значении *низ*; лш. *zet* — под (ср.: чешск. *rouda* — земля); греч. *Χαμηλα* — низкий; лат. *humilis* — низкий и др.).

Как на западе, так и на востоке ойкумены существует и другая форма термина — **земля** (ср.: лат. *terra*, *tellus*; тж. *diër*; неп. *tar* — поле; нем. *erde*;

гот. *airda* (метатеза), который также имеет соответствия не только внутри индоевропейского языкового единства, но и за его пределами (ностр. **tara* — тереть, *i/e* ter* — тереть; алт. **t'ar* — скрести, чесать; драв. *tar* — обтирать; *c/xtr (r)* — точить⁶⁷), что указывает на восточные и южные связи индоевропейцев эпохи становления мотыжного земледелия.

Мотыжное земледелие на два — два с половиной тысячелетия древнее пашенного. В словарном фонде многих индоевропейских народов встречаются названия **мотыги** и функционально сходные с нею орудия глубокого архаизма (напр. рус. *копаты*; укр. *сапа*; лш. *kaplis*; рум. *săpa* — копать; *săpă* — лопата, мотыга; *săpăliga* — мотыга; неп. *sap* — сев; укр. *ганка* (вид петли), *ганлик* (вид крючка), *гак* (крюк); нем. *hacke* — мотыга, соха; тж. *šoh* — ветвь; неп. *šokha* — ветвь; укр. *соха* (столб с развилкой); чеш. *soha* — статуя; рус. *сохатый* — лось и др.), что в целом разрешает понимать под древнейшей мотыгой суковатую **ветвь** — орудие не только примитивнее трипольской роговой мотыги⁶⁸, но и кирки-мотыги буго-днестровской культуры⁶⁹. Только топоры типа Лингби, имеющие корни в позднем палеолите Юго-Восточной Европы⁷⁰, и, особенно, их деревянные аналоги могут быть прототипами древнейшей кирки-мотыги, появившихся здесь задолго до начала земледелия.

Таким образом, мы приходим к выводу, что термины типа *сапа* — *kaplis* — *соха* первоначально обозначали мотыгу, а отнюдь не примитивное орудие пахоты с использованием тягловой силы быка. Говоря иначе, соха превращается в прототип плуга не ранее рубежа V и IV тысячелетий до н. э., когда происходило формирование Триполья и его южно-европейских аналогов.

Следует отметить, что в лексике романских народов и у греков, как это было доказано еще Б. Грозным, для наименования мотыги существовал особый термин, позаимствованный на Древнем Востоке у семитских народов (греч. *μαροον*; лат. *marra*; ит. *marra*; франц. *marre/mare*)⁷¹, применявшихся, надо думать, и для названия древнейшего плуга (рало), появившегося в начале энеолита в обширном ареале южно-европейских культур расписной керамики.

На восточно-европейской территории вариации формы *гак* — *hacke* — *soh* — *сук* — *соха*, несомненно, являются основными, что подтверждается наличием русской этнографической **суковатки**, интересной и в техническом и в терминологическом отношениях⁷².

Суковатка нередко считается прямым прототипом бороны с металлическими зубьями. Однако такого мнения не придерживаются те исследователи, которые относят время ее возникновения к ранней стадии развития земледелия, когда орудия для вспахивания земли и закапывания зерен в пахоту еще не разделились.

Именно о временах протобороны, протосохи — суковатки и говорит приводимый ниже родственный с термином суковатка лексический материал (ср.: лш. *ecešas*; дрпр. *aketes* — борона; лш. *akēt* — прицеплять; *akis* — крюк; нем. *egge* — борона; *hacke* — мотыга, *haken* — крюк; дрн. *egida*; брет. *oged*; осет. *adaeg* — борона по В. И. Абаеву **agad*⁷³ и пр.; лат. *agēr*; нем. *acker* — поле, что в целом, разрешает считать среди старых вариаций термина *oketa — борона также **aketa*⁷⁴ и *haketa*, которые и в формальном, и в этимологическом отношениях вполне могут быть сопоставлены с рус. **сук, суковатка, соха**).

Не исключено, что разнообразие приведенных выше терминов, использовавшихся для обозначения древних орудий возделывания почвы, отражает не только различные этапы в развитии первобытной техники пахоты, но в какой-то мере также и диалектные различия, существовавшие в среде индоевропейских языков еще в неолитическую эпоху.

Наряду с терминами, связанными с самыми примитивными приемами рыхления земли, мало чем отличавшимися от сходных приемов собирательства, существуют и архаичные термины, приоткрывающие сущность процесса перехода от растительного собирательства к зерновому хозяйству.

В первую очередь это относится к названию **желудя**, которое в ряде случаев является той основой, на которой происходило формирование понятия **зерно** (ср.: с одной стороны — дрр. *желъдъ želond'*, рус. *желудь*; лит. *gile*; лш. *dzile*, о — *zols* — дуб; лат. *glans/glandis*; греч. *βαλανος*; арм. *kalin* — желудь; с другой — лит. *zirniš*; лш. *sirnis* — горох; дрр. *gпахъ*; рус. *горох*; с третьей — р. *зерно*; лш. *grauds* — зерно, *kols* — ядро, зерно; дрпр. *zyrne*; нем. *korn*; гот. *kaurn*; лат. *granum* — зерно; неп. *geri*; хет. *halkiš* — зерно, урожай и мн. др.).

Не осталось в стороне от осмысления в плане связи с **зерном** и само наименование **дуба** (ср.: лат. *quercus* — дуб; *quernus/querneus* — дубовый; гот. *kaurn*; лат. *granum*; дрпр. *zyrne* — зерно; лит. *zirniš*; лш. *sirnis* — горох и др.).

О том, что в основе перечисленных выше терминов лежит понятие **округлый камешек, желвак** говорит ряд языковых фактов (ср.: рус. *желвак* — округлый камень; сл. *желва* — черепаха; греч. *ζέλυς* — черепаха; лш. *kols* — ядро, зерно и др.). Недавно с кругом этих понятий О. П. Трубачеву удалось соединить и слав. **железо**⁷⁵, название которого переключается с термином желвак, вероятно из-за особого желвакообразного характера отделившихся железной болотной руды.

О формировании земледелия на основе растительного собирательства говорят и некоторые понятия, сосредотачивающиеся вокруг гнезда — **орех** (ср.: нем. *nuss*; лат. *nux*; *nucis* — орех; лат. *nucleus* — ядро, зерно). О том, что и в этих терминах скрыто понятие **округлый камешек, желвак** свиде-

тельствует ряд языковых примеров, собранных О. П. Трубачевым в процессе раскрытия этимологии рус. **железо** (ср.: и/е *nogh — вид камня; дрпр. *nagis* — кремень; лит. *titnags* — кремень; рус. *ноготь* и др.)⁷⁶.

В плане раскрытия процесса перехода от связанного с рытьем земли растительного собирательства к огородничеству, значительный интерес представляют названия тех растений, которые связаны с глаголом **рыть, копать** (ср.: рус. *рыть*; лш. *rakiti* — рыть; лит. *rauti* — вырывать; лат. *rado* — скоблить; лат. *raster* — мотыга; *radix* — корень дрн. *reiti* — редька; рус. *редька*; лш. *rutks*; лит. *racenis* — редька; лат. *rapum* — репа; рус. *pena* и др.).

Следует отметить формальную близость к корню балтославянского понятия **орех** (ср. дрр. орѣхъ; дрпр. *bacc-areisis* — желудь бука; лш. *rieksis*, лит. *riezutis* — орех), что следует объяснить этимологической близостью всех терминов — **желудь, зерно, орех**, включая **корень — корнеплод**, с понятием **округлый желвак**.

Благодаря взаимосвязи процессов, протекающих в природе, ряд индоевропейских терминов, связанных с посевом и выращиванием растений, обнаруживают черты прочной взаимозависимости. Таковы рус. *сеять*; лш. *set*; нем. *säen* — сеять; лат. *sero (sevi etc.)* — сеять; рус. *семя*; нем. *samen*; лш. *sekla*; лат. *semen* — семя, вероятно, лат. *germen/gramen* — росток, в определенном смысле переключаются с лат. *sero* — сеять; тох. *sarm* — растение; неп. *charm* — сеять; греч. *σπέρμα* — семя растительное и животное; *σπора* — семя, рус. *сено*; лш. *siens*; лит. *šienas*; лат. *fenum*; греч. *κοίνα* и вне индоевропейского единства фин. *heina* — сено.

Интересна связь лат. *sero* — сеять с одноязычным *serum* — сок, а также рус. *сырой*, получающие смысловую контаминтацию в неп. *vīa* — семя (ср.: лат. *vivus* — живой; сл. *живѣъ*; укр. *живиця* — сок дерева и источник⁷⁷; лш. *dzius* — живой; *dziets* — росток; *sivs* — рыба; хет. *huišuant* — живой; неп. *dzav* — ячмень; лат. *avena*; нем. *hafer* — овес; укр. диал. *говес* — овес; нем. неп. гот. *havi* — сено и др. восходит к понятию **живой — растущий**, в конечном счете — **сырой**).

Система воззрений на **созревание** растений как процесс возникновения **зерна**, в формальном и в смысловом отношениях у древних индоевропейцев ассоциируется с излучением — **зрением** солнца или луны. Особенно ясно это прослеживается в славянских языках, где понятия **зерно и глаз — зрение** и в настоящее время имеют близкое выражение (ср.: дрр. *зръѣти* — видеть, созреть; лит. *žerėti* — сиять; болг. *зърна* — взглянуть, зърно — зерно; польск. *żrenica* — зеница; рус. *зеница* (ср.: нем. *sehen* — смотреть); срб. *зрак* — луч, зрака — солнечный луч; рус. *заря*, гора, горячий, жар и мн. др.).

Уже отмечалось, что система взглядов, раскрывающаяся при помощи археологической и этногра-

фической символики, имеет глубочайшие корни, но нередко существует и в современной этнографии ⁷⁸.

Выяснено, что к процессу роста в восприятии древних относятся и животные, имеющие рога (ср.: гот. *haur̃n* — рог; *kaurno* — зерно; лат. *carni* — рог; *granum* — зерно; дрп. *сръна* — серна, рус. *зерно*; чеш. *roh* — рог, а также ветвь, сук; рус. *расти, пост*; неп. *ruh* — расти, (*ra*) *roh* — растение; кроме того: дрп. **ЛОУУА** — луч; нем. *licht*; лат. *lux* — свет; *lumen, lucus, luna* — светить; греч. *λευκος* — светлый *λεωσω* — вижу; арм. *lois* — свет, *lusin* — месяц; скр. *rokate* — сияет, светит, *rokas* — светлый; *arka* — солнце; тох. *A. arkoši* — вселенная; рус. *рог*; лит. *ragas*; лш. *rags* — рог; тох. *A. ark*; тох. *harkwi*; хет. *harkis*; дринд. *ardžuna*; греч. *αρυς* — белый, блестящий в конечном итоге раскрывает мнимую причастность якобы влиявшего на рост растений рогатого животного к области лунарных и солярных представлений.

Начало пашенного земледелия и начало энеолитической эпохи — явления взаимосвязанные, хотя определяющим для них является прогресс в области развития ведущей отрасли хозяйства — земледелия ⁷⁹.

С началом пашенного земледелия связано возникновение особой группы лексики, выработанной для обозначения специальных производственных орудий и выполнения при их помощи различных трудовых процессов. Однако известны случаи, когда в силу различных причин, соответствующие термины возникли относительно поздно, взамен утративших свое первоначальное значение. Так, рус. *плуг*, нем. *pflüge* представляют собою бесспорные новообразования железного века, тогда как рус./укр. *рало* и лат. *ātr̃trum* являются отражением глубочайшей древности, возможно восходящей к рубежу V—IV тысячелетий до н. э., когда вся Южная Европа позаимствовала технику пашенного земледелия у Древнего Востока (ср.: рус. *рало*; дрп. *орало*; лш. *arkls*; лат. *ātr̃trum*; греч. *αροτρον*; арм. *araur*; тох. *AB ark*; укр. *орату*; лш. *ari*; нем. *ackern*; гот. *aryan* — пахать; нем. *acker*; гот. *arks*; лат. *ager/aroum* — нива, поле и др.).

Из числа приведенных выше наименований **рала** тох. *ark* является наиболее древней формой, ближе других стоящей к названию древнейшего индоевропейского плуга.

Скр. *laṅgala* в определенной мере тождественен с укр. *рогаль, рогань*, означающим рогатый (вол). Это позволяет считать, что древнейшее орудие пахоты первоначально представляло собою подобие сохи, оснащенное наконечником из рога. Лат. *ātr̃trum* и греч. *αροτρον* закономерно связываются с тох. *ark* и лш. *arkls/arklas*. В свою очередь их можно сравнить с скр. *laṅgala*, признав за ними, таким образом, ту же этимологию — **рогаль, рало** с наконечником из рога. С этим кругом формально

связаны русские термины **рогон** и **рогатка**, первоначально обозначавшие особый вид охотничьего оружия, в древности оснащавшегося также рогом.

Следует отметить формальную и этимологическую связь терминов **рог** и **зерно**, проявляющуюся в двух различных формах (ср.: хет. *karauar*, лат. *cornu*, гот. *kaurn*, хет./иер. *šurana* — рог; ав. *svara* — рогатый; рус. *зерно, жернов*; лш. *grauds* — зерно, *dzirna (akmens)* — жернов; дрп. *zyrne* — зерно; лат. *granum* — зерно, *glans* — желудь; лит. *sirnis* — горох; рус. *рог*; лш. *rags*; лит. *rāgas*; дрпрус. *ragis* — рог; рус. *рожь*; лит. *rugis*; лш. *rudzi*; дрп. *rogr* — рожь и др.), восходящие, как нам представляется, к понятию расти (ср.: рус. *пост*; неп. *ruh* — расти, (*pra*) — *roh* — растение и др.).

Рус. **рожь** и **жито**, в конечном итоге **злак**, как термины отвечают двум различным диалектным ареалам. Рус. *рожь*, лш. *rudzi*; дрп. *roggo*, нем. *roggen* при помощи таких понятий, как **родить** (хлебу) и **урожай**, восходит к чрезвычайно древним понятиям **род** — **рождать**, появившиеся, вероятно, еще в доземледельческие времена.

Показательно соединение наименования этого древнего термина с наименованием проса (ср. лш. *ērski*; нем. *hirse*, тж. *arsan* — просо; рус. диал. *аржаной, ржаной* и др.).

Рус. **жито**, имеющее ближайшие аналогии во многих славянских языках и фактически означающее всякий злак, имеет близкие соответствия в индоевропейских языках восточного ареала, где оно преимущественно означает **ячмень** (ср.: ав. *yavo*; скр. *yāvah*; тж. *džav (dor)*; неп. *gav, džāo, džāu* — ячмень, несомненно восходящие к понятию **живой** — **жизнь**, имеющему множество вариантов в индоевропейских языках, например рус. *жизнь*; тж. *džon* — жизнь, неп. *džanta* — животное; хет. *huišnan* — живой; лат. *vivus* — живой; греч. *βίος* — живой и мн. др.).

Недифференцированность названий злаков в значительной степени мешает воссозданию при помощи лексико-этимологических и археологических данных периодизационной схемы процесса развития земледелия. Сказывается относительно поздний возраст самого земледелия в Восточной Европе и, вероятно, его подчиненное значение ⁸⁰.

В западном ареале наиболее ясно происхождение названия ячменя (ср.: лат. *hordeum*; дрп. *gersta*; греч. *κριθή*, которые имеют отзвук в арм. *geri* — ячмень, лш. *grauds* — зерно, скр., неп. *geri* — зерно, нем. *grütze* — каша и др.).

Пшеница — одна из первых земледельческих культур индоевропейского мира — долгое время терминологически не выделялась из остальной массы злаков (ср.: рус. *пшеница*, фольклорно включенная в число других терминологически не слишком четко обозначенных злаков, — укр. *жито (пшеница и всяка пшеница)*, лит. *rigai*, греч. *πρωσ* —

пшеница; но тут же рус. **пырей** — дикий злак; лш. *koiēši*, нем. *weizen*, лат. *triticum*, неп. *gahu*, тж. *gandum* — пшеница; тж. *ganduman* — пырей и пр.).

Рус. **пшеница** принято производить исключительно от **пахать** — **толочь**. Однако если принять во внимание не менее вероятную связь этого термина с рус. **пашница** и, следовательно, с **пашней пахать**, то **пшеница** обретет и другие этимологические связи (ср.: с одной стороны — дрр. **пъхатн**, лит. *paistyti* — толочь, греч. $\pi\tau\iota\sigma\omega$ — толку, мелю, лат. *pi(n)stum* — толочь, дробить, скр. *pināsti* — дробить, толочь, неп. *pidhnu*, *pishu* — молот, *pəṣ* — размалывать, дробить, *pašan*, *pastar* — камень, *pasta* — фисташка, *pišti* — мука, рус. *пища*, лш. *piesta* — ступа, *piestala* — пест и др.; с другой — лат. *pastus* — кормление, *pastio* — пастьба, выгон, *pasco* — пасти, *pastor* — пастух, хет. *uēstaga* — пастух, греч. $\beta\omicron\sigma\chi\omega$ — пасти, $\beta\omicron\sigma\chi\omicron\varsigma/\beta\omicron\sigma\iota\varsigma$ — *пища* и пр.; с третьей — тох. А. *pas*, тох. В. — *pasc* — пасти, охранять, хет. *pahs* — защищать, охранять, *ra-hhašnu* — охранять, неп. *pahar* — время стражи, *pahra* — охрана, стража и др.; с четвертой — тж. *piston* — женская грудь, *pistoni-gov* — вымя, где *gov* — корова.

Приведенные выше сопоставления кажутся нам оправданными с формальной и с этимологической стороны. Если мы правы, то приведенные данные свидетельствуют об особом, присущем земледельческо-скотоводческому энеолитическому периоду, типе лексико-этимологического творчества тех индоевропейских коллективов, у которых **злак**, **пшеница**, **пахарь**, **пастух**, **воин**, **пастбище**, **пища**, **утварь** для ее приготовления и даже **грудь-вымя** все еще находились в рамках одного легко воспринимаемого лексико-этимологического комплекса.

Учитывая приведенные выше данные, включающие соответствующие латинские и греческие реалии типа *pasco*, *boska*, заманчиво поставить их в связь с названиями Карпатской горной цепи Бескиды (ср.: укр. *бескеття* — обрывы) и древним карпатским дако-мезийским племенем $\beta\acute{\epsilon}\sigma\sigma\omicron\iota$, $\beta\acute{\epsilon}\sigma\chi\omicron\iota$ ⁸¹, предки которого в энеолитическое время могли быть связаны с трипольским миром, возможно включавшем предков греческих и италийско-романских племен.

В словарном фонде ряда индоевропейских языков есть термины, связанные с уборкой урожая, возникновение которых можно отнести к энеолитической эпохе. Это **полова** и **солома**. Показательно, что определенная доля терминологической нерасчлененности падает и на них (ср.: рус. **полова** — мякина; дрр. *plēva* — оболочка, *plēvelы* — сорняки; лш. *pelavas* — мякина, *plēve* — оболочка; нем. *spreu* — мякина; скр. *palavah*; дрр. *plēva* — солома).

Очевидна связь с приведенными выше терминами термина лш. *plauya* — уборка, указывающему на то, что убирали преимущественно верхнюю

часть злакового растения (ср.: лш. *plēve* — оболочка и др.). Это же подтверждает и нем. *äre* — колос, *ernten* — жатва.

Несомненно поздними, появившимися не ранее железного века, являются термины: дрр. *слама*; рус. солома; лш. *salms*; дрпр. *salme*; дрвн. *halm* — солома; греч. $\kappa\alpha\lambda\mu\eta$ и лат. *culmus* — стебель, соломина — архаичнее собирательного солома; греч. $\kappa\alpha\lambda\alpha\mu\omicron\varsigma$ — тростник, а дринд. *sila* — колос, оставшийся в поле⁸².

Особое внимание заслуживают свидетельства лексико-этимологической связи таких понятий, как **мякина**, **веять**, **солома** и **сено** (ср.: неп. *bhusa* — солома, мякина; лш. *rušana* — веяние, *rušt* — веять; неп. *phuknu* — дуть; тж. *has* — солома, *hasbeda* — сено; нем. *heu* — сено).

Большие возможности для датировки и установления взаимосвязи определенных явлений имеет дрр. *сръпъ* — серп и его довольно многочисленные варианты во многих индоевропейских языках (ср.: лш. *sirpe*; нем. *sihel*, вероятно < *sirhel*, *šarf* — острый; лат. *sarpio/sarpo* — подрезывать, лат. *harpe*, греч. $\alpha\rho\eta\eta$; неп. *khurpo* — серп и др.). В *kentum*-ном выражении наименование этого важнейшего орудия вполне сопоставимо с приводившимися ранее данными о терминах *cuprum* — Карпаты и т. д.

Необходимо иметь в виду возможность связи греческого и латинского терминов $\alpha\rho\eta\eta$ и *harpe* с Гарпиями — Карпами античного времени⁸³, что снова указывает на область Карпат, связи с которыми предки итало-романцев и греков избежать не могли.

Вместе с тем нельзя не отметить созвучия всех этих терминов с греч. $\chi\alpha\lambda\mu\omicron\varsigma$ — медь и хет. *hal-kiš* — зерно, что указывает на возможность реальных связей и дает материал для хронологического уточнения определенных лексико-этимологических явлений. Следует помнить, что медные серпы появляются в Юго-Восточной Европе, в сравнительно поздних комплексах Триполья и Гумельницы, не ранее III тысячелетия до н. э.⁸⁴

Второй тип серпа угадывается в лат. *messis* — жатва, нем. *messer* — нож, которые родственны нем. *messing*, укр. *мосяж* — лагунь, тж. *pis*, рус. *медь*, дрр. *мѣдь* — медь и др., что свидетельствует о ранней поре бронзового века — рубеже III—II тысячелетий до н. э., времени начала распада диалектного единства индоевропейцев.

Среди орудий труда, связанных с переработкой собранного урожая следует назвать **ступу**, **пест** и **зернотерку**. Несмотря на то что ступа с пестом продолжают существовать и в наше время, они древнее зернотерки на несколько тысячелетий.

Если не считать немногочисленных каменных сосудов, найденных на территории приазовской и сурско-днепровской культур, применение которых в качестве ступ представляется лишь вероятным⁸⁵, достоверные находки каменных ступ неолитического возраста на всем обширном пространстве Юго-Восточной Европы, а возможно и на всем материке

в целом, не известны. Зато они вместе с пестами встречаются в различных этнокультурных областях Восточного Средиземноморья, начиная с докерамического неолита, переживавшего здесь скорее растительно-собираТЕЛЬскую, чем земледельческую стадию развития⁸⁶.

Зернотерки ранних и развитых этапов бугднестровской культуры и ее европейских аналогов невелики по размерам и потому мало производительны⁸⁷. Уже одно это заставляет предполагать существование в неолите деревянных пестов и ступ, которые в обычных условиях археологического слоя сохраниться не могли.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют считать, что в неолите, особенно в раннем, включая и докерамический, зерно перерабатывалось при помощи ступы, а не зернотерки. Следует отметить, что в истории развития ступы можно проследить по меньшей мере два этапа, а также и то, что она не всегда была ступой в полном смысле этого слова.

Рус. *ступа*, *стунать*, лш. *stampa*, дрн. *stampfen* — молоть, бить, нем. *stamp (gefäs)* — *stufe* отражают тот период железного века, когда появилось сложное устройство, первоначально из дерева, у которого пест крупных размеров приводился в движение при помощи **наступления** на педаль рычага. В то же время очевидно, что греч. στέμψω топтать, нем. *stampfel* — **толкач** хронологически значительно древнее. Таким образом, корень **пест** первоначально означал не толкач, а именно ступу. Доказательств этому достаточно (ср.: рус. *пест*; дрп. *пъхати*; лит. *paistyti* — толочь; греч. πύσσο — толку; скр. *pinasti* — дробить; неп. *pidhnu* — молоть; лш. *pesta* — ступа, *piestoi* — пест и др.).

Прежде чем стать мельницей, **пест-ступа** должен был пройти стадию зернотерки, что в разных языках получило различное выражение (ср.: рус. *жернов*, терминологически не обнаруживающее никакой связи с механическим устройством; слов. *zrnek* — зернотерка; лш. *dzirnavas*; дрп. *girnovis* — жернов; лш. *dzirna (akmeñ)* — жернов (зерновой камень); гот. *(asilu) gairnus*, фиксирующее начальную стадию механизации мукомольных работ (*asilus* — осел); неп. *pašan, pastar* — камень, терминологически смыкающийся с зернотеркой).

С зернотеркой, а не ступой связан термин неп. *pišti* — мука, сопоставимый с дрп. *брашно* — пища, укр. *борошно* — мука).

Русский термин *молоть*, выработанный для обозначения процесса получения муки растиранием зерен на зернотерке, имеет много соответствий в индоевропейских языках различных ареалов (ср.: рус. *молоть*; лш. *malt*; гот. *malan*; нем. *mälen* — молоть; лат. *mola/molaris* — жернов; греч. μύλη — зернотерка; тж. *molis* — трение, растирание; нем. *mēl* — мука). Однако в кругу терминов рассматриваемого типа имеются и связывающие возникновение глагола *молоть* с временами глубокого архаиз-

ма, которое можно было бы назвать донеолитическим временем ступы.

Необходимо указать на непрерывную связь понятий **молоть** и **молотить**, что не вяжется с растиранием зерен на зернотерке, отразившихся, например, в лат. термине *triticum* — пшеница, точнее, растираемая, а скорее говорит о тяжелых ударах (ср.: дрп. *млатъ*; рус. *молоть*; лш. *malt* — молоть; рус. *молот*; лат. *marculus/martulus* — большой молот, *malleus* — молот, колотушка; арм. *malem* — избиваю; дрсв. *miqlnir* — молот Тора; рус. *молния*). В хронологическом плане термин углубляет существующие представления о **мельнице**, терминологически возникшей еще в донеолитическую эпоху и представлявшей собой примитивное приспособление, на котором при помощи молота-камня дробили не только зерна, но и различные предметы.

Хлеб возник далеко не сразу. Крупяная каша несомненно предшествовала ему (ср.: хет. *temal*, вероятно, редуцированное, восходящее к *mel-mal* — крупа, каша, *malanzi* — дробить, *turra* — хлеб, возможно, сопоставимое с лат. *tēro/tritum* — тереть, *triticum* — пшеница; лат. *panis* — хлеб, восходящее к **круп**е — просо и др.).

Хлеб едва ли был известен нерасселившимся индоевропейцам, что, впрочем, не исключает появления его в отдельных ареалах (ср.: дрп. хлѣбъ; гот. *hleius* — хлеб; греч. κολλῆρος — вид хлеба или пирога; рус.-укр. *колоб/колобок* — вид хлеба, корж, явно тяготеющее к греч. κολλῆρον — пирожок, ритуальная кутья, и к более или менее совпадающему с ним гр. κολλα — клей, что, очевидно, служит указанием на способность древних получать не только крупу-кашу, но и промежуточный продукт — тесто). Возможно, что понятия **клей** — **тесто** здесь являются вторичными, так как колобок у славян это прежде всего круглый плоский хлеб, наименование которого восходит к и/е **kuel* — вращаться, колесо, то есть **круглый**. Сюда же, несомненно, относятся **калач** и **каравай**.

Анализ приведенного выше лексико-этимологического материала, имеющего отношение к теме древнего земледелия, а также и соответствующие историко-археологические сопоставления позволяют сделать несколько выводов стадийно-хронологического и ареального порядков.

Так, языковой и археологический материалы разрешают говорить о двух стадиях в развитии индоевропейского земледелия — мотыжной и пашенной.

К первой необходимо отнести возникновение названий мотыг с роговыми наконечниками, появившихся в результате эволюции топоров типа Лингби и палок-суковаток. Это означало зарождение терминов типа *сук*, близких к и/е прототипу **kāk* (ср.: лш. *koks* — дерево), а возможно, и типа **ark*, которое, очевидно, перекликается с понятием **пор** (ср. и/е **ro(g)o*)⁸⁸.

Стадиально и хронологически с этим же периодом связан переход ряда растений из сферы собирательства в сферу огородничества и земледелия и возникновение новых лексико-этимологических ассоциаций (например, *granum* от *glandis*, *rettih* от *radix*, *nucleus* от *nucis* и т. д.).

К этой же стадии относится преобладание переработки урожая при помощи **ступы** (песта). Позднейшими реликтами соответствующих терминологических обозначений являются современные *piesta* — ступа, терминологически восходящая к понятию **дробить**, имеющему корни в доиндоевропейской древности, и **пицца**, восходящая к понятию **грудь**.

Ко второй энеолитической стадии примитивно-пахенного развития земледелия (с начала V по конец III тысячелетия до н. э.) и определенных групп лексики следует отнести возникновение исходных форм терминов типа *ἄροτρον* — *aratrum* — рало, орадло, рогаль; выработку основных индоевропейских наименований злаков, этимологически восходящих к понятиям **живой**, **сочный**, **облученный лучом солнца** или **луны**. К этому же времени относится изобретение медного серпа, терминологически переживающего в лат. *harpe* — греч. ἄροτῆ — неп. *kharpo* появление пастушеского скотоводства в границах земледельческого ареала, пережиточно сохранившегося в греч. βροχῶ, которые в целом связывают появление имеющих отношение к земледелию лексических реалий с карпато-балкано-дунайским ареалом, где еще в античную эпоху переживают связанные с ними этнонимы типа βροχῶ — *harpīi* — *карпы*. К концу этого же времени (рубеж III и II тысячелетий до н. э.) необходимо отнести появление древнейших бронзовых серпов, отраженных в лексике почти всех индоевропейцев; от кельто-романцев до индо-иранцев (вероятно, *mis*, *mes*, м'ѣдъ и др.).

Самыми поздними земледельческими терминами являются такие, как «плуг» *pflüge*, *ступа* и др., имеющие ареальный характер и возникшие в железном веке после распада диалектного единства индоевропейцев.

Собирательство и рыбная ловля. Охота, собирательство и в какой-то степени рыбная ловля представляют те консервативные в своем развитии отрасли хозяйства, которые были получены древними индоевропейцами в наследство от палеолитической эпохи.

Вероятно, вследствие малого удельного веса собирательства и рыбной ловли в хозяйстве древних индоевропейцев в их общий лексический фонд вошло небольшое количество соответствующих понятий-терминов.

Переходя к вопросу об отражении собирательства в индоевропейской лексике, следует заметить, что всеобщим в ней прежде всего является термин **искать** (ср.: нем. *suchen*, укр. *шукати*; тох. *sauh*), вероятно, мед (ср.: рус. *мед*; лит. *medus*; дрп. *med-*

do; осет. *mudlmyd*; дрвн. *metu* — мед — патока; греч. μεθυ — мед. напиток; скр. и неп. *madhu*, *mahi*, *madu* — мед; отдаленно родственны греч. μελιτος, лат. *mellis* — мед). Широко распространены в звуковом выражении термины **желудь** (ср.: рус. *желудь*; лш. *o* — *sols* — дуб; *sīle*; нем. *eihel*; лат. *galus*; гр. βαλανος; тж. *galgusa* — **желудь** и пр.), **корень** (ср.: рус. *редька*; нем. *rettih*; лат. *radix* — **корень**, *редька*, тж. *reša* — **корень** и др.).

О двух диалектных зонах говорят варианты термина **мак** (ср.: рус. *мак*; нем. *mān*; греч. μηκων — **мак**; лат. *pāpavēr*; неп. *papi* и др.). **сок** (ср.: рус. *сок*; лат. *sucus*, *serum*; тж. *sird* — **сок** и *sir* — **молоко**), **орех** (ср.: рус. *орех*; лш. *reeksts*; нем. *nuss*; лат. *nux* и др.), **щавель** объединяет языки только **сатемной** изоглоссы (ср.: рус. *щавель*; лш. *skābs* — **кислый**, *skabenes* — **щавель**; возможно нем. *sauer* — **кислый**).

Еще меньше до нашего времени дошло общих индоевропейских глоссов, связанных с водой и рыбной ловлей, что следует объяснить экономическими причинами.

Такие понятия, как **течь**, **жидкость**, **вода**, **болото**, **озеро**, **море**, в индоевропейских языках представлены древними, вероятно еще донеолитическими, формами, имеющими соответствия в большинстве так называемых ностратических языков.

Рыболовчество представлено еще скромнее. Из названий **рыб** общиндоевропейскими являются, пожалуй, лишь наименования **лосося** (ср.: рус. *лосось*; лш. *lasis*; дрп. *lasasso*; нем. *lahs* — **лосось**; тох. *laks* — **рыба**). В меньшей мере это можно сказать о **раке** (ср.: лат. *cancer*, тох. *harčang*, при условии, что последняя форма испытала метатезу).

В какой-то степени реконструируется общее название **судна** (лат. *navis*; скр. *nāuh*; арм. *naw*; греч. ναῦς) и общее название **весла** (ср.: лит. *irti* — **гребень**; греч. ῥοτῆς; скр. *aritar* — **гребец**, лат. *rēmus* (?); дрвн. *ruodar* и пр.).

Интересно появление названия **якоря**. Балтийскими, германскими и славянскими языками этот термин был позаимствован из греческого и, что менее вероятно, из латинского языков (ср.: рус. *якорь*; лш. *enkurs*; нем. *anker*; лат. *ancora*; греч. ἄγκυρα). Особняком стоит иранское (тж.) *langar* — **якорь**. Все приведенные разновидности названия **якоря** явно родственны нем. *angel* — **рыболовный крючок** (ср.: скр. *ānkas* — **крюк**; греч. ἄγκυος — **крючок на стреле**; лат. *aceus* — **зубчатый** и пр.). В то же время, принимая во внимание тж. *langar* — **якорь** и почти полностью совпадающее с ним в фонетическом отношении скр. неп. *lāngala* — **плуг** (сопоставленное нами с укр. **рогаль**), можно высказать предположение, что названное наименование **уды** и **якоря** скрывают в себе понятие **рогатый** и что рога, следовательно, были принадлежностью древнейших **якорей**.

Охота. Охота как отрасль производства, возникшая еще в палеолите, неизменно развивалась там,

где для этого существовали подходящие условия. Развитие скотоводства и тем более земледелия, как это видно на примере буго-днестровской культуры и Триполья, никогда не было помехой для развития охоты.

В индоевропейской лексике, связанной с охотой, отразились все виды диких животных, представлявших добычу древних индоевропейцев периода диалектного единства. Несмотря на это, общиндоевропейская лексика данного типа обнаруживает определенное несоответствие между древними названиями зверей и современными, что объясняется как полустертойностью одних терминов, так и стадийной нерасчлененностью других.

В индоевропейской лексике имеется общий термин, использующийся для обозначения обобщенного объекта охоты, выраженного в русском языке термином *зверь* (ср.: рус. *зверь*, лш. *zveris*, лит. *žveris*, дрпр. *swirins*, нем. *tīr* — зверь, дикое животное; лат. *ferus* — дикий; греч. $\theta\eta\rho$ $\theta\eta\rho\varsigma$ — дикое животное, восходящее к и/е *ghuēk с тем же значением). Для и/е корня *ghuēr В. М. Илличем-Свитычем приводится ряд реконструированных им соответствий по данным языков ностратической группы: алт. *gōra* — антилопа, дикое животное, урал. *koyra* — самец оленя, самец, драв. *kur* — антилопа, *c/x* — *gur* — антилопа, которые в целом были обобщены в ностратической проформе — *goira — антилопа⁸⁹.

Приведенный материал и метод сопоставлений нам представляются заслуживающими большого внимания, хотя каждый этимологический вывод — антилопа — может быть и не таким односложным.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что из числа животных, названия которых легли в основу формы *зверь*, выпадает комплекс волка — собаки, уже рассматривавшийся в связи с вопросом о начальной стадии скотоводства.

То же следует сказать и о медведе, название которого на правах широко распространенной глоссы, обнаруживает известное созвучие с названием волка (ср.: лш. *lacis*, вероятно $\tilde{lacis}$; лат. *ursus*; греч. $\alpha\rho\chi\tau\omicron\varsigma$; ав. *arəšo*; тж. *hirš*; скр. *řksah*; неп. *rikš*, вероятно $\tilde{rikš}$). Следует отметить, что для медведя существует и другое, еще более прекровенное название, значащее не более, чем бурый (ср.: рус. *бурый*; лит. *bėras*; дрвн. *brun* — бурый; нем. *bär* дрвн. *bero*; скр. *bhallas* — медведь). К этому второму наименованию медведя примыкает и сквозное в рамках ойкумены название другого буроватого животного — *бобра* (ср.: рус. *бобр*; лш. *bebris*; нем. *biber*; лат. *fiber*, скр. неп. *bibhar* — бобр).

Не исключено, что за названием *бурый*, *серый* скрыт и третий зверь неолитической эпохи, давний мясоед почти столько же, сколько и олень — дикий кабан, вепрь (ср.: рус. *вепрь*; нем. *eber*; лат. *āpār*, возможно, $\leq$ *āper* и др.).

Особую группу составляют названия, разрабо-

танные для обозначения мелких животных (ср.: с одной стороны, рус. *малый*; лш. *mazais*; рус. *мизинец* — наименьший палец и др.; с другой — греч. ($\mu\eta\lambda\omicron\nu$ — овца, коза, мелкий скот; герм. *mēlan* — молодая корова; брет. *mil* — овца, коза⁹⁰; лш. *meša* — азис — дикий баран; лат. *ovis* — *mas* — баран; ав. *maešo*; нпрс. *mēs* — баран, овца, скр. *mešas* — баран, козел; рус. *мышь*; нем. *maus*; лат. *mus*; тж. *muš* — означающее всякого мелкого зверька, в первую очередь *мышь*).

Из числа мелких зверей обособленно стоит выдра, название которой свидетельствует о ее жизни в воде (ср.: рус. *выдра*; лш. *ūdris*; лит. *udra*; дрпр. *udro*; дрвн. *ottar* — выдра; лат. *lutra*; ав. *udro*; скр. *udras* — выдра, но тут же греч. ($\iota\delta\rho\varsigma$ — водяная змея, гидра).

Заяц в составе индоевропейской охотничьей лексики не занимает определенного места. Это объясняется тем, что его название долгое время скрывалось под лексическим покровом *малый* (ср.: рус. *заяц*; лш. *sakis*; нем. *hase*; лат. *lepus*; тж. *sarguš/harguš*; неп. *kharayo* и др.).

В составе охотничьей добычи древних индоевропейцев преобладали рогатые животные⁹¹. Этим обстоятельством индоевропейцы не могли не воспользоваться при выработке новых названий, которыми они стремились заменить названия тотемически почитаемых животных⁹². Такие названия проявляются в наименовании небольшого оленя — *серны* (ср.: хет./пер. *surana* — рог; ав. *sr̥vāra* — рогатый; дрп. *сърна*; рус. *серна*; чеш. *srna*; болг. *сръна*; лш. *širna* — серна и др.)⁹³. Особое место в ряду приведенных названий занимает дрпр. *sirvis* — серна, вполне созвучное с латинским *ceruus*, соединяющим группу серны с *kentum*-ным названием оленя (ср.: хет. *karauar* — рог; лат. *cornu*; гот. *hauru*; греч. $\kappa\epsilon\rho\alpha\phi\omicron\varsigma$ — рогатый; неп. *džarayo* — олень).

А. Мейе подчеркивает в греческой гомеровской лексике термин — $\epsilon\lambda\alpha\phi\omicron\varsigma$ $\kappa\epsilon\rho\alpha\phi\omicron\varsigma$, что означает олень рогатый. Между тем более или менее очевидно, что $\epsilon\lambda\alpha\phi\omicron\varsigma$ также представляет особый, возможно, более древний или диалектный вариант термина $\kappa\epsilon\rho\alpha\phi\omicron\varsigma$ $\leq$ $\kappa\epsilon\rho\alpha\phi\omicron\varsigma$. С формулой $\epsilon\lambda\alpha\phi\omicron\varsigma$ $\kappa\epsilon\rho\alpha\phi\omicron\varsigma$ вполне созвучна приводимая Гезихием в качестве догреческой формула « $\sigma\epsilon\rho\gamma\omicron\iota$ $\epsilon\lambda\alpha\phi\omicron\varsigma$ », исправленная В. Мерлингеном в $\sigma\epsilon\rho\gamma\omicron\iota$ $\epsilon\lambda\alpha\phi\omicron\varsigma$, то есть *олени рогатые*, и разъясненная как диалектная форма греческого⁹⁴. Самым интересным в *saferu*-ном $\sigma\epsilon\rho\gamma\omicron\iota$ $\kappa\epsilon\rho\alpha\phi\omicron\varsigma$ является его полное соответствие латинскому *kentum*-ному *ceruus* — олень.

Греч. $\epsilon\lambda\alpha\phi\omicron\varsigma$ — олень, вероятно $\leq$ $\chi\epsilon\lambda\alpha\phi\omicron\varsigma$, является разновидностью одноязычного $\kappa\epsilon\rho\alpha\phi\omicron\varsigma$, обозначающего рогатый. При помощи таких сопоставлений, как рогатый, разъясняются *вол* — *бык* и *корова* (ср.: с одной стороны, рус. *корова*; польск. диал. *karw* — бык — вол; дрпр. *karvis* — бык, вол; с другой — *лось*, *олень* и *лань*: рус.

лось < *олсь < *олхъ; дрвн. *elaho* — олень, лось, лат. *alces* — лось; греч. ἔλαφος — олень; рус. *олень, лань*; дрп. **ІСЛЕНЪ**; лш. *alnis*; лит. *ėlnis, alnis* — олень, *ėlne* — лань; дрп. *alne* — лань; арм. *eln* и др.).

Иными словами, приведенное выше формальное многообразие индоевропейских названий для рогатых животных в конечном итоге определяется степенью их зависимости от различных моделей названия рога, из которых наиболее характерными являются хет./иер. *surana* и лат. *cornu* — рог, чью принципиальную основу можно свести к *kr* — *n*, где *n* — является формантом основы.

Отличительной чертой большинства перечисленных выше животных является то, что они никогда не были приручены.

Номинация последнего крупнейшего представителя рогатого животного быка — **коровы**, в связи с глубоко затронувшей этот вид domestикацией, значительно сложнее, чем номинация **олений** — **ланей**. Прежде всего следует подчеркнуть, что подобно тому, как собака сформировалась в процессе domestикации волка, так и крупный рогатый скот на начальном этапе domestикации формировался на основе дикого быка — **коровы** — **тура**.

Не подлежит сомнению, что балто-славяно-ирано-индийское *gov*, греко-латинское *βοῦς* — *βῶς* — вначале означали domestичированную часть вида. Снова подчеркиваем, что эти наименования, особенно последние, созвучны с нем. *vosk*, тж. *bus*, шум. *abzu* — козел, дрп. *пысѣ* — собака и, наконец, скр. *раѣци* — скот, что в целом разрешает предположить их функциональную взаимосвязь.

Необходимо помнить, что часть вида быка — **коровы**, которая не подвергалась domestикации, сохранила свое более древнее название (ср.: в-первых, рус. *тур* — бык и дикий баран; неп. *thar* — дикий баран; лит. *tauras* — тур, дрп. *tauris*, лат. *taurus* — бык, вол; греч. ταῦρος, гот. *stiur*, нем. *štir* — бык; ав. *staora* — крупный скот; осет. *sturhă* — крупный рогатый скот; во-вторых, лат. *ūrus*; нем. *ur* — дикий бык; рус. *зубр** < *sobrs* < *sqm* = = *bros*, лш. *stumbrs*; лит. *stumbras*; дрп. (*wis*) — *sam* = *bers* — зубр).

Едва ли следует сомневаться в том, что приведенные выше формы названия дикого быка отражают результат развития одной и той же, в иных случаях разросшейся, в других — полуистершейся формы. Помня указания Б. Грозного о том, что перечисленные выше индоевропейские варианты термина **тур** органически близки к семитическому *thaur* — бык, где *t* с придыханием, греч. ταῦρος в более архаическом виде следовало бы восстановить как *ῥαῦρ*—ос, и таким образом связать его с греческим названием *ῥῆρος* (ср.: неп. *thar* — дикий баран), означающим всякого наземного зверя.

Из приведенных выше данных можно сделать вывод о том, что «зверь» *ῥῆρος и/е *gh̥uēr* — в первооснове содержало понятие тур, — которое,

возможно, также означало рогатый (ср.: хет. *ka-gauar*; лат. *cornu* и др. термины, восходящие к и/е **ker*⁹⁶).

Терминологическое выделение быка из числа других рогатых животных соответствовало развитию хозяйственных форм населения Европы конца палеолита — эпохи мезолита, когда среди охотничьей добычи доминировали различные породы оленей, тура⁹⁶ и, наконец, при переходе к докерамическому неолиту, появились многочисленные признаки разведения крупного рогатого скота⁹⁷.

Таким образом, предложенное В. М. Илличем-Свитычем толкование ностратического *kouga как **антилопа** согласуется с реальным содержанием хозяйственно-экономического развития древнейшего населения Европы, и, вероятно, соседними с ней районами Азии, пережившего в конце палеолита стадию **оленя**, а в начале неолита — **быка**.

Древнее название пернатой дичи в индоевропейской лексике численно невелико и за отдельными исключениями носит спорадический характер.

В первую очередь это касается названия самой птицы, заметно отличающегося в границах отдельных диалектных зон. Одну из них представляет дрп. — *пъгахъ* (птица) (ср.: лш. *putns/pute* — птица; лит. *pūte* — курица, птица, ав. *pataiti* — курица, птица; скр. *patati* — летит; неп. *panchi* — птица, *pathi* — птица-самец; вероятно, сюда же следует отнести и греч. πτηρα — птицы, πτερον — перо, крыло, оперенная стрела и др.).

О том, что термин птица в конечном итоге означает **пернатая, парящая**, помимо греч. πτερον — перо — крыло, свидетельствуют и многочисленные примеры (ср.: рус. *перо*; лш. *spatwa* — перо; лит. *sparnas* — крыло, плавник; нем. *feder*; ав. *parano* — тж. *par* — перо; рус. *пар*, тж. *parwos* — полет, *parranda* — птица и др.).

Второй тип наименования **птицы** представляет лат. *avis/avis*, отразившееся в термине **яйцо** (ср.: дрп. *айце*; рус. *яйцо*; чеш. *vejce*; дрвн. *ēi*, лат. *ovum*, греч. ὄβιον, ир. *haya* < *āya — яйцо). На закономерность терминологической взаимосвязанности понятий **птица** — **яйцо** указывает лш. *putns/pute* — птица и *pautas* — яйцо.

Нередко название **неба** и **птицы** частично совпадают. В одних случаях первичным, вероятно, является **небо** (ср.: дрп. **НЕБЕСА**, лш. *debes*; лит. *debesis* — небо; греч. νεφος — облако; лат. *nebula* — туман; скр. *nabhas* — туман, облако; неп. *nabh* — небо, *nabhag* — птица, *nabh* — тапдал — небо, небеса, *nabh* — *ašcar* — птица, облако, ветер и др.).

В других — небу приписываются определенные качества самой птицы. Например, ее пух понимается как олицетворение **ветра** — **воздуха** — **духа** (ср.: рус. *пух*; лш. *pukas* — пух, *pust* — дуть; неп. *phuknu* — дуть, *pakharu* — птица, а также рус. *дуть/дух*; лш. *dunas* — пух, *dwest* — дуть; рус. дышать, нем. *daunen* — пух и др.).

Можно сказать, что подлинно общий пласт в языке первобытных индоевропейцев составляет лишь наименование водоплавающей птицы, конкретно **гуся**, долгое время терминологически составлявшего единое целое с другими водоплавающими птицами (ср.: рус. *гусь*; лш. *zuoss*; лит. *žūsis*; дрпр. *sausy*; дрвн. *gans* и, наконец, неп. *hās* — лебедь, гусь, утка, душа, сердце, бог, солнце, *hās — radz* — лебедь (гусь — царь).

Терминологическое обособление утки основано или на дальнейшем развитии термина гусь (ср.: рус. *утка*; нем. *ante*, лат. *anas* и др.), или же на выработанных независимых ареальных названий (ср.: лш. *pile*; тж. *murg — ob* (птица — водяная), *urđar*; укр. *качка* и др.).

Об орудиях и приемах ведения охоты говорят приводимые далее лексико-этимологические данные.

Прежде всего следует напомнить о существовании целого пласта индоевропейских слов, означающих **гон** и в определенном смысле однозначных с понятием **бить — убивать**; по связи с ними — **дубина** (ср. дрр. **ГЪНАТН**; укр. *гонити*; срб. *gnati*; лш. *dzenat*, лит. *geni* — гнать, ав. *dzain-ti* — убивал; арм. *ganem* — бью; дрсев. *ganrr* — борьба; лш. *gans* — пастух; скр. *hanti* — убивает, нем. *ghanas*; греч. *φονος* — дубина; хет. *kuen/kun* — ударить, убить; тох. *кац* — убивать и др.).

Довольно явно прослеживается пласт **копья — дротика** (ср.: дрр. *сулица* — дротик; рус. *жало*, шило < *šidlo*; укр. *шило* — заостренная палка, рус. *колоть*, *кол*; дрвинд. *šūlah* — копье, кол. *šū-la* — копье, кол, боль; неп. *suī* — игла, стрела, укол; греч. *κῆλον* — древко стрелы, стрела и др.).

В иных случаях в индоевропейской лексике сохранился термин, означающий копье, оснащенное каменным или кремневым наконечником (лит. *iešmas* < **aiksmas* — пика, вертел; лит. *akmuo — eñs* — камень, *ašmens* (Pl.) — каменное острие, острый и пр.)⁹⁸.

Общеиндоевропейское название лука и стрел не сохранилось. Обычно лук по локальным нормам уже обособившихся индоевропейских языков назывался дугой (ср.: нем. *bogen*; лат. *arcus*; неп. *dhanu*; рус. *лук* (ср.: лука, лукоморье).

Нередко с термином лук связаны некоторые наименования стрелы (ср.: лш. *šaut* — стрелять, *šautinis* — лук, *šautra* — стрела; укр. *лук* — вид оружия, *влучати* — попадать и др.).

Охота, которая велась при помощи силков, сетей и ловчих ям, несомненно, относится к числу древнейших отраслей производства, зародившихся еще в палеолите. Связанный с ними древний индоевропейский лексический пласт едва намечается (ср.: рус. *силок*; лш. *silpa*; нем. *šluge* — силок, *šlaufē* — петля; а также рус. *петля*; неп. *patili* — сеть, силок, ловушка).

Правдоподобно, что скр. неп. *pātāla* — преис-

подняя (ср.: с укр. *потала* — мученье) перекликается с одноязычным *patili* — сеть, петля и, таким образом, означает безысходную западную, по-своему перекликающуюся с «большой сетью» шумерской мифологии⁹⁹. О связи этого термина с понятием сосуда, **яма** речь пойдет далее — при рассмотрении лексических данных ностратического уровня.

Все основные продукты, полученные в результате охоты, в той или иной степени нашли отражение в словарном фонде первобытных индоевропейцев. В ряде случаев это заведомо архаические термины, возникшие еще в донеолитическое, доиндоевропейское время.

Так, о глубокой доиндоевропейской древности ностратического пласта говорит термин **мясо** (ср.: рус. *мясо* < *męso*; лш. *męsa*, гот. *mims*; неп. *amis*, *mans*, *masu*; тох. В. *misa*; тут же неп. *pišit* — мясо, созвучное с неп. *pišti*, означающим мука, а также ностратические *om(c)a* редупл. и/е **memso*; ур. **omsa*; араб. **ū (n)c*; c/x **M (š)*¹⁰⁰.

Жир в лексике многих индоевропейских языков выступает как синоним **жизни и пищи** (ср.: дрр. *жиръ* — пастбище, пища; польск. *żer/żyr* — корм, пища; лш. *dzires* — пир; дрр. *жьратуи*; рус. *жрать* — есть; ав. *džira*; скр. *dziros*; греч. *βίρωσ* — живой, имеющие, согласно Илличу-Свитычу, соответствия в ностратических языках, алт. **(k)aya* — густая жидкость, ур. **k(o)ya* — жир, жирный¹⁰¹.

Бросовой продукт охотничьего производства — **кости** — в системе охотничьего хозяйства древнейших времен также занимал определенное место и потому получил достаточно широкое отражение в индоевропейской и даже ностратической лексике (ср.: рус. *кость*; лш. *kaulsi*; нем. *knohe* — кость; лат. *kosta* — ребро и др.), собранные и использованные А. С. Мельничуком для индоевропейского и ностратического ареалов¹⁰².

Суммируя сказанное выше относительно индоевропейских лексико-этимологических реалий, связанных с охотничьим производством, прежде всего необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что в целом они составляют довольно мощный пласт, присутствующий в большинстве индоевропейских языков.

Вместе с тем необходимо отметить глубокий архаизм составляющих этот пласт понятий и терминов и, что особенно важно, невозможность на данном этапе исследований расчленить их по ареальному или хронологическому признаку.

Привлекает внимание одна важная черта рассмотренного материала: и названия охотничьих животных, на которых охотились, и наименования продуктов, полученных путем охоты, и связанный с охотой круг понятий и терминов имеют широко-разветвленные связи за пределами индоевропейских языков. Конкретно — в языках так называемого ностратического этноглогтонического единства.

О ностратическом уровне этноистории. Под ностратическим уровнем мы понимаем тот доиндоевропейский период этноисторического развития, который характеризуется вхождением ныне обособленных индоевропейской, алтайской, уральской, дравидской, картвельской и семито-хамитских языковых семей в особое этноглогтогоническое единство.

Говорить об особом ностратическом уровне этноисторического развития нам позволяют проведенные лингвистами исследования, которые подтверждают существование, вероятно еще в палеолитическое время, этноглогтогонического массива, условно называемого X. Педерсеном ностратическим¹⁰³.

Основным источником, позволившим нам изучить донеолитическое этноисторическое развитие Европы¹⁰⁴, являются труды В. М. Иллича-Свитыча.

Ниже рассматривается ностратический лексико-этимологический материал, который делится на два тематических глоссария: охотничий и бытовой, поселенческий.

Охота. Среди названий диких животных, составлявших охотничью добычу ностратических племен, отмечается антилопа (ностр. *goʊgl* — антилопа; и/е *ghuēr* — зверь; алт. *gōgl*; ур. *koʊgl*; драв. *kur* и *c/x gur* — антилопа), не находящая соответствия в и/е лексике, но созвучная с термином ягненок (ностр. *kor*; алт. *k'ur'āpā* (метатеза); картв. *kwenr*; драв. *kor*) и свинья (ностр. *qar*; картв. *ʃor*; *c/x (g) r*); самостоятельные, но сходные между собою названия волк (ностр. *kuyna*; и/е *kuin/kuin*; ур. *kūynā*; *c/x. k'n*) и куница (*k(u)n*); и/е *keun/kuon*; алт. *k'ur'ā*; картв. *kwenr*).

Видовой состав перечисленных выше животных в целом характеризует животный мир умеренного пояса — факт сам по себе немаловажный для локализации ареала обитания самих носителей соответствующих глосс.

На особое место некоторых терминов в древнейшем, как мы полагаем, пласте индоевропейской лексики, фиксирующих исторический рубеж перехода от палеолита к неолиту и от охоты к скотоводству, мы уже указывали (ср.: *goyra* — *ghuēr* — антилопа — зверь — тур, а также *kuyna* — *kuin/kuin* — волк — собака). Другие термины, например ностр. *kor* — ягненок, *qar* — свинья, хотя и не имеют прямых аналогов в индоевропейской лексике, все же ее нормам не противоречат.

Особое место в границах ностратического единства занимает термин собака. С одной стороны, он проявился в и/е. *reku* — скот, о связях которого с существительным *pes* речь шла раньше, с другой — присутствует ностратический термин *rekl*, вероятно являющийся дериватом первого (ср.: ностр.

plek; и/е *reku*; алт. *pökōr* — скот; собака — ностр. *pen*, ур. *pen*; драв. *pen*; картв. *pin*).

Группа глаголов, которые могли выражать определенные понятия, связанные с охотой, в лексике ностратических языков довольно многочисленна.

В первую очередь речь пойдет о глаголах, характеризующих определенные виды движения, например двигаться (ср.: ностр. *nowda*; и/е. *yeudh*; ур. *nowd*; *c/x nwd*), бежать (ср.: ностр. *rus*; и/е. *reus*; *c/x rwet*; ностр. *bok*; и/е *bhegu*; ур. *pok*), преследовать (ср.: ностр. *n/āk*; и/е *henu/hneu*; алт. *n/ā/kā*; *c/x. nk*).

Хорошо отражены понятия, непосредственно связанные с добычей зверя, например, бить (ср.: ностр. *tap*; и/е. *top*; алт. *t'apa*; ур. *tappa*; драв. *tāpp*; *c/x. tp, a*; ностр. *par*; и/е *per/perg*; картв. *pir*; *c/x. tp*), попадать (ср.: ностр. *tap* и/е. *top*; алт. *tap*; ур. *tap* / *p/*; драв. *tapp*; *c/x. tp*), промахнуться (ср.: ностр. *ment*; и/е *mend*; ур. *mentā*), вонзаться (ср.: ностр. *ln/alg*; и/е *negh*; *c/x ngš* — бодать), протыкать (ср.: ностр. *peda*; и/е *shedh/bedh* < *ped*; ур. *pede*; драв. *pett*; *c/x. p, d, bd*), проникать (ср.: ностр. *nuka*; драв. *nuka*).

В глаголе натягивать косвенно отражено использование лука (ср.: ностр. *yān/t/* — тетива; ур. *yāntek* — тетива; драв. *ēnt* — натягивать).

Легко выделяется группа глаголов, фиксирующих разделку добычи, например обрубить (ср.: ностр. *guna*; и/е *guhen*; драв. *gun*), расщеплять (ср.: ностр. *cita*; и/е. *skeid*; драв. *cit*; картв. *c, it*; *c/x. štr*; ностр. *tel/*; и/е *pel*; алт. *tel'*; картв. *tall/tl*; *c/x tl* и, наконец, ностр. *cala*, и/е *skel*, алт. *čaly* — острие; ур. *sale*, драв. *cal*, картв. *cel* — носить, *c/x. sl* — расщеплять, острие), резать (ср.: ностр. *k(ā)č*; и/е *kes*; алт. *k'(ā)sā* — резать; ур. *k(ā)č* — нож; карта. *qç* — отрезать, ср.: *c/x. qš/qš*; ностр. *car*; и/е. *sker*; алт. *čary*; ур. *car*), рвать (ср.: ностр. *ter(h)*; и/е *der(h)*; драв. *ter*; картв. *thar* — рыть).

Многообразны глаголы, характеризующие употребление добытых продуктов в пищу. К ним можно отнести глагол брать, в некоторых случаях явно созвучный с существительным рука (ср.: ностр. *kant*; и/е *ghe(n)d* — ср.: нем. *hand* — рука; алт. *kant*; ур. *kanta* — нести; ностр. *bar*; и/е *bher*; алт. *bary*), держать (ср.: ностр. *nota*; и/е *iet*; алт. *(n)om/(n)uma*; ур. *not*; драв. *n(a)ma*), кушать (ср.: ностр. *kab*; и/е *gebh/gēp(h)* < *kebh*; картв. *kb* — *in*), есть (и/е *ed*; алт. *idā*; *c/x t(y)*), пожирать (ср.: ностр. *kota*; и/е *kuem*; *c/x. kum*), жевать (ср.: ностр. *kāw*; и/е *g(i)eu*).

Существительное острие также, несомненно, связано с охотой (и/е **h(u)k*; алт. *oky*).

Далее следуют термины, фиксирующие названия продуктов, полученных на охоте и таких, ко-

торые характеризуют уровень познания строения животных, достигнутый древними ностратийцами.

Речь идет о **мясе** (ср.: ностр. *om/cia*; и/е редуцированное *memso*; ур. *omša*; драв. *ū(n)c*; с/х *m(s)*), **жире** (ср.: ностр. *kou(h)*; и/е *gue (h)u es (h) guie (h) u/(k)ou*; ур. *k(o)уа*), **крови** (ср.: и/е *kreu(h)*; драв. *kur*; картв. *sisx — l*); **костях** (ср.: ностр. *kлa*; и/е *kost*; с/х *ks*).

С областью аналогичных представлений связаны **грудь** (ср.: ностр. *māl gа*; ур. *māl(g)e*; с/х *mlg*), хоть и не имеющие точного соответствия в индоевропейских языках, все же обнаруживающиеся в терминах **молоко** (ср.: др. млѣко — молоко, млѣзѣ — доить и др.), **внутренности** (ср.: ностр. *kar(w)а*; и/е *keru*; алт. *(k')ar(w)*; драв. *karа*; картв. *karw/kwar*; с/х *krb*), **сердце** (ср.: ностр. *qагdа*; и/е *kerd/kred* < *kerdh*; картв. *tkerd* — грудь), **жила** (ср.: ностр. *(s)irа*; и/е *ser*; алт. *sirā*; ур. *sāga*; драв. *cir*; с/х *sr*; ностр. *so(h)на*; и/е *sne(h)*; алт. *suna*; др. *sōpe*), **глотка** (ср.: ностр. *gurа*; и/е *guerh*; алт. *gūrā*; ур. *kūrke*; драв. *kurа*; картв. *gorg*; с/х *g(w) r*), **губа** (ср.: ностр. *lapа*; и/е *leb/lap*; с/х *(l)s*; ностр. *kampа*; и/е *gombh* < *gomb*; с/х *(k)mp*), **волос** (ср.: ностр. *(k)il (k)а*; и/е *kel*; алт. *(k')yiga*; ур. *kalke*; драв. *kel(k)*), **копыто** (ср.: ностр. *kāра*; и/е *kerh*; ур. *kāppа*; с/х *q(p)*) и **рог** (ср.: ностр. *rkа*; и/е *ro(g)o*; картв. *rkа*).

Собирательство отражено в единственной общей почти для всего ностратического массива глосс — **собирать, число** (ср.: ностр. *tokа*; и/е *lēg*; алт. *toga* — число; ур. *luke*; драв. *tok* — считать).

Поселение. Особый интерес представляет группа ностратической лексики, которая в той или иной степени характеризует оседлость, обстановку и деятельность людей на поселении.

К числу таких терминов мы прежде всего относим глагол **стоять** (ср.: ностр. *māна*; и/е *men*; алт. *m(ā)nā*; драв. *mann*, с/х *mn*), затем **строить** (ср.: ностр. *kadа*; и/е *ket* < *keth*; ур. *kota*; *katt*; картв. *qed/kad*; с/х *qd*); **рыть** (ср.: ностр. *rouа*; и/е *reuh*; ур. *rowа*, *kaуwa*; и/е *kaуu*, алт. *(k')ауа*; ур. *kaуwa* — рыть, бросать); понятие **рубить** представлено тремя формами (первая — ностр. *с(a) pа*, и/е *skep*; алт. *сāрa*; ур. *сарра*, драв. *сāva*, с/х *sp*; вторая — ностр. *qа(p)а*; и/е *ker*, картв. *kap*; третья — и/е *pe(h)u*, алт. *pū*, картв. *p*, *u*), **сверлить** (ср.: ностр. *burа*; и/е *bher*; алт. *burа*; ур. *purа*; драв. *pur/purа*; с/х *B(w)R*); понятие **связывать** представлено пятью формами (первая — ностр. *kārа*, и/е *ker*, алт. *k'(a)рa*, ур. *kārа*, картв. *kar/kr*, с/х *kr* — **заворачивать**; вторая — ностр. *guda*, и/е *heudh/huedh*, алт. *ūdа*, картв. *χwed* — ремень; третья — ностр. *bandа*, и/е *bhendh*, с/х *bnd*; четвертая — ностр. *si(h)а*, и/е *sehī/shēi*, ур. *siχa*; пятая — и/е *nedh*, ур. *nydа*), **скреплять** (ср.: ностр. *(k)уга*; и/е *kuer*; алт. *(k')уга*; ур. *kure*).

Термин-понятие **труд** интересен своим прозрачным намеком на мучительность тяжелого труда (ср.: ностр. *tu(n)кa*; и/е *menk*, алт. *mun*, драв. *mukk*; картв. *ta(n)кa*; рус. *мука* < *така*).

Очаг — огонь — обязательная принадлежность всякого поселения, представлен несколькими ностратическими глоссами, например **очаг** (ностр. *qара*; и/е *ker*; картв. *kerа*, с/х *krr*), **огонь** (первая форма — ностр. *hotа*, и/е *huet/huetr*, алт. *olа*; вторая — и/е *hēs*, алт. *asa*, с/х *š*; третья — и/е *egni*, ур. *enkа*).

Основным, передающим понятие оседлости, является термин **поселение** (ср.: ностр. *p.аl(g)а*; и/е *plh*; алт. *palgа*; ур. *palχа*; драв. *paλλа*).

С поселением неизменно связаны понятия **жить** (ср.: ностр. *huуа*; и/е *heiu*; алт. *ууа*; с/х *hјw*), **круг работ и процессов, совершающихся на нем.** Интересен термин **кипеть**, в какой-то степени указывающий на умение готовить вареную пищу и, следовательно, на существование каких-то сосудов (ср.: ностр. *p.и(h)уа*; и/е *spehi*; алт. *pūуа/pōуа*; ур. *pūуа*; картв. *pu*; ностр. *borа*; и/е *bheru/bhreu*; ур. *purа*, драв. *purа*).

Важными и показательными для определения поздней хронологической грани существования ностратического этноглобтогонического единства являются термины, выработанные для обозначения понятия **сосуд**. Один из них поражает как своим архаизмом, так и вторым значением — **череп**. Сосуды-черепки вполне согласуются с позднелеолитической обстановкой (ср.: ностр. *(к)ара*; и/е *kap*, алт. *k'ār*; с/х — *qr*). Другой свидетельствует о несколько более позднем времени (ср.: ностр. *p.ата*; и/е *ped*; ур. *pata*; драв. *patalа*). Термин *p.атa* — сосуд заслуживает более подробного рассмотрения, что потребует привлечения соответствующего сравнительного материала из состава ностратической лексики. Обращает на себя внимание сходство наименования сосуда с такими ностратическими терминами, как алт. *ступня*, почва; и/е *ped* — ступня, нога; алт. *pūtа*; драв. *pott*; картв. *put*; с/х *pwt* — дыра; алт. *pata* — поле; и/е *peth* — простираться; с/х *pt/pt* — простираться; ур. *pede* — протыкать; и/е *bhedh* — протыкать; лат. *fodio* — копаю; лит. *bedū* — втыкаю; греч. βόρος — яма; с/х *bd* — протыкать, расщеплять и пр.¹⁰⁵, которые в целом сосредотачивают внимание вокруг понятий **земля** — **дыра** или в обобщенном плане — **яма**.

Сосуды-ямы, с врытыми в них плетеными корзинами, известны в ряде древних культур¹⁰⁶. Иногда это просто ямы, в которых корзины не сохранились (например, натуфийские памятники, поселения сурско-днепровской культуры¹⁰⁷, где они появляются в декерамическом неолите и продолжают встречаться позднее).

Для уточнения природы таких сосудов принципиальное значение имеет дравидская форма *pā-*

*tal*_л, явно родственная скр. *pātala* — преисподняя, несомненно — яма (ср. с греч. βῆθος — яма). Термин *patala* можно проследить и далее, если учесть скр. неп. *pātīli* — сеть, силок; рус. петля и др. В рассматриваемом плане нельзя не вспомнить, что «большая сеть» шумерской мифологии в определенном смысле также является олицетворением судьбы — **преисподней**.

Возвращаясь к вопросу об этимологии ностр. *p.at*_л — сосуд, приходим к выводу, что речь идет о сосуде типа плетеной корзины, возможно, обмазанной глиной и, таким образом, о предмете, относящемся к протонеолитической эпохе.

Искусство плетения отражено двумя терминологическими формами (ср.: и/е *tek*, алт. *toky* — плетель), явно раскрывающими происхождение **ткачества** из **плетения**, а также ностр. *pu*(*ny*)_л, и/е *spen*, ур. *ripa*, драв. *riṇa*, с/х *pn*. Не исключено, что ностр. *p.at*_л и *pu*(*ny*)_л внутренне связаны между собой. В пользу такого сопоставления, в частности, говорит формальная и этимологическая близость рус. **петля** и **путать** (<pať<ronť). С трудовой деятельностью на поселении неразрывно связаны термины **скрести** и **скребок** — обязательная принадлежность всех без исключения древних поселений (ср.: ностр. (*κ*)*ir*_л, и/е *ker*(*h*), алт. (*k'*)*yr*(*л*), драв. *kir*, с/х *krh* — скрести).

Следует назвать термины **растирать**, **дробить**. Вопрос о стратификации связанных с ними понятий уже рассматривался ранее в связи с анализом соответствующих глосс индоевропейской лексики. Здесь следует подчеркнуть лишь глубокий архаизм и органическую связь этих терминов и понятий, а также напомнить, что первые растиральные камни на территории Юго-Восточной Европы появляются еще в позднем палеолите¹⁰⁸.

В составе ностратической лексики отмечено три главных типа термина **растирать** — **дробить** — (первый — ностр. *mur*_л, и/е *mel*, алт. *mur*(*л*), ур. *mur*_л драв. *mur*_л/*mur*_л; с/х *m(w)r*; второй, отличающийся лишь другим развитием сонора, — ностр. *mol*_л; и/е *mel*(*h*), ур. *mol*_л, с/х *ml*; третий — ностр. *P.ur*(*y*)_л, и/е. (*s*)*p*(*h*)*er*, алт. *pür*_л, ур. *pure*).

Социальная характеристика любого древнего поселения в конечном итоге зависит от характера тех отношений, в которых находятся живущие на поселении люди.

В ностратических языках имеются общие термины, обозначающие **мужчина** (и/е, *m*(*o*)*nu*; ур. *m*(*ä*)*ñce*; драв. *man*; с/х *mn*; ностр. *naur*_л; и/е *ner*; алт. *nyar*(*л*) и **самец** — **мужчина** (ностр. *wi*(*h*)*r*_л; и/е *u*ṛ_{ros}; алт. *ory*; (*wy*)*r*_л; картв. *xwir*; с/х *w*(*h*)*r*).

Атрибуты мужского пола в терминологическом отношении также отражены в ностратической лексике (ср.: *testiculus*, ностр. *mun*(*d*)_л, и/е. *mon*(*d*)_о, ур. *muṇa*, драв. *mu*(*n*)*tai*, *penis*; ностр. *p.a*(*š*)_л; и/е *pes*, ур. *p*(*a*)*še*).

Женщина как термин объединяет ностратические языки в определенное единство (ср.: ностр. *k*(*u*)*n*_л, и/е. *guena*, алт. *küni*; с/х *kun*).

Лексико-этимологический обзор ностратического материала можно закончить термином **рождать**, отражающим идею преемственности жизни (ср.: ностр. *ber*_л; и/е *bher*/*per*; алт. *pōr*_л; ур. *per*_л; картв. *ber*; с/х, *brlpr*; ностр. *s*(*e*)*w*; и/е. *seu*(*h*); ур. (*se*)*w*; картв. *šw* и, наконец, ностр. *κ*(*a*)*n*_л; и/е *ken*; драв. *kan*, *kan*_г; с/х *kn*). Существует также термин **рождать** с оглушенным губным (ностр. *p.er*_л и пр.), настолько близкий к приведенному выше *вкл*_л, что их следовало бы считать вариантами одного и того же корня.

Обращает на себя внимание очевидная близость ностр. терминов *k/u/n*_л — **женщина** и *κ*(*a*)*n*_л — **рождать**, что нетрудно объяснить близостью соответствующих понятий. В то же время привлекает внимание, что эти термины определенным образом созвучны с ностр. *kuyn* — волк, и/е *kuon*/*kun* — собака. Едва ли здесь имеет место случайное созвучие, а не отражение важной тотемической нормы, согласно которой названия всех этих существ совпадало с понятием и словом — **прародитель** — **прародительница**.

Выше с точки зрения историко-археологических сопоставлений проанализирован лексико-этимологический материал, расчлененный по тематическим рубрикам и разделенный на два основных этноисторических уровня: индоевропейский и ностратический.

В результате проведенного анализа и сопоставлений мы пришли к следующим общим выводам, касающимся как вопросов хронологии, так и ареальных характеристик соответствующих этноисторических явлений.

Если говорить о лексике ностратического уровня, то в ней прежде всего следует отметить преобладание охотничьей тематики, в которой не отразились ни специфические черты палеолитической эпохи, ни особенности неолитической. В этой лексике отсутствует тематика, которая могла бы характеризовать земледелие неолитической эпохи с его относительными оседлостью и устроенным бытом. В ней нет следов знакомства с использованием тягловой силы животных и полностью отсутствуют какие бы то ни были указания на знакомство с металлургией.

Зато в составе ностратической лексики есть свидетельства о приручении собаки, примитивном плетении, об изготовлении сосудов из черепов животных и корзиночного типа, которые, вероятно, вкапывали в землю и обмазывали глиной. Эти лексико-этимологические данные позволяют относить позднюю грань ностратического этноисторического уровня к эпохе между палеолитом и неолитом, то есть к мезолиту.

Следовательно, окончание ностратической эт-

ноисторической эпохи более или менее точно совпадало с завершением эпохи мезолита и, таким образом, датируется примерно X тысячелетием до н. э.

Уже отмечалось, что лексика ностратического уровня как бы отражала жизнь в условиях умеренного климата. В ней нет указаний ни на суровость, ни на тропические или даже субтропические условия.

Как нам представляется, это обстоятельство вполне согласуется с обстановкой раннего голоцена, когда зона умеренного климата в основном проходила южнее современной и даже захватывала значительные пространства современных пустынь Африки и Азии¹¹⁰.

Главным для решения вопроса об этнокультурной принадлежности населения ностратического массива является присутствие в нем в качестве важных, возможно близких к прототипу, составных частей формирующихся хамитской, семитской и кавказской (картвельской) диалектных групп. Или, говоря иначе, ядро ностратического массива 10—12 тысячелетий от современности могло иметь в качестве своего эпицентра лишь Юго-Восточное Средиземноморье, где в это время обитали капсийские мезолитические племена с особым тарденуазским обликом культуры.

Естественно думать, что распространение провинциально-капсийской культуры на юго-западе Европы, в область Кавказа, Приуралья и даже Индии, с одной стороны, было равнозначно ностратизации местного населения, а с другой — показателем распада ностратического диалектного единства.

Естественно, историческим стимулом происшедшего этноисторического процесса было наступление голоцена, иссушение африканских и древних внутриазиатских пустынь (Гоби), смещение оптимальной зоны обитания к северу, широкое развитие лучной охоты и, наконец, приручение собаки.

Начало неолита, и конкретно его архаический (докерамический) этап (X—VII тысячелетия до н. э.), связано с возникновением принципиально новой этноисторической ситуации, возникшей после распада ностратического единства, и прежде всего связано с возникновением на пограничье Европы и Азии индоевропейского этноязыкового диалектного единства, отличающегося скотоводческим типом хозяйства и сохранением некоторых связей с языками ностратической группы.

Вероятно, в самом начале этого периода произошло свойственное индоевропейцам терминологическое отделение **собаки** от **волка** (и/е.* *kuon* < ностр. *kuyn*) и появление понятия **скот**, тер-

минологически соприкасающееся с термином **собака** — **пес** (реликты: дрр. *пъсъ* — пес; лат. *рeкi* — скот; алт. *pökör* — бык и др.).

Ранний, развитый и поздний неолит (с конца VII по рубеж V тысячелетия до н. э.) характеризуется очевидным смещением индоевропейской ойкумены к западу. Свидетельством сказанного прежде всего является возникновение сурско-днепровской и буго-днестровской культур, а позднее — возникновение культуры линейно-ленточной керамики.

Внутри индоевропейской ойкумены происходит обособление двух хозяйственно диалектных зон: скотоводческой на востоке и земледельческой на западе. Если не считать эпизодов, связанных с миграцией к югу северных охотничье-рыболовецких племен днепро-донецкой области, то весь период неолита протекал под знаком этнокультурного доминирования племен западной, древнеземледельческой части индоевропейской ойкумены.

В отношении языкового развития весь этот период должен был характеризоваться явлениями инноваций на основе переработки языков предшествующей поры.

Ранний энеолит (первая половина IV тысячелетия до н. э.) должен быть выделен в особый период этноисторического развития на том основании, что именно в это время возник ряд пашенно-земледельческих культур с Триполем на востоке и Тордошем на западе, которые не менее пяти веков безраздельно доминировали в этноисторическом развитии Европы и были, бесспорно, ядром индоевропейского ареала, послужившего основой для формирования народов *kenum*-ной группы индоевропейцев.

С этим ареалом естественно связывать возникновение ряда понятий-терминов, среди которых должно присутствовать **рало** — *сиррум* < *сиррум* и др.

Развитый и поздний энеолит (со середины IV по рубеж III и II тысячелетий до н. э.) — время антагонистического соревнования племен восточного — скотоводческого и западного — земледельческого ареалов, которое характеризовалось все возрастающей миграционной активностью восточноевропейских скотоводческих племен, давших миру коня и весь коневодческий лексикон, но зато разрушивших самое индоевропейское этноисторическое диалектное единство, что, в конечном счете, и обусловило индоевропеизацию значительных пространств Европы, Малой и Средней Азии, Индостана и, наконец, в лице тохарских племен — индоевропеизацию пограничья древних Индии и Китая.

ЭТНОИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.
СОПОСТАВЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ВЫВОДОВ
АРХЕОЛОГИИ И ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Необходимость сопоставить основные выводы историко-археологической науки и исторические выводы языкознания возникла давно.

Относительно выводов историко-археологического анализа автор настоящего исследования несет полную ответственность, однако в вопросах, связанных с языковым материалом как таковым, он прежде всего полагается на компетенцию лингвистов. Конечная цель данного исследования продвинуть рассмотрение исторического аспекта индоевропейской проблемы.

Не следует думать, что мы надеемся на нескольких страницах разрешить вопрос о времени и месте сложения этнокультурного массива, на протяжении более чем столетия условно именуемого индоевропейцами. Более того, следует подчеркнуть, что на настоящем уровне развития гуманитарных наук вопрос о так называемой прародине индоевропейского этнического массива еще не может быть решен. Столетний срок разработки этой проблемы несколькими сменяющимися поколениями ученых говорит о многом. Вместе с тем мы убеждены, что в современной науке уже созревают условия для решения этой проблемы. Не в последнюю очередь появление новых условий обусловлено ростом современного теоретического языкознания и источниковедческой основы всей современной науки о языке. Следует помнить, что исследовательский метод расширил исторические перспективы индоевропейского сравнительного языкознания. Так, методом внутренней реконструкции восстанавливаются наиболее древние черты индоевропейской речи, имеющей изолирующий строй, отмечавшийся особой фонологической базой, отсутствием словоизменения, грамматические функции которого выполнялись порядком слов и так далее, то есть воссоздается такой органически низкий уровень развития индоевропейской речи, по отношению к которому развито-флективный «пра-

язык» классической индоевропейской компартивистики уже относился к четвертому периоду развития индоевропейской языковой семьи¹.

В наше время совсем иначе оценивается родство между языковыми группами²; успешно выделяются явления субстрата больших глубин залегания³, по иному оцениваются явления языкового адстрата и суперстрата⁴; разрабатывается теория скрещивания языков⁵ и пр., что в целом дает возможность определить такой этап развития индоевропейской речи, хронологическая глубина которого измеряется многими тысячелетиями.

Вместе с тем (в аспекте собственно исторических построений) языкознание по-прежнему нуждается в направлении его этногенетического поиска реальными средствами других гуманитарных наук и, разумеется, той же археологии.

Иными словами, то, что должно составить новый (или обновленный) археологический аспект индоевропейской проблемы, может быть получено только археологическим анализом и синтезом.

В связи с тем, что при оценке выводов языкознания по вопросу о начальных этапах индоевропейской истории нам не хотелось бы уподобляться некоторым лингвистам, проявляющим подчеркнутую сдержанность в оценке фактов собственной науки, но забывающих о ней, как только они выходят в зону чужого им археологического материала, мы предпочитаем, без крайней на то необходимости, не касаться анализа самого лингвистического материала и, прежде чем сделать необходимое заключение, сопоставить некоторые наиболее важные выводы языкознания с созвучными ему, по полученным методам самостоятельного исследования, историко-археологическими выводами.

Нам представляется в достаточной степени обоснованной развиваемая некоторыми лингвистами точка зрения о том, что уже в неолите племена индоевропейского этнокультурного массива занимали значительные пространства в пределах южной зоны Средней и Восточной Европы, в какой-то степени захватывали западную часть Малой Азии, образуя при этом ряд родственных отличающихся друг

от друга глоттогонических ареалов⁶. К неолитическим временам должны относиться и некоторые широко распространенные термины скотоводческого и земледельческого обихода, указывающие на то, что именно активные формы первобытной воспроизводящей экономики обуславливали не только глоттогоническую активность самих индоевропейцев, но также их способность расселяться в районы, где до них обитало население иной этнокультурной принадлежности.

Хотелось бы подчеркнуть отсутствие необходимой исторической мотивировки в появившихся в последнее время исследованиях, в которых переоценивается стимулирующее значение благоприятных естественных условий для формирования индоевропейского массива; механически устанавливается связь между процессом формирования последнего и формированием воспроизводящего земледельческо-скотоводческого хозяйства; переоценивается значение в этом процессе земледелия и, наконец, слишком легко делаются интерполяции в эпоху мезолита и палеолита.

Задача усложняется еще и тем, что по многим конкретным вопросам уже имеется несколько различных решений, а пересмотр любого из них, как правило, ведет к необходимости касаться многих общих вопросов индоевропейской этноглоттогонической проблемы. Так, в историко-археологической литературе довольно широко распространено мнение о том, что на территории Восточной Европы, по крайней мере с конца неолита и в палеометаллическую эпоху, уже существовали такие этнические массивы, как балто-славянский или славяно-германский, угро-финский, фракийский и иранский⁷. Все культуры, за которыми якобы скрываются названные выше этнические массивы, составляют наиболее значительные этнокультурные массивы древней Европы: культуры шнуровой керамики, неолита — ямочно-гребенчатой керамики, древнеямной и, наконец, трипольской⁸.

Названные выше четко отличающиеся друг от друга культуры смыкаются на территории Украины. Согласно существующей традиции первая из них связывается с германо-балто-славянским массивом⁹, вторая — с угро-финнами¹⁰, третья — с древними иранцами¹¹, четвертая — с фракийцами¹². Исходя из известных по письменной истории фактов и из содержания ономастических глосс, такая схема этнического расчленения древней Восточной Европы кажется более или менее правдоподобной.

Однако предлагаемая схема, если руководствоваться оценками современного языкознания и современной археологии, не может быть принята иначе чем в качестве предварительного построения, нуждающегося в тщательной проверке при помощи разнообразного фактического материала.

Дело прежде всего в том, что названные выше области культуры (шнуровой, ямочно-гребенчатой

керамики, трипольской и древнеямной) не всегда синхронны и, следовательно, не обязательно фиксируют сосуществование названных выше этнокультурных массивов.

Далее, реальность этой схемы в немалой степени зависит от достоверности и точности выводов самой лингвистики о расселении индоевропейцев в Северную и Западную Европу, в Переднюю и Малую Азию или, наконец, в Индию, от чего, в конечном итоге, зависят наши представления об ареале обитания индоевропейцев на заре их перехода от первобытности к древней истории и с каким коренным неиндоевропейским населением в каждом конкретном случае им приходилось вступать в этноглоттогонический контакт¹³.

Необходимо иметь в виду, что ряд ареалов Европы, прежде считавшихся зонами позднего проникновения индоевропейцев, в действительности оказались заселенными ими в глубокой древности.

Если, например, со времен П. Кречмера на протяжении нескольких десятилетий считалось, что балкано-эгейский ареал до прихода греков был заселен не индоевропейцами¹⁴, то в настоящее время этот же ареал считается чуть ли не центром области формирования индоевропейского этнокультурного массива¹⁵.

Объявить Юго-Западную часть Европы исконно индоевропейской, как это делалось сравнительно недавно, уже довольно трудно. В последние годы приведено немало доказательств в пользу того, что этруски, многие годы считавшиеся вместе с басками неиндоевропейцами, в действительности, как это утверждалось и античной традицией, являются выходцами из Анатолии и носителями позднего ответвления хеттского языка¹⁶.

В качестве переживания доиндоевропейского прошлого этой части Европы остаются только баски, считавшиеся прежде носителями особого древнего языка, обнаруживающего родство с хамитическими и так называемыми иберо-кавказскими языками¹⁷. Подобная принадлежность баскского языка многими отрицается, что, впрочем, нельзя считать доказанным¹⁸.

Нет законченных решений о месте в глоттогоническом процессе так называемых иберо-кавказских языков. Под сомнение берется родство южной и северной ветвей последних¹⁹, их генетические связи с так называемыми алародийскими языками Древнего Востока²⁰, оспариваются попытки считать язык древнего Урарту индоевропейским.

Утверждение, что славяне были первыми индоевропейцами, заселившими Волго-Окский район, а также лежащие к северу от него районы неверно — вскрыт мощный так называемый волго-окский гидронимический пласт, оказавшийся не только более древним, чем восточнославянский, но и заведомо более древним, чем угро-финский²¹.

Несмотря на то, что этническая принадлежность этого пласта еще не полностью уста-

новлена, его глубокая древность и большое значение для этнокультурных реконструкций древневосточной Европы бесспорна.

В интересующем нас плане нужно отметить, что вопрос о вторжении хеттов в Малую Азию на рубеже III—II тысячелетий до н. э. и ассимиляция ими народа хатти²² уже не решается с такой категоричностью, как прежде. Некоторые исследователи считают, что появление хеттских клинописных документов еще не служит указанием о вторжении индоевропейцев, так как в облике материальной культуры Малой Азии этого времени не произошло существенных изменений²³.

Таким образом, вопрос усложняется возможностью того, что какая-то часть Малой Азии могла быть территорией исконного или древнейшего обитания индоевропейцев²⁴.

Б. Грозный полагает, что лувийцы переселились в Малую Азию на несколько веков раньше хеттов²⁵, что, вероятно, и объясняет их более органическое сращение с доиндоевропейским субстратом²⁶.

Не столь много дают языковые данные относительно времени и механизма проникновения индоевропейцев в Индию. Первые письменные документы здесь относятся к III в. до н. э., хотя санскрит, на котором они составлены, намного древнее²⁷.

В то же время важно отметить, что в так называемое неситское время, то есть в начале II тысячелетия до н. э., в Двуречье уже присутствует индоевропейская, точнее какая-то древнеиндуская, прослойка, имевшая самое непосредственное отношение к внедрению навыков конного дела²⁸.

Вероятно, отражением того же процесса являлось и проникновение в древний Египет кушар и гиксосов, из которых последние, то есть царипастухи, по мнению некоторых специалистов, были также индоевропейцами²⁹.

Как ни малы порою языковые реалии в раскрытии процесса расселения индоевропейцев, ясно, что при переходе их от первобытности к древней истории все же наступил перелом. Усилиями Б. Грозного³⁰, В. Георгиева³¹, М. Вентриса и Дж. Чадвика³², дешифровано линейное крито-минойское письмо класса В (XV—XII вв. до н. э.), принадлежащее, как оказалось, к ранней стадии ахейского диалекта греческого языка. В. Георгиевым приведены доказательства дешифровки им крито-минойского письма класса А (XX—XV вв. до н. э.), которое в случае одних памятников удалось связать с другим диалектом греческого языка, а в случае других — истолковать как письменность этеокритян (настоящих критян), оказавшихся носителями хеттского языка более архаического строя, чем малоазийский хеттский (несийский)³³.

В созвучии с этими достижениями находится работа по исследованию ономастики древних Бал-

кан, проведенная в последние годы В. Георгиевым и некоторыми другими исследователями. Результаты работы знаменательны — наметился пеласгический пласт, который получает разъяснение в дако-мизийских языках, определилось место последних на территории балкано-дунайской части современных Болгарии и Румынии, а в приморской части этих стран удалось локализовать фракийский ареал³⁴.

Перечисленные выше достижения языкознания открывают возможность более конкретно судить об этнической принадлежности отдельных локальных культур к более широким историко-культурным ареалам — расписной керамике, локальным ответвлением которой является крито-минойская культура, а также монохромной лощеной посуды, локальным проявлением которой является так называемая раннеэлладская культура.

Оба историко-культурных ареала в области Эгеиды теснейшим образом переплетаются.

Вопрос об этнической принадлежности каждого из названных историко-культурных ареалов едва ли может получить конкретное решение ввиду исключительно большого территориального объема каждого из них.

Например, вполне очевидно, что так называемая элладская культура имеет точки соприкосновения с кикладской культурой, а последняя — с рядом южноевропейских культур, включая веселиновскую, марицинскую, гумельницкую, хаманджийскую и др.

Нельзя не заметить, что все эти культуры в определенном смысле тяготеют к ранней анатолийско-тройанской культуре, которая также не чужда культуре дорасписного неолита, подстилающей на Крите слои минойской культуры³⁵.

Не лишне подчеркнуть, что в истории трипольского массива также прослеживаются два периода — дорасписной и расписной керамики. Как уже отмечалось, в дорасписной период Триполье смыкается с такими культурами, как Винча-Тордош, Боян, Хаманджия, Веселиновская, Марицинская и др., а в западной части Анатолии — с памятниками ранней тройанской культуры.

В то же время Триполье периода расписной керамики через памятники типа Петрешть-Ариужд связывается с центральнобалканскими памятниками диминийской культуры, отражением которой на крайнем западе Европы несомненно являются аппенинские памятники мольфетта-матерского типа, а на юге — позднейшее продолжение крито-минойской культуры.

Таким образом, не только в области Балкан, но и на территории почти всей Южной Европы, в земледельческо-скотоводческой среде переплелись две линии развития культуры — линия преобладания монохромной лощеной керамики, восходящая к наиболее архаическому этапу культуры, представленному рядом памятников в Туркмении

(Джебел), Иране (Бельт, Хоту), Киликии (нижние слои Мерсина, Гёзлю-Кюле), в западной Анатолии (Бельдиби, ранний Хаджилар), и рядом южнoевропейских древнеземледельческих культур, включая буго-днестровскую и раннетрипольскую³⁶, а также линия расписной керамики, хронологически следующая за периодом лощеной дорасписной керамики.

Как известно, расписная керамика на территории Старого света получила широкое распространение, захватывая при этом плодородные предгорья Северного Китая³⁷ и через Северную Индию³⁸, Пакистан³⁹, Афганистан⁴⁰, Ирак⁴¹, Иран⁴² соединяется с Палестиной⁴³, Сирией⁴⁴, Киликией⁴⁵ и Анатолией⁴⁶.

Древняя расписная керамика обнаружена на Кипре⁴⁷ и Балканах (Неа-Никамедея), Протосескло, Старчево, Караново⁴⁸. Значительно позднее через Трансильванию эта культура проникает в румынскую Молдавию, на Днестр и пр.

Абсолютно антиисторично предположение, что вся эта зона принадлежала одному этническому массиву, тогда как в Китае местная культура расписной керамики может связываться только с какой-то архаической формой одной из этнических групп современного Китая⁴⁹. В странах Двуречья в числе носителей сходной культуры основное место должны занимать шумеры, принадлежащие к особой агглютинирующей группе языков⁵⁰.

Этническая принадлежность восточносредиземноморских носителей культуры расписной керамики все еще недостаточно ясна. По своеобразию памятников додинастического Египта⁵¹ можно заключить, что обитатели этой обширной этнокультурной области составляли обособленную группу, не связанную ни с одной из названных выше. Благодаря идентификации в составе памятников критоминойского письма двух диалектов древнейшего греческого языка и особого языка, родственного хеттскому, а также новому истолкованию фактов онимастики можно высказать некоторые соображения по поводу этнического определения родственных минойской культуре южнoевропейских культур расписной керамики и других, так или иначе соприкасающихся с ними этнокультурных течений.

В этом смысле наибольшее значение имеют те культуры южнoевропейского ареала расписной керамики, которые отличаются особым стилем и особым содержанием росписи присущей им глиняной посуды. Речь идет о культурах расписной керамики, которые, в отличие от других, внешне сходных с ними культур, отражают специфическую форму идеологических представлений, о крылатом драконе, символизировавшем небесное мужское начало, и о Великой Матери-Земле, воспроизводимой в более или менее антропоморфизированном виде. Сужая границы поиска, следует подчеркнуть, что речь прежде всего должна идти о тех культу-

рах расписной керамики, у которой названные выше сюжеты облакаются в особую расписную спирально-меандровую схему.

Типичными и в этническом отношении наиболее ясными следует считать раннеминойскую культуру, а в условиях материковой Эгеиды — диминийскую. Последнюю мы выбираем, в частности, потому, что она не похожа на культуры Протосескло-Сескло, Херонеа или Арапи, мало похожа на старчевскую и керешскую, но зато имеет бесспорные связи на востоке — в памятниках типа Петрешть, Ариужд, Кукутени А, а на западе — в памятниках типа Матера. Вне границ Южной Европы, в западной Анатолии, к ним определенно близка так называемая хаджыларская культура⁵².

Все названные культуры, как это подсказывают языковые реалии минойской культуры, с наибольшим основанием можно связать с архаическим проявлением хеттского этноязыкового массива и в меньшей степени с протогреческим, ибо проникновение последнего на Крит было связано с какой-то ломкой линии этнокультурного развития⁵³.

Было бы неправильным отрывать от ареала расписной керамики, и тем более противопоставлять ему, очерченный выше этнокультурный ареал с темной посудой, украшенной линейным орнаментом, сходным с расписным как по стилю, так и по содержанию.

Если говорить об эпохе неолита, то прежде всего учитываются культуры буго-днестровская и линейно-ленточной керамики, а также генетически с ними связанные культуры эпохи энеолита. К ним, несомненно, близки приазовская и сурско-днепровская культуры. Несколько особняком стоит культура древнейших слоев неолитического Кносса⁵⁴, обнаруживающая специфическое сходство с комплексом египетской культуры Негада⁵⁵.

Однако признавая, что на определенном этапе названные выше культуры в результате взаимопроникновения образовывали родственные в этнокультурном отношении массивы, следует помнить, что путь формирования каждой из локальных археологических культур был долгим и сложным.

В этом смысле весьма показательны примеры буго-днестровской культуры, возникающей на двойственной основе: пришлой с востока и местной культуры балкано-дунайского типа. Ввиду принципиального сходства важнейших орнаментальных схем посуды ближе других стоят культуры буго-днестровская и линейно-ленточной керамики, для которых также следует предполагать и этнокультурное родство.

Далее следует ряд энеолитических культур, сформировавшихся на основе перечисленных выше культур, а также карановской и керешской и, наконец, на культуре, проникающей из Анатолии и характеризующейся черной керамикой, украшенной ленточными композициями с накольчатым заполнением. Речь идет о культурах типа Веселиново,

Тордоша, раннего Триполья, Бояна, Гумельницы и др., продолжающим ранее наметившиеся линии этнокультурного развития.

Этническое определение представленного этими культурами массива в значительной мере предопределено установлением этнической связи южно-европейского ареала расписной керамики и хаджиларской культуры с протохеттским и раннегреческим глоттогоническими ареалами. Очевидное родство обоих этнокультурных массивов разрешает предположить, что ареал культур с чернолощеной керамикой ближе к той линии развития, которая в условиях Балкан и Эгеиды в энеолите и бронзовом веке была представлена пеласгами, формирующимся дакомизийским ареалом и, разумеется, родственным ему протофракийским массивом.

С этой линией должна была соприкоснуться и другая линия развития, представленная архаическим неолитом Крита, имеющим несомненные контакты как с островным миром, так и с древнейшим Египтом, что разрешает думать и о присутствии хамито-семитского компонента⁶⁶.

Очерченная выше двуединая этнокультурная область, включающая два ареала со сходным по стилю и содержанию орнаментом посуды, как бы вписывается в рамки других этнокультурных областей и частично перекрещивается с ними.

Так, не подлежит сомнению, что культуры с расписной посудой — Протосескля, Сескля, Херонея, Арапи — отражают особую линию развития древнеземледельческих культур. Она получает ближайшее продолжение в неолите палестинского и сиро-килийского районов и примыкающей к ним юго-западной части Анатолии. Свидетельством существования специфического, но все же промежуточного звена, является неолитическая расписная керамика Кипра, как бы соединяющая европейскую Эгеиду с Восточным Средиземноморьем.

В развитии всех этих культур намечается два этапа: ранний — с монохромной лощеной посудой (глубокими полусферическими сосудами, почти лишенными орнамента) и поздний — со светлой расписной посудой, украшенной угловато-зигзаговыми композициями. Этническое определение этой линии развития на данном этапе представляет не малые трудности. Не исключено, впрочем, и то, что она является отражением особой, земледельческой ветви протосемитов, чем и отличается от культуры додинастического Египта, имевшего уже в первобытные времена хамитский компонент, который, как мы полагаем, присутствует в комплексе Негады и, возможно, сходном с ним архаическом неолите критского Кносса.

Вероятно, именно эта линия этнокультурного развития соприкасалась с этнокультурным развитием неолита линейно-ленточной керамики начального периода, когда в орнаменте присущей ему посуды еще преобладали угловые композиции, сочетающиеся с рядами букраниев.

Особую линию развития — северо-западную (апеннинскую), по локализации эпицентра формирования, северную и даже северо-восточную — впоследствии представляют культуры с *impresso* орнаментом (старшая Мольфетта, Арена-Кандида, Старчево, Неа-Никомедея и Кереш).

Признавая у этой линии развития наличие контактов с протосескловским и сескловским ареалами, а также и с ареалом культур с углубленным и расписным ленточным орнаментом, мы, тем не менее, настаиваем на ее самостоятельности, и в частности средиземноморско-апеннинской или вернее средиземноморско-иберийской, то есть отнюдь не индоевропейской этнической принадлежности. Возникнув под воздействием восточносредиземноморского земледельческого импульса, эта линия развития прежде всего основывалась на дальнейшем развитии проникшей из северо-западной Африки мезолитической культуры, которая сохраняла свой капсийский облик и на протяжении всего неолита и даже энеолита.

Среди современных народов, имеющих право претендовать на генетические связи с этой древней культурой, прежде других мы называем басков, а также индоевропеизированное население иберо-апеннинской части Европы.

Переходя к вопросу о восточном соседстве этнокультурной области земледельцев с линейно-волютовым и меандровым орнаментами посуды, следует вспомнить о таких культурах, как сурско-днепровская, приазовская и крымская. Если исходить из характера изобразительного искусства (сложные орнаментальные схемы) и своеобразия глиняной посуды, к этим культурам следует отнести и культуру Эртебелле, которая, как мы полагаем, где-то на территории Литвы и Западной Белоруссии смыкалась с неолитическими культурами, возникшими на Юго-Востоке Европы.

Благодаря географическому положению и обусловленным им систематическим межплеменным отношениям, а главное по причине древних генетических связей из числа всех этих культур ближе к обрисованной выше земледельческой области с ленточной керамикой стоят сурско-днепровская, и если помнить о характере наскальных изображений Каменной могилы, приазовская культуры.

Вместе с тем следует сказать о сходстве орнамента посуды сурско-днепровской культуры с орнаментальными композициями таких культур, как восточносредиземноморский неолит и энеолит, культуры сескловской линии развития и, наконец, древнейшие памятники культуры линейно-ленточной керамики.

Не лишне вспомнить и о намечающемся стилистическом и семантическом сходстве наскальных изображений Каменной Могилы с восточносредиземноморскими, чатал-хююкскими и, кроме того, с некоторыми композициями орнаментальных схем маглемозско-эртебелльской культуры.

Как нам представляется, в системе приведенных выше фактов следует видеть черты особой охотничье-скотоводческой зоны Европы, возникшей еще в докерамическом неолите и состоящей из ряда локальных этнокультурных областей, из которых три (балканская, дунайская и западнобалтийская) возникли на основе позднего мезолита средиземноморско-атлантического типа, переживание которого для иберийско-апеннинского ареала уже отмечалось, а одна (охотничье-скотоводческая приазовско-кукрекская) — сложилась на основе восточноевропейского мезолита, почти свободного от капсийского влияния.

С течением времени, в результате возникновения в Восточном Средиземноморье комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства роль этой территории, как эпицентра сложения керамического неолита, неизмеримо возросла. Несомненно, что именно здесь (Бельдиби, раннекерамические Чатал-Хююк, Мерсин и пр.) получила свое начало и древнейшая посуда евразийского охотничье-скотоводческого ареала (от Джебела до сурско-днепровской культуры, древнейших памятников, бугднестровской культуры и, наконец, культуры Эртебелле).

Однако преобладающим, на некоторых этапах развития затрагивавшим и Восточное Средиземноморье, был восточный евразийский скотоводческий импульс, ставший основным вследствие приручения и разведения крупного рогатого скота.

Есть основания думать, что время этнокультурного доминирования этого восточного евразийского скотоводческого импульса одновременно было первым периодом индоевропеизации глубинных районов Европы: сначала Восточной, потом Западной, а также каких-то районов Западной Анатолии.

В связи со сказанным выше появилась необходимость рассмотреть вопрос о наиболее вероятной этнической принадлежности восточноевропейских охотничье-скотоводческих культур.

Следует отметить, что смыкающиеся на востоке с массивом земледельческих культур (с ленточным орнаментом посуды) приазовская и сурско-днепровская культуры, хотя и представляют собою явления обособленные, тем не менее не настолько, чтобы думать о другой их этнической принадлежности. То же следует сказать о древнейшей культуре, которая, особенно в своей западной части, определенно смыкается с кругом явлений этноисторического развития, представленным земледельческими культурами.

Если при определении этнической принадлежности основных культур земледельческого ареала Южной Европы, включая и Эгеиду, роль языковедческой опоры выполняли минойская письменность и балканская ономастика, то при попытке определить этническую принадлежность восточноевропейских охотничье-скотоводческих культур

эпохи неолита и энеолита подобную роль исполняют так называемые тохарские языки⁵⁷.

Известно, что обнаруженные на северо-западной окраине Китая так называемые тохарские памятники письменности относятся к сравнительно позднему времени — началу второй половины I тысячелетия н.э.⁵⁸ Несмотря на это, значение данных тохарского языка для понимания этнического содержания первобытной Восточной Европы все же исключительно велико.

Большинство исследователей сходится на том, что существо природы тохарского языка определяется его органической близостью, с одной стороны, с балтийскими и славянскими языками, а с другой — с фракийским, греческим и армянским⁵⁹. Затем, тохарские языки обнаруживают признаки специфической близости с хеттским языком (например, тохарский А и В — *māk* и хеттский *mek-ki* — многочисленный)⁶⁰. Отмечаются довольно осязаемые признаки их контакта с германскими и, как полагают некоторые исследователи, кельтскими языками⁶¹. Наконец, следует отметить следы контакта этих языков с угро-финскими (например, специфическая форма образования термина «лицо» через комбинацию «нос» + «глаз») ⁶².

Из сказанного можно сделать вывод, что некогда тохары действительно обитали на территории Восточной Европы и в какой-то своей части располагались на территории современной Украины.

Хронология местопребывания тохаров на территории Восточной Европы уточняется глубоким архаизмом тохарского языка, что объясняется фактом его раннего выпадения из индоевропейского языкового окружения. Полагают, что по некоторым признакам он архаичнее хеттского языка. В частности, его фонологическая система еще не знает различия фонем *Ḳ и *Ḳc и не дает вполне ясных примеров лабвикулярных фонологических групп, что приближает его еще к общеиндоевропейскому языковому состоянию⁶³.

Сопоставляя сказанное с другими фактами (например, с датами распространения хеттов-несситов в Малой Азии или временем проникновения первых индоевропейцев на территорию древнего Ирана), можно прийти к выводу, что продвижение тохаров на Восток произошло около середины III тысячелетия до н. э. Иными словами, все приведенные ранее факты свидетельствуют об исторической необходимости идентифицировать тохарский массив с этнокультурной областью древнейшей культуры.

Мы приходим к выводу, что близость языка тохаров к дакомизийскому или греческому была обусловлена наличием этнокультурного контакта племен древнейшей культуры с племенами Триполья, наличием языковых связей с древними германскими (этнокультурный контакт на северо-западе с племенами обеих нордических культур — воронковидных сосудов и шаровидных амфор).

На основании выводов о положении германских языков в классификационной системе индоевропейских языков не исключается и связь какой-то части нордических культур с протокельтами⁶⁴.

Связь тохарских языков с угро-финами так же находит объяснение в археологии. Эти связи, как нам представляется, получают выражение в наличии этнокультурного контакта с Кельтеминаром — культурой, в которой по ряду более или менее очевидных показателей естественнее всего видеть археологическое воплощение древних угро-финов или, говоря точнее, протоугров или древних самодийцев.

В качестве историко-археологического выражения той части тохаров, которая проделала огромный путь из евразийского степного пограничья в предгорья Тибета, можно представить афанасьевскую культуру⁶⁵ с европеоидным населением и материальным комплексом, обнаруживающую несомненную близость к памятникам восточной окраины древнеямной культуры*.

Внешним стимулом, ускорившим продвижение прототохаров на восток, скорее всего было продвижение племен северокавказской культуры и образование первичного калмыкско-маньчского ядра катакомбной культуры, то есть культур, представляющих вторую линию развития степного неолита — ранней бронзы.

Уход из Восточной Европы части тохаров и заселение ими обширных степных пространств Южной Сибири не означали перерыва в этнокультурном развитии в ареале Восточной Европы.

Население, продолжавшее древнеямную линию этнокультурного развития даже в период доминирования катакомбной культуры в ареале восточноевропейских степей, не покинуло своей основной территории — Днепровский бассейн.

В степной и в лесостепной частях Днепровского бассейна в раннекатакомбное время произошло сложение культуры типа Перун, сохраняющей черты бесспорной генетической связи с древнеямной культурой.

Для этого типа памятников необходимо отметить присутствие некоторых черт северной белорусско-припятской культуры, например появление зонального штампового орнамента и распространение так называемых воротничковых венчиков на местной посуде. Впрочем, распространение признаков проникновения северного компонента захватывало и саму катакомбную культуру.

В настоящее время уже установлена группа памятников, которую можно считать промежуточным звеном, своего рода передатчиком в южном направлении признаков северной культуры. Речь идет о прикиевских памятниках типа Бортнички — Бары-

шевка, отличающихся от памятников типа Перун широким распространением плоскодонных плечистых горшков с довольно высоким отогнутым, обычно воротничковым венчиком, украшавшихся «катакомбным» тесемчатым и зонально штамповым орнаментами. Для таких памятников типичны плоские могильники с обрядом трупосожжения, что следует считать признаком какого-то серьезного поворота в этнокультурном развитии племен древнеямной культуры или, вернее, признаком возникновения (в результате скрещивания) новой локальной археологической культуры.

Несмотря на то, что древние бескурганые могильники с трупосожжением в этой части Приднепровья размещались на донных возвышениях и поэтому в большинстве случаев развеемы, все же благодаря работам экспедиции Института археологии АН УССР «Большой Киев» было установлено, что погребальный обряд с трупосожжением на Среднем Днепре отличается большей стойкостью.

Вот некоторые свидетельства сквозного и межкультурного характера этого обряда на Среднем Днепре: следы плоского могильника в районе с. Бортнички, датирующегося наличием сосуда, сопоставимого с чашами начала развитого Триполья⁶⁶; ряд поселений и могильников киево-софиевской культуры⁶⁷; следы плоского могильника с остатками среднеднепровской посуды рядом с известным Краснохуторским могильником⁶⁸; следы плоских могильников с так называемой многоваликовой керамикой в районе сел Староселье и Воскресенская Слободка под Киевом⁶⁹; следы плоского могильника с тшинецко-комаровской посудой из Белгородки под Киевом и с. Вишенки Бориспольского района⁷⁰; следы могильника с урной белорудовского типа у с. Подгорцы⁷¹; могильники конца бронзового века так называемого бобринского типа у сел Бобринца, Погребы⁷² и др.

Обычай создавать плоские могильники с обрядом трупосожжения (хотя бы в пределах Среднего Днепра) следует признать и для чернолесской культуры⁷³. Проникновение обряда трупосожжения в среду чернолесских племен можно объяснить проявлением субстрата местной культуры белорудовского и бобринского типов.

Вместе с тем племена чернолесской культуры, знающие и обряд трупоположения⁷⁴, постепенно занимают всю южную часть Среднего Поднепровья и где-то в IX—VIII вв. до н. э. пододвигаются к рубежу Припяти.

Периоды скифский и собственно подгорцевской локальной культуры в условиях Среднего Днепра отмечены существованием нескольких разновидностей погребального обряда трупоположения⁷⁵.

Обряд трупосожжения в это время устанавливается к северу от Припяти — на территории нынешней Белоруссии⁷⁶, что объясняется переселением туда племен с культурой бобринского типа.

* Широкое применение камня при создании погребальных сооружений может служить указанием на участие приднепровского компонента или, что более вероятно, какие-то связи с культурой Степного Предкавказья.

Именно о таком характере этнокультурной перегруппировки свидетельствуют памятники бобринского типа в районе Могилева⁷⁷.

Сложение милоградской культуры, несомненно, происходило на основе культуры бобринского типа, с которой ее роднит общность плоских могильников с обрядом трупосожжения.

С III в. до н. э. по III в. н. э. следует время уже славянской зарубинецко-корчеватовской культуры, давшей начало нескольким племенным культурам восточных славян (середина и вторая половина I тысячелетия н. э.⁷⁸).

Приведенные факты рисуют достаточно реальную картину процесса многократного скрещения и растворения в культурах различных эпох той части древнейшего населения, которая вследствие нажима с юга была вынуждена расселиться в лесную часть Среднего Поднепровья и войти в состав славянского этнокультурного массива.

Картина, воссоздаваемая на основе сопоставления исторических выводов языкознания с археологическими выводами, была бы неполной, если бы в ней отсутствовала этническая оценка второй линии развития степного энеолита — ранней бронзы.

Из приведенных выше данных следует вывод, что вплоть до сложения катакомбной культуры, культуры этой линии развития в условиях Восточной Европы образовывали окраину более восточного ареала, охватывавшего отдельные районы Прикаспия, а также обширные районы Кавказа, Закавказья и Переднего Востока.

В масштабах Кавказа Е. И. Крупнов связывает культуру этой линии развития с кавказским этническим массивом⁷⁹, что согласуется с признанием генетических связей этого массива с населением древней Восточной Анатолии и сопредельных районов: хатти, хурритами и с закавказскими урартийцами.

Вместе с тем неправильно отрицать присутствие в составе населения очерченной области этнического массива, имя которого отразилось в наименовании Каспийского моря и Кавказа. Мы имеем в виду «кашков», которым Б. Грозный не без основания приписывал создание луристанского очага бронзы и локализовал эпицентр их обитания к юго-западу от Каспийского моря⁸⁰. Роли этого массива в истории древнего Закавказья посвящено интересное исследование Л. Н. Соловьева⁸¹.

Следует подчеркнуть, что период преобладания кашков на Ближнем Востоке в целом совпадает с проникновением туда индоиранцев или протоиндусов, принесших с собой навыки конно-колесничного дела, развивающегося и после возникновения протоиранского государства Митанну⁸².

Сопоставление перечисленных фактов свидетельствует о том, что где-то на периферии древнего Ближнего Востока издревле обитали родственные в этническом отношении восточноиндоевропейские племена — древние индусы и иранцы.

Интересен факт принципиального сходства наиболее значительных курганов майкопской культуры⁸³ с анатолийским погребальным комплексом в Аладжа-Хююке, в составе которого необходимо отметить присутствие остатков конной упряжи и колесницы⁸⁴. Этот факт свидетельствует о проникновении в Восточную Анатолию какой-то части восточноевропейского степного населения, скорее всего древнеиранского.

Учитывая сказанное, а также обособленный (северный) характер ряда периферийных культур этой линии развития, в частности локализуемых от Прикаспия до Днепра, а также вхождение в их число древнейшего калмыкско-маньчского ядра катакомбной культуры, все эти периферийные культуры по отношению к Переднему Востоку естественнее всего связывать с наиболее восточной ветвью индоевропейцев — с индоиранцами.

Географическое положение суяргинской культуры и заман-бабинского могильника, а также проникновение на территорию Северной Индии резко отличающихся от Мохенджо-даро памятников с монохромной лошенной керамикой подтверждают мнение ученых, которые в последнем факте видят отражение процесса постепенного проникновения в Индию самих протоиндусов⁸⁵.

Решающим в оценке этнической принадлежности рассматриваемой линии этнокультурного развития является вопрос об этнической принадлежности катакомбной культуры. Дело в том, что она не только органически смыкается с другими культурами рассматриваемой линии развития, но также имеет более или менее очевидный выход в ранний период письменной истории.

В рассматриваемом плане особо интересна точка зрения М. И. Артамонова о том, что в формировании скифов основная роль принадлежала племенам катакомбной культуры⁸⁶. Эта точка зрения подтверждается долгим переживанием катакомбной культуры в калмыкско-маньчском и в предкавказском районах, в широком распространении катакомбы как формы погребального сооружения у собственно скифов, у ирано-язычных алан⁸⁷ и пр.

Последнюю линию этнокультурного развития представляют культуры неолита лесной полосы Восточной Европы — днепро-донецкая, культура неолита ямочно-гребенчатой керамики, а в границах южного пояса — азово-днепровская культура.

Как уже отмечалось, все эти культуры возникли в результате расселения к западу нескольких волн палеоевропейского населения и происходившего затем скрещения с различными проявлениями местного субстрата.

Рассмотрим каждый из названных случаев в отдельности, начав с наиболее простого — с вопроса об этнической принадлежности неолита ямочно-гребенчатой керамики.

Сложение раннего керамического неолита в восточноприбалтийском ареале происходило на ос-

нове позднейших памятников свидерской культуры, культуры Кунда, а также на основе пришедшей с юга раннеолитической культуры волгодонского склада. Об этом, с одной стороны, говорят памятники типа Гремяче — Скнятина или оленеостровского могильника, в котором элементы обеих мезолитических культур слились воедино; с другой — характер керамики нарвской культуры и старшая часть керамического комплекса ладожских стоянок, характеризующихся присутствием чащеобразных горшков без венчиков, с примесью ракушки, с подлощенной поверхностью и почти без орнамента. Далее следовал относительно краткий период этнокультурного доминирования культуры типа Сперрингс, возникшей на периферии этнокультурной экспансии Кельтеминара, наряду с другими генетически с ним связанными локальными культурами.

Если наше отправное положение правильно, и Кельтеминар действительно является археологическим выражением древнейшего в рамках неолита ядра самодийцев (протоугров), то и все генетически связанные с ним этнокультурные явления естественнее всего отнести с различными ветвями расселяющейся в это время самодийской группы племен. Сложение неолита ямочно-гребенчатой керамики также находилось в определенной связи с обрисованным выше процессом.

Однако характер некоторых памятников неолита ямочно-гребенчатой керамики указывает на то, что на восточной окраине ойкумены неолита ямочно-гребенчатой керамики были еще живы переживания позднесвидерского и кундовского субстратов.

Все эти факты свидетельствуют о том, что вопрос об этнической принадлежности неолита ямочно-гребенчатой керамики в настоящее время не может быть решен в конкретном плане.

И все же более или менее очевидно, что в языке его носителей должен был присутствовать палеоевропейский компонент, отражающийся в переживаниях Свидера и Кунды, восточноиндоевропейский, отражающийся в раннеолитическом керамическом комплексе волгодонского происхождения, и, наконец, протосамодийский, отражающийся в кельтеминарских элементах керамики.

Таким образом, в силу особых исторических условий в восточной части ареала неолита ямочно-гребенчатой керамики не могла не возникнуть сложная глоттогоническая ситуация, проявляющаяся вследствие скрещивания ряда племенных языков. Одни из них были связаны с переживаниями мезолитических культур — свидерской и Кунда, являющихся эпигонами палеолитических культур, — солютрейской и мадленской⁸⁸, другие — с этнокультурными волнами, шедшими сначала с индоевропейского юга, а затем и с протосамодийского востока.

Какой из названных компонентов преобладал, сказать трудно. Не исключено, что «маргинальные»

волны влияний неолитической эпохи (как индоевропейская, так и протосамодийская) были главным образом связаны с распространением приобретенной материальной культуры, а не с расселением самого населения, о чем в первую очередь свидетельствует уже отмеченная стойкость переживаний мезолитической эпохи — как свидерских, так и кундовских в материальных комплексах ранних памятников неолита ямочно-гребенчатой керамики.

Все сказанное разрешает считать, что ономастические реалии волго-окского типа, собранные и определенные Б. А. Серебрянниковым, отвечают языку этнического массива, расположенного в эпицентре неолита ямочно-гребенчатой керамики, но не являются ни угрофинскими, ни иранскими⁸⁹. Не исключено, что представленный язык этих реалий является позднейшим переживанием языка эпохи позднего палеолита.

В обстановке лесной части Левобережной Украины и прилегающих к ней районов Белоруссии, куда также докатывались волны кельтеминарской этнокультурной инфильтрации и где возникали местные, достаточно древние локальные культуры ямочно-гребенчатого неолита, глоттогонический процесс также не отличался особой простотой. Скорее наоборот — именно здесь в характере как кремния, так и глиняной посуды совершенно явно проступает субстрат днепро-донецкой культуры, довольно сложной в этнокультурном отношении.

Переходя к вопросу об этнокультурной принадлежности днепро-донецкой культуры, прежде всего следует учитывать, что сложение ее происходило на основе слияния по крайней мере двух компонентов. В качестве субстрата выступала культура струмельско-дубечайского типа, возникшая в результате наслоения на маглемозский субстрат проникшего с юга раннего буго-днестровского адстрата. Роль более позднего адстрата (или суперстрата), наслаивавшегося на струмельско-дубечайский этнокультурный тип, играла пришедшая с востока, вероятно с верховий Днепра и Волги, волна, проявившаяся в распространении остродонных горшков со стянутым безвенчиковым верхом, украшенных зональным штамповым орнаментом.

В свете приведенных данных, этнокультурный облик днепро-донецкой культуры должен определяться присутствием ряда компонентов, последовательно наслаивавшихся на «маглемозскую» основу — струмельско-дубечайской, собственно днепро-донецкой и ряда других, включая ранний древнеямный и трипольский.

Все сказанное относительно этнокультурного состава днепро-донецкой культуры позволяет усматривать в ней прежде всего ответвление неиндоевропейской палеоевропейской ветви, затрагивавшейся несколькими окраинными волнами населения индоевропейской этнокультурной области — протодакомизийской, если говорить о контактах

с буго-днепровской и трипольской культурами, и, наконец, протохарской, если учитывать контакты с древнейшей культурой.

В конце эпохи неолита — начале палеометаллической эпохи, к югу от днепро-днепровской культуры, образовалась зона культуры переходного типа, впитавшей в себя, с одной стороны, окраинные проявления днепро-днепровской культуры, а с другой — ряд восточных компонентов, прослеживающихся от Нижнего Дона вплоть до Камы и Южного Урала. Постепенно эта зона значительно расширилась, захватив на юге Степной Крым, а на западе Днепровское Надпорожье, что привело к завершению процесса сложения энеолитической азово-днепровской культуры.

Важным признаком азово-днепровской культуры и находящихся к северу от нее памятников переходной зоны являются рядовые могильники с вытянутым труположением. Погребенные обладают пережиточными кроманьонскими чертами и некоторой уплощенностью лицевых костей⁹⁰.

Уже отмечалось, что керамика, весьма близкая к ранней азово-днепровской культуре, имеется в неолитических комплексах Южного Урала. Такая большая территориальная оторванность названных ареалов не должна смущать, так как уже в настоящее время имеются кое-какие свидетельства существования обратной связи.

В этой связи достаточно, например, вспомнить известный Китойский могильник у Иркутска⁹¹. На его сходство с Мариупольским уже указывалось⁹². Сюда же следует отнести и такой выразительный памятник Степного Поволжья, как погребение у с. Криволучье, рассматриваемое в качестве звена, соединяющего оба названных выше этнокультурных ареала⁹³.

Что же привело на заре энеолита к продвижению на запад той части палеоевропейского населения, которая обитала на восточной оконечности материка, и как позднейшие кроманьонцы оказались рядом с Уралом?

В «Неолите Украины» на основании анализа различных историко-археологических фактов мы уже обосновывали мысль о том, что на протяжении позднего палеолита и мезолита, в силу действия конкретных исторических причин, и в первую очередь вследствие давления продвигающихся с юга этнических волн средиземноморского происхождения, часть палеоевропейского населения должна была оказаться на крайней восточной периферии Европы и даже за Уралом. Были приведены доказательства обратного движения в западную часть Восточной Европы того же населения (например, в связи с Кукреком).

Только процессом «возвращения» из урало-волжского ареала в приднепровскую часть Восточной Европы палеоевропейского населения может быть объяснено появление на Поднепровье восточного адстрата днепро-днепровской культуры и позднекро-

маньонских носителей азово-днепровской культуры.

Несмотря на известное родство днепро-днепровской и азово-днепровской культур, этническая принадлежность последней нам все же представляется иной. В облике присущего ей материального комплекса присутствует ряд элементов, говорящих о систематических связях с Кавказом (плоскодонная и иногда лошенная посуда, булавы, хрусталь, металл и пр.), что уже само по себе ставит вопрос о проникновении в среду носителей этой культуры какой-то части древнего кавказского населения.

Для второй части периода существования азово-днепровской культуры, если исходить из появления на типичной для нее посуде скорописно-штампового и скорописно-накольчатого орнаментов, придется предположить также отдаленный контакт и с протоугро-финами. Вместе с тем очевидно, что название этнокультурные контакты в этнической характеристике азово-днепровской культуры не имели решающего значения и главным здесь, надо полагать, все же была принадлежность азово-днепровской культуры к палеоевропейскому этническому массиву.

Миграция пастушеских племен, начавшаяся в начале палеометаллической эпохи привела не только к ассимиляции азово-днепровской культуры, но и к вытеснению какой-то части ее носителей за пределы области коренного обитания.

Рассмотрим некоторые факты, имеющие отношение к процессу вынужденного переселения племен азово-днепровской культуры.

Так в последние годы в северной части Среднего Поднепровья, и особенно на территории Белоруссии, были обнаружены довольно ранние в границах палеометаллической эпохи памятники, в составе керамического комплекса которых присутствуют плоскодонные, банкообразные сосуды со стянутым верхом и воротничковым окончанием венчика, украшенные зонально штамповым орнаментом, то есть пережиточно сохраняющие черты керамического комплекса азово-днепровской культуры.

Приведенные факты говорят о следующем. В процессе продвижения с востока племен обеих линий развития степного энеолита (древнейшей и «михайловской») основная часть населения азово-днепровской культуры по Левобережью Днепра должна была значительно продвинуться к северу — в Подесенье*, а оттуда, главным образом под нажимом двигающихся с востока племен неолита ямочно-гребенчатой керамики, продвинуться в область Северной Припяти.

В последнее время Д. Я. Телегиным была высказана мысль о том, что в отношении этнической принадлежности население днепро-днепровской куль-

* Уже имеются отдельные находки керамики, близкой к азово-днепровской, свидетельствующие о продвижении по Десне.

туры является балто-славянским или даже славянским⁹⁴. В свое время нами была предпринята попытка ретроспективного построения, охватывавшего ряд археологических культур — от славянской культуры середины I тысячелетия до н. э. до тшинецкой культуры середины II тысячелетия до н. э.⁹⁵ По вопросу об этнической принадлежности лужицкой культуры отмечалось, что она может быть признана праславянской лишь в восточной части, подстилаемой тшинецкой культурой⁹⁶. В целом это построение в настоящее время признается многими другими исследователями⁹⁷.

Хотя тшинецкая культура действительно сформировалась в ареале прежнего эпицентра днепродонецкой культуры и, следовательно, между ними должны были существовать какие-то отдельные генетические связи, мы все же не видим серьезных оснований объявлять днепродонецкую культуру балто-славянской, так как между нею и тшинецкой культурой (в границах северозападной части Украины и прилегающих к ней районах Белоруссии и Польши) должен был находиться ряд еще недостаточно выясненных звеньев палеометаллической эпохи, реальность отнесения которых к протобалтам или протославянам долгое время еще будет оставаться теоретической.

Из всего сказанного можно прийти к выводу, что южноевропейские земледельческие культуры неолитической эпохи, характеризующиеся использованием лощеной, украшенной линейно-ленточным орнаментом керамики, а также генетически с ним связанные культуры энеолитической эпохи естественнее всего связывать с группой формирующихся фракийских и родственных с ними языков.

Для культуры линейно-ленточной керамики следует также предположить специфические западноиндоевропейские этнокультурные связи. Для раннего этапа этой культуры, исходя из ее связей с группой балканских культур предполагается маргинальный контакт с племенами формирующегося семито-хамитского массива.

Неолитические и энеолитические древнеземледельческие культуры Южной Европы и примыкающая к ним анатолийская хаджыларская культура, отличающиеся расписным спирально-меандровым орнаментом, с наибольшей вероятностью следует связывать с формирующимся протолувийским глоттогоническим ареалом. Подключение архаических греков к этому массиву, вероятно, произошло позднее.

Другую линию развития культур расписной керамики, объединяющую предстацию лощеной керамики, а также памятники типа Протосескля — Сескля — Херонеа, в силу их очевидного родства с юго-западноанатолийской культурой, естественнее всего связывать с проникшей из Восточного Средиземноморья в Южную Европу ветвью архаического семито-хамитского массива.

Культуры *impresso*-керамики (Мольфетту, Старчево, Кереш и в меньшей степени так называемую

восточнославянскую культуру ленточной керамики)⁹⁸ в отношении этнической принадлежности можно считать западнопалеоевропейскими, но находившимися в зоне ослабленного контакта с семито-хамитским этнокультурным массивом.

Охотничье-скотоводческие неолитические культуры Востока — сурско-днепровскую, приазовскую, крымскую и прикаспийскую (джебельскую), а также генетически связанные с ними и этнически им родственные культуры древней области и, наконец, отделившуюся от нее афанасьевскую культуру мы считаем историко-археологическими реалиями прототохарской, то есть наиболее древней индоевропейской этнокультурной группой на различных этапах ее развития.

Скотоводческие культуры второй линии развития степного энеолита, типичными представителями которого на западе являются памятники типа Михайловка I, Кеми-Оба и др., а на востоке — архаическое калмыкско-маньчское ядро катакомбной культуры, суяргинская культура и поздняя часть заман-бабинского могильника, в нашем представлении связываются с группой индоиранских племен.

Кельтеминар и ряд генетически с ним связанных неолитических культур, возникших на Урале, в Западной Сибири и Восточной Европе, включая Сперрингс и другие, с наибольшим основанием связываются с архаическим угро-финским, точнее самодийским, массивом.

Этнокультурную принадлежность лесных охотничье-рыболовческих культур (неолит ямочно-гребенчатой керамики культур днепродонецкой и азово-днепровской) можно рассматривать как историко-археологическое выражение различных групп палеоевропейского населения, находившихся в глоттогоническом контакте с населением окраинных районов индоевропейской (протофракийцы, протодакомизийцы и прототохары) и угро-финской (протосамодийской) этнокультурных областей.

Итак, в меру возможностей материала и наших собственных была обрисована картина наиболее вероятной этнической идентификации известных по разным источникам глоттогонических групп с конкретными археологическими этнокультурными ареалами.

Нарисованная картина отличается статичностью. Это обстоятельство можно объяснить двумя причинами: трудностью, а подчас и фрагментарностью археологического источника, а также тем, что формирование первичной индоевропейской этнокультурной общности происходило еще в донеолитические времена.

О НОВОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ИНДООЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

В предшествующих главах были рассмотрены многие аспекты историко-археологического исследования основных этноисторических областей Юго-

Восточной Европы — трипольской и ямной,— рассматривавшихся в этноисторическом плане; предприняты попытки особого лексико-этимологического экскурса и сопоставления исторических выводов современного языкознания с соответствующими историческими выводами, полученными в результате анализа археологического материала.

В результате таких сопоставлений была подтверждена распространенная в настоящее время точка зрения, согласно которой индоевропейцы, уже в неолите разделявшиеся на диалектные группы, занимали значительные пространства Средней и Восточной Европы, а также прилегающие к ним районы Анатолии и Степной Азии. В эту систему автором были внесены коррективы, затрагивающие вопросы определения и географического положения конкретных этноглобтогонических массивов. Таким образом, снова остается без ответа старый вопрос о времени и месте сложения индоевропейской этнокультурной общности.

Мы, разумеется, не претендуем на исчерпывающий ответ на этот кардинальный вопрос и освещаем его так, как подсказывается анализом самого разнообразного археологического материала и результатами сопоставления наиболее обоснованных исторических выводов современного языкознания с полученными нами историко-археологическими выводами.

Уже на настоящем этапе исследований очевидно, что для установления первых периодов истории индоевропейской этнокультурной общности необходимо учитывать факты эпохи мезолита и даже позднего палеолита.

ЭПОХА ПАЛЕОЛИТА

В советской исторической литературе получила распространение точка зрения, согласно которой сложение индоевропейского этнокультурного массива произошло еще в позднем палеолите и что процесс его формирования захватил обширные пространства всей Европы — от Бискайского залива и Ла-Манша до Нижней и Средней Волги⁹⁹.

Помимо того, что эта точка зрения в настоящее время не подтверждается данными языкознания, она к тому же носит слишком общий характер, ибо не учитывается факт существования в позднем палеолите Европы двух главных зон — перигляциальной селето-солютрейской¹⁰⁰ и до некоторой степени, экстрагляциальной — ориньякской¹⁰¹.

К югу от последней, главным образом в пределах Южного Средиземноморья, но со значительными выходами на юго-запад Европы, на Кавказе и в Крыму простиралась обширная капсийская область, отличавшаяся поразительным сходством локальных проявлений материального комплекса, в котором неизменно присутствует микролитический кремль, имеющий мезолитический облик.

Как в отношении географического положения, так и в отношении присущего ей характера позднепалеолитических памятников ориньякская зона представляет собою место контакта между подлинно экстрагляциальной капсийской зоной и подлинно перигляциальной¹⁰². Для нас, например, вполне очевидно, что без участия капсийского индигрента ориньякская культура никогда бы не возникла, а развитие позднего палеолита в Европе пошло бы по пути дальнейшего совершенствования селето-солютрейской культуры. Этого, однако, не произошло, поскольку на обширных пространствах Европы воспребладала так называемая граветийская линия развития позднего палеолита¹⁰³, возникающая, как мы полагаем, в результате ассимиляции солютрейской культуры и вытеснения ее носителей в Восточную Европу, сначала на Средний Дон, а затем и гораздо восточнее¹⁰⁴.

Как уже отмечалось, в самом конце палеолита в присредиземноморскую, причерноморскую и приазовскую части Южной Европы проникли значительные массы средиземноморского (а отчасти и негроидного) капсийского населения¹⁰⁵. Наиболее яркими памятниками подобного типа являются могильники волошского типа¹⁰⁶. Не подлежит сомнению, что это продвижение было связано с обширными этнокультурными перегруппировками, происходившими в конце ледникового периода, и что именно в это время началась смена населения во многих районах Европы, выразившаяся в широком распространении провинциально-капсийской культуры, возникшей в результате скрещения местной культуры с пришлой. Этому сопутствовало вытеснение на север и северо-восток Европы и даже в Западную Сибирь значительных масс коренного палеоевропейского населения.

ЭПОХА МЕЗОЛИТА

В свое время Л. Зотц, специально занимавшийся вопросами районирования мезолита Европы и смыкающихся с ней ареалов, воссоздавая картину заселения Европы в мезолите, наметил на ней ряд локальных мезолитических культур¹⁰⁷. Нарисованная им картина во многом уже устарела, ибо ко времени ее создания сведения о мезолите многих районов Европы фактически отсутствовали¹⁰⁸.

Например, не может быть принят выделявшийся им так называемый дунайский тарденуаз¹⁰⁹, так как после выявления достаточного количества памятников оказалось, что так называемый азиль-тарденуаз, особенно на поздних этапах своего развития, не только занимал весь дунайский бассейн, но и западную периферию Восточной Европы¹¹⁰. Между тем генетические связи этого типа культуры с капсийским миром достаточно очевидны. Подобное обстоятельство подтверждает мысль о том, что

в послепалеолитическое время, основные области Европы вошли в периферию капсией области и что культуры, возникшие на основе прежних палеолитических культур, в целом были вытесне-

быстро побеждающего азиль-тарденуаза и ассимилируемого свидера. В то же время появление на территории Русской равнины памятников типа Гремяче-Елин — Бор-Скнятино указывает на пе-

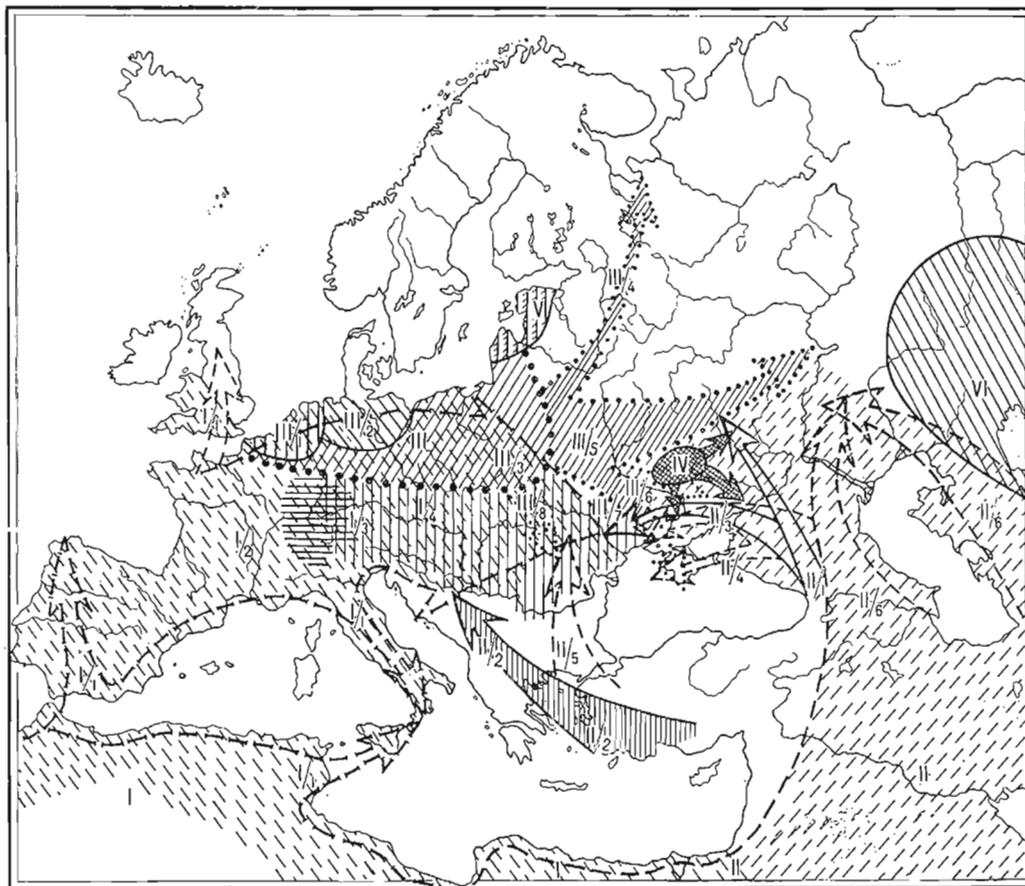

Рис. 70. Схема перехода от палеолита к мезолиту:

I — Западный Каспий: I/1 — направление капсией инфильтрации в западную Европу; I/2 — ареал синтеза Каспия с приатлантическим Мадленом; I/3 — ареал синтеза Каспия с Совтером; I/4 — ареал синтеза Каспия с граветийскими культурами. II — Восточный Каспий: II/1 — направления древнейшей восточнокапсией инфильтрации на Средний Дон; II/2 — капсией инфильтрация на Западные Балканы; II/3 — капсией инфильтрация в Днепроовское Надпорожье; II/4 — инфильтрационная зона Кавказ — Крым; II/5 — капсией инфильтрационная зона Анатолия — Восточные Балканы; II/6 — капсией инфильтрация в Прикаспий. III — Прибалтийская финально-палеолитическая область: III/1 — гамбургский ареал; III/2 — аренбургский ареал; III/3 — собственно свидерский ареал; III/4 — эписвидерская инфильтрация в Восточную Прибалтику; III/5 — эписвидерская инфильтрация на Верхнюю Волгу; III/6 — эписвидерская инфильтрация на Северский Донец; III/7 — эписвидерская инфильтрация в Крым; III/8 — эписвидерская инфильтрация в Трансильванию. IV — Центр гонцовской позднпалеолитической культуры и направление ее распространения при переходе к мезолиту на Средний Дон (Боршево), Нижний Северский Донец (Роголик), Днепроовское Надпорожье (Осокоровка). V — Ареал культуры Кунда, являющейся переживанием приатлантического Мадлена.

ны из областей традиционного обитания и оказались в зоне Прибалтики, на крайнем северо-восточном конце Европы¹¹¹ или даже еще восточнее¹¹². Например, комплекс кремневых орудий культуры Маглемозе, несмотря на ее крайнее северное в пределах Европы положение, имел очень много типичных капсией черт¹¹³. Сложение так называемого свидеро-тарденуаза, занимавшего значительные пространства Польши, Литвы и Белоруссии, свидетельствует о процессе скрещивания двух культур различного происхождения —

ремещение именно сюда, под воздействием азиль-тарденуазского (провинциально-капсиейского) фактора, эпицентра свидерской культуры. И наконец, появление мезолитической культуры Кунда в Восточной Прибалтике свидетельствует о том, что западноевропейский мадлен доживал свой век отнюдь не в ареале формирования этого типа культуры, то есть не в приатлантической части Западной Европы.

Исключение составляет лишь крайний юго-восток Европы, где, как мы полагали, на основе

палеолитической культуры типа Гонцы — Борщеве II возник особый тип раннего мезолита (Осокоровка, Ямбург, Сурской остров V, Роголик — Акимовка)¹¹⁴, почти не знающий геометрических

культуры и о вытеснении ими основной части палеоевропейских племен, прежде всего на крайнюю восточную периферию Европы, где образовались две зоны — северная, представленная

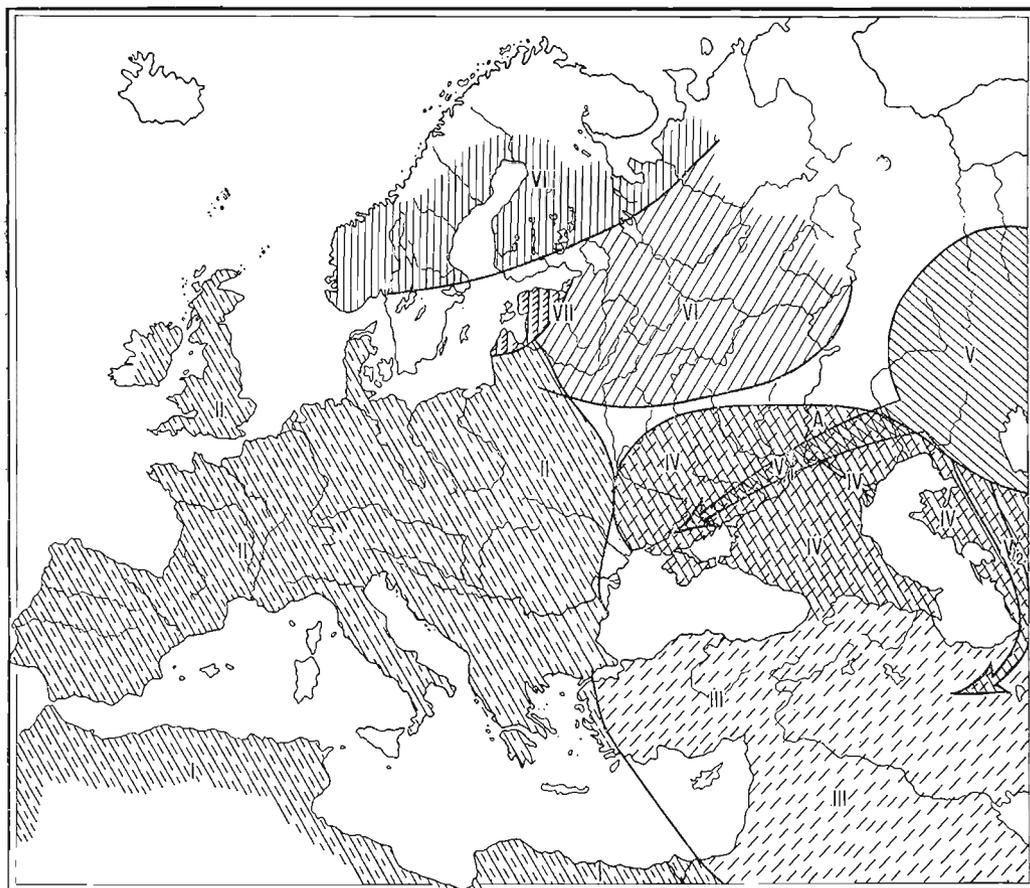

Рис. 71. Схема перехода от мезолита к архаическому неолиту:

I — Западный Каспий; II — мезолит каспийско-приатлантического облика; III — Восточный Каспий; IV — мезолит Юго-Восточной Европы с переживаниями Каспия и гонцовской культуры; V — западная оконечность сибирской области палеолита-мезолита без геометрических форм; VI/1 — зона продвижения и формирования культур кукуреского облика; VI/2 — зона проникновения мезолита без геометрических форм на Ближний Восток; VII — ареал переживания Свидера; VIII — ареал переживания Кунды; VIII — арктический палеолит. A — Район оптимальных условий для первоначального приручения крупного рогатого скота.

форм и характеризующийся небольшим количеством трапезий крупных размеров¹¹⁵.

Как о том говорят данные ряда сравнительно поздних мезолитических местонахождений Нижнего Дона, местная культура, в силу проникновения с Кавказа каспийской инфильтрации, не была свободна от южных влияний, проявляющих здесь в ряде признаков материального комплекса, включая геометрические микролиты и среди них — настоящие сегменты¹¹⁶ (рис. 70; 71).

Приведенные факты, относящиеся к позднему палеолиту, особенно к мезолитической эпохе, свидетельствуют о неуклонно прогрессирувавшем процессе ассимиляции коренного населения европейского материка проникающими с юга этнокультурными массивами с каспийской окраской

позднейшим свидером и мезолитической культурой, Кунда, и южная, представленная мезолитическими памятниками доно-днепровского ареала.

Все это свидетельствует о том, что непрерывность развития Европы на протяжении палеолитической и мезолитической эпох нередко преувеличивается, что и обуславливает зыбкость гипотезы о начавшемся в Европе еще в палеолите процессе автохтонного сложения индоевропейцев.

ЭПОХА НЕОЛИТА

В предшествующем разделе, где сопоставлялись основные выводы языкознания с полученными нами археологическими данными по вопросу возможной этнолотогнической принадлежности конкретных

этнокультурных массивов, говорилось уже немало. Остановимся на самом главном.

Суммированные выше факты разрешают сделать вывод о том, что сложение неолитической культуры на территории Южной Европы и в прилегаю-

рий индоевропейской этнокультурной области.

Рассмотрим наиболее важные факты по порядку (рис. 71; 72; 73; 74). На крайнем Юго-Западе Европы, в обстановке продолжающейся капсидской инфильтрации, вероятно еще в конце VII тысячеле-

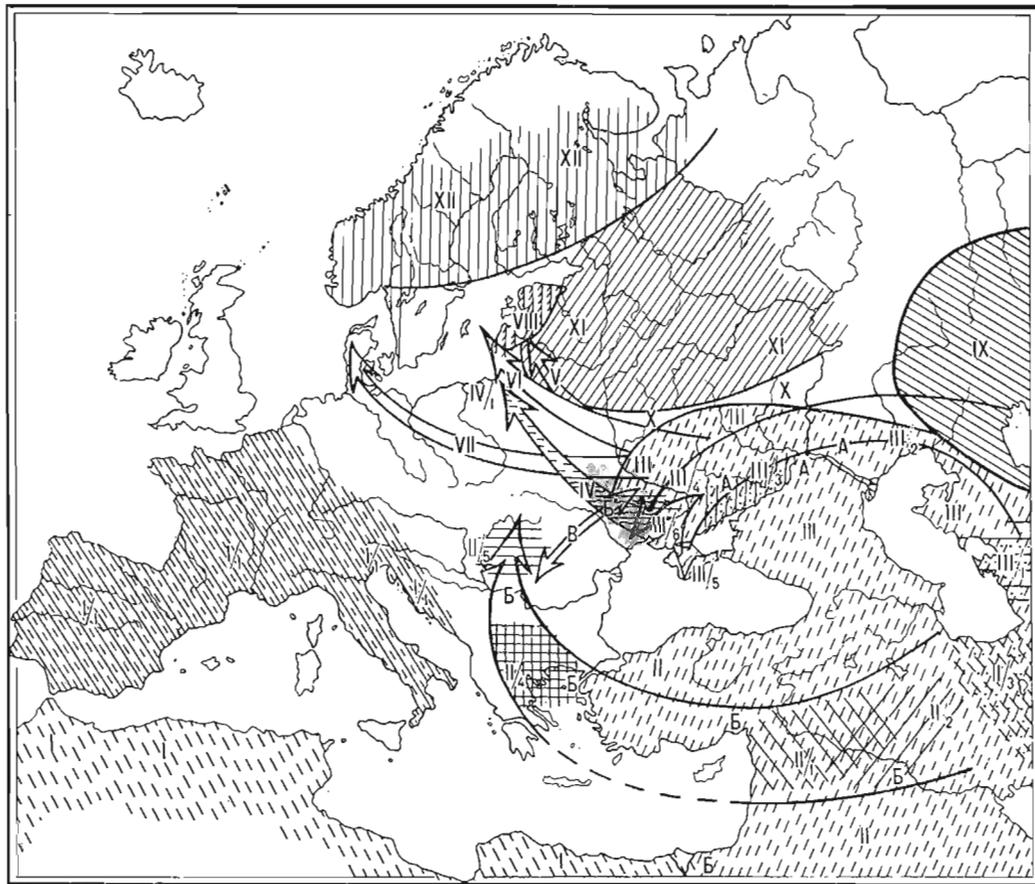

Рис. 72. Схема перехода от архаического к раннему керамическому неолиту:

I — Западный поздний Капсид докерамического периода: III — Южноевропейское ответвление Западного докерамического Капсид. II — Восточный поздний Капсид докерамического периода: IIII — Сирокилийская область; III/2 — Ирано-Иракская область (Сараб — Джармо); III/3 — мазандаранская культура; III/4 — Центральнобалканская область; III/5 — Средиземноморский компонент формирования неолита линейно-ленточной керамики. III — Северная территория Восточного Капсид: IIIII — культура Джебела; IIII/2 — родственная Джебелу культура Северного Прикаспия; IIII/3 — Приазовская культура; IIII/4 — Сурско-днепровская культура; IIII/5 — древнейшее ядро крымской культуры; IIII/6 — древнейшее ядро буго-днепровской культуры. IV — Струмельско-дубечайское ответвление буго-днепровской культуры: IV/1 — Серовская группа. V — ядро ладожской культуры. VI — ядро иарской культуры. VII — ядро эрзебелльской культуры. VIII — пережиточная культура Кунда. IX — Западная окраина сибирской докерамической области с кремневой индустрией без геометрических форм. X — зона контакта между Северовосточной периферией докерамического Капсид и эписвидерской областью. XI — эписвидерская область. XII — арктический палеолит. А — зона древнейшего разведения крупного домашнего скота; Б — зона формирования земледелия; В — зона контакта между буго-днепровским и придунайским ареалами.

щих к ней на Востоке областях Азии началось довольно рано (VIII—VII тысячелетия до н. э.) и происходило в непосредственном контакте с аналогичным процессом, начавшимся несколько раньше на Ближнем Востоке.

Можно говорить о трех зонах контакта со средиземноморским миром и трех путях сложения неолита Европы и прилегающих к ней районов Азии. Один из этих путей, как мы полагаем, был связан с наиболее архаическим периодом исто-

тия до н. э., то есть тогда же, когда на территории Старого света вообще происходил переход от архаического (докерамического) неолита к раннему керамическому неолиту, возник ареал земледельческого неолита impresso-керамики (тип Мольфета-Арена-Кандида), который быстро расширился за счет балкано-дунайского пограничья, о чем свидетельствуют такие важные археологические реперы, как Зелена Печина — Старчево — Неа-Никомедея — Кереш и др.

Этнокультурная принадлежность этой зоны неолита Южной Европы может быть понята лишь в плане ее связей с хамито-берберской этнокультурной средой. Баски, наиболее вероятно, являются дожившими до современности представи-

морского — палестино-сиро-килийского инфильтрации произошло сложение второго, также земледельческого в основе южноевропейского этнокультурного ареала, классическими представителями которого являются относящиеся к эпохам нео-

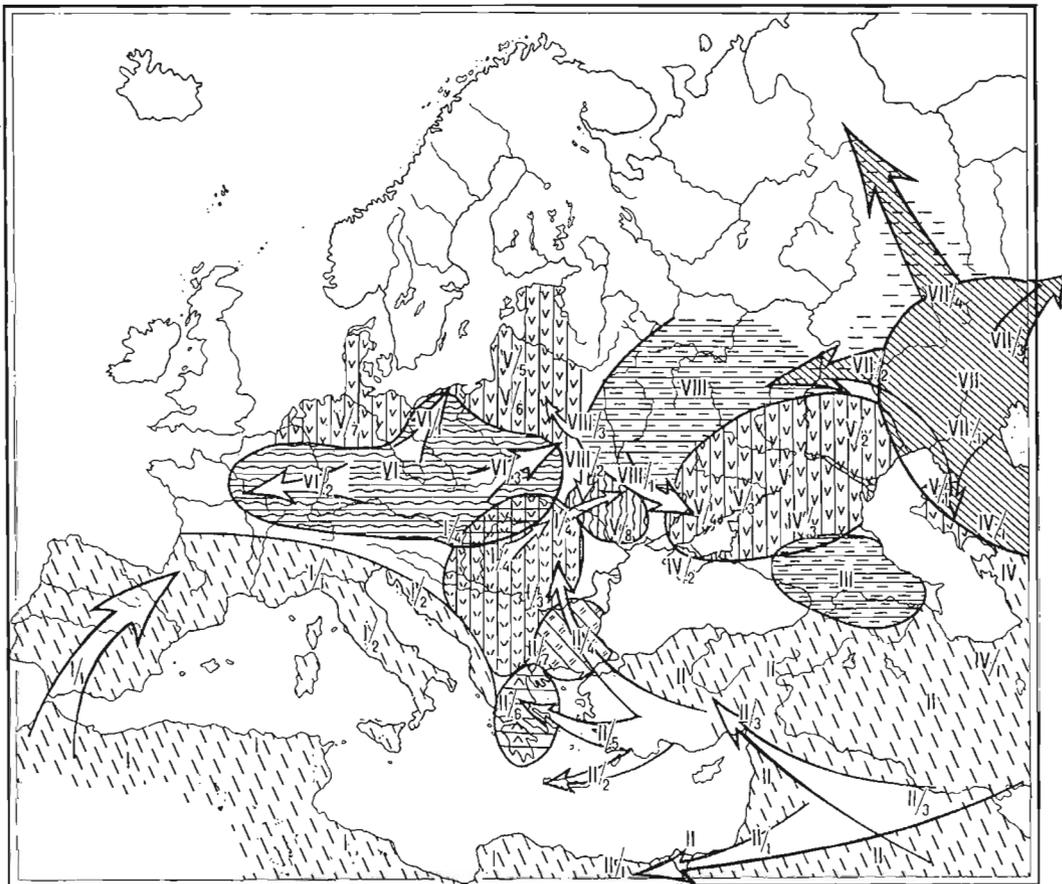

Рис. 73. Схема перехода от раннего к развитому неолиту:

I — Западный Капсий с ранней «импрессо»-керамикой; 1/1 — Южноевропейское ответвление Западного Капсия с «импрессо»-керамикой; 1/2 — культуры зоны контакта южноевропейского неолита «импрессо»-керамики с старчево-керешской областью; 1/3 — старчево-керешская область; 1/4 — главные направления старчево-керешской инфильтрации. II — земледельческие культуры, возникшие на субстрате Восточного Капсия; 11/1 — сиро-килийский и нижнеильский ареалы с лощеной керамикой; 11/2 — критское ответвление анатолийского ареала; 11/3 — 11/7 — схема распространения культур расписной керамики из ирано-анатолийского ареала в эгейский. III — общекавказский ареал, возникший на субстрате Восточного Капсия. IV — скотоводческие культуры с разведением мелкого рогатого скота, сформированные на основе восточного Капсия; IV/1 — группа Джебела; IV/2 — неолит Крыма; IV/3 — Прикавказская культура. V — восточно-европейские скотоводческие культуры с разведением крупного рогатого скота, возникшие на основе Кукрека и их северо-западные ответвления (тип Эртебелле); V/1 — Северокавказская группа; V/2 — нижеволжская группа; V/3 — нижедонская группа приазовской культуры; V/4 — приазовская культура; V/5 — ладожское ответвление; V/6 — нарвское ответвление; V/7 — эртебелльское ответвление; V/8 — Буго-Днестровская культура на первом керамическом этапе. VI — ареал культуры линейно-ленточной керамики; VI/1 — направление инфильтрации в прибалтийском направлении; VI/2 — направление инфильтрации в рейнском направлении; VI/3 — в днестровском направлении. VII — западная окраина сибирского кельтеминнарского ареала с кремнем без геометрических форм; VII/1 — кельтеминнарская инфильтрация в зону культуры Джебела; VII/2 — кельтеминнарская инфильтрация в зону формирования днепро-донецкой культуры; VII/3 — кельтеминнарская инфильтрация в Южное Зауралье (Андреевское озеро); VII/4 — кельтеминнарская инфильтрация в пещерском направлении. VIII — эпсвидерский ареал; VIII/1 — инфильтрация на Северский Донец; VIII/2 — инфильтрация в Карпаты; VIII/3 — инфильтрация в Среднюю Прибалтику.

телями населения этой некогда обширной этнокультурной области¹¹⁷.

В балкано-эгейской части Европы, на основе того же типа азиль-гарденуазской культуры, которая господствовала и в приатлантической части Европы, а равно и культуры восточносредиземно-

литы и энеолита культуры Протосескло — Сескло, Херонея и другие, в которых мы видим маргинальное ответвление семито-хамитического этнокультурного контакта.

На раннем этапе развития с этим ареалом смыкается культура линейно-ленточной керамики, хо-

тя в целом она относится к иному этнокультурному ареалу.

Первая и вторая линии развития древнеземледельческого неолита Южной Европы нередко пересекались, о чем говорит сам факт сложения стар-

товой керамики и привело к возникновению сложной этноглобтогонической ситуации. Следует отметить, что этническая картина в ареале так называемой дунайской культуры усложнилась возникновением контакта с третьим восточноевропейским

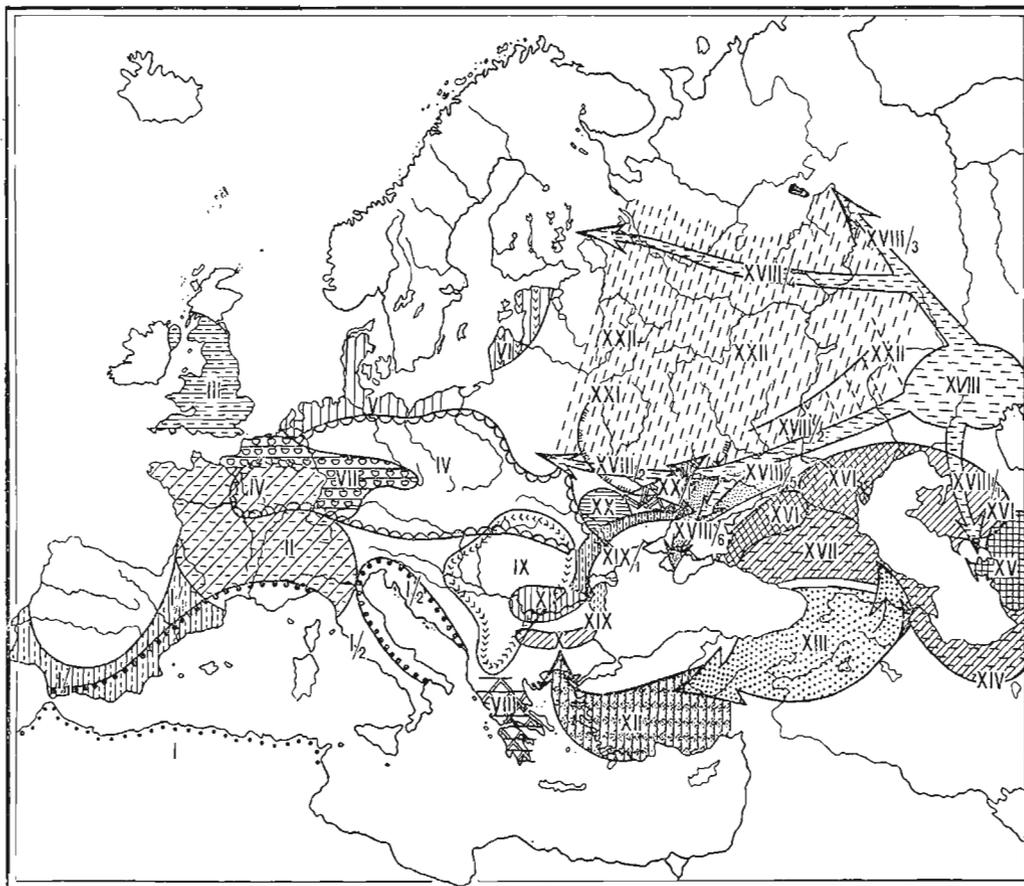

Рис. 74. Схема перехода от неолита к энеолиту:

I — североафриканские культуры «импрессо»-керамики: I/1 — Альмерийская культура с чертами «импрессо»-керамики; I/2 — Приадриатические культуры с «импрессо»-керамикой. II — культура Шассей-Лагга. III — культура Уиндмилл-Хилл. IV — культура линейно-ленточной керамики на позднейшем этапе максимального распространения. V — Пережиточная культура Эртебелле. VI — Нарвская культура. VII — Михельсбергская культура. VIII — культура Сескло. IX — ареал старчевско-керешского субстрата. X — культуры Караново III—V. XI — культура Дудешть. XII — западноанатолийский поздний энеолит троадского типа. XIII — восточноанатолийский поздний энеолит — кирбет-керакско-кюль-тепинского типа. XIV — поздний мазандеранский энеолит. XV — поздняя культура Джебела. XVI — ямная этноисторическая область периода формирования. XVII — область раннего Майкопа. XVIII — ареал перенаселения кельтеминарской этноисторической области и ее филиалы: XVIII/1 — восточнокаспийская; XVIII/2 — днестро-припятская; XVIII/3 — двинско-печерская; XVIII/4 — слеррингская; XVIII/5 — приазовская; XVIII/6 — азово-днепровская. XIX — культура Хаманджия: XIX/1 — зона контакта азово-днепровской культуры и культуры Хаманджия. XX — буго-днепровская культура савранско-хмельницкой фазы: XXI — инфильтрация поздней буго-днепровской культуры на Днепр. XXI — западная граница максимального распространения днепро-донецкой неолитической области. XXII — зона контакта северных палеоевропейцев с кельтеминарцами.

чевской культуры, или же теснили друг друга, что подтверждают стратифицированные местонахождения Фессалии¹¹⁸.

На относительно позднем этапе, археологические культуры, представляющие вторую линию развития, вклинились в южную окраину архаической культуры линейно-ленточной керамики, что способствовало появлению смешанных культур наподобие восточно-словакской культуры волю-

этнокультурным ареалом, прежде всего с буго-днепровской культурой, что привело к широкому распространению ленточно-волкутового орнамента.

Итак, ни первая, ни вторая линия развития не представляются нам индоевропейскими. Это заключение должно привлечь внимание лингвистов как в плане проверки наших выводов путем разыскания соответствующих ономастических глосс, так и в плане анализа соответствующих фактов языка

с целью выявления предполагающихся нами этноязыковых контактов.

В зоне евразийских степей, куда для времени раннего неолита относится область Каракумов, сложение и развитие неолитической культуры шло по скотоводческому пути развития. В нем участвуют два основных компонента — местный мезолит, давший, как мы полагаем, начало памятникам так называемой азово-кукрекского типа, и особый восточносредиземноморский тип неолитической культуры, явственно проступающий сквозь археологический облик Джебела. Сложение последней происходило в Прикаспии-Приазовье на экономической основе приручения и разведения крупного рогатого скота. Культура этого типа, вероятно в силу относительного перенаселения территории, на которой с появлением скотоводства людей больше всего интересовали пастбища, должна была быстро распространиться в различных направлениях. Так, в частности, возникли приазовская, сурско-днепровская и крымская культуры.

В различных частях зоны контакта с древнеземледельческим ареалом, например в Северо-Западном Причерноморье и Западной Анатолии, в результате скрещивания пришлой с востока культуры и местного субстрата возникли буго-днепровская культура и недостаточно определенный ранний неолит балкано-дунайского и западно-анатолийского ареалов, получающий продолжение в культуре Караново I и древнейшего Чатал-Хююка.

С процессом развития буго-днепровской культуры связано сложение культуры струмельско-дубечайского типа, распространившейся до Прибалтики и служившей важным звеном в процессе индоевропеизации Севера Европы.

На Подунавье, по нашему мнению, так же не без контакта с востоком Европы, в обстановке пересечения с южными этнокультурными течениями происходило сложение культуры линейно-ленточной керамики, вероятно, ближе других соприкасавшейся с процессом формирования западноиндоевропейского этнокультурного иллиро-кельто-италийского ареала.

В то же время в восточной Прибалтике, очевидно так же вследствие прямого контакта с Волго-Донским югом, появились первые ладожские неолитические стоянки и возникла нарвская культура, а на северо-западе Прибалтики, не без участия струмельско-дубечайского компонента, произошел переход от маглемозской к эртебельской культуре. Думаем, что все эти культуры образовывали северный ареал области индоевропеизации.

Итак, из сказанного можно сделать следующий основной вывод: формирование индоевропейской этнокультурной области, вероятно, началось еще на основе скрещивания местной и пришлой с Востока мезолитической культур, последняя генетически предвляла Кукрек. Социально-экономическую основу процесса формирования состав-

ляли переход на этап доминирования матриархального племени, а также возникновение скотоводства, прежде всего разведение крупного рогатого скота.

Начавшийся в раннем (керамическом) неолите процесс территориального расширения области формирования индоевропейцев означал не только начало индоевропеизации различных проявлений субстрата, но и начало распада индоевропейской этноисторической общности на диалектике зоны (рис. 73).

Развитая пора неолитической эпохи (конец V тысячелетия до н. э.) в Европе протекала под знаком коренных этноисторических перегруппировок, имевших общеевропейские, почти глобальные масштабы.

Прежде всего необходимо напомнить о расселении с территории современной Чехословакии племен линейно-ленточной керамики и о занятии ими территорий современных Польши, Румынии, Молдавии и северо-западных районов Украины. Процесс этот, безусловно, был связан с определенной фазой этнической консолидации западной группы формирующихся индоевропейцев.

Затем следует не меньший по масштабам важности этноисторических последствий процесс формирования днепро-днепровской культурной области. Он был связан с расселением с северо-востока, возможно с верховий Дона или Волги, значительных групп палеоевропейского населения. Такое переселение на нынешнюю Украину не только обусловило возникновение днепро-днепровской культуры, но и привело к частичной ассимиляции таких культур эпохи неолита, как струмельского типа, сурско-днепровской, приазовской и, наконец, буго-днепровской. Процесс индоевропеизации части Юго-Восточной Европы, затронутой экспансией днепро-днепровских племен, явно притормозился, но он продолжал развиваться в Степном Задонье и Северном Прикаспии, являясь по существу процессом этнической консолидации восточных индоевропейцев (рис. 74).

ЭПОХА ЭНЕОЛИТА

Поздняя пора неолита и ранняя пора энеолита в условиях Юго-Восточной Европы в какой-то степени совпадали. Это объясняется тем, что в начале IV тысячелетия до н. э., на Южной территории Европы происходил процесс формирования целого ряда древнеземледельческих энеолитических культур, включая трипольскую; в то же время в северо-восточном лесном ареале формировался неолит ямочно-гребенчатой керамики (рис. 74; 75).

Дудешть, Караново III, Тордош, Вэдастра, Боян и Триполье — различные звенья единого этноисторического процесса. Важным для понимания процесса их формирования является осознание факта органически тесной связи этих культур с

энеолитом Древнего Востока, в частности с культурами типа Гиссар II, Алишар (халколитический слой). Особенно важен последний. Можно не сомне-

ме вырезной, так называемый ковровый орнамент посуды, украшение монохромной посуды каннелюрами¹¹⁹ и пр.

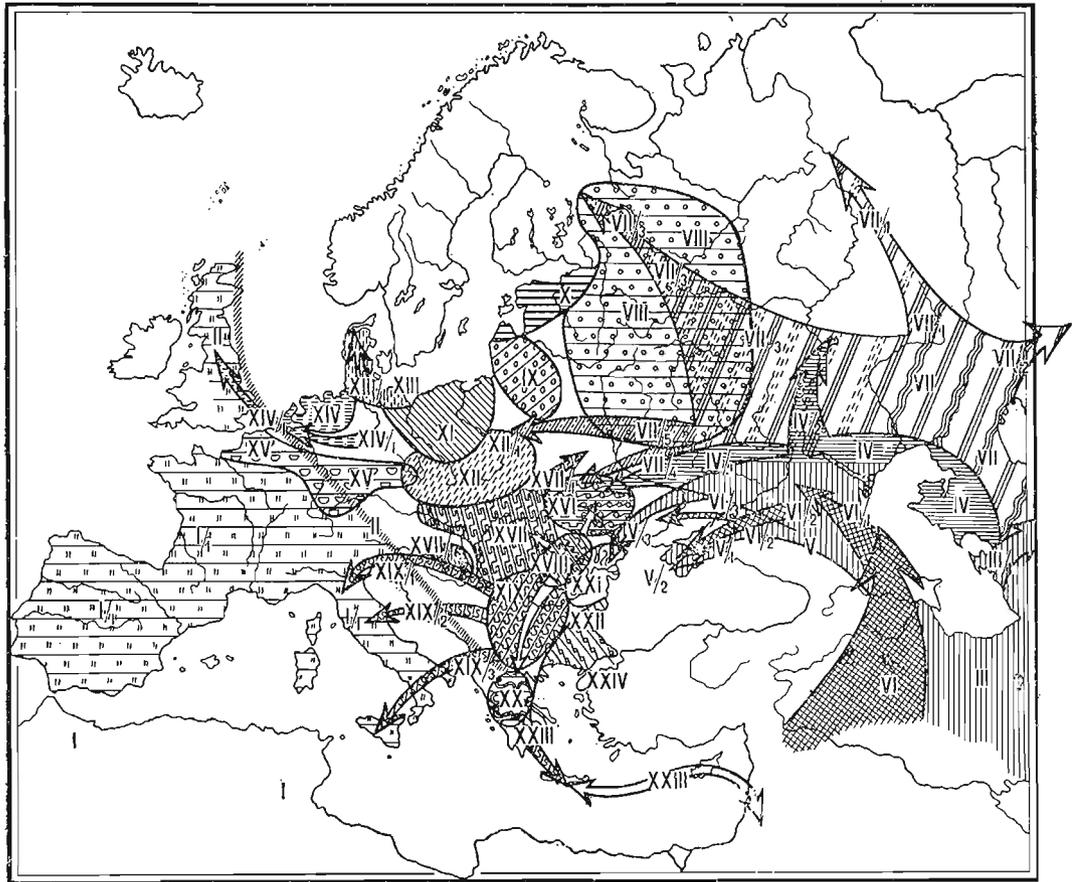

Рис. 75. Схема периода развитого энеолита:

I — пережиточно неолитические культуры с «нимпрессо»-керамикой, возникшие на западнокаспийской основе: I/1 — западноевропейские пережиточно неолитические культуры с переживаниями Западного Каспия. II — западная граница индоевропейской области. III — поздняя энеолитическая культура Мазандерана; III/1 — узбойско-суярганская этноисторическая область. IV — процесс расширения ямной области: IV/1 — расселение в днепровском направлении; IV/2 — расселение в волжском направлении. V — Майкопская область: V/1 — Причерноморско-приазовский ареал; V/2 — крымский субстрат кемнобиинской культуры, родственной Майкопу; V/3 — северприазовско-причерноморский ареал. VI — Кирбет-Киракская-Кюльтепинская область: VI/1 — Новосвободненская зона контакта; VI/2 — Таманско-крымская зона контакта — ареал сложения кемнобиинской культуры; VI/3 — нижнеднепровская (старшая михайловская) зона контакта. VII — ареал распада перенаселенной части кельтеминарской области: VII/1 — двинско-печерское ответвление; VII/2 — южнозауральское ответвление; VII/3 — спрингское ответвление; VII/4 — ответвление в поздний днепро-донецкий ареал (типы: устье Оскола, верхний слой Никольская Слободка II/2); VII/5 — деснянско-припятско-висленское ответвление (типы: Волынцево — Городок — культура керамики «гебиковой»). VIII — неолит ямочно-гребенчатой керамики. IX — культура струмельско-дубечайского типа. X — поздние дереваты нарвской культуры. XI — первичный ареал культуры воронковидных кубков. XII — восточный ареал культуры воронковидных кубков: XII/1 — грибовичская группа. XIII — западный ареал культуры воронковидных кубков: XIII/1 — ютландское ответвление. XIV — культура воронковидных кубков с мегалитами: XIV/1 — северноморско-британское ответвление. XV — Михельсбергская культура. XVI — Трипольская этноисторическая область в процессе продвижения на Средний Днепр. XVII — Лендельско-тисская область: XVII/1 — австрийское ответвление. XVIII — трансильванский (петрешско-аруждский) ареал с инфильтрами в центрально-балканском (дименийском), гудменницком, лендельском и кукутено-трипольском направлениях. XIX — Бутмирский ареал и его инфильтрации: XIX/1 — итало-французское ответвление; XIX/2 — италийское ответвление; XIX/3 — сицилийское ответвление. XX — культура Димени. XXI — культура Гумельница. XXII — Гумельница — Русе. XXIII — канал центрально-балканско-западно-анатолийских связей. XXIV — контакт в районе Мраморного моря.

ваться в том, что именно из глубин Анатолии в Южную Европу проникает не только пашенное земледелие и металлургия меди, но и основные формы сосудов, включая известные вазы на ножках, а также особый, выполненный в крестовой схе-

Черты малоазийского налета четко прослеживаются на материалах Караново III, Дудешть, Вэдастра и некоторых греко-фессалийских памятников. Боян занимает промежуточное положение, а древнейшее Триполье — затронуто этим

влиянием лишь незначительно. Обращает на себя внимание тот факт, что в ареале Бояна определено господствуют не ковровые композиции, а меандровая схема, в то время как в области Триполья преобладает спирально-волотовый орнамент.

В настоящее время древнейшими из известных трипольских памятников являются Гайворон — Шумилово. В отношении кремня они не отличимы от памятников типа Флорэшт, синхронность которых с Бояном-Джулешть не вызывает сомнений. О синхронности Гайворона с памятниками названного типа свидетельствуют найденные керамические импорты в Гайвороне, происходящие из боянского ареала. Между тем в основных проявлениях глиняная посуда Гайворона сходна с хмельникской, что подчеркивает значение буго-днестровской культуры для формирования как самого Триполья, так и Боян-Зэнешть.

Сказанное будет неполным, если не напомнить, что памятники, отчасти сходные с Зэнешть, были выявлены на островах восточной части Эгейского бассейна¹²⁰. Это подчеркивает масштабность процесса, его сложность, необходимость выявления исторической перспективы и невозможность решать этноисторические проблемы, руководствуясь данными ограниченных территорий.

Не подлежит сомнению, что во всех перечисленных выше культурах мы имеем дело с индоевропейскими материалами, возможно с протодакомизийцами.

В северной половине древнеземледельческой Европы в это же время широко распространяются позднеолитические памятники с линейно-накольчатой керамикой, являющиеся своеобразным продолжением культуры линейно-ленточной керамики¹²¹. Резкое изменение облика этой культуры нельзя объяснить одними гомогенными процессами этноисторического развития, ибо в это же время весь северо-восток Юго-Восточной Европы был занят племенами формирующейся неолитической культуры ямочно-гребенчатой керамики, для которой накольчатые схемы обычны, а родственной ей неолит гребенчатой керамики граничил на территории Польши с неолитом линейно-накольчатой керамики¹²².

Вопрос об этнической детерминации неолита ямочно-гребенчатой керамики довольно прост. Так, не подлежит сомнению, что он в целом должен рассматриваться как палеоевропейское явление, которое в силу очевидного контакта с явлениями типа Кельтеминар-Сперрингс также содержало определенную долю палеосамодийского компонента¹²³.

Сложнее обстоит дело с неолитом линейно-накольчатой керамики. В связи с тем, что на него очень рано нагласовывается культура так называемого лендельского типа¹²⁴, захватывая обширные пространства Чехословакии и Польши¹²⁵, процесс ее сращивания с южноевропейскими земле-

дельческим ареалом приобретает стремительно расширяющиеся размеры.

Вероятно, именно в силу такого сращивания на территории современных ГДР и ФРГ возникают памятники так называемого рессенского типа¹²⁶. Не исключено, что в их формировании приняли участие также прибалтийские культуры, включая Эртебёлле-Кампиньи и, вероятно, Михельсберг¹²⁷. Дальнейший этап этнокультурного развития Северной Европы более или менее известен: на основе названных выше этнокультурных явлений возникает ряд культур воронковидных сосудов и, возможно, культура шаровидных амфор. Воссоздаваемая подобным образом цепь этноисторического развития может получить и этническое объяснение в плане признания этнической связи местных культур с протокельто-германцами.

Отмеченные выше процессы в определенной мере затрагивали и северо-запад нынешней Украины: на рубеже середины III тысячелетия до н. э. здесь появляются памятники так называемого гоцанского типа, близкие к лендельским, родственные им памятники так называемой моравской расписной керамики, а затем появляются памятники культур воронковидных сосудов и, наконец, так называемых шаровидных амфор. В определенной мере повторяется картина этноисторического развития, воссоздаваемая для Южной Польши и, разумеется, Чехословакии, где все перечисленные выше явления прослеживаются в более архаическом проявлении (рис. 75).

Около середины IV тысячелетия до н. э. этноисторическая ситуация в Юго-Восточной Европе начала резко меняться. Несомненно, самым крупным событием этого времени является расселение из Задонско-Прикаспийского ареала племен возникшей к этому времени ямной культуры, а с прикавказской территории — племен майкопской, впоследствии азово-черноморской линии развития степного энеолита. Процесс охватил обширный степной ареал — от Прикаспия до Добруджи включительно. Ямная этнокультурная область просуществовала до рубежа III и II тысячелетий до н. э. В развитии населения этого ареала мы проследили ряд этапов, каждый из которых в этнокультурном плане получает начало на восточной прикаспийской оконечности ареала.

Процесс формирования ямной этнокультурной области дважды прерывался: около середины III тысячелетия до н. э., когда с прикавказского востока продвигаются носители культуры Михайловка I, а Крым занимается племенами кеми-обинской культуры; и в конце III тысячелетия до н. э., когда из припятско-деснянского Полесья продвигаются северные племена, возникшие на периферии Триполья, при вероятном участии переживаний неолитических культур предшествующей поры — днепро-донецкой и неолита ямочно-гребенчатой керамики.

Следует помнить, что между охотничье-скотоводческими культурами Юго-Восточной Европы и культурами ямного ареала лежит полоса азово-днепровской культуры, вклинивающейся между культурно-родственными явлениями двух смежных исторических эпох.

Ввиду своеобразной чересполосности процесса этноисторического развития ямной области, нам представляется целесообразным сначала остановиться на этнической детерминации тех компонентов, которые своим появлением как бы осложняли процесс сложения ямной культуры.

Самой древней из названных культур является азово-днепровская — культура Мариупольского могильника. Присущий ей археологический комплекс так не похожий на комплексы предшествующих неолитических культур, развивавшихся в азово-днепровском ареале, что поневоле приходилось думать о возникновении ее вследствие какой-то миграции. В настоящее время более или менее очевидно, что азово-днепровская культура возникла в результате сложных процессов.

А. В. Добровольский в свое время доказывал, что в развитии этой культуры на основании стратиграфических данных можно различить два этапа: с гребенчатой (этап Собачки, нижний горизонт) и с накольчатой (этап Средний Стог I) керамикой. Иными словами, архаический этап этой культуры ближе к материальному облику памятников типа Игрень VIII—Д₁. Становится все более очевидным, что сходные с Игренью памятники занимают значительные пространства лесостепного Левобережья Украины и, в частности, смыкаются с памятниками типа Бузки, отличающимися сложностью состава присущего им комплекса¹²⁸.

В то же время в памятниках раннего и позднего этапов азово-днепровской культуры присутствуют элементы, которые нельзя объяснить без признания факта инфильтрации. Речь идет о плоскодонной посуде с воротничковым венчиком, нередко украшенной накольчатым орнаментом. Мы уже высказывали предположение о том, что возникновение подобной посуды на территории Украины обусловлено инфильтрацией из Южного Приуралья. Такое предположение долго не подтверждалось памятниками на промежуточных территориях. Тем важнее подчеркнуть, что памятники, сходные с азово-днепровскими, открыты А. И. Мелентьевым в Прикаспии, а воронежским археологом А. Синюком — на Среднем Дону.

Итак, приведенные выше данные позволяют считать азово-днепровскую культуру возникшей, подобно днепро-донецкой, на палеоевропейской основе и содержащей как индоевропейский, так, по-видимому, и палеосамодийский компоненты.

Уже на первом этапе сложения ямной области азово-днепровская культура была ассимилирована и, что более возможно, носители ее были вытеснены в северную часть Среднего Поднепровья. В

пользу большей вероятности последнего предположения говорят сходные с азово-днепровскими памятниками раннего бронзового века, выявленные в последнее время В. И. Неприной.

Следующий этап в сложении приднепровского ареала ямной области, как отмечалось, связан с культурным типом Михайловка I и, разумеется, с кеми-обинской культурой. Обе они представляют вторую, так называемую азово-черноморскую линию развития степного энеолита. Им предшествуют памятники капуловского типа, относящиеся к этой же линии развития. Их тормозящая роль в процессе формирования ямной культуры была менее очевидной.

Названные выше памятники связываются с явлениями майкопской периферии на основании их сходства с майкопскими и новосвободненскими, а также памятниками, подобными предыдущим, выявленным недавно на Нижнем Дону.

Крайним на востоке ответвлением того же культурного ареала мы считаем памятники суяргинской культуры, на западе — имеющийся в северо-западном Приазовье субстрат устатовской культуры¹²⁹ и саму культуру. Мнение о наличии у устатовцев культурного контакта с культурами Нижнего Дуная справедливо¹³⁰. Однако следует указать, что на Нижнем Дунае, в начале энеолита, в культуре Черновода имеются черты генетических связей с украинским азово-черноморским ареалом. Реальность последних подтверждает наличие в Добрудже новой для этого района Европы посуды с примесью толченой ракушки в массе, украшенной жемчужным орнаментом¹³¹. Такая посуда известна в майкопско-новосвободненской области, в нижнем слое Михайловки; к ней, что особенно важно, близка посуда недавно выявленной на Среднем Днепре культурной группы Пивиха. Рассмотрев памятники последнего типа несколько подробнее.

Они известны в виде небольших поселений и выявлены в чистом виде в части Поднепровья (между Кременчугом и Обуховым) и в виде примеси особого типа посуды — в ямных комплексах на Нижнем Днепре и в районе Киева. Керамика представлена характерной красноватой (вследствии покраски охрой) посудой, обычно украшенной жемчужным орнаментом и резе — шнуром. Известно погребение под курганной насыпью, сопровождавшееся несколькими человеческими черепами, характерным сосудом и статуэткой в виде сидящей женщины с «нимбом». Обрисованные черты памятников пивхинского типа не могут быть объяснены явлением «трипольской периферии», но зато их легче понять в плане сопоставлений с явлениями майкопско-новосвободненского ареала¹³².

С кругом рассматриваемых явлений смыкается и куро-аракский энеолит, перекликающийся с кирбет-керакской культурой Древнего Востока¹³³, или, как ее теперь называют закавказские исследователи, кюльтепинской культурой¹³⁴, а также и

культурно-зависимые от них памятники катакомбной культуры калмыцко-маньчского ареала. Сходство посуды и металлических изделий калмыцко-маньчских памятников с новосвободненскими позволяют думать о некоторой этнической родственности населения этих двух групп памятников

довольно сложное, и мы высказали только отдельные предположения (рис. 76, 77).

Во-первых, исходя из того, что на территории Центральной Анатолии в раннем бронзовом веке появляются погребальные комплексы аладжакюкского типа, чем-то напоминающие майкопский

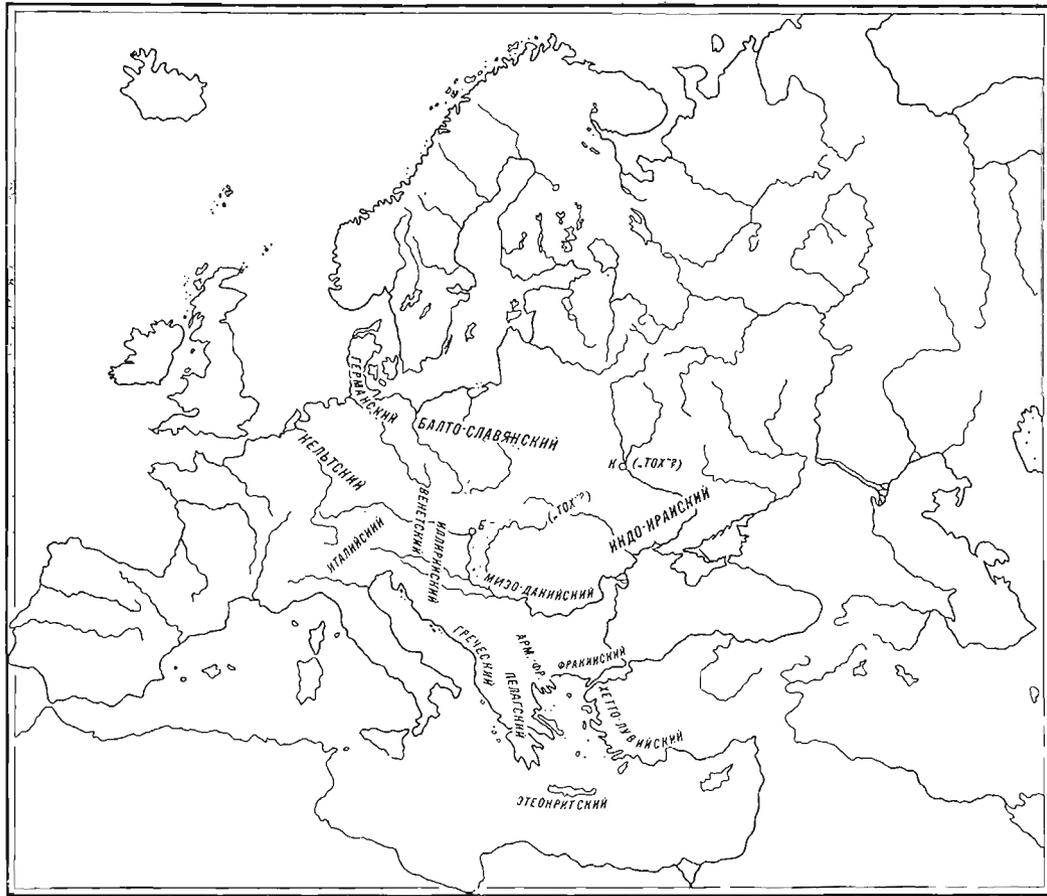

Рис. 76. Распространение индоевропейских языков к 3500—2500 г. до н. э. По В. Георгиеву.

В настоящее время с достаточным для того основанием кюльтепинскую (куро-аракскую) культуру и ее производные связывают с развитием кавказского, в конечном итоге палеокартвельского, этнокультурного массива¹³⁵. Думаем, что под рубрику последнего следовало бы полностью отнести кюльтепинскую культуру, катакомбную культуру калмыцко-маньчского ареала и отчасти послемайкопские памятники новосвободненского этапа. Связи кюльтепинской культуры с древнейшим, заведомо доиндоевропейским энеолитом Анатолии несомненны. Тем самым подтверждаются связи последнего с народами Хатти¹³⁶.

В ином свете представляется этническое определение суяргинской, майкопской, кеми-обинской, михайловской, усатовской и, вероятно, пивихинской культур.

Этническое определение этой группы культур

курган¹³⁷, а так же равно ряд данных свидетельствующих о появлении коня и всадничества¹³⁸, можно думать, что переход от майкопского этапа к новосвободненскому в этноисторическом плане означал переселение в Малую Азию какой-то группы индоевропейских племен, принимавших участие в сложении хеттского государства¹³⁹. Были ли это нессийцы, «иероглифические хетты», палайцы или даже индоиранцы на данном этапе развития науки сказать трудно.

Можно думать, что в лице суяргинской культуры мы имеем дело с реалиями индоиранской, то есть протоарийской, группы племен. Подобное этническое определение затрудняется тем, что присутствие арийского компонента в составе миттанийского государства в последнее время серьезно оспаривается, хотя и признается возможность хеттской принадлежности индоевропейцев, присут-

ствующих в хурритской этнической среде около середины II тысячелетия до н. э.¹⁴⁰

Во-вторых, мы не можем не учитывать вывода известного ираниста В. И. Абаева относительно принадлежности фракийского языка к satem-ной груп-

этапом и локальным проявлением протоиранского массива. При этом, однако, следует иметь в виду, что в границах Днепровского бассейна племена ливихинской группы продолжают этнически переживать лишь в виде субстрата, в целом ассимилиро-

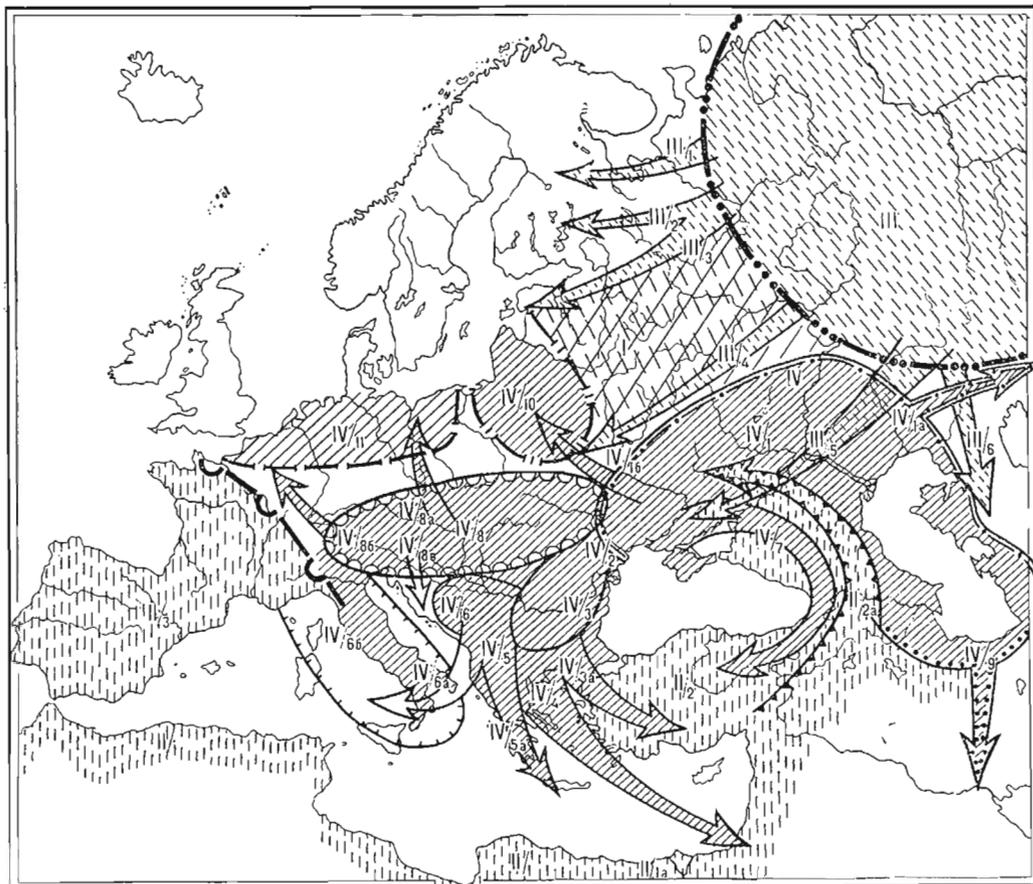

Рис. 77. Схема размещения индоевропейцев в начале письменной истории (середина III — первая половина II тысячелетия до н. э.):

I — зона контакта палеоевропейцев, протоугрофинских и древних индоевропейских племен. II/1 — южнокавказские племена; II/1a — каспийцы-палеохамито-семиты-древние египтяне; II/2 — восточнокавказские палеокавказские племена; II/2a — миграция палеокавказских племен; II/3 — палеонберийцы (протобаски). III — палеоугрофинские (палеосамодийские) племена; III/1 — приполярная миграция самодийских племен; III/2 — миграция палеофинских племен (Сперрингс); III/3 — миграция племен культуры Нарва — Акали; III/4 — миграция палеоугрофинских племен (тип Волынцево); III/5 — миграция протоазово-днепровских племен; III/6 — миграция кельтеминарских племен. IV—IV/1 — палеотохары; IV/1a — начало миграции палеотохарских племен на восток; IV/1б — экспансия древнеямных племен; IV/2 — палеофракийцы; IV/3 — палеодакомизийцы; IV/3a — лувийская миграция; IV/4 — пеласгская миграция; IV/5 — палеогреки; IV/5a — палеогреческая миграция; IV/6 — протопалеороманцы; IV/6a — миграция палеороманцев; IV/6б — палеороманцы; IV/7 — хеттская (несийская) миграция; IV/8 — палеоиллийцы; IV/8a и 8б — рассенская экспансия; IV/8в — палеоиллирийская миграция (протоалбанцы); IV/9 — палеоиндоиранцы и митанийская миграция; IV/10 — палеобалтославяне; IV/11 — палеокельтогерманцы.

пе индоевропейцев и о его близости к иранскому¹⁴¹. Нам остается подчеркнуть, что внедрение в трипольскую среду степного энеолитического пастушеского компонента в определенном смысле можно рассматривать как процесс этнического обособления протофракийского ядра.

Есть основания высказать некоторые соображения относительно этнической характеристики памятников ливихинского типа.

Прежде всего, имеются данные, связывающие ливихинскую группу с каким-то промежуточным

важного ямной культурой и культурами южной зоны Украинского полесья, в которых также присутствуют компоненты культур неолитической эпохи и периферийного Триполья. Речь идет о памятниках типа Мнево¹⁴¹ и киево-кирилловских землянок¹⁴², то есть о том самом сложном этническом слиянии, которое в конце III тысячелетия до н. э. распространилось по всему Поднепровью, сметая на своем пути различные локальные культуры трипольской области, образовав на Нижнем Днепре памятники типа Нижний Рогачик¹⁴³.

Последние памятники были сравнительно недавно выделены О. Г. Шапошниковой. Их типичным признаком являются глубокие, почти овоидной формы горшки с небольшими плавными донцами, утолщенным венчиком, обычно с пальцево-защипным жемчужным орнаментом, и простым шнуровым или штамповым орнаментом по тулову. О. Г. Шапошниковой в стратифицированной толще Михайловки был выделен особый слой — Михайловка II₁, занимающий промежуточное положение между слоями Михайловка I и Михайловка II¹⁴⁴.

Сказанное позволяет подчеркнуть, что в условиях Поднепровья в развитии древнейшей этнокультурной области между памятниками среднестоговского и собственно ямного периодов (Михайловка III) прослеживаются два промежуточных этапа, характеризующихся перерывом в развитии ямной области, а именно Михайловка I и Михайловка II₁.

Как уже говорилось, наиболее архаические памятники ямной области (квятиянские и стоговские) занимали всю юго-восточную четверть территории современной Украины, переходя границу Днепра. На северном пограничье этого района возникли памятники типа Сунка, которые вследствие слияния с окраинными проявлениями Триполья перекристаллизировались в памятники типа верхнего слоя Молюхова Бугра¹⁴⁵. Южнее к Днепру и восточнее от него известны памятники синкретической природы, объединяющие в присущей им посуде черты собственно стоговского и дереивского типов памятников с общим орнаментом благодаря контакту с неолитом ямочно-гребенчатой керамики (рис. 75; 77). В комплексах дереивского типа встречаются импортные предметы, подтверждающие не только наличие связей между двумя ареалами, но и синхронность поздних памятников неолита ямочно-гребенчатой керамики с памятниками ямной культуры стоговского периода развития (рис. 75; 77).

В конце III тысячелетия до н. э., когда на территории Юго-Восточной Европы исчезает Триполье и другие синхронные и отчасти родственные с ним культуры, на территории Украины прекращают свое существование и памятники неолита ямочно-гребенчатой керамики. Проявляется это, в частности, в исчезновении всех названных выше синкретических типов памятников и в полном отсутствии ямочно-гребенчатого орнамента на посуде комплексов типа Михайловка II.

Все сказанное говорит о том, что юго-западная часть неолита ямочно-гребенчатой керамики, а с ним и палеоевропейско-палеосамодийский ареал под нажимом племен ямной культуры, вероятно, в виде каких-то ранних проявлений так называемой деснянской группы памятников, на рубеже III и II тысячелетий до н. э. покидает территорию Украины и постепенно распространяется по всей

лесной зоне Восточной Европы (рис. 75; 77). Еще раньше, в калмыцко-маньчском ареале под воздействием кюльтепинской культуры началось формирование местной катакомбной культуры. Прежде всего, это привело к весьма раннему вытеснению племен ямной культуры из этой области. Нечто подобное происходило и в приаральском ареале, где памятники типа заман-бабинского могильника переходили от ямного к катакомбному этапу развития¹⁴⁶.

Инфильтрация племен калмыцко-маньчской катакомбной культуры к западу и северо-западу привела к появлению своеобразного цепного этноисторического процесса: сначала в Прикавказье, затем северо-западнее, в первую очередь на Нижнем Дону, а потом и на Донеччине началось формирование ряда локальных культур катакомбного облика.

Можно привести немало доказательств тому, что ямные и катакомбные племена некоторое время сосуществовали, хотя, как мы уже говорили, между ними отсутствовала прямая генетическая связь. Помня, однако, что импульсивным центром формирования катакомбной этнокультурной области был калмыцко-маньчский ареал, мы не можем не заметить, что по мере продвижения катакомбной культуры к западу значение пришлового компонента падает, а значение «автохтонного» ямного — возрастает. Памятники катакомбного типа в последние годы найдены западнее Степного Поднепровья, чем подтверждается мысль О. Г. Шапошниковой о том, что именно в этой части Поднепровья продолжает существовать локальная ямная культура катакомбного времени¹⁴⁷.

Наиболее вероятно, что именно расселение и формирование локальных культур катакомбной области было главной причиной не только ассимиляции, но и разрыва некогда единой ямной этнокультурной области. В этом аспекте следует помнить, что в Степном Поволжье локальная катакомбная культура не сформировалась, а возникла так называемая полтавкинская культура, отличительной чертой которой является плоскодонная посуда, украшенная штампами. Не исключено, что полтавкинская культура является своеобразной реминисценцией той местной энеолитической культуры, которая сопоставлялась нами с азово-днепровской.

Начиная с конца III тысячелетия до н. э. появляется ряд территорий с памятниками ямного типа, сходных с некоторыми проявлениями культуры типа Михайловка II и III, постепенно продвигающихся по новым территориям в различных направлениях от центра ямной области.

Таковы, например, уже упоминавшиеся памятники деснянской группы, являющиеся подосновой местных среднеднепровских памятников. В этом же плане мы склонны рассматривать и древнейшие, «московской» группы памятники фатья-

новской культуры и памятники яцковичского типа, выявленные на правобережье Лесостепной Украины и на бывших коренных трипольских территориях, но к сожалению, еще недостаточно исследованные. Подобное невнимание к памятникам яц-

этнокультурной области. Еще в начале ее формирования, в Степном Поволжье присутствуют памятники типа Политотдельской, а позднее — Бережновки. Называвшиеся «ранее скипетры из Ак-сая, Новоорска и Куйбышева» также включаются

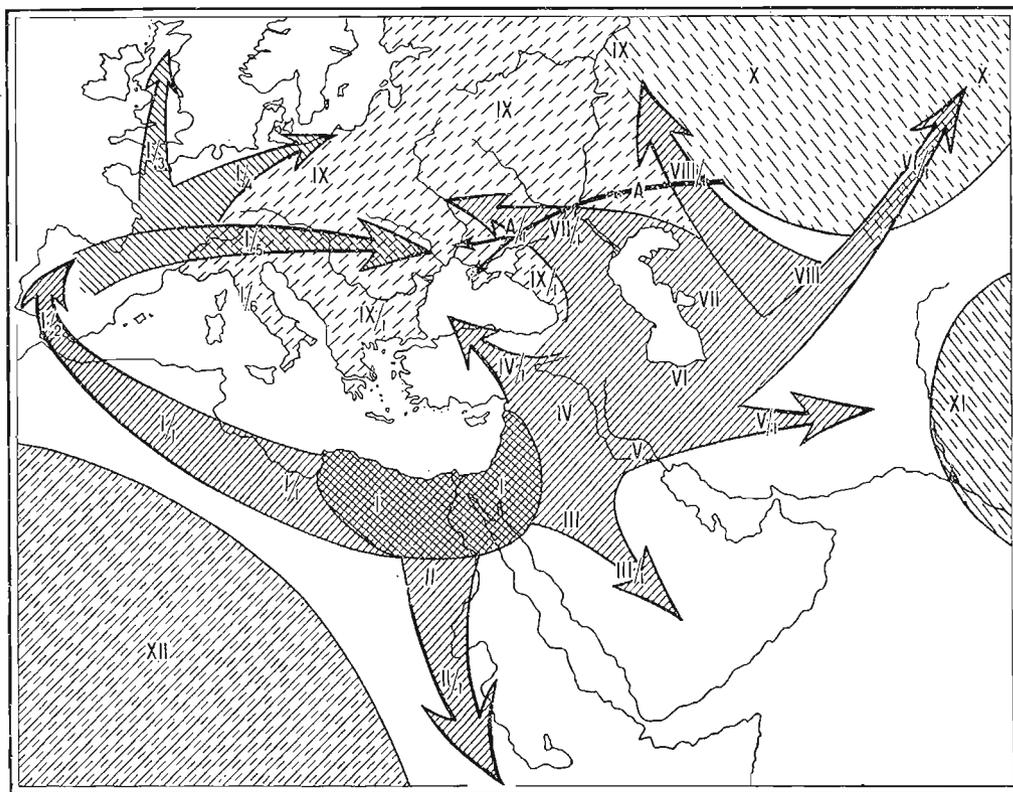

Рис. 78. Схема деления ностратического единства:

I — Предположительное древнейшее расположение ностратического диалектного единства: I/1—I/2 — динамика сложения протобасского массива; I/3, I/4, I/5, I/6 — исчезнувшие субстратные ответвления, возникшие вследствие ностратической инфильтрации. II—III/1 — динамика продвижения протохамитического массива. III—III/1 — динамика продвижения протосемитического массива. IV—IV/1 — динамика продвижения протокартвельского массива. V—V/1 — динамика продвижения протодравидского массива. VI—VI/1 — динамика продвижения протоалтайского массива. VII—VII/1 — динамика продвижения протоиндоевропейского массива. VIII—VIII/1 — динамика продвижения протоуральского массива. IX — палеоевропейская область. X — западная окраина палеосибирской области. XI — додравидская область Индии. XII — область палеоафриканских племен. A—A/1 — западный ареал зоны доместикации крупного рогатого скота.

ковичского типа тем более недопустимо, что они являются единственными во всей Европе памятниками, на которых можно проследить процесс появления специфических форм посуды шнуровой керамики из форм посуды ямочного комплекса. Этот факт подтверждает существующую ныне точку зрения о том, что культуры шнуровой керамики Средней и Западной Европы, столь непохожи на земледельческие культуры предшествующей энеолитической эпохи, являются результатом скрещивания старых локальных земледельческих культур с культурами ямного облика, пришлыми из Восточной Европы образующими восточноевропейский ареал культур шнуровой керамики¹⁴⁸.

Не менее грандиозные по масштабам и последствиям происходили процессы на восточном фланге

в границы намеченного выше ареала.

Ни севернее, ни восточнее памятники ямного типа не продвигаются. Им, несомненно, противостояли пережиточные неолитические культуры, в какой-то мере родственные Кельтеминару. Лишь на сравнительно поздних этапах развития ямной культуры присущие ей памятники занимают Степное Приуралье, не переходят за Урал, хотя и прослеживаются к югу от него, и, по-видимому, простирались по Северному Казахстану далее к востоку¹⁴⁹.

Обращает на себя внимание тот факт, что характерная этим памятникам посуда, как остродонные горшки, так и плоскодонные чаши, отличается вытянутостью пропорций тулова сосудов, нередко сплошь украшенных оттисками штампов; здесь

обычны линейно-накольчатые композиции, отсутствующие на территории Украины.

Оценивая подобное своеобразие восточных памятников в этническом аспекте, снова отметим наличие у них контакта с кельтеминским миром.

В III тысячелетии до н. э., когда у ямных племен появились отары овец и табуны лошадей, возникло всадничество, появилась арба и развилась местная металлургия меди — бронзы, племена этой области стали представлять собою значительную социально-экономическую силу, способную противостоять Кельтеминару.

Мы снова возвращаемся к вопросу об афанасьевской культуре, как филиации ямной, и к вопросу о том, что памятники афанасьевской культуры фиксируют один из этапов продвижения древних тохаров к востоку¹⁵⁰.

Исходя из того, что в тохарских языках присутствуют термины «медь», «конь», «бык», «ось», «колесо» и др., в звуковом отношении близкие к индоевропейским формам других языков, можно сделать вывод о том, что предки раннесредневековых тохар соприкасались с другими индоевропейцами не позднее периода ранней бронзы, то есть рубежа III и II тысячелетий до н. э.

«Железо», «бог», «царь», «господин» и др. у тохар звучали своеобразно, указывая на то, что все подобные термины были выработаны или самостоятельно или же принадлежат центрально-азиатскому языковому субстрату; возможно, в какой-то мере они заимствованы из санскрита или его субстрата.

В работе, посвященной неолиту Украины, мы говорили о прототохарской принадлежности ямной культуры и всех ее генетически обуславливающих явлений. В этом же плане определялась и афанасьевская культура¹⁵¹ (рис. 77).

В. Георгиев не случайно поставил древних тохар на карте Восточной Европы: такому решению предшествовала большая исследовательская, чисто языковедческая работа¹⁵² (рис. 76).

В будущем детальное рассмотрение тохарского вопроса может составить тему особого исследования. В настоящее время следует отметить научную решимость таких ученых, как А. П. Окладников, Г. Ф. Дебеч и М. М. Герасимов, которые давно, в обстановке господства автохтонистских догм, сочли возможным, каждый своими средствами, развивать миграционную версию гипотезы о возникновении афанасьевской культуры¹⁵³.

Выше мы пытались дать ряд реконструкций этноисторической ситуации Юго-Восточной Европы и прилегающих к ней территорий применительно к условиям различных эпох, начиная с конца палеолита и кончая началом бронзового века.

Более подробное рассмотрение этноисторической ситуации энеолитической эпохи объясняется тем, что с концом энеолита наступает распад отнесенного диалектного единства индоевропей-

цев и наступает бронзовый век, освещенный скудными, но исключительно ценными письменными источниками, благодаря которым стали известны древние лувийцы, хетты, греки, гиксосы, иранцы, тохары и др. В то же время уточняются конфигурация и размеры «рамы» неиндоевропейского окружения индоевропейцев, включая протосамодийцев, протобасков, протокартелов и др.

Индоевропейцы на самых ранних этапах своей истории прежде всего были скотоводами, ставшими впоследствии кочевыми пастухами. Они принесли миру овладение крупным рогатым скотом, конем и искусством всадничества.

Но прежде чем стать доминирующей в Старом Свете силой, индоевропейцы прошли длительный период формирования на степном пограничье Европы и Азии.

Деление на западную centum-ную и восточную satem-ную группы было не изначальным, но, вероятно, весьма древним. В определенной мере можно утверждать, что первую группу индоевропейцев в основном составляли земледельцы, а вторую — скотоводы — пастухи. Satem-ные инновации быстрее развивались в обстановке подвижной пастушеской жизни, в то время как centum-ный строй отстоял ближе к первооснове индоевропейской речи. При раскрытии процессов возникновения языковых инноваций и возникновения ареальных явлений, следует учитывать наличие клиньев и островов неиндоевропейских языков, временами возникавших и нарушавших плавное течение индоевропейского этноисторического процесса, что, впрочем, мало мешало разрастанию индоевропейской ойкумены, но в пределах ее вело к усилению языковых различий между непрерывно возникавшими диалектами.

Исторический аспект ностратической теории имеет под собой немалые основания. Родство басков, хамито-семитов и протокартелов может найти обоснование лишь в материалах капсийского ареала мезолитической эпохи, который в конечном итоге связан с Большим Средиземноморьем (рис. 78).

Труднее привязать к этому ареалу алтайцев, уральцев и дравидов, которые могут оказаться за пределами области мезолита с геометризованными формами (рис. 70; 71; 78).

С раскрытием процесса формирования индоевропейцев, что уже отмечалось, дело обстоит несколько легче, ибо они могут рассматриваться как результат скрещивания двух принципиально различных типов языка¹⁵⁴.

Обращает на себя внимание несомненная близость индоевропейских и алтайских наименований животных, особенно домашних, что может быть оценено в двух планах: или индоевропейцы в период формирования находились восточнее, чем мы предполагали ранее, или же предки современных тюрко-алтайцев обитали значительно западнее.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП — Археологічні пам'ятки
 ВЯ — Вопросы языкознания
 ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
 ИА АН УССР — Институт археологии Академии наук УССР
 КСИА АН СССР — Краткие сообщения ИА АН СССР
 КСИА АН УССР — Краткие сообщения ИА АН УССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
 САНтр — Советская антропология
 СА — Советская археология
 СЭ — Советская этнография
 ТРАС — Труды археологического съезда
 Тр. ЮТАКЭ — Труды южнотуркменской археологической комплексной экспедиции
 Arch. Anz — Archeologische Anzeiger
 Acta A. — Acta archaeologica
 АН — Archaeologia Hungarica
 An. St. — Anatolian Studies
 Ant. P. — Anthropological Papers.
 BdRGK — Bericht der Römisch — Germanischen Kommission.
 M. și C. — Materiale și Cercetări
 Proc. PS. — Proceedings Prehistoric Society
 SCIV — Studii și cercetari de istorie veche

ав. — авестийский	н. перс. — ново-персидский
алб. — албанский	ностр. — ностратический
алт. — алтайский	осет. — осетинский
арм. — армянский	перс. — персидский
болг. — болгарский	польск. — польский
брет. — бретонский	рум. — румынский
венг. — венгерский	рус. — русский
гот. — готский	скр. — санскритский
греч. — греческий	с/х — семито-хамитский
диал. — диалектное	срб. — сербский
драв. — дравидский	сл. — славянский
дрангл. — древнеанглийский	ср. — сравни
дрвн. — древневерхненемецкий	тж. — таджикский
дринд. — древнеиндийский	тох. — тохарский
дрнем. — древненемецкий	тур. — турецкий
дрпр. — древнепруссский	туркм. — туркменский
дрр. — древнерусский	укр. — украинский
и/е — индоевропейский	ур. — уральский
ир. — иранский	франц. — французский
ирл. — ирландский	фриг. — фригийский
картв. — картвельский	хет. — хеттский
лат. — латинский	хет. кл. — хеттский клинописный
лш. — латышский	хет. иер. — хеттский иероглифический
лит. — литовский	чеш. — чешский
монг. — монгольский	шум. — шумерский
нем. — немецкий	эвен. — эвенкский
неп. — непальский	

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ I

¹ В. В. Хвойка. Каменный век Среднего Приднепровья.— Труды XI АС в Киеве в 1899 г., т. I. М., 1901, стр. 736—812.

² А. А. Спицын. Археологические разведки. СПб., 1908, стр. 67.

³ А. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1907, стр. 149—154.

⁴ Г. Чайльд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 249—150.

⁵ O. Menghin. Weltgeschichte der Steinzeit. Wien, 1931, стр. 369.

⁶ G. Child. The Danubian in prehistory. Oxford, 1929, стр. 36—47, 60—III.

⁷ A. Stöckl. Pravek Země České, I, Věk kamenný. Praha, 1926, стр. 32—45.

⁸ S. F. Tompa. Die Bandkeramik in Ungarn. Budapest, 1929, стр. 174 сл.

⁹ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений.— МИА, № 10. М.—Л., 1949, стр. 28—30.

¹⁰ Е. Ю. Кричевский. Из истории Дунайского понизовья в неолитическую эпоху.— КСИИМК, вып. VIII. М.—Л., 1940, стр. 49—50.

¹¹ Е. Ю. Кричевский. Ранний неолит і походження трипільської культури. Палеоліт і неоліт України, I. К., 1949, стр. 351, 390—391, 398—401.

¹² С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре.— МИА, 38. М.—Л., стр. 278—281, 286.

¹³ Там же, стр. 278.

¹⁴ Там же, стр. 106, 279—280 и др.

¹⁵ С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение..., стр. 100—106 и 279.

¹⁶ Там же, стр. 219—238.

¹⁷ Там же, стр. 278.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 281 и сл.

²⁰ Там же, стр. 281 и 286.

²¹ Там же, стр. 204, 247 и сл.

²² Там же, стр. 280—281 и др.

²³ В. Даниленко. В наукова конференція Інституту археології АН УРСР.— Археологія, т. II. К., 1948, стр. 212—213; Его же. Неолит Побужья и вопрос о сложении трипольской культуры.— КСИИМК, № 9. К., 1959, стр. 4.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ E. Comşa. Considerații cu privire la evoluția culturii Boian.— SCIV, V, 3—4. București, 1954, стр. 375; D. Vergiciu. Contribuții la problemele neoliticului în România în lumina noilor cercetări. București, 1961, стр. 58, 365, 367—414.

²⁷ R. Vulpe. Izvoare. București, 1957, стр. III, стр. 341; его же. Problemele neoliticului Carpato-Niprovian în lumina săpăturilor de la Izvoare.— SCIV, VII, 1—2, 1952, стр. 81—86;

H. Dumitrescu. Șantierul arheologic Traian.— SCIV, V, 1—2. București, 1954, стр. 64—65.

²⁸ Т. С. Пассек. Новые открытия на территории СССР и вопросы поздних неолитических культур дунайско-днестровского междуречья.— СА, № 1. М., 1958, стр. 46; Его же. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья.— МИА, № 84. М., 1961, стр. 203. В своем докладе, прочитанном на конференции Института археологии АН УССР, весной 1962 г., Т. С. Пассек приняла основные положения нашего построения, включая и предложенную систему хронологического расчленения буго-днестровской культуры. Позднее аналогичный доклад был прочитан ею на Международном Конгрессе донсториков в Риме.

²⁹ В. Даниленко. В наукова конференція..., стр. 212—213.

³⁰ Там же.

³¹ Vulpe. Izvoare..., стр. 13. Автор ограничился указанием на то, что В. Даниленко подтвердил путем шурфования стратиграфию Извоара, опубликованную им в ЕА. XI. Helsinki, 1937, стр. 134 и сл., но не указал на наше мнение о большем архаизме памятников типа Трудешти по сравнению с нижним слоем Извоара.

³² E. Comşa. Stadiul cercetărilor cu privire la faza Cyulești a culturii Boian.— SCIV, VIII, 1—4. București, 1957, стр. 46—48. Здесь интересна мысль о возможности хронологического расчленения типа Зенешти (собственно Зенешти и Ларга-Жижия) и о большей близости поздних памятников к Триполю.

³³ Т. Г. Мовша. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века. СА, № 2. М., 1961, стр. 186—199.

³⁴ O. Vergiciu. Contribuții la problemele neoliticului în România în lumina noilor cercetări. București, 1960, стр. 40. (приведена библиография вопроса).

³⁵ Подробно этот вопрос рассматривается Д. Берчу, сопоставивший обе схемы. D. Vergiciu Contribuții..., стр. 58 и сл. Здесь же приводится попытка по-своему наметить генетические связи Бояна и Триполя.

³⁶ Т. С. Пассек. Периодизация..., стр. 28—41 и сл.; Его же. Раннеземледельческие (трипольские) племена..., стр. 32—200; Е. К. Черныш. Раннетрипольское поселение у с. Ленковцы.— КСИИМК, вып. XLVII. М.—Л., 1952, стр. 51; В. М. Даниленко та М. Л. Макаревич. Дослідження на П Сабатинівському ранньотрипільському поселенні.— АП, т. VI. К., 1956, стр. 134 сл.

³⁷ С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение...

³⁸ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена..., стр. 42 и сл.

³⁹ Там же, стр. 60 и сл.

⁴⁰ М. Біляшевський. Борисівське городище.— Трипільська культура на Україні. К., 1925, стр. 1 и сл.

⁴¹ О хронологическом расчленении раннего Триполя см. В. Н. Даниленко. Археологические исследования в

зонах строительства ГЭС на Южном Буге в 1959—1960 г.— КСИА, вып. 12. К., стр. 25 и сл.

⁴² Т. С. П а с с е к. Новые открытия..., стр. 28 и сл.

⁴³ R. V u l p e. Izovoage, стр. 14—29. Здесь помещены неполные данные относительно состава находок в слоях Извоар I₂ и Извоар I₁, а сами слои графически не выделены.

⁴⁴ Там же, стр. 340 и 356.

⁴⁵ Т. Д. Б е л а н о в с к а я. Трипольское поселение Красновоставка.— КСИИМК, вып. 69. М.—Л., 1957, стр. 31—39.

⁴⁶ Т. С. П а с с е к. Периодизация..., стр. 28—41, в частности стр. 38—39, рис. 7, 3.

⁴⁷ Э. А. С ы м о н о в и ч. Раннетрипольское поселение у с. Данилова балка.— КСИИМК, вып. XXXIX. М.—Л., 1951. Нами уже указывалось, что коллекция, обычно относимая Т. С. Пассек к Саврани, в действительности, как об этом свидетельствуют иллюстрированные описи С. С. Гамченко, хранящиеся в архиве ИА АН УССР, происходит из Даниловой балки (см. КСИА, вып. IX. К., 1960, стр. 6, примечание 24).

⁴⁸ В. М. Д а н и л е н к о т а М. Л. М а к а р е в и ч. Дослідження...

⁴⁹ А. Л. Е с и п е н к о. Раннетрипольское поселение Александровка. Материалы по археологии Северного Причерноморья, 1. Одесса, 1957, стр. 10—23; Е г о ж е. Памятники ранней поры Триполья у с. Кирилловки Одесской области.— КСИА, вып. 4, 6, 1955, стр. 140—142.

⁵⁰ Т. С. П а с с е к. Новые открытия...

⁵¹ П. И. Б о р и с о в с ь к и й. Деякі доповнення до археологічної карти Середньої Наддніпрянщини.— Археологія, т. IV. К., 1950, стр. 120—122; Т. С. П а с с е к. Раннеземледельческие (трипольские) племена..., стр. 34 и сл.

⁵² Т. С. П а с с е к. Периодизация..., стр. 28—41, рис. 7, 1, 2.

⁵³ H. D u m i t r e s c u. Şantierul Traian— SCIV, V, 1—2. Bucureşti, 1954, стр. 55—63; SCIV, VI, 3—4, 1955, стр. 474.

⁵⁴ H. D u m i t r e s c u. Şantierul Traian.— SCIV, VI, 2—3. Bucureşti, 1955, стр. 459.

⁵⁵ C o l e c t i v u l. Şantierul Valea Jijiei.— SCIV, III. Bucureşti, стр. 41.

⁵⁶ Там же, стр. 43—44.

⁵⁷ H. D u m i t r e s c u. Şantierul Traian, SCIV, V, 1—2. Bucureşti, стр. 41—43.

⁵⁸ SCIV, Colectivul, Şantierul, III. Bucureşti, 1952, стр. 41—44, 47—56.

⁵⁹ В. Н. Д а н и л е н к о. Археологические исследования...; А. Т. С и н ю к. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону. М., 1971.

⁶⁰ М. Л. М а к а р е в и ч. Середньобузька експедиція по дослідженню пам'яток трипільської культури.— АП, т. IV, К., 1962; В. М. Д а н и л е н к о т а М. Л. М а к а р е в и ч. Дослідження..., стр. 141. Опыт неполной реконструкции одного из таких жилищ см.: М. Л. М а к а р е в и ч. Об идеологических представлениях у трипольских племен.— Записки Одесского Археологического общества, т. I (34). Одесса, 1960, стр. 290 и сл., рис. 1.

⁶¹ А. Л. Е с и п е н к о. Памятники...; Е г о ж е. Раннетрипольское поселение...

⁶² Э. А. С ы м о н о в и ч. Раннетрипольское поселение у с. Данилова балка.

⁶³ В. М и к о в. Культура неолита, энеолита и бронзы в Болгарии.— СА. № 1. М., 1958, стр. 50, рис. 3, 1.

⁶⁴ Речь, например, может идти о наборе кремневых орудий с таких надпорожских поселений, как Вовчок, Собачки, Вовниги, раскапывавшихся А. В. Добровольским и до сих пор, к сожалению, не изданных. К этому же типу относится и набор орудий из района Лоханского порога, см.: М. Р у д и н с ь к и й. Деякі підсумки та ближчі завдання палеонтологічних вивчень у межах УРСР.— Антропология, т. IV. К., 1931, стр. 157 и сл., фиг. 2—4.

⁶⁵ А. Д о б р о в о л ь с ь к и й. Звіт за археологічні дослідні на території Дніпрельстану р. 1927.— Збірник І (Дніпропетровський краєзнавчий історико-археологічний музей). Дніпропетровськ, 1929, стр. 61 и сл., особенно стр. 123—126, табл. X, 7.

⁶⁶ Раскопки автора в 1946 г. Отчет и материалы хранятся в Институте археологии АН УССР в Киеве.

⁶⁷ М. М а к а р е н к о. Мариупольський могильник. К., 1933, стр. 12, 34—38, 75—80, рис. 6—8, 16—19, 22—24, 28, 40—41, 49—51, 52—55 и др.

⁶⁸ Т. С. П а с с е к. Трипольское поселение Поливанов яр.— КСИИМК, вып. XXXVII. М.—Л., 1951, стр. 41—63.

⁶⁹ С. Н. Б и б и к о в. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская..., стр. 83 и сл., табл. 1, 14.

⁷⁰ Т. С. П а с с е к. Раннеземледельческие (трипольские) племена...

⁷¹ А. В. Д о б р о в о л ь с ь к и й. Перше Сабатинівське поселення.— АП, т. IV. К., 1952, стр. 78, особенно стр. 83.

⁷² H. S c h m i d t. Kukuţeni, стр. 14.

⁷³ А. Л. Е с и п е н к о. Памятники ранней поры Триполья... стр. 140; Е г о ж е. Раннетрипольское поселение Александровка..., стр. 16 и сл.

⁷⁴ С. Н. Б и б и к о в. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская..., стр. 125—150; А. И. А в г у с т и н н и к. К вопросу о методике исследования древней керамики.— КСИИМК, вып. 64. М., 1956, стр. 149—156.

⁷⁵ М. Л. М а к а р е в и ч. Середньобузька експедиція...

⁷⁶ С. Н. Б и б и к о в. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская..., стр. 20 и сл., рис. 5.

⁷⁷ Судим на основании коллекции, переданной в 1944 г. в наше распоряжение румынским археологом К. Матасэ, а также по его публикации.

⁷⁸ Примеры горшков архаического типа см.: Т. С. П а с с е к. Раннеземледельческие (трипольские) племена..., стр. 102, 192, рис. 19, 7; 52, 1—10, 54, 13—16; Примеры второго типа см.: С. Н. Б и б и к о в. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская..., стр. 245, рис. 211—214 и 216, табл. 29, а—в.

⁷⁹ I. K u t z i a n. The Körös..., табл. XXI, 4, XXII, 2; XXIV, 2; XXVI, 1, 2 (здесь лишь малые петельчатые ручки); M. P e t r e s c u - D î m b o v i ț a. Contributions au probleme de la culture Cris en Moldavie.— Acta A, 9 (1958). Budapest, стр. 61, рис. 4, 5—6; 5.

⁸⁰ В. М. Д а н и л е н к о. До питання про ранній неоліт Південної Наддніпрянщини.— Археологія, т. III. К., стр. 119—146, 145—146.

⁸¹ D. V e r s i u. La civilization Hamangia..., стр. 1 и сл.; Е г о ж е. Contribuții..., стр. 72.

⁸² M. P e t r e s c u - D î m b o v i ț a. Une Civilisation..., E. C o m ș a. La Civilisation Cris sur le territoire de la R. P. Roumanie; Acta Archaeologica Carpathica, 1, 2, 1959.

⁸³ E. C o m ș a. Betrachtungen über die Linearbandekeramik auf dem Gebiet der RVR und angrenzenden Ländern.— Dacia, S. N. III. Bucureşti, 1959, стр. 35—57.

⁸⁴ Об эволюции орнамента боянской культуры, см.: E. G o m ș a. Quelques donnees relatives a la periodisation et a l'evolution de la civilisation de Boian.— Dacia, Nouvelle series, 1. Bucureşti, 1957, стр. 61, табл. II; V. C h r i s t e s c u. Les stations prehistoriques du lac de Boian.— Dacia, II, 1925, стр. 249—276; V. R o s s e t t i. Săpăturile de la Vidra.— Pulicații le Muzeului Municipului. Bucureşti, NI, 1934.

⁸⁵ В. Н. Д а н и л е н к о. Стрильча скеля (розкопки 1946 р.) Научный архив ИА АН УССР, ф. е. № 2155, 1946/6а; А. В. Д о б р о в о л ь с ь к и й. Неолітична стоянка на Стрильчій скелі (раскопки 1946). Научный архив ИА АН УССР, ф. е. № 448, 1946/6.

⁸⁶ H. H. O s t e n. The Alishar Hüyük I. Chicago, 1937, стр. 56, рис. 64—66.

⁸⁷ Публикации поселения Дялул-Вией см.: H. D u m i t r e s c u. SCIV, V, 1—2. 1959. Bucureşti, стр. 55—63; Е г о ж е. SCIV, VI, 3—4. Bucureşti, стр. 474, рис. 16, 17.

⁸⁸ Культурная самобытность Зэнэшти в той или иной мере признается большинством неолитологов Румынии (И. Нестор, Х. Думитреску, Д. Берчу, Е. Комшей, который включает местонахождение Зэнэшти в число боянских памятников фазы Джулешти).

⁸⁹ Установившая генетическую связь памятников зэнэштинского типа с культурой линейно-ленточной керамики Х. Думитреску, вместе с тем подчеркивает их особое значение

для раскрытия процесса сложения «прекукутенской культуры». См. VL. Dumitrescu, Contribuții La problema originii culturii precucuteni.— SCIV, VII, № 1—4. București, 1957, стор. 70.

⁹⁰ Т. С. Пассек. Новые открытия..., рис. 5, 6—11; Ее же. Раннеземледельческие (трипольские) племена..., рис. 45, 11—16.

⁹¹ По обилию «кёрешских» черт этого рода близкой аналогией для поселения Флорешти, в условиях Среднего Побужья, в настоящее время является поселение Гайворон, исследованное М. Л. Макаревичем в 1960—61 гг.

⁹² Несмотря на несомненную древность, возможно, даже некоторую синхронность с боянскими памятниками фазы Болтинтяну, ярко выраженную антропоморфную пластику дают памятники типа Зэнэшт, см.: Н. Dumitrescu. Şantierul arheologic Traian — SCIV, 3—4. București, 1955, стр. 318—319, фиг. 7, 2.

⁹³ D. Vergiu. La civilisation Hamangia..., стр. 12, фиг. 5, 1—7; Его же. Contribuții..., стр. 510, фиг. 275—278.

⁹⁴ М. Л. Макаревич. Об идеологических представлениях..., стр. 295, рис. 3, 10.

⁹⁵ S. S. Weinberg. Neolithic Figurines and Aegean Interrelations.— AJA, v. 55, № 2, стр. 121—134, табл. 1—3.

⁹⁶ Из разведок П. И. Борисковского 1945—1946 гг. Хранятся в ИА АН УССР.

⁹⁷ Из раскопок К. Матасэ (см.: С. Матасă. Deux Stations..., стр. 69 и сл.).

⁹⁸ V. Dumitrescu. Şantierul arheologic Traian.— SCIV, № 1—2. București, 1965, стор. 318 и сл.

⁹⁹ М. Л. Макаревич. Статуэтки трипольского поселения Сабатиновка II.— КСИА, вып. 3. К., 1954, стр. 90 и сл., рис. 2, 6.

¹⁰⁰ Примеры сходных идолов см.: VL. Dumitrescu. Hăbăsești..., стр. 410 и сл. рис. 36.

¹⁰¹ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевца..., стр. 238 и сл., табл. 113 а—е; Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена..., стр. 77, рис. 18, 1; В. П. Кравець. Раннетрипольские поселения в Городищі на Дністрі.— Наукові записки Інституту суспільних наук. К., 1954, № 2, стр. 61, рис. 4, 7, 8. Обращает на себя внимание тот факт, что почти во всех этих изображениях мы по существу имеем «протомы» изображений быков, которыми украшались различные сосуды.

¹⁰² С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевца..., стр. 238 и сл., табл. 115, а.

¹⁰³ Там же, табл. 114, а, б; В. П. Кравець. Раннетрипольские поселения..., фиг. 4, 6.

¹⁰⁴ О зобастых птицах (утках) см.: В. М. Даниленко и М. Л. Макаревич. Дослідження..., стр. 140, табл. IV, 8; С. Н. Бибииков. Из работ в Луке-Врублевцеком.— КСИИМК, вып. XLV. М.—Л., 1952, стр. 19 и сл., рис. 11, 1; М. В. Васильев. Праисторическая Винча, III. Београд, 1936, табл. СХХХІ, 615; D. Rosetti Steinkup berzeitliche Plastik aus einem Wohnhügel bei Bucarest. Berlin, 1939, табл. 26, II, о голенастых; С. Н. Бибииков. Лука-Врублевца..., стр. 23 и сл., рис. 11, 2; Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена. М., 1961, стр. 51—52, рис. 4, 1—2. Очень ярко этот символ представлен в хронологически более поздней Фрумушке (1946, табл. LVIII) и гумельницкой Видре (O. Rozetti... Steinkupferzeitliche..., табл. XXVI, 10).

¹⁰⁵ А. В. Добровольский. Перше Сабатинівське поселення, стр. 80 и сл., о расписной посуде, стр. 83. В ходе работ Бугской экспедиции сходные по составу комплексы керамики исследовались в Гайворонском районе Кировградской области — Березовская и Гайворонская ГЭС.

¹⁰⁶ Картину постепенного нарастания этих «арнудских» признаков в Извоаре от II₁, а через II₁ к II₂ см: R. Vulpe. Izvoare..., стр. 35, 120 и сл., что говорит о заимствовании техники настоящей росписи, а не о эволюционном возникновении ее на месте, как думает Вульпе, см.: F. Laszlo. Les types de vases peints d'Ariuşd.— Dacia. I. București, 1924, стр. 5—17; VL. Dumitrescu. Hăbăsești, стр. 274, 309, 386 и сл.; Н. Schuchardt. Kukuteni..., стр. 14 и сл.; С. Н. Бибииков. Археологические раскопки у селений Попенки и Журы

на Днестре в 1952 г.— КСИИМК, вып. 56. М.—Л., 1954, стр. 104 и сл.

¹⁰⁷ М. Мауер. Molfetta und Matera. Leipzig, 1924.

¹⁰⁸ Г. П. Сергеев. Раннетрипольский клад у с. Карбуна.— СА. М., 1963, № 21, стр. 135—151; Т. С. Пассек. Периодизация..., стр. 52, 54, 79 и сл., рис. 20. Синхронность таких несходных памятников, как Извоар II, а—в и Борисовка, свидетельствует о двойственности путей развития трипольской культуры этой поры.

¹⁰⁹ V. Dumitrescu. Istoria Romniei, I. București, 1960, стр. 70—71. T. Paul. Acezarea neolitică de le'Poiana in Pisc, M., și. C., VII, 1960, стр. 107—118, фиг. 5, 6, 7. M. Măgrea. Şantierul arheologic Casolt — Bolț, M. și. C., VII. București, стр. 421—429, фиг. 20 и др.

¹¹⁰ E. Zaharia. Considerations sur la civilisation de Griş á la lumiere des sondages de Leț.— Dacia, N. S. XI. București, стр. 5—51.

¹¹¹ N. Vlăsă. Chronology of the neolithic in Transylvania, in the light of the Tărtăria settlements stratigraphy.— Dacia, N. S., VII. București, 1963, стр. 485—494.

¹¹² G. I. Georgiev. Kulturgruppen der Jungstein — und der Kupferzeit in der Ebene Thrazien (Sudbulgarien).— L'Europe á la fin de l'age de la pierre. Praha, 1961, стр. 45—100.

¹¹³ F. Tompa. Die Bandkeramik...

¹¹⁴ J. Neustuphy. Pravěk československa. Praha, 1960, стр. 106.

¹¹⁵ С. Матасă. Frumuşica. București, 1946.

¹¹⁶ С. Н. Бибииков. Археологические раскопки..., стр. 107, рис. 56.

¹¹⁷ F. Laszlo. Fouilles á la station primitive de Erösd (1907—1912). Dolgozatok. Kolozsvár, 1914.

¹¹⁸ В. П. Кравець. Раннетрипольские поселения в Городищі на Дністрі..., стр. 49—66, рис. 2—4.

¹¹⁹ D. Vergiu. Contribuții..., стр. 13, примечание № 2, Боян — Верешть — 3160 ± 70 и Кукутени А (то есть Хэбэ-шэсть — В. Д.) — 3130 ± 80 л. до н. э.

¹²⁰ Б. С. Кнабе. Вопрос о соотношениях археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе.— СА. М., 1959, № 3, стр. 243—258.

¹²¹ J. Czalog. Die Chronologie der Bukker — und Theiss — Kultur — Folia Arghaeologica, № 3—4. Budapest, 1941, стр. 17; Bohuslav Novotny. Slovensko v mladšej dobe kamennej. Bratislava, 1958, стр. 14, табл. VII—VIII, XXIV; Интересна и «восточно-словацкая керамика», стр. 16, рис. 2.

¹²² F. Tompa. Die Bandkeramik in Ungarn, стр. 18—39; J. Filip. Pravěk Československo. Praha, 1948, стр. 115 и сл.; применительно к хронологически следующей за ней «накольчатой керамике» — стр. 128—133.

¹²³ James Mellaart. Anatolia and the Balkans.— Antiquity, XXXIV (N 136). London, 1960, стр. 270—273. В определенном смысле автор этой статьи идет по стопам Г. Шилдэ. Neolithic black ware in Greece and on the Danube.— The Annals of the British School at Athens, XXXVII. London, 1940, стр. 32 и сл.

¹²⁴ V. Mikov. The Prehistoric Mound of Karanovo.— Archaeology, 12/2. New-York, 1959, стр. 93; G. I. Georgiev. Kulturgruppen etc..., стр. 45 и сл.

¹²⁵ D. Vergiu. Contribuții..., стр. 193, 252—266.

¹²⁶ V. L. Milojčić. Chronologie der Jüngeren Steinzeit Mittel und Südosteuropas, Berlin, 1949, табл. 9—100.

¹²⁷ W. Dörpfeld. Troja und Ilion.— Athen, 1902, 1, стр. 42—49, 244—252.

¹²⁸ W. Lambe. Excavations at Thermy in Lesbos. Cambridge, 1936.

¹²⁹ Reinhard Herlig. Archäologische Funde in den Jahren 1927—1928.— Subneolithische Funde aus Tigani; Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Institut, Bd., 43, N 3—4, 1928, стр. 626, рис. 19—22.

¹³⁰ Arthur Evans. The Palace of Minos at Knossos.— Vol. I. London, 1921, стр. 35 и сл.; F. Schachermayer. Forschungsbericht über die Ausgrabungen und Neufund zur Ägäische Frühzeit, 1957—1960. Arch. Anz. Berlin, 1962, N. 2, стр. 106 и сл.

¹³¹ Т. Г. Мовша. К вопросу о трипольских погребениях с обрядом труположения. — Материалы и исследования по археологии юго-западной части СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев, 1960, стр. 59—76.

¹³² Там же, а также устное сообщение ленинградского антрополога И. И. Гохмана.

¹³³ M. V. Săgăsăni. Neolithikum und Bronzezeit in Serbien und Makedonien. — 32 Bericht der Romisch-germanischen Kommission, 1958. Berlin, 1959, стр. 4, рис. 1.

¹³⁴ R. Vulpe. Izvoare, стр. 5, рис. 2—4.

¹³⁵ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская..., стр. 13, рис. 1—4.

¹³⁶ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена..., стр. 77, рис. 18, 7, 8.

¹³⁷ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена..., стр. 57, 77, рис. 10, 1, 2; 13, 1; 18, 16, 17.

¹³⁸ Там же, рис. 10, 9, 10; С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская (стр. 113, особенно стр. 116, табл. 27, 28. Сведения о таких орудиях, происходящих из культурно-родственных поселений, см.: A. D. Alexsandrescu. Şlefuitoare de os neolitice. — SCIV, XII. Bucureşti, 1961, стр. 339—343; Neustupny J. Polissoirs neolithiques en os — Acta Archeologia, XXXIII. Kopenhagen, 1952, стр. 172.

¹³⁹ Robenhausen. Real Lexikon der Vorgeschichte XI. Berlin, 1927—1928, стр. 149.

¹⁴⁰ Вкладыши «карановских» серпов в настоящее время известны в Гайвороне, Сабатиновке II, Берновой-Луке, Солончанах, Луке-Врублевской и др. С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская, стр. 87 и сл.; С. А. Семенов. Жатвенные кремневые ножи из позднего неолитического поселения Лука-Врублевская на Днестре. — СА, XI. М.—Л., 1949, стр. 151 и сл.

¹⁴¹ О Гайвороне судим по раскопкам М. Л. Макаревича 1960—1961 гг.

¹⁴² В. М. Даниленко та М. Л. Макаревич. Дослідження..., стр. 134 и сл., рис. 1;

¹⁴³ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие... племена, стр. 42 и сл., рис. 1—3.

¹⁴⁴ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие..., стр. 60 и сл., рис. 11, 12.

¹⁴⁵ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская. Здесь эта форма уже представлена единичными примерами, табл. 35, д, е, а в своде керамических форм особо не учитывается, стр. 131.

¹⁴⁶ Т. С. Пассек. Периодизация... рис. 67 (сводная типологическая таблица).

¹⁴⁷ E. Comşa. Stadiul cercetărilor cu privire la faza Giuleşti a culturii Boian. — SCIV, VIII, 1—4. Bucureşti, 1957, стр. 27—51, стр. 48. Автор отмечает, что для посуды памятников типа Ларга-Жиция, хронологически следующих за типом Зэнэшь, характерны трипольские элементы. Правильнее было бы, разумеется, учитывать буго-днестровские элементы.

¹⁴⁸ E. Comşa. Consideraţii..., стр. 372; Его же. Quelques donnees..., табл. II.

¹⁴⁹ E. Comşa. Stadiul cercetărilor despre viaţa oamenilor din faza Bolintineanu a Culturii Boian. — SCIV, V, 1—2, Bucureşti, 1955, стр. 13 и сл., рис. 1; В. Миков, Н. Джамбазов. Деветашката пещера. София, 1960, стр. 33 и сл. (Караново — Кереш), стр. 47 и сл. (поздний неолит — Болитиняну).

¹⁵⁰ E. Comşa. La civilisation Criş..., fasc. 2; M. Petrescu-Dimboviţa. Contributions... стр. 53—68.

¹⁵¹ E. Comşa. Quelques donnees relatives à la periodisation et à l'évolution de la civilisation de Boian. — Dacia, N.S.I. Bucureşti, 1957, стр. 62, табл. II.

¹⁵² E. Comşa. Stadiul cercetărilor despre viaţa oamenilor din faza Bolintineanu a culturii Boian. — SCIV, VI, 1—2. Bucureşti, 1952, стр. 24.

¹⁵³ E. Comşa. Consideraţii... — SCIV, v. 13, 1—4; В. Миков, Н. Джамбазов. Деветашката пещера, стр. 47 и сл., рис. 33, 34.

¹⁵⁴ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская..., стр. 176, 279 и сл.

¹⁵⁵ A. Stocký. Pravěk Země České. — Dil. I. Praha, 1926, стр. 72, рис. 33.

¹⁵⁶ В. М. Даниленко та М. Л. Макаревич. Дослідження..., стр. 141.

¹⁵⁷ Г. П. Сергеев. Раннетрипольский клад у с. Карбуна.

¹⁵⁸ Наиболее яркий пример дневнейшего трипольского памятника Побужья — Гайворон. Раскопки М. Л. Макаревича в 1960—1961 гг. Материалы хранятся в ИА АН УССР.

¹⁵⁹ Прием орнаментирования кухонной посуды намазными рельефными полосами и др., присущий всему раннему Триполью.

¹⁶⁰ H. Dumitrescu. Şantierul Traian. — SCIV, V. N: 1—2, стр. 55 и сл., табл. I, II, III, 7, 9.

¹⁶¹ S. Lloyd. J. Mellart. Beycesultan. vol. I. London, 1962, XXXII, 1—5.

¹⁶² Istoria României, том I. Bucureşti, стр. 37—44. Здесь дается правильная в целом картина исторического процесса, хотя не учитывается большая роль металлургии меди времени трансформации керешской культуры в более поздние энеолитические.

¹⁶³ G. I. Georgiev. — Kulturgruppen... — L'Europe la fin... стр. 52 и сл., табл. X—XIV.

¹⁶⁴ H. Dumitrescu. Contribuţii la problema originii culturii Precucuteni. — SCIV, 1957, N 1—4, стр. 53—73.

¹⁶⁵ J. Filip. Pravěk Československa. Praha, 1948, стр. 115, 128—133.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ II.

¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии. — Труды XII АС, т. I. М., 1905, стр. 174—225.

² А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. — ИГАИМК, вып. 119. М.—Л., 1940.

³ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. К., 1962.

⁴ О. Г. Шапошникова. Поселение раннебронзового времени у с. Волошкового. — КСИИМК, вып. 67. М.—Л., 1957, стр. 94—96.

⁵ И. В. Сеницын. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Поднепровьем. — КСИА, вып. 7. К., 1957, стр. 32—35, рис. 2.

⁶ Материалы по энеолиту восточноевропейской степи, см.: АП, т. VIII. К., 1960; АП, т. IX. К., 1960; АП, т. X. К., 1961; МИА, № 42. М., 1954; МИА, № 61. М., 1958, и др.

⁷ О. Ф. Лагодовська. Мідний вік. Нариси стародавньої історії Української РСР, стр. 73—84.

⁸ В. Н. Даниленко. О ранних звеньях развития степных восточноевропейских культур шнуровой керамики. — КСИА, вып. 4. К., 1955, стр. 126—128.

⁹ А. Добровольский. Звіт за археологічні дослідження на території Дніпрельстану р. 1927. — Дніпропетровський історично-археологічний музей. Дніпропетровськ, 1929, стр. 103—140.

¹⁰ Там же, стр. 138, табл. IX, 5, 6; XI, 2.

¹¹ В. Н. Даниленко. Археологические исследования 1960 г. в Чигиринском районе. — КСИА, вып. 8. К., 1959, стр. 13—21, рис. 2, 4—6.

¹² Д. И. Бліфельд. Курган эпохи бронзы в с. Грушівка. — АП, т. X. К., 1961, стр. 46—55.

¹³ Д. Я. Эварницкий. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии. — Труды XIII АС, т. I, стр. 108—117; Его же. Дневники раскопок. — Труды XIII АС, т. I, стр. 141—142, рис. 14.

¹⁴ В. Н. Даниленко. О ранних звеньях..., стр. 128.

¹⁵ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення..., стр. 22 и сл.

¹⁶ Д. Я. Телегин. Энеолитическое поселение и могильник у хутора Александрия. — КСИА, вып. 9. К., 1960, стр. 10—20.

- ¹⁷ Д. Я. Телегин. Энеолитическое поселение..., стр. 20.
- ¹⁸ О. Ф. Лагодовська. Мідний вік, стр. 73 и сл.
- ¹⁹ А. В. Бодянский. Древнейшее ямное погребение в Южном Поднепровье.— КСИИ, вып. 3. К., 1954, стр. 95—98.
- ²⁰ И. В. Сяницін. Археологические исследования Заволжского отряда.— МИА, № 60. М., 1959, стр. 39, 64 и сл., рис. 14, 3; 17, 8.
- ²¹ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области.— МИА, № 60. М., 1959, стр. 106, 262, 263, рис. 22, 16, 17.
- ²² О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошнікова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення..., стр. 22—38.
- ²³ В. Д. Рыбалова. Могильник эпохи бронзы в с. Осокоривцы.— АП, т. IX. К., 1960, стр. 5—13, рис. 5, 6.
- ²⁴ И. В. Сяницін. Памятники ямной культуры..., стр. 32 и сл.
- ²⁵ В. Н. Даниленко. Сложение древнейшей культуры со светлыми современными археологическими данными. Доклад автора на пленуме ИА АН СССР в 1958 г.
- ²⁶ M. Gimbutas. Notes on the Chronology and Expansion of the Pit-grave culture.— L'Europe a la fin..., стр. 193—200.
- ²⁷ Н. Я. Мерперт. Энеолит степной полосы Европейской части СССР.— L'Europe a la fin de l'age de pierres. Praha, 1961.
- ²⁸ Н. Я. Мерперт. Энеолит степной полосы..., стр. 165 и сл.
- ²⁹ M. Gimbutas, Notes..., стр. 193.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же, стр. 194 и сл., рис. 8 (карта).
- ³² Т. Г. Мошва. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века.— СА. М., 1964, № 2, стр. 186—199.
- ³³ Там же, стр. 197 и сл.
- ³⁴ G. I. Georgiev. Kulturgruppen der Jungstein- und der Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Südbulgarien).— L'Europe a la fin..., стр. 65—71, табл. X—XIV.
- ³⁵ D. Vericiu. Une civilisation neolithique récemment découverte en Roumanie.— La civilisation de Hamangia... Bucarest, 1955.
- ³⁶ F. Tompa. Die Bandkeramik in Ungarn.— Archaeologia Hungarica, V—VI. Budapest, 1929, стр. 18—39.
- ³⁷ J. Neustupný. Právek Československa. Praha, 1960, стр. 96—103.
- ³⁸ A. Evans. The Palace of Minos at Knossos, v. 1. London, 1921, стр. 32—35.
- ³⁹ Е. И. Агеева. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960. Сведения о географии Кельтеминара, см.: К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры.— А. В. Виноградова, СЭ. М., 1957, № 1, стр. 25—45.
- ⁴⁰ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья.— МИА, № 35. М., 1953, стр. 10—62, табл. IX; XX; В. М. Раушенбах. К вопросу о датировке новых памятников эпохи неолита и бронзы в Среднем Зауралье.— Археология и этнография Башкирии, т. 11. Уфа, 1964, стр. 55—66, рис. 1.
- ⁴¹ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры Прикаспийских культур Туркменин.— Тр. ЮТАКЭ, VII. Ашхабад, 1956, рис. 56, 3; 61, 3, 4.
- ⁴² Материалы из разведок В. Д. Белецкого 1957. За разрешение воспользоваться этими материалами выражаем ему искреннюю благодарность.
- ⁴³ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 32 и сл., рис. 14.
- ⁴⁴ А. В. Виноградова. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры.— СЭ. М., 1957, № 1, стр. 25—45.
- ⁴⁵ О стратиграфии местонахождения Ракушечного яра на Нижнем Дону изложено в докладах автора раскопок Т. Д. Белановской, сопровождавшихся демонстрацией графической документации и вещевого материала.
- ⁴⁶ Н. Т. Евстратов. Неолитические находки. Волчанск, 1955, научный архив ИА АН УССР, ф. 12, № 364.
- ⁴⁷ Д. Я. Телегин. О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины.— СА. М., 1962, № 4, стр. 28—36.
- ⁴⁸ Более конкретно о памятниках этого типа см.: В. Н. Даниленко. «Неолит Украины». К., 1969, стр. 37—45, рис. 6.
- ⁴⁹ Д. Я. Телегин. Энеолитическое поселение...
- ⁵⁰ Д. Я. Телегин. О хронологии поселений... рис. 3, 13; 4.
- ⁵¹ М. Рудинський. Деякі підсумки і ближчі завдання палеонтологічних вивчень на території УРСР.— Антропологія, IV. К., 1931, стр. 175—176, табл. XVI; Его же. Погорілівка.— АП, т. VI. К., 1956, стр. 163—171.
- ⁵² В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток в районі Києва у 1949 р.— АП, т. VI. К., 1956, стр. 172—178.
- ⁵³ A. Gądałowski. Zagadnienie kultury «ceramiki grzebnykowej» w Polsce.— Wiadomości archeologiczne, t. XXV/4. Warszawa, 1958, стр. 287—310. О влиянии наших данных на его концепцию см. стр. 306—309.
- ⁵⁴ Н. Н. Гурин. Валдайская неолитическая культура.— СА. М., 1958, № 3, стр. 31—45.
- ⁵⁵ В. М. Раушенбах. Неолитическая стоянка у дер. Большое Буньково.— КСИИМК, вып. XXXIII. М.— Л., 1950.
- ⁵⁶ В. Н. Чернецов. К вопросу о месте и времени формирования Уральской (финно-угро-самодийской) общности: Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum Budapestini habitus 20—24, IX, 1960. Budapest, 1962, стр. 405—411.
- ⁵⁷ А. Х. Халиков. Некоторые проблемы мезолита, неолита и бронзы в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье.— Археология и этнография Башкирии, II. Уфа, 1964, стр. 48. 54.
- ⁵⁸ Л. Я. Крижевская. Археологические работы в Башкирии.— КСИИМК, вып. 51. М.— Л., 1953, стр. 74—81; Её же. Кремнеобработывающая неолитическая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии.— МИА, № 79. М., 1960, стр. 239—280; Её же. Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии.— СА. М., 1962, № 2, стр. 97—111.
- ⁵⁹ Большой и разнообразный материал, раскрывающий этот процесс, добыт путем разведок научным сотрудником Ленинградского отделения ИА АН СССР А. Н. Мелентьевым. За возможность полного осн. ознакомления до опубликования приношу искреннюю благодарность А. Н. Мелентьеву.
- ⁶⁰ Г. И. Горецкий. О возможностях применения археологического метода при изучении молодых антропогенных осадков.— Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, № 20. М., 1955, стр. 16—38; табл. 1, 1—5; V, 1—7; VII, 1—5; VIII, 3 и др.
- ⁶¹ Первая попытка связать данные поселения у Каменной могилы с проблемой сложения древнейшей культуры принадлежит еще О. Н. Бадеру. (О. Н. Бадер. Очерк работ Азово-Черноморской экспедиции.— КСИИМК, вып. XXXI. М.— Л., 1950, стр. 144—180). Работы, свидетельствующие, что в системе стратиграфии поселения у Каменной могилы переплетается целый ряд линий этнокультурного развития, принадлежат автору данной монографии. (В. М. Даниленко. Приазовская экспедиция 1947.— АП, т. IV. К., 1952; Его же. Стратиграфия первой стоянки у Каменной могилы. Отчет о раскопках 1947 г. Хранится в научном архиве ИА АН УССР, Ф. Е. 1947/5). В настоящем исследовании показывается, что к процессу сложения древнейшей культуры могут иметь отношение только отложения приазовской культуры и энеолитические слои.
- ⁶² А. В. Доровольский. Неолитическая стоянка на Собачках. Научный архив ИА АН УССР, Ф. АД, № 3.
- ⁶³ Наши сведения о стратиграфии Подгорки основаны на данных раскопок В. Н. Гладилина 1963, г., любезно ознакомившего нас с коллекциями до их опубликования.
- ⁶⁴ М. Макаренко. Маріупільський могильник. К., 1933, стр. 59, рис. 11; стр. 75, рис. 37, 38; стр. 71, рис. 30—31; стр. 107, рис. 86—87; медная бусина — стр. 71, рис. 31/III; стр. 18, рис. 90, табл. III; А. В. Доровольский. Могильник в с. Чаплі.— Археологія, т. IX. К., 1954, стр. 119—132.
- ⁶⁵ Аналогию для булавы (сохранился обломок) из Николь-

- ского могильника (Д. Я. Телегин, Никольский могильник эпохи неолита-меди.— КСИА, вып. 11. К., 1961, стр. 20—26) см.: В. И. Маркович. Культуры племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.). М., 1960, стр. 38, рис. 9 (навершие булавы с хут. Водопадный под Пятигорском; аналогичное навершью булавы из XXIV погребения Мариупольского могильника). М. Макаренко. Мариупольский могильник.
- ⁶⁶ А. В. Добровольский. Могильник в с. Чапли.
- ⁶⁷ М. Макаренко. Мариупольский могильник, погребение «с браслетами», № XXI; трупосожжение под ним, погребение № XXIV, и, вероятно, также № VIII и XXXI (с булавами), стр. 18—19, 59—61, 68—73, 75—76 и др.
- ⁶⁸ А. Добровольский. Звіт за археологічні досліді..., стр. 114—118, табл. IX.
- ⁶⁹ Н. В. Сибилев. Старовинні Ізюмщини, вип. III. Ізюм, 1928, стр. 18, табл. XXXIX; Коллекция веревкинской керамики сохраняется в Киевском историческом музее.
- ⁷⁰ А. Х. Халиков. Некоторые проблемы..., стр. 43—54.
- ⁷¹ Л. Я. Крижевская. Археологические работы...
- ⁷² Е. М. Берс. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963, стр. 27 и сл.
- ⁷³ М. Я. Рудийский. Вовнигские позднеэнеолитические могильники (к вопросу об оформлении могильников мариупольского типа).— КСИА, вып. 4. К., 1955, стр. 147—151.
- ⁷⁴ А. А. Формозов и А. Д. Столяр. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае.— Сборник материалов по археологии Адыгеи, т. II. Майкоп, 1961, стр. 39—72; А. Д. Столяр. Мешокопоселение майкопской культуры.— Сборник материалов по археологии Адыгеи, т. II. Майкоп, 1961, стр. 73—98.
- ⁷⁵ Е. И. Крупнов. Дневнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность. Доклад на XXVI Международном конгрессе востоковедов. М., 1963; Т. Н. Чубинишвили. The interconnection between the Caucasian («Kura-araxes») and the Near East cultures in the third millennium B. C. Tbilisi, 1964, Имеется перечень литературы.
- ⁷⁶ Д. Я. Телегин. Энеолитическое поселение..., стр. 20.
- ⁷⁷ М. Gimbutas. Notes..., стр. 193 и сл., особенно карта на стр. 199.
- ⁷⁸ В. М. Даниленко. Приазовська експедиція 1947 р., стр. 66—69.
- ⁷⁹ О. Лагодовська. Кам'яні закладки Надпоріжжя.— АП, т. II. К., 1949; Раскопки автора 1946 г. Отчет хранится в научном архиве ИА АН УССР.
- ⁸⁰ Раскопки автора 1946. Материалы хранятся в ИА АН УССР.
- ⁸¹ Данные раскопок С. Н. Братченко, любезно озвученного с ними автора.
- ⁸² Д. Я. Телегин. Никольский могильник эпохи неолита-меди, стр. 20—26.
- ⁸³ П. I. Смолічев. Стація неолітичної доби на острові Похилому біля порогу Вільного на Дніпрі. Научный архив ИА АН УССР, Ф. ВУАК/Дн., № 24.
- ⁸⁴ Д. Я. Телегин. Никольский могильник эпохи неолита-меди, стр. 20—26; А. В. Бодянский. Лысогорский неолитический могильник.— КСИА, вып. 11. К., 1961, стр. 32—37.
- ⁸⁵ В. Н. Даниленко. Стрильча скеля (раскопки 1946 г.). Научный архив ИА АН УССР, Ф. Е., № 2155, 1946/6а; А. В. Добровольский. Неолітична стоянка на Стрильчій скелі, 1946; Там же, Ф. Е., № 488, 1946/6. Коллекции хранятся в Институте Археологии АН УССР.
- ⁸⁶ А. Добровольский. Звіт за археологічні досліді..., стр. 114—118, табл. IX, 111—124.
- ⁸⁷ А. Добровольский. Звіт за археологічні досліді..., стр. 11 и сл., табл. VIII, 22—24.
- ⁸⁸ Там же, стр. 138, табл. IX, 5, 6; XI, 2.
- ⁸⁹ Д. Я. Телегин. Никольский могильник..., стр. 20 и сл.
- ⁹⁰ М. Макаренко. Мариупольский могильник, стр. 19, 71—73, рис. 31.
- ⁹¹ А. Добровольский. Восьма Ігринська неолітична стоянка.— АП, т. II. К., 1949, стр. 243—252.
- ⁹² В. Н. Даниленко. Стрильча скеля (раскопки 1946)..., А. В. Добровольский. Неолітична стоянка на Стрильчій скелі...
- ⁹³ В. Н. Даниленко. Стрильча скеля (раскопки 1946)...
- ⁹⁴ М. Макаренко. Мариупольский могильник, стр. 84—86, рис. 56.
- ⁹⁵ С. М. Одинцова. Розвідка археологічних пам'яток на Сіверському Дінці у 1948 р.— АП, т. IV. К., 1952, стр. 158—161, табл. I; значительная часть материалов не издавна и хранится в ИА АН УССР.
- ⁹⁶ Д. Я. Телегин. Энеолитическое поселение...
- ⁹⁷ Раскопки А. В. Бодянского 1952 г. и автора 1953 г. Материал хранится в ИА АН УССР.
- ⁹⁸ С. Н. Бибилов. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. М.— Л., 1953, табл. 26, 2.
- ⁹⁹ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья.— МИА, № 2, 84. М., 1961, стр. 70 и сл., рис. 18, 9.
- ¹⁰⁰ М. Макаренко. Мариупольский могильник, стр. 19—23.
- ¹⁰¹ А. Д. Столяр. Мариупольский могильник как исторический источник.— СА. XXIII. М.— Л., 1955, стр. 16—37.
- ¹⁰² М. Макаренко. Мариупольский могильник, стр. 19, 71—73, рис. 31.
- ¹⁰³ Там же, стр. 19, 68—70, рис. 29.
- ¹⁰⁴ Там же, стр. 18, 19, рис. 27, 28, 29.
- ¹⁰⁵ Там же, стр. 18, рис. 90, табл. III.
- ¹⁰⁶ В. И. Маркович. Культура племен Северного Кавказа..., рис. 9, 1.
- ¹⁰⁷ М. Макаренко. Мариупольский могильник, стр. 54, 55, 59—61 (фрагмент от черноглиняного сосуда, найденного в засыпи), 65, 66 (фрагмент от аналогичного сосуда, найденного на уровне погребенного).
- ¹⁰⁸ Там же, табл. V, 411 (найденно в засыпи). Наличие одиночных фрагментов от разбитых синхронных захоронений сосудов отмечается и для других могильников (Вовниги, Чаплинский и Волошский), что указывает на существование ритуала типа тризны.
- ¹⁰⁹ К. Ф. Смирнов. Курганы..., стр. 267, рис. 16, 18.
- ¹¹⁰ Д. Я. Телегин. Энеолитическое поселение..., стр. 10—20.
- ¹¹¹ Там же, стр. 19—20.
- ¹¹² Д. Я. Телегин. Раскопки неолитических стоянок в устье р. Оскола.— МИА, № 79. М.— Л., 1960, стр. 176—187.
- ¹¹³ С. Н. Одинцова. Розвідка археологічних пам'яток..., Д. Я. Телегин. Археологические памятники среднего течения Северского Донца.— СА, № XXIX. М., 1959, стр. 159—161.
- ¹¹⁴ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа.— МИА, № 100. М., 1961, стр. 110 и сл., рис. 33, 34.
- ¹¹⁵ А. П. Рунич. Энеолитическое поселение близ Кисловодска.— СА. М., 1967, № 1, стр. 228—233.
- ¹¹⁶ С. П. Толстов. Древности Верхнего Хорезма.— ВДИ. М., 1941, № 1, стр. 155—160, табл. I; А. В. Виноградов. К вопросу о ложных связях... (сводная таблица).
- ¹¹⁷ В. М. Даниленко. До питання про ранній неоліт Південної Наддніпрянщини.— Археологія, т. III. К., 1950, стр. 121—122. Говоря о находках, датирующих трипольских импортов, мы имели в виду находки на Стрильчей скеле.
- ¹¹⁸ Д. Я. Телегин. Энеолитическое поселение..., стр. 11 и сл. Здесь в «нижнем слое» автор раскопок выделяет «нижний энеолитический горизонт».
- ¹¹⁹ Д. Я. Телегин. Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 г.— КСИА, вып. 12. К., 1962, стр. 13—17, рис. 2, 3. В Александрии типичная деревняская посуда представлена достаточно выразительными образцами: рис. 2, 8—10.
- ¹²⁰ Д. Я. Телегин. Энеолитическое поселение..., стр. 16 и сл. Выделяется верхний культурный слой, в нем —

материалы «раннего этапа древнейшей культуры», также относимые к периоду энеолита (стр. 19—20).

¹²¹ Там же, рис. 3, 1, 2; Е. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошнікова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення, табл. V—VII.

¹²² Стратиграфическая картина, полученная в результате многолетних раскопок Ракушечного яра Т. Д. Белановской, нам известна из научных докладов автора раскопок, которые сопровождалась иллюстрацией вещевого материала.

¹²³ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении.— Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1959, стр. 178—193.

¹²⁴ Там же, стр. 161—178.

¹²⁵ Там же, стр. 109—161.

¹²⁶ Там же, стр. 80—109.

¹²⁷ Там же, стр. 80 и сл., рис. 53, 3; 61, 3, 4.

¹²⁸ Там же, стр. 52—80.

¹²⁹ Там же, стр. 75 и сл., рис. 45—47.

¹³⁰ Там же, стр. 76 и сл., несомненно одновременны материалы, изображенные на рис. 46, 2 (близок к сосудам предшествующего слоя) и 44, 3, 4 (кружальные или имитирующие кружальные, отвечающие рис. 24, 2 из вышележащего слоя).

¹³¹ А. П. Окладников. Пещера Джебел..., стр. 77, рис. 45, 47.

¹³² Там же, стр. 25—39, 39—52.

¹³³ Там же, стр. 52 и сл.

¹³⁴ Там же, стр. 39—80, рис. 24, 1.

¹³⁵ Там же, стр. 202 и сл.

¹³⁶ S. Lloid, J. Mellaart. Beycesultan, London, 1962, стр. 116 и сл., рис. 16—19; 22—25; 27—39; 43—45.

¹³⁷ Разведки В. Н. Гладылина 1963 г. Раскопки О. Г. Шапошниковой 1964—1965 гг. Знаменательны результаты последнего года раскопок, подтвердившие наличие здесь слоев типа нижнего энеолитического и «чигиринско-квитянского» слоев Александрийского поселения и слоя типа Михайловки II

¹³⁸ О. Г. Шапошников. Поселение раннебронзового времени..., стр. 94—96.

¹³⁹ О. Г. Шапошнікова. Могильники эпохи ранней бронзы на Нижньому Дніпрі.— АП, т. X. К., 1961, стр. 3—11.

¹⁴⁰ Н. В. Сеницын. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья.

¹⁴¹ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы.— МИА, № 78. М., 1960, стр. 169—268, конкретно о группе Быково II, стр. 221 и сл., о курганах № 2 и № 3 — стр. 227—230, рис. 22, 3, 2, 16.

¹⁴² В. И. Цалкин. Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела, произведенных А. П. Окладниковым.— Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956, 220—227.

¹⁴³ Д. Я. Телегин. Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 г.— КСИА, вып. 12. М., стр. 14; Н. В. Сеницын. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья...

¹⁴⁴ Доминирование крупного рогатого скота в среднем и верхнем слоях Михайловки см.: В. І. Бібікова, А. Г. Шевченко. Фауна Михайлівського поселення..., О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошнікова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення, стр. 206—246.

¹⁴⁵ М. Макаренко. Маріупільський могильник, стр. 68—70, рис. 27, табл. XIII.

¹⁴⁶ А. В. Добровольський. Могильник в с. Чаплі, стр. 106—117.

¹⁴⁷ М. Макаренко. Маріупільський могильник, стр. 18, табл. LIII, рис. 90.

¹⁴⁸ О. Г. Шапошнікова, О. В. Бодянский, А. О. Щепинський. Звіт за роботу Дніпровського Загону Дніпровської експедиції за 1957 р. Научный архив ИА АН УССР, 1957/106, № 3909.

¹⁴⁹ В. А. Ильинская. Отчет о раскопках поселения у с. Бабино. Научный архив ИА АН УССР, 1954/9в, а также данные разведок последующих лет. Материалы хранятся в

ИА АН УССР.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Р. І. Виєзжев. Роботи на ділянці Б поселення в с. Золотий Балці.— АП, т. IX. К., 1960, стр. 166—175, рис. 4.

¹⁵² М. І. Вязмітін. Могильник эпохи бронзы біля с. Золота Балка.— АП, т. X. К., 1961, стр. 64—74, табл. 1, 1. Тут же воспроизводятся фрагменты от сосудов квитянского типа, см. табл. II.

¹⁵³ Любезное сообщение автора раскопок А. В. Бодянского, за которое автор выражает ему благодарность.

¹⁵⁴ И. В. Сеницын. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане.— КСИА, вып. XXXVII. М.—Л., 1951, стр. 97—105, рис. 33; 34; 35, 1.

¹⁵⁵ Материалы Сталинградской экспедиции АН СССР 1954 г. хранятся в МАЭ АН СССР, в Ленинграде. Информация получена от В. Н. Гладылина.

¹⁵⁶ М. В. Сеницын. Древние памятники в низовьях Еруслана.— МИА, № 78. М., 1960, стр. 10—168.

¹⁵⁷ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество... стр. 63, рис. 5; Н. К. Качалова. К вопросу о памятниках полтавского типа.— Государственный эрмитаж, 5. Л., 1962, стр. 32—49.

¹⁵⁸ Раскопки А. В. Бодянского 1952 г. и автора 1953 г. Материалы хранятся в ИА АН УССР.

¹⁵⁹ В. Н. Даниленко. Археологические исследования... стр. 13—21.

¹⁶⁰ Обследовано во время разведок А. В. Бодянского и О. Г. Шапошниковой в 1957 г. Отчет и небольшая коллекция материалов хранятся в ИА АН УССР.

¹⁶¹ Материал получен из культурного слоя поселения, перекрытого впоследствии древнейшим курганом, см.: Л. С. Клейн. Курганы біля с. Троїцького.— АП, т. VIII. К., 1960, стр. 141—163. Материалы хранятся в ИА АН УССР.

¹⁶² В. М. Даниленко. Приазовська експедиція; Его же. Стратиграфія першої стоянки у Каменній могилі...
¹⁶³ А. В. Бодянский. Древнейшее ямное погребение... стр. 95—98.

¹⁶⁴ Там же, стр. 95.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ О. Лагодовська. Кам'яні закладки Надпоріжжя, стр. 176—179.

¹⁶⁸ О. Г. Шапошнікова, О. В. Бодянский, А. О. Щепинський. Звіт за роботу Дніпровського загону...

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Информация А. В. Бодянского.

¹⁷¹ В. Н. Даниленко. Археологические исследования... стр. 19.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Отчет о раскопках 1962 г. О. Г. Шапошниковой и А. В. Бодянского. Хранится в научном архиве ИА АН УССР.

¹⁷⁴ Раскопки автора 1955 г. Отчет о полевых работах. Материалы хранятся в ИА АН УССР. В последние годы более значительные работы здесь, при нашей консультации, проводились К. П. Цибековым. Коллекции из раскопок В. П. Цибекова. Хранятся в Одесском государственном университете.

¹⁷⁵ О. Г. Шапошнікова, О. В. Бодянский, А. О. Щепинський. Звіт за роботу Дніпровського загону...

¹⁷⁶ К. Ф. Смирнов. Курганы..., стр. 267, рис. 22, 16, 17.

¹⁷⁷ О проблеме приручения коня см.: В. И. Бибикова. К изучению древнейших домашних Восточной Европы.— Бюллетень МОИП, отд. биологии, № 3. М., 1967.

¹⁷⁸ А. А. Иессен. К вопросу о древних связях Северного Кавказа с Западом.— КСИА, вып. XLVI. М.—Л., 1952, стр. 48—53, рис. 10, 1.

¹⁷⁹ М. Гагасанин. Pontski i stepski uticaji u Donjem Podunavlju na prelazu iz neolitskog u metalnog doba.— Glasnik zemaljskog muzeja u Sarajevu, N. S., Sv. XV—XVI. Sarajevo, 1961, стр. 5—26, рис. 1.

¹⁸⁰ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области.— МИА, № 60. М., 1959, стр. 267, рис. 22, 16, 17.

¹⁸¹ И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.).— МИА, № 60. М., 1959, стр. 72, рис. 14, 3; 17, 8.

¹⁸² Х. И. Попов. Альбом музея Витока Донского. Новочеркасск, 1914, рис. 1.

¹⁸³ В. М. Даниленко. До питания..., стр. 121.

¹⁸⁴ Раскопки Н. И. Веселовского. Отчет в научном архиве ЛО ИА АН СССР, Ф. ИАК, Дело 1902/пл. 100—101, материал в ГИМ-е № 48478.

¹⁸⁵ Раскопки Н. И. Веселовского. Отчет в научном архиве ЛО ИА АН СССР, Ф. ИАК, Дело 1903/14 л. 105 сл. Сосуд хранится в ГИМ-е.

¹⁸⁶ Раскопки автора 1947 г. Материалы хранятся в Мелитопольском краеведческом музее.

¹⁸⁷ М. І. Вязьмітіна, В. А. Іллінська, Е. Ф. Покровська, О. І. Тереножкін, Г. Т. Ковпаненко. Кургани біля с. Новопилипівки і радгоспу «Аккермень».— АП, т. VIII. К., 1960, стр. 100—102, рис. 79, 11.

¹⁸⁸ Сведения об этом интересном погребении получены автором в Мариупольском краеведческом музее еще в 1939 г. Сосуд хранился в фондах музея в 1948 г.

¹⁸⁹ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская..., табл. 35, а, б; Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена, рис. 13, 11, 13; 17, 1 и др. Скелянские фрагменты отмечаются большей плотностью массы, каннелюры помельче и не такой правильной формы.

¹⁹⁰ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений.— МИА, № 10. М.—Л., 1949, рис. 9; 31 (Борисовка); Рис. 19, 10, 11. Проработка керамики из Борисовки, хранящейся в фондах Киевского Исторического музея, привела Т. Г. Мовшу и автора к обнаружению в ее составе немногочисленной группы сероватых фрагментов, украшенных поблескивающей коричневой росписью, что разрешает синхронизировать Борисовку с памятниками типа Петрешты-Кукутени А (Извоар II).

¹⁹¹ V. L. Dumitrescu. Originea și evoluția culturii Cucuteni — Tripolie (II).— SCIV, XVI, N 2. București, 1963, стр. 287 (синхронизуется приблизительно с В/1 — Кукутени А). Уточнение синхронизации см.: Dumitrescu. Originea...— SCIV, XIV, N 1, стр. 73; е го же. Originea...— SCIV, XIV, N 2, стр. 54.

¹⁹² Т. С. Пассек. Периодизация..., стр. 54 и сл.; V. L. Dumitrescu, Originea...

¹⁹³ М. В. Сибильов. Старовинності Ізюмщини..., табл. XXXIX.

¹⁹⁴ Г. Н. Горечкии. О возможностях применения..., табл. III, 1, 3, 6; VIII, 1.

¹⁹⁵ А. Д. Столяр. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950—1951.— Труды волго-донской археологической экспедиции, т. I.— ММИА, № 62. М., 1958, стр. 348—416; особенно стр. 384—386, рис. 27.

¹⁹⁶ А. В. Добровольский. Перше Сабатинівське поселення.— АП, т. IV. К., 1952, стр. 78—88.

¹⁹⁷ Раскопки автора 1955 г. и В. П. Цибекова последних лет.

¹⁹⁸ Данные раскопок 1962—1963 гг. В. И. Маркевича, с которыми мы имели возможность ознакомиться до опубликования их автором раскопок, за что выражаем ему большую благодарность.

¹⁹⁹ V. L. Dumitrescu. Originea...; Т. С. Пассек. Периодизация...

²⁰⁰ V. L. Dumitrescu. Originea...—SCIV, XIV, N 2, стр. 303—304.

²⁰¹ Т. Г. Мовша. О связях племен трипольской культуры..., стр. 186 и сл., рис. 5.

²⁰² С. Н. Бибииков. Археологические раскопки у селений Попенки и Журы на Днестре в 1952 г.— КСИИМК, вып. 56. М., 1954, стр. 104—110.

²⁰³ V. L. Dumitrescu. Originea...— SCIV, XIV, N 1,

стр. 73; Originea...— SCIV, XIV, N 2, стр. 305. Во всяком случае эти памятники не позднее фазы АВ₁ по схеме Думитреску.

²⁰⁴ В. Н. Даниленко. К вопросу о месте киево-трипольской культуры в этногенетическом процессе.— КСИА, вып. 2. К., 1953, стр. 81, 83.

²⁰⁵ Разведки и записки автора в 1950—1952 гг. Материалы хранятся в ИА АН УССР.

²⁰⁶ А. Добровольський. Звіт за археологічні дослідження..., стр. 120 и сл.

²⁰⁷ Раскопки археологической экспедиции НК Просвещения УССР 1927—1932 гг.

²⁰⁸ Разведки и зачистки А. В. Бодянского 1914—1945 гг.; материал хранится в ИА АН УССР.

²⁰⁹ Раскопки археологической экспедиции НК Просвещения УССР 1927—1932 гг.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ А. В. Добровольський. Восьма Ігрінська неолітична стоянка, стр. 243—251.

²¹² В. Н. Даниленко. К вопросу о месте киево-трипольской культуры...; е го же. О ранних звеньях развития восточноевропейских культур шнуровой керамики.— КСИА, вып. 4. К., 1955, стр. 126—128.

²¹³ В. Н. Даниленко. Археологические исследования..., стр. 14 и сл.

²¹⁴ В. Н. Даниленко. К вопросу о месте киево-трипольской культуры..., стр. 81—83.

²¹⁵ Коротке звіттовлення за археологічні дослідні 1925 р. К., 1926, стр. 104, рис. XXIV.

²¹⁶ В. Н. Даниленко. Археологические исследования..., стр. 16, 126—128.

²¹⁷ А. В. Добровольський. Звіт за археологічні дослідні..., стр. 138.

²¹⁸ В. Н. Даниленко. Археологические исследования..., стр. 14.

²¹⁹ Д. Я. Телегин. Из работ днепродзержинской экспедиции...

²²⁰ В. Н. Даниленко. Археологические исследования 1956 г. в Чигиринском районе.— КСИА, вып. 8. К., 1959, стр. 14.

²²¹ Д. Я. Телегин. Энеолитическое поселение..., стр. 10—20.

²²² Наиболее полно статуэтки этого рода представлены в Ермолаевке. В. Д. Рыбалова. Некоторые новые данные к изучению позднетрипольской культуры на Южном Буге.— Государственный Эрмитаж. К 30-летию отдела первобытной культуры. Л., 1964.

²²³ К. Мажевски. Figuralna plastyka cykladzka. Geneza i rozwój form.— Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie; Dz. 1, t. VI, z. 3. Lwów, 1935.

²²⁴ Примеры Зэнэшти Н. Dumitrescu. Şantierul...— SCIV, V, 1—2, Хебэшшти V. L. Dumitrescu. Hălăşeşti., табл. СХХІІІ и фиг. 36.

²²⁵ Необходимо назвать глиняную антропоморфную статуэтку из археологических слоев Отцаки-Магула, непохожую на реалистическую статуэтку Чатал-Хююка и Хаджылар В. Н. Даниленко. Неолит Украины, стр. 219—223. Бесспорно, что и зэнэштские и даже хебэшштские статуэтки древнее большинства цикладских и анатолийских статуэток так называемой скрипичной схемы.

²²⁶ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошнікова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення..., стр. 39—46; 81—97.

²²⁷ Об историко-археологическом аспекте вопроса о боевых топорах, см.: А. Я. Брюсов. Об экспансии культур с боевыми топорами в конце III тысячелетия до н. э.— СА. М., 1961, № 3, стр. 14—33; е го же. Восточная Европа в III тысячелетии до н. э. (Этногенетический очерк).— СА. М., 1965, № 2, стр. 47—56.

²²⁸ Сообщение сделано О. Г. Шапошниковой после раскопок в Нижнем Рогачике. Выражаем О. Г. Шапошниковой благодарность за разрешение сослаться на это сообщение.

²²⁹ В. Н. Даниленко. Отчет об археологических исследованиях первобытного отряда Кременчугской археологической экспедиции.

логической экспедиции за 1956 г. Архив ИА АН УССР, ф. эксп. 2674, 1956/1а.

²³⁰ Труды VIII АС, т. IV, Общий перечень выставки, стр. 241, табл. IXXVIII—LXXX.

²³¹ В. В. Хвойка. Каменный век Среднего Приднепровья.— Труды XI АС. К., 1899, стр. 736—812.

²³² В. Н. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток в р-ні Києва..., стр. 172.

²³³ Сообщение В. И. Неприной, которой мы выражаем благодарность за возможность подробного ознакомления документацией и материалами раскопок до их опубликования.

²³⁴ C. M a t a s ă. Descoperiri arheologice in raionul Piatra Neamț, M. și C., V. București, 1959, стр. 723; М. Дин у. К вопросу о культуре шаровидных амфор на территории Молдовы.— Dacia, IV, N. S. București, 1960, стр. 89—106.

²³⁵ І. Л е в и ц ь к и й. Пам'ятки мегалітичної культури на Волині.— Антропология, т. II, К., 1929, стр. 192—220; е г о ж е. Домовина кінця неолітичної доби на побережжі середньої течії р. Случі.— Записки Всеукраїнського археологічного комітету, т. I, К., 1930, стр. 159—178. Самые южные находки этой культуры на правобережье Украины — район Гайсина на Южном Буге (села Степашки, Самчинцы и др.).

²³⁶ Раскопки автора 1960—1961 гг. Материалы хранятся в ИА АН УССР.

²³⁷ Раскопки О. Г. Шапошниковой.

²³⁸ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошнікова, М. І. Макаревич. Михайлівське поселення..., стр. 39—46, 81—97.

²³⁹ Разведки В. Д. Белецкого.

²⁴⁰ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы, стр. 226 и сл.

²⁴¹ И. В. Синицын. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья..., стр. 32 и сл.

²⁴² А. В у д ł о w s k i. Mogiły w Jackowicy.— Światowit, VI. Warszawa, 1905, стр. 8—30; Е. М а j e w s k i. O charakterze starzych kurhanów grupy jackowickiej.— Światowit, VI. Warszawa, стр. 47—57, рис. 45—49.

²⁴³ Т. С. П а с с е к. К вопросу о среднеднепровской культуре.— КСИИМК, вып. XVI. М.—Л., 1947, стр. 34—51.

²⁴⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры.— КСИИМК, вып. 16. М.—Л., 1947, стр. 22—33, рис. 7, 1—3, 22, 24.

²⁴⁵ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошнікова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення...

²⁴⁶ В. Н. Даниленко, О. Г. Шапошнікова. Отчет о раскопках в 1953 г. поселения раннебронзового времени в урочище Скеля Каменоломня у с. Волошково Днепропетровской области. Научный архив ИА АН УССР, ф. эксп. № 2135, 1953/4в; О. Г. Шапошнікова. Поселение раннебронзового времени...

²⁴⁷ В. Ф. Пешанов. Результати археологічних робіт на р. Чингулі в 1950 р.— АП, т. VI. К., 1956, стр. 85—89, табл. 1, 2.

²⁴⁸ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошнікова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення..., стр. 157—159; Д. І. Бліфельд. Курган епохи бронзи..., стр. 46—55 и др.

²⁴⁹ Так же следует напомнить об одном старом исследовании М. И. Артамонова на Маныче, см.: М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине реки Маныча в 1935 г.— СА. Л., 1937, № 4, стр. 93—132.

²⁵⁰ Н. К. Качалова. К вопросу о памятниках полтавского типа.— Сб. Государственный Эрмитаж, 5, Памятники эпохи бронзы и раннего железа Восточной Европы, Южной Сибири и Средней Азии. Л., 1962, стр. 32—49; Заслуживает особенного внимания рыболовский набор из Бородаевки, рис. 3, 8—10.

²⁵¹ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошнікова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення..., стр. 47—79.

²⁵² Там же, стр. 159—167.

²⁵³ Там же, стр. 167.

²⁵⁴ Там же, стр. 159, рис. 44.

²⁵⁵ Там же, стр. 167, здесь указывается Кичкас, курган № 35, погребение № 1.

²⁵⁶ Отчет А. В. Добровольского. Научный архив ИА АН УССР; е г о ж е: Могиляньк в с. Чаплі. Археологія.— т. IX. К., 1954, стр. 113, рис. 7; 8.

²⁵⁷ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошнікова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення..., стр. 157—167.

²⁵⁸ Н. Я. Мерперт. Энеолит степной полосы..., стр. 165 и сл.

²⁵⁹ M. Gimbutas. Notes on the Chronology..., стр. 193.

²⁶⁰ О. Г. Шапошнікова. О локальных группах древней ямной культуры. Тезисы доклада на X научной конференции Института археологии АН УССР, 1959.

²⁶¹ И. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы.— Археология и этнография Башкирии, т. I. Уфа, 1962, стр. 16—63, карта на стр. 56.

²⁶² В настоящее время широко известны погребальные памятники раннего катакомбного времени, сохраняющие в характере инвентаря черты переживания ямной культуры, например, см.: Е. В. Махно. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'яниці.— АП, т. IX. К., 1960, стр. 14 и сл., рис. 4, 8; Д. Т. Березовець. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут.— АП, IX, стр. 39, сл. рис. 15, 2, 3. О. Г. Шапошнікова. Могиляники епохи ранньої бронзи на Нижньому Дніпрі.— АП, т. X, К., 1961, стр. 3 и сл., табл. II, 1—3; III, 9, 10.

²⁶³ И. И. Артеменко. О памятниках раннего этапа среднеднепровской культуры.— КСИА, вып. 93. М., 1963, стр. 38—47; е г о ж е. Среднеднепровская культура.— СА. М., 1963, № 2, стр. 12—37. Здесь автор ошибочно приписывает нам мысль о расселении на Средний Днепр племен с культурой днепро-деснинского типа (стр. 32). Преимущественное распространение среднеднепровского ответвления ямной культуры к северу для нас всегда было очевидным фактом.

²⁶⁴ В. М. Даниленко. До кіммерійської проблеми.— Археологія, т. V. К., 1951, стр. 218—225, рис. 1, 3. Следует отметить, что прежний тезис автора об отсутствии связей плоских антропоморфных стел с ямной культурой опровергается многими недавними находками.

²⁶⁵ V. P. La «statue-menhir» de Hamangia.— Dacia, II. București, 1925, стр. 422—429, рис. 1, 2.

²⁶⁶ А. А. Щепинский. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму.— СА. М., 1952, № 2, стр. 143—148, рис. 3, 4.

²⁶⁷ A. Häusler. Die Felszeichnungen der Kamennaja Mogila bei Melitopol und megalitische Einflüsse in Südrusland.— Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther Universität. Halle — Wittenberg, стр. 497—518, рис. 5.

²⁶⁸ В. М. Даниленко. До кіммерійської проблеми..., рис. 3—4.

²⁶⁹ А. О. Щепинский. Кемі-обінська культура. Археологія Української РСР, т. I. К., 1971, стр. 258—263.

²⁷⁰ Отчеты о раскопках Н. И. Веселовского — ОАК за 1897, СПб., 1900, стр. 2—11 (Майкоп), стр. 15—17 (Костромская); ОАК за 1898, СПб., 1901, стр. 33—41 (ст. Царская-Новосвободная).

²⁷¹ Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и Кавказская этническая общность.— СА. М., 1964, № 1, стр. 26—43; К. Х. Кушнарєва, Т. Н. Чубинишвили. Историческое значение южного Кавказа в III тысячелетии до н. э.— СА. М., 1963, № 3, стр. 10—24; О. М. Д жа п а р и д з е. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры (автореферат докторской диссертации). Тбилиси, 1962.

²⁷² О. А. Абибулаев. Некоторые итоги изучения холма Кюль-Тепе в Азербайджане.— СА. М., 1963, № 3, стр. 157—168; К. Х. Кушнарєва, Т. Н. Чубинишвили. Историческое значение Южного Кавказа в III тысячелетии до н. э.— СА. М., 1963, № 3, стр. 10—34; А. А. Мартиросян. О периодизации археологических памятников Армении эпохи бронзы и раннего железа.— СА.

М., 1964, № 3, стр. 21—36; А. А. Иессен. Кавказ и Древний Восток.— КСИА, вып. 93, М., 1963, стр. 3—14.

²⁷³ И. В. Синицын и У. Э. Эрдниев. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г. Элиста, 1963; М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине реки Маныча.— СА, IV, 1937, стр. 93—132.

²⁷⁴ В. Haister, M. Stekelis, M. Avilopach. The Excavations at Beth-Berkch (Khirbet et Kerak), 1944—1945.— Israel Explorat. J. II, 1952, стр. 116 и сл.; С. А. Вугпуу. Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze Age.— A. St., VIII, 1958.

²⁷⁵ А. Häusler. Die Felszeichnungen der Kamennaja Mogila..., стр. 497—518, рис. 5.

²⁷⁶ В. М. Даниленко. До киммерийской проблемы, рис. 1; 3.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ В. Р. Цит. соч., рис. 2; 5; В. М. Даниленко. До киммерийской проблемы, рис. 1; 3.

²⁷⁹ В. Р. Цит. соч., рис. 5; Häusler. Die Felszeichnungen, рис. 5.

²⁸⁰ В. Р. Цит. соч. рис. 4, 5; В. М. Даниленко. До киммерийской проблемы.

²⁸¹ А. О. Щепинский. Новая антропоморфная стела, рис. 3, 4.

²⁸² А. С. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1964, стр. 316; Б. Грозный указывает на изначальность вхождения Тешуба в хурритский пантеон, см: В. Н. Голцу. Die älteste Geschichte..., стр. 172.

^{283—284} Н. Я. Мерперт. Энеолит степной полосы..., стр. 164 (ссылка на курган на р. Когильнике). В настоящее время известны факты и более западной локализации древнеяных курганов в Придунайских частях Румынии и Болгарии. Н. Я. Мерперт. Балканы и северное Причерноморье в бронзовом веке.— Тезисы докладов первого симпозиума по археологии и этнографии юго-запада СССР. Кишинев, 1964, стр. 16—19.

²⁸⁵ М. Гагаšанин. Pontski i stepski uticaji u Donjem Podunavlju...

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ III

¹ В. Д. Рибалова. Могильник эпохи бронзы в с. Осокорівці.— АП, т. IX, К., 1960, стр. 5—13.

² О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошнікова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення... К., 1962, стр. 22, 34.

³ Об археологическом облике этих памятников см. Отчеты Н. И. Веселовского.— ОЛК за 1897 г., СПб., 1900, ОАК за 1898, СПб., 1901.

⁴ В. Н. Даниленко. Археологические исследования 1960 г. в Чигиринском районе.— КСИА, вып. 8, К., 1959, стр. 14 и сл.

⁵ Это эпонимное поселение открыто геологом Н. В. Зернечкой в 1954 г. Раскапывалось автором в 1956 г. В. Н. Даниленко. Отчет об археологических исследованиях первобытного отряда Кременчурской археологической экспедиции за 1956 г. Научный архив ИА АН УССР, Ф. эксп. 2677, 1956/1а.

⁶ А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1901, т. III, стр. 149; Т. Г. Мошва. К вопросу о трипольских погребениях с обрядом труположения.— Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев, 1960, стр. 59—76, рис. 5, 1, 2.

⁷ А. Добровольский. Неолитична стация на острові Виноградному в 1929—1930. Научный архив ИА АН УССР. Материалы хранятся в Киевском историческом музее и ИА АН УССР.

⁸ П. І. Смолічев. Стация неолітичної доби на острові Похилому біля порогу Вільного на Дніпрі, 1928. Научный архив ИА АН УССР, Ф. ВУАК/Дн. № 24. Материал хранится в Киевском историческом музее и ИА АН УССР.

⁹ О. Лагодовська. Кам'яні закладки Надпоріжжя.— АП, т. II, К., 1949; Раскопки автора 1946 г. Материалы хранятся в ИА АН УССР.

¹⁰ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошнікова, М. Л. Макаревич, Михайлівське поселення..., стр. 22 и сл.

¹¹ В. Д. Рибалова, Могильник эпохи бронзы..., стр. 5—13.

¹² А. В. Добровольский. Могильник в с. Чапли — АП, т. IX, К., 1954, стр. 119—132.

¹³ Раскопки А. В. Бодянского в 1952 г. и автора 1953 г. Материалы хранятся в ИА АН УССР.

¹⁴ О. Ф. Лагодовська. Кам'яні закладки...

¹⁵ Раскопки автора; О. Ф. Лагодовська. Кам'яні закладки...

¹⁶ Основное — сравнение коллекций в ИА АН УССР; Д. Я. Телегин. Из работ Днепродзержинской экспедиции.— КСИА, вып. 12, К., 1962, стр. 15, рис. 3; О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошнікова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення...

¹⁷ В. Д. Рибалова. Могильник эпохи бронзы...

¹⁸ А. Добровольский. Кам'яні закладки в окрестностях Тавилжанового острова.— АП, т. II, К., 1945, стр. 180—189. Автор раскопок на основании находок плоскодонной посуды неправильно датирует памятник временем поздней бронзы; Д. И. Эварницкий. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии.— Труды XIII АС, т. I, стр. 141—142, рис. 14.

¹⁹ Д. І. Бліфельд. Кургани эпохи бронзи в с. Грушівка.— АП т. X, К., 1961, стр. 46—55.

²⁰ А. О. Щепинский. Археология Украинской РСР, т. I, К., 1971, стр. 258—263.

²¹ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма.— МИА, № 91, М., 1960, стр. 46—52, табл. XLVII—XLVIII. О том, что в начале эпохи металла в Крыму существовало два типа скотоводческого хозяйства — с преобладанием крупного рогатого скота, в одном случае, и мелкого рогатого — в другом, говорит разница соответствующих данных Таш-Аира и Замиль-Кобы (стр. 167—168 названного труда).

²² Раскопки С. Н. Бибикина и Ю. Г. Колосова. Материал хранится в ИА АН УССР.

²³ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа.— МИА, № 100, М., 1961.

²⁴ О. А. Абибулаев. Некоторые итоги изучения холма Кюль-Тепе в Азербайджане.— СА, М., 1963, № 3, стр. 157—168.

²⁵ В. Haister, M. Stekelis, M. Avilopach. The Excavations at Beth-Berkch (Kirbet el Kerak), 1944—1945.— Israel Explorat. Journal, II, 1952, стр. 116.

²⁶ С. П. Толстов, М. А. Итина. Проблема суряганской культуры.— СА, М., 1960, № 1, стр. 14—35, рис. 2; 4.

²⁷ Доклады и информация С. И. Братченко.

²⁸ Е. Е. Кузьмина. Могильник Заман-Баба — СЭ, М., № 2, 1958, стр. 26 и сл.

²⁹ А. А. Формозов. Археологические исследования пещер в верховьях реки Белой в Краснодарском крае. Сборник материалов по археологии Адыген. Майкоп, 1961, стр. 39—72, особенно стр. 67—68, і Хаджох III (энеолит) костей ошвы и козы в четыре раза больше, чем костей крупного рогатого скота, однако, для района наиболее характерно большое количество костей домашней свиньи. Отражая существование стада другого состава, поселение Мешоко дает очевидное преобладание костей свиньи и крупного рогатого скота. Е. Л. Дмитриева. Фауна энеолитической стоянки Мешоко, стр. 99—102.

³⁰ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане.— Материалы по археологии Дагестана, т. II. Махачкала, 1961, стр. 57—67; е го же. О хозяйстве населения горного Дагестана.— СА, М., 1965, № 3, стр. 5—13.

³¹ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошнікова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення...

стр. 168 и сл. Приложение к этой же книге В. Н. Бибикова, А. И. Шевченко, Фауна..., стр. 207—208.

³² И. Г. Пидопличко. До питання про свійські тварини трипільських поселень (Халепьє, Андріївка, Усатове) ПМК АН УРСР, кн. 2. К., 1937, стр. 97—119, особливо стр. 113, табл. на стр. 116 (около 50% костей мелкого рогатого скота, преимущественно овцы).

³³ В. Н. Даниленко. Археологические исследования..., стр. 14.

³⁴ Д. Я. Телегин. Из работ Днепродзержинской экспедиции, КСИА, № 12, К., стр. 14.

³⁵ Сведения о том, что в составе фаунистических остатков из хутора Репина кости лошади составляют свыше 80%, основаны на данных доклада И. В. Синицына и его личных сообщениях.

³⁶ J. Andrieşescu. Des survivances paléolithiques dans le milieu néolithique de la Dacie.— Bulletin de l'Académie Roumaine.— Section historique, XV. Bucureşti, 1929; J. Nestor. Der Stand der Vorgeschichtsforschung in Rumänien.— 22 Bericht der Römisch-germanischen Kommission. Berlin, 1932, стр. 45; V. Dumitrescu. Les figurines en pierre trouvées à Salcuța et Fedeleşeni (Roumanie) et le commerce entre L'Égypte et la Bas-Danube pendant la période eneolithique.— Instros, I. Bucureşti, 1934.

³⁷ А. А. Иессен. К вопросу о древних связях Северного Кавказа с Западом.— КСИИМК, вып. XLVI. М., 1952, стр. 48—53.

³⁸ D. Popescu. La tombe à ocre de Casimcea (Dobrogea)— Dacia, VII—VIII. Bucureşti, 1941, стр. 85—91.

³⁹ А. А. Иессен. К вопросу о древних связях..., стр. 53.

⁴⁰ D. Vergès. A Scomorphic «Sceptere» discovered in the Peoples Republic of Bulgaria and its cultural and chronological position.— Dacia, N. S. VI. Bucureşti, 1962, стр. 395—409.

⁴¹ А. А. Иессен. К вопросу о древних связях...

⁴² M. Garaşanin. Ponski i stepski uticaji u Donjem Podunavlju i na Balkanu na prelazu iz neolitskog u metalno doba.— Glasnik, XV—XVI. Sarajevo, 1961, стр. 5—26.

⁴³ А. А. Иессен. К вопросу о древних связях..., рис. 10, А, б.

⁴⁴ D. Rosetti. Steinkupferzeitliche Plastik aus einem Wohnhügel bei Bucarest.— JPEK, 12. Berlin, 1938, стр. 29—50.

⁴⁵ П. Детева. Материалы за преисториата на Тракия.— Годишник на народния археологически музей, V. Пловдив, 1963, стр. 151, рис. 13.

⁴⁶ M. Garaşanin. Ponski i stepski...

⁴⁷ D. Popescu. La tombe...

⁴⁸ J. Andrieşescu, J. Nestor, V. Dumitrescu. Указ. соч.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ П. Детева. Материалы за преисториата...

⁵¹ M. Garaşanin. Ponski i stepski...

⁵² E. de Zichy. Voyages au Caucase et en Asie Centrale, t. I. Budapest, 1897.

⁵³ И. В. Синицын, У. Э. Эрдниева. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.).— Труды Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Калмыцкого республиканского краеведческого музея. Элиста, 1966, стр. 93—95.

⁵⁴ Н. Я. Мерперт. О связях Северного Причерноморья, и Балкан в раннем бронзовом веке.— КСИА, вып. 105. М., 1965, стр. 15—16.

⁵⁵ Поселение Березовская ГЭС исследовалось автором в 1955 г., а позднее исследование было продолжено В. П. Цибесковым. Скипетр найден последним.

⁵⁶ J. Gallus et T. Horváth. Un peuple cavalier prescythique en Hongrie.— Dissertationes Pannonicae, Ser. II, 9. Budapest, 19, Pl. LXXV, 2.

⁵⁷ Н. Я. Мерперт. О связях..., 15—16.

⁵⁸ Сведением об этой важной находке автор обязан любезному сообщению К. Ф. Смирнова.

⁵⁹ В. Н. Бибикова. К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы.— Бюллетень МОИП, Отдел биологии, № 3. М., 1967.

⁶⁰ В. Грозну. Die älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens, Prag, 1943.

⁶¹ D. Vlad. (V. Dumitrescu), H. Dumitrescu и др. Hăbăşesti. Monografia arheologica. Bucureşti, 1954, стр. 261.

⁶² А. П. Рунич. Энеолитическое поселение близ Кислородска.— СА. М., 1967, № 1, 228—233, рис. 3, 7, 8, 14.

⁶³ В. В. Хвойка. Погребение из Криволучья.— СГАИИМК, вып. 6. Л., 1931.

⁶⁴ М. Макаренко. Мариупольский могильник. К., 1933, стр. 29—34, табл. VIII; XIV.

⁶⁵ Д. Я. Телегин. Никольский могильник эпохи неолита — меди.— КСИА, вып. 11. К., 1951, стр. 20—26.

⁶⁶ ОАК за 1897 р., стр. 2 и сл., рис. 19.

⁶⁷ В. В. Хвойка. Каменный век Среднего Приднепровья.— Труды XI АС в Киеве в 1899 г., т. I. М., 1901, стр. 736—812.

⁶⁸ Г. П. Сергеев. Раннетрипольский клад у с. Карбуны.— СА. М., 1963, № 1, стр. 135—151.

⁶⁹ J. Moggi. La préhistoire, t. III. Paris, 1927, стр. 51.

⁷⁰ М. Макаренко. Мариупольский могильник, стр. 71—73, рис. 31, табл. XIV, 118.

⁷¹ S. Kovács. Cimitirul eneolitic Decia Mureşului.— Publicațiile Institutului de studii clasice, 3, Anuarul, 1928. р. 1. Cluj, 1932, стр. 89—101.

⁷² Сведения автора.

⁷³ Зарисованы автором в 1940 г.

⁷⁴ В. В. Хвойка. Каменный век...

⁷⁵ В. И. Марковин. Культуры племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.). М., 1960, стр. 38, рис. 9.

⁷⁶ М. Макаренко. Мариупольский могильник, табл. XIV, стр. 118.

⁷⁷ Я. Телегин. Из работ Днепродзержинской экспедиции...

⁷⁸ И. В. Синицын, У. Э. Эрдниева. Новые археологические памятники, стр. 7, табл. 10, 4; 34, 3.

⁷⁹ Раскопки П. С. Рябова 1914 г. Отчет хранится в фонде ВУАКа за 1926 г. в архиве ИА АН УССР; сосуд хранится в фондах Кировоградского музея.

⁸⁰ А. Н. Рунич. Энеолитическое поселение..., А. А. Формозов. Археологические исследования пещер..., стр. 39—72.

⁸¹ А. В. Добровольский. Могильник в с. Чапли.— АП, IX. К., 1954, стр. 106—117. Остатки посуды определены автором.

⁸² Розкопки А. В. Бодянского 1952 р. и В. Н. Даниленко в 1953 р. Материалы хранятся в фондах ИА АН УССР.

⁸³ А. В. Добровольский. Могильник в с. Чапли...

⁸⁴ Из раскопок Запорожского областного музея, в фондах которого сохраняются находки.

⁸⁵ ОАК за 1897 р. стр. 2 и сл.; Б. В. Фармаковский. Арханский период в России.— МАР, № 34. Пг. 1914, стр. 50—78, табл. 29.

⁸⁶ О. В. Бодянский. Енеолітичний могильник біля с. Петрове-Свистунове.— Археологія, т. XXI. К., 1968, стр. 117—125.

⁸⁷ Т. Г. Мовша, Г. Ф. Чеботаренко. Энеолитическое курганное поселение у ст. Кайнары в Молдавии.— КСИА, вып. 115. М., 1969, стр. 45—49.

⁸⁸ О. Г. Шапошнікова, О. В. Бодянский. Капулівський енеолітичний могильник на Дніпрі.— Археологія, т. XXIV. К., 1970 стр. 112—118, рис. 3, 1, 2.

⁸⁹ А. В. Добровольский. Кам'яні закладки..., стр. 180—190.

⁹⁰ В. Д. Рибалова. Могильник эпохи бронзы..., стр. 5—13.

⁹¹ Р. І. Виезжев. Роботи на ділянці Б поселення в с. Золотий Балці.— АП, т. IX. К., 1960; М. І. Вязмитіна. Могильник эпохи бронзы біля с. Золота балка.— АП, т. X. К., 1961.

⁹² Л. В. Субботин, А. Г. Загинайло, Н. М. Шмаглія. Курган у с. Огородное.— Матеріали по археології Северного Причерномор'я, 6. Одеса, 1970.

⁹³ Н. М. Шмаглей, И. Т. Черняков. Курганы в степной части междуречья Дуная и Днестра.— Материалы по археологии Северного Причерноморья, 6. Одесса, 1970, стр. 9 и сл., рис. 3.

⁹⁴ Раскопки А. В. Добровольского. Отчет хранится в архиве ИА АН УССР.

⁹⁵ О. Г. Шапошнікова, О. В. Бодяньский. Капулівський неолітичний могильник..., рис. 3, 1, 2.

⁹⁶ Разведки разных авторов 50-х годов. Материалы хранятся в фондах ИА АН УССР.

⁹⁷ О. Ф. Лагодівська, О. Г. Шапошнікова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення..., стр. 22—38, табл. I—IV.

⁹⁸ В. И. Маркевич. Многослойное поселение Новые Русешты.— КСИА, вып. 123. М., 1970, стр. 56—68; Керамические импорты выделены автором.

⁹⁹ В. И. Цалкин. Дневнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970, стр. 205 и сл. особенно табл. 51 на стр. 246.

¹⁰⁰ D. Vlad. (V. L. Dumitrescu), Hăbășești..., стр. 435—441, рис. 41, 2; табл. СХХIV, 2, 3, рис. 42.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ IV

¹ Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 65 и сл.

² В. Н. Даниленко. Неолит Украины. Главы древней истории Юго-Восточной Европы. К., 1962, стр. 148, 219 и сл.

³ Bosch-Gimpera. Les Indo-Europiens, problemes archeologiques. Paris, 1961; G. Devoto. Origini indoeuropee. Firenze, 1962.

⁴ R. Pittioni. Urgeschichte des österreichischen Raumes. Wien, 1954.

⁵ H. Redersen. Türkische Lautgesetze.— ZDMG, Bd. 57, 1903.

⁶ В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю нестратических языков.— Этимология. М., 1967, стр. 321—373; его же. Соответствия смычных в нестратических языках.— Этимология. М., 1968, стр. 304—355.

⁷ П. Єфіменко. До питання про джерела культури пізньої бронзи на території Волго-Кам'я. Археологія, т. II. К., 1948, стр. 3—43; В. Н. Даниленко. Неолит Украины, стр. 37-и сл.

⁸ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

⁹ В. Н. Даниленко. О ранних звеньях развития степных восточноевропейских культур шнуровой керамики.— КСИА, вып. 4. К., 1955, стр. 126—128. M. Gimbutas, The Indo-Europeans Archological Problems.— Amerikan Antropologist, 65. Philadelphia, 1965, стр. 815—835.

¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры.— КСИИМ, вып. 16. М.—Л., 1947.

¹¹ M. Roska. Über die Herkunft der kupfernen Hacken, Axthacken, Hammeräxte und Picnelhacken von ungarischen typus.— Közlemenyek, II, 1. Kolozsvár, 1942, стр. 59—68; M. V. Garašanin. Schaft Lochäxte aus Kupfer in den serbischen Museen, 34. BdRgK. Frankfurt, стр. 61—76; Г. П. Сергеев. Раннетрипольский клад у с. Карбуны.— СА. М., 1963, № 1, стр. 135—151.

¹² Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.

¹³ N. Vlása. Chronology of the neolithic in Transylvania in the light of the Tártária settlements stratigraphy.— Dacia, NS, VII. 1963, București, стр. 485—494.

¹⁴ В. Нгрозпу. Die älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens. Prag, 1943, стр. 67.

¹⁵ О. Н. Трубачев. Славянские этимологии 1—7.— ВСЯ, № 2. М., 1957, стр. 31 и сл.

¹⁶ В. Нгрозпу. Die älteste Geschichte..., стр. 121; А. Десницкая. О хеттском языке, Вступительная ста-

тья к книге И. Фридрих. Краткая грамматика хеттского языка. М.,—1952, стр. 27.

¹⁷ Д. Я. Телегин. Никольский могильник эпохи неолита — меди.— КСИА, вып. 11, К., 1961, стр. 20—26, а также личное знакомление автора.

¹⁸ Э. Бенвенист. Тохарский и индоевропейский.— Тохарские языки. М., 1959, стр. 107.

¹⁹ V. Gordon Child. The minoan influence of the danubian bronze age (Separatum), стр. 1—44.

²⁰ В. Нгрозпу. Die älteste Geschichte..., стр. 121—161.

²¹ Там же, стр. 68, 103.

²² Там же, стр. 13, 68, 85 и сл.

²³ С. Н. Крамер. История начинается в Шумере. М., 1965, стр. 31 сл.

²⁴ Гесиод. Работы и дни.— Эллинские поэты. М., 1963, стр. 143—147.

²⁵ А. О. Маковельский. Дневнегреческие атомисты. Баку, 1946, стр. 43 и сл.

²⁶ Г. Бюлер. Руководство к элементарному курсу санскритского языка. Львов, 1960, стр. 101.

²⁷ А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1910—1914, стр. 288—289.

²⁸ В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю..., стр. 359.

²⁹ В. Н. Даниленко. Неолит Украины, стр. 224 и сл.; В. И. Бибилова. К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы.— Бюллетень МОИП, Отдел биологии, № 3. М., 1967.

³⁰ В. Нгрозпу. Die älteste Geschichte...

³¹ В. М. Даниленко, М. М. Шмаглей. Про один поворотный момент в історії неолітичного населення Південної Європи.— Археологія, вип. 2. К., 1972.

³² В настоящее время протопсалли известны почти во всей Южной Европе, см.: Д. П. Руніч, Энеолитическое поселение близ Кисловодска.— СА. М., 1967, № 1, стр. 228 и сл., рис. 3, 7, 8, 14.

³³ G. F. Schaefer. Stratigraphie comparée et chronologie del Asie Occidentale. Logdon, 1948, Pl. 266/8.

³⁴ G. Schaefer Statigraphie comparée... Pl. 82/17; Pl. 265/5 etc.

³⁵ A. V. Evans. The Palace of Minos at Knossos, IV. London, 1924, стр. 42, 292, рис. 42, 764.

³⁶ N. P. Mironov. Aryan vestiges in the Near East of the Second Millenary.— Acta Orientalia, XI, 1933, стр. 140—217.

³⁷ В. Нгрозпу. Die älteste Geschichte..., стр. 132.

³⁸ В. П. Кравец. Глиняные трипольские модельки саночек и челна в коллекциях львовского исторического музея.— КСИИМК, вып. 39. М.—Л., 1951, стр. 127—131.

³⁹ Там же.

⁴⁰ О. І. Тереножкін. Курган Сторожева могила.— Археологія, т. V. К., 1951, стр. 183—191; И. В. Синицын. Памятники предкифской эпохи в степях Нижнего Поволжья.— СА. М., 1948, № 10, стр. 143—160.

⁴¹ J. Van der. Die Peceler kultur.— АН, XXXV. Budapest, 1956.

⁴² В. Нгрозпу. Die älteste Geschichte...

⁴³ М. Рудинський. Кам'яна могила. К., 1961, табл. X, 1.

⁴⁴ Там же, табл. XXVI, 1.

⁴⁵ Раскопки автора и М. Я. Рудинского 1952 г. в «Гроте Мамонта» («Быка»).

⁴⁶ М. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 402 и сл.

⁴⁷ И. Р. Селиханов. К исследованию металлических предметов из «неолитических» памятников Азербайджана и Северного Кавказа.— СА. М., 1960, № 2, стр. 89—102.

⁴⁸ В. М. Даниленко та М. Л. Макаревич. Дослідження на II Сабатинівському ранньотрипольському поселенні.— АП, т. VI. К., 1956, стр. 134 и сл.

⁴⁹ I. Babula. A sumer kultur.— Universum, NH, 1967, Budapest, стр. 78—86.

⁵⁰ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 372.

- ⁵¹ А. Д. Столяр. Об одном центре одомашнивания свиньи.— СА. М., 1959, № 3, стр. 3—18.
- ⁵² В. Н. Даниленко. Неолит Украины, стр. 8 и сл.
- ⁵³ Там же, стр. 9 и сл.
- ⁵⁴ Там же, стр. 10, 177 и сл., табл. I.
- ⁵⁵ В. Н. Gosn. Die älteste Geschichte... стр. 67.
- ⁵⁶ В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю..., стр. 365; е го же. Соответствия смычных..., стр. 342.
- ⁵⁷ В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю...
- ⁵⁸ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита.— Труды II Международной конференции АИЧП, V. М.—Л., 1931 (таблица списков ископаемой фауны).
- ⁵⁹ В. М. Даниленко. До питання про ранній неоліт Південної Наддніпрящини.— Археологія, т. III. К., 1950, стр. 130—131; е го же. Неолит Украины, стр. 177, 179, табл. I.
- ⁶⁰ В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю..., стр. 342.
- ⁶¹ П. П. Ефименко. Первобытное общество. К., 1953, стр. 520, 528, 604, 639 и др.; I. Г. Підолічк о. Походження свійських тварин. К., 1952, стр. 13—17.
- ⁶² В. Н. Даниленко. Неолит Украины, стр. 43.
- ⁶³ В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю..., стр. 365.
- ⁶⁴ А. Мейе. Введение..., стр. 394; А. Преображенский. Этимологический словарь..., т. II, стр. 51—52.
- ⁶⁵ В. В. Иванов. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков.— ВСЯ № 2. М., 1957, стр. 8.
- ⁶⁶ В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю..., стр. 342.
- ⁶⁷ Там же, стр. 368.
- ⁶⁸ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. МИА, № 38. М.—Л., 1953, табл. 2.
- ⁶⁹ В. Н. Даниленко. Неолит Украины, стр. 130, рис. 130.
- ⁷⁰ I. В f o n s t e d. Danemarks oldtid, I, Stenalderen. K o e n h a v n, 1938, стр. 29, 32, рис. 6, 9.
- ⁷¹ В. Н. Gosn. Die älteste Geschichte..., стр. 57.
- ⁷² А. Преображенский. Этимологический словарь..., т. II, стр. 416. Любопытно готск. *hohu* — плуг, соха (ср. р. *soxa*).
- ⁷³ В. И. Абаев. Из истории слов.— Этимология 1966. М., 1968, стр. 241 и сл.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ О. Н. Трубачев. Славянские этимологии..., стр. 31—34.
- ⁷⁶ Там же, стр. 34.
- ⁷⁷ Употребление формы «живица» в значении «родник» — «источник» зафиксировано автором в 1950 г. в селах, расположенных в низовьях Десны.
- ⁷⁸ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение..., стр. 252 и сл.
- ⁷⁹ В. Н. Даниленко. Неолит Украины, стр. 223 и сл.
- ⁸⁰ Там же, стр. 224 и сл.
- ⁸¹ В. Георгиев. Българска етимология и ономастика. София, 1960, стр. 109, 152.
- ⁸² А. Преображенский. Этимологический словарь..., т. II, стр. 354.
- ⁸³ В. Георгиев. Българска етимология..., стр. 105.
- ⁸⁴ С. Н. H a d a s z e k. La colonie industrielle de Koszulowce. Leopold.
- ⁸⁵ В. Н. Даниленко. Неолит Украины, стр. 24 и сл., рис. 3, фаза II; 33, фаза III; 32, фаза IV—V; 41 и др.
- ⁸⁶ D. A. G a g g o d a n d D a t e. The stone age of Mount Carmel. Oxford, 1937; F. T u r v i l l e P e t r e. Excavations in the Mugharet el Kebarah.— SRAI, 62, London, 1932.
- ⁸⁷ В. Н. Даниленко. Неолит Украины, стр. 162, рис. 132.
- ⁸⁸ В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю..., стр. 361.
- ⁸⁹ Там же, стр. 333—334.
- ⁹⁰ Там же, стр. 330.
- ⁹¹ В. А. Диб о. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балтославянской и индоевропейской акцентологии.— ВСЯ, № 5. М., 1961, стр. 16.
- ⁹² В. В. Иванов. О значении хеттского языка..., стр. 9—10.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ W. M e r l i n g e n. Zum «Vorgriechischen».— Linguistique balkanique, V, 2. София, 1962, стр. 33.
- ⁹⁶ В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю..., стр. 361.
- ⁹⁷ В. Н. Даниленко. Неолит Украины..., стр. 176 и сл., табл. I.
- ⁹⁸ Там же, стр. 12 и сл., табл. I.
- ⁹⁹ В. А. Диб о. Сокращение долгот..., стр. 27.
- ¹⁰⁰ С. Н. Крамер. История начинается в Шумере, стр. 254, рис. 2.
- ¹⁰¹ В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю..., стр. 350.
- ¹⁰² Там же, стр. 341.
- ¹⁰³ А. С. Мельничук. Корень *kes-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков.— Этимология 1966. М., 1968, стр. 194 и сл.
- ¹⁰⁴ H. P e d e r s e n. Türkische Lautgezetzt.— ZDMG. Bd. 57, 1403.
- ¹⁰⁵ В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю...
- ¹⁰⁶ Там же, стр. 340, 342 и др.
- ¹⁰⁷ D. A. G a g g o d a n d D a t e. The Stone of Mount Carmel...
- ¹⁰⁸ В. М. Даниленко. Про ранній неоліт..., стр. 119 и сл., рис. 2, 3; е го же. Неолит Украины, стр. 24 и сл., рис. 3, фаза II, 34, фаза III, 33, фаза IV—V, 45.
- ¹⁰⁹ I. Г. Підолічк о. Дослідження палеоліту в УРСР.— Палеоліт і неоліт України, I. К., 1949, стр. 18; П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 586.
- ¹¹⁰ R. V a u f r e y. Prehistoire de l'Afrigne, I. Paris, 1955.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ V

¹ Н. Д. Андреев. Периодизация истории индоевропейского праязыка.— ВЯ, № 2. М., 1957, стр. 3—18; е го же. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955 (в частности, о так называемых ларингальных).

² Там же, стр. 18.

³ J. P o k o g n y. Substrattheorie und Urheimat der Indogermanen.— Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien. Bd. 66, Wien, 1936, стр. 69 и сл.; Б. А. Серебряников. О взаимодействии языков (проблема субстрата).— ВЯ, № 1. М., 1955; е го же. Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР.— ВЯ, № 26. М., 1955, стр. 19—31; В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

⁴ Б. В. Горнунг. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности (протоевропейские компоненты или иноязычные субстраты).— Расширенная редакция доклада на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964.

⁵ Там же, стр. 10 и сл. Содержится интересная и в методическом отношении плодотворная попытка развить гипотезу К. Х. Уленбека, учитывая новые факты о возникновении индоевропейских языков в результате скрещения двух исходных языковых компонентов — языка А («урало-алтайского» типа) и языка В («кавказско-средиземноморского» типа); С. С. U h l e n b e c k. The indogermanic mother language and mather tribes complex.— American Anthropologist, v. 39, N 3, Philadelphia, 1957, стр. 385—393; Идея о скрещивании, как основе этнокультурного развития, получает в собранных нами данных неоднократное подтверждение. Главное лишь в уточнении количества и определении качества компонентов,

о времени и месте этнокультурного формирования индоевропейцев.

⁶ В. Георгиев. Исследования по сравнительно историческому языкознанию (родственные отношения индоевропейских языков). М., 1958, стр. 239—283; также ряд работ этого же автора и других сотрудничающих в редактируемом им журнале — Балканско-этикознание. В советской современной науке в рассматриваемом плане наиболее обстоятельны работы Б. В. Горнунга. К вопросу об образовании...; е го же. Из предистории образования общеславянского языкового единства. — Доклад на V Международном съезде славистов. М., 1963, стр. 8—35.

⁷ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 245.

⁸ А. П. Брюсов. Археологические культуры и этнические общности. — СА, XXVI. М., 1956, стр. 5—27.

⁹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 30 и сл.

¹⁰ В настоящее время довольно осторожно, ввиду сложности вопроса, по этому поводу пишет Н. Н. Гурин. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. — МИА, № 87. М.—Л., 1964, стр. 153—171.

¹¹ Н. Я. Мерперт. Энеолит степной полосы Европейской части СССР. — L'Europe a la fin de l'age. Прага, 1961, стр. 161—175, 172—173.

¹² Э. Р. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России. — Труды XIII АС, I. М., 1907, стр. 40 и сл.

¹³ В советской литературе мысли о глубокой древности индоевропейцев в Малой Азии придерживался Н. Я. Мерперт. К проблеме абсолютной датировки археологических культур энеолита и поздней бронзы в Европе. — СА, М., 1957, № 1, стр. 260—268, 267; е го же. Некоторые вопросы истории восточного Средиземноморья в связи с индоевропейской проблемой. — КСИА, выт. 83, 1961, стр. 3—8.

¹⁴ Р. Кретсхтер. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896.

¹⁵ Б. В. Горнунг. К вопросу об образовании...; В. Георгиев. Исследования... Лингвисты признают в этом вопросе также и особую роль исторических заключений П. Н. Третьякова.

¹⁶ В. Георгиев. Späthethitisch-Altetruskisch. — Балканско-этикознание, VII, 2. София, 1963, стр. 5—23; е го же. Hethitisch und etruskisch, Die hethitische Herkunft der etruskischen Sprache. — Балканско-этикознание, VI, София, 1962.

¹⁷ В. Нгозпю. Die älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens, Prag, 1943, стр. 60.

¹⁸ Ю. В. Зыцарь. О родстве баскского языка с кавказскими. — ВЯ., № 5. М., 1955, стр. 52—64. Вопреки В. Георгиеву и другим автор считает гипотезу о родстве баскского языка с кавказскими фундированной.

¹⁹ А. С. Чикобава. О двух основных вопросах изучения иберийско-кавказских языков. — ВЯ, № 6. М., 1955, стр. 66—92. Обосновывает общность группы «иберийско-кавказских» языков и их генетические связи с доиндоевропейским и несемитическими языками древнего Востока; ведет полемику с Е. А. Бокаревым, С. С. Какабадзе и другими, занимающими противоположную точку зрения; С. С. Какабадзе. О так называемых «хетто-иберийских» языках. — ВЯ, № 4. М., 1956, стр. 65—72. Резко критическое и правильное в оценке чужих увлечений исследование, в котором, однако, отсутствует попытка какого-либо положительного решения вопроса; К. В. Ломтатидзе. Некоторые вопросы иберийско-кавказского языкознания. — ВЯ, № 24. М., 1956, стр. 73—82. Автор признает родство современных иберийско-кавказских языков с доиндоевропейскими языками Древнего Востока и даже говорит о вхождении сюда шумерского языка (стр. 81—82); К итогам дискуссий о «хетто-иберийском» языке — единстве. — № 1. М., 1956, стр. 68—73.

²⁰ А. С. Чикобава. О двух основных вопросах..., стр. 66 и сл.

²¹ Б. А. Серебрянников. Волго-окская топонимика...

²² В. Нгозпю. Die älteste Geschichte..., стр. 121—129.

²³ Специально этот вопрос рассматривался Н. Я. Марпертом. К проблеме...

²⁴ Далее многих других в этом смысле идет В. Георгиев. Исследования...

²⁵ В. Нгозпю. Die älteste Geschichte..., стр. 129.

²⁶ Там же.

²⁷ Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 86—87.

²⁸ В. Нгозпю. Die älteste Geschichte..., стр. 132 и сл.

²⁹ N. P. Mironov. Aryan Vestiges in the Near East of the Second Millenaru B. C.— Acta Orientalia, vol. XI, 1933, стр. 140—217, особенно стр. 150—170.

³⁰ В. Нгозпю. Kretas und Vorgriechenlands — In-schriften, Geschichte und Kultur.— Archivum Orientale Pragens, Bd. XIV, N 1—2. Prag, 1943, стр. 1—117.

³¹ V. Georgiev. Le déchiffrement des inscriptions minoennes. Sofia, 1948—1949.

³² M. Ventris — I. Chadwick. Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean Archives.— Journal of Hellenic Studies, LXII. London, 1953, стр. 84—103; M. Ventris. I. Chadwick. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1955.

³³ V. Georgiev. Les deux langues des inscriptions cretoises en lineare A.— Linguistique balcanique, VII, m. 1. София, 1963, стр. 80 и сл. Придавая громадное значение этеокритским языковым реалиям, следует также учитывать неизвестную еще степень неточности первых чтений минойского письма А. Если учитывать этнокультурный характер местного «неолитического» субстрата (см. стр. 54—55), то не исключено, что первые сигналы о семитическом характере такой-то части надписей типа А так же имеют под собою основания.

³⁴ V. Georgiev. La toponymie ancienne de la peninsule Balcanique et la these mediterraniene.— Linguistique balcanique, III/1. Sofia, 1961; е го же. Българска етимология и ономастика. София, 1960 (в обоих случаях см. карты).

³⁵ Новые данные, подтверждающие древность этого типа культуры, см.: I. D. Evans. Excavations in the neolithic Mound at Knossos, 1958—1960, University of London.— Bulletin of the Institute of Archeology, London, 1964, стр. 35—60.

³⁶ Разумеется, этапы развития — от Джебела до раннего Триполья — не могли отражать единую линию этнического развития. Она могла быть более или менее гомогенной лишь на начальном — прикаспийском этапе развития.

³⁷ J. D. Anderson. Researches into the Prehistory of the Chinese.— The museum of for Eastern Antiquities. Stockholm, 1943.

³⁸ J. Marshall. Mohenjo-Daro and the Indus civilization. London, 1931, vol. I, II.

³⁹ Frisservis W. A. Excavations in the Quetta Valley West Pakistan.— Ant. P., vol. 45, New York, 1961.

⁴⁰ Frisservis W. A. Archaeological Studies in the Seistan Basin of South-Western Afghanistan and Eastern Iran.— Ant. P..., vol. 48, New York, 1961.

⁴¹ R. I. Braidwood. The Near East and the Foundation for Civilisation. Oregon, 1952, стр. 23.

⁴² L. Vanden Berghе. Archeologie de l'Iran Ancien. Leiden, 1959, стр. 1—133.

⁴³ К. Кенyon. Digging up Jericho..., стр. 77, рис. 7.

⁴⁴ C. L. Schaeffer. Ugaritica, I. Paris, 1939, стр. 35.

⁴⁵ Тоже Мерсин и его окружение, см.: Garstang. Prehistoric Mersin. Oxford, 1953.

⁴⁶ J. Mellaart. Excavations of Hacilar.— Vol. t. II. Edinburgh, 1970.

⁴⁷ P. Dikaios. La civilization neolithique dans l'ile de Chypre. Syria, 17, 1936; Excavations at Chirokitia Khan. Nikosia, 1938; New Light on Prehistoric Cyprus, Iraq, 7, 1940; E. Gjerstad. The Swedish Cyprus Expedition, I—III. Stockholm, 1937.

⁴⁸ Эту линию развития представляют неоднократно упоминавшиеся древнейшие неолитические памятники Балкан — Неа Никомедея, Протоскело, Старчево и отчасти — Караново I.

⁴⁹ I. D. Anderson. Researches into the Prehistory...

⁵⁰ В. Нгозпю. Die älteste Geschichte...

⁵¹ Е. Н. Ваумгартел. The cultures of Prehistoric Egypt. 1955.

⁵² Ap. St. VIII—X.

⁵³ На Крите это было время создания дворца Миноса, время возникновения здесь особых типов керамики, и переживания ДМ—III керамики в других районах острова. Это был период временного упадка в распространении спирально-волютового орнамента и др.; Д. Пендлбери. Археология Крита. М., 1950, стр. 111 и сл.

⁵⁴ А. Еванс. Excavation in the Neolithic Mound of Knossos, стр. 35 и сл.

⁵⁵ Е. Н. Ваумгартел. The cultures of Prehistoric Egypt... Тип Некада I здесь генетически связывается с хамитским Югом. Контакт со Средиземноморьем предполагается лишь для периода Некада II, возникновение которого связывается с инфильтрацией из Азии семитского населения (стр. 49—51).

⁵⁶ Некада II, разумеется, является лишь периферийным явлением рассматриваемого круга, а неолит Крита и его островные аналоги находятся ближе к азиатскому семитскому прототипу. Периферийным отражением этого же плана следует считать и так называемый «дунайский» неолит Фессалии, который перекликается с типом Караново III и пр.

⁵⁷ Тохарские языки. Сб. Статей под редакцией и с вступительной статьей В. В. Иванова. М., 1959.

⁵⁸ В. Краузе. Тохарский язык... Тохарские языки, стр. 39—47.

⁵⁹ Там же, стр. 75—81; В. В. Иванов. Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторического исследования индоевропейских языков.— Тохарские языки, стр. 5—37; Э. Бенвенист. Тохарский и индоевропейский.— Тохарские языки, стр. 90—108.

⁶⁰ В. В. Иванов. Тохарские языки...

⁶¹ Э. Бенвенист. Тохарский и индоевропейский, стр. 90.

⁶² В. Краузе. Тохарский язык, стр. 80—81 (автор указывает на древние угрофинские или кавказские связи); Э. Бенвенист. Тохарский и индоевропейский, стр. 107 (подобно В. Краузе, ссылается на В. Шульце, но подчеркивает угрофинские параллели).

⁶³ В. В. Иванов. Тохарские языки..., стр. 12—14. Отмечая, что индоевропейская общность по отражению гуттуральных делится на несколько ареалов, из которых изоглоссы — веляр + и *k → *s являются крайними выражениями, а языки анатолийской группы занимают промежуточное положение, автор заключает, «наиболее архаическое состояние, близкое к позднему *общиндоевропейскому* (курсив наш.— В. Д.), сохранили такие языки, где различаются фонемы типа *K и палатальные типа *K̄, не смешивающиеся с *S, но отсутствует категория лабовелярных». Предполагается, что это был общетохарский.

⁶⁴ О вероятности протокельтской или протокеельскогерманской этнической принадлежности памятников так называемой мегалитической культуры более других говорят генетические связи этой культуры с крайней на западе Европы энеолитической культурой — михельбергской.

⁶⁵ А. П. Окладников. Неолитические памятники как источники по этнографии Сибири и Дальнего Востока.— КСИИМК, вып. IX. М.—Л., 1941, стр. 4—14, особенно стр. 13; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 23—66; Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948. «Сходство афанасьевских черепов с черепами древнеямной культуры Нижнего Поволжья доходит до идентичности» (стр. 67). В некоторых случаях можно, конечно, отметить, что сходство культурных черт сопровождается и сходством типа черепов. Таковы, например, афанасьевская культура Сибири и древнеямная Нижнего Поволжья (стр. 110—111); М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек).— Тр. Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Н. с., т. XXVIII. М., 1955, стр. 534—539; «афанасьевское население в своей основе было европейским, и монголоидная примесь в различных районах сказывалась по-разному». Несмотря на то,

что М. М. Герасимов отрицает специфическое сходство афанасьевских черепов с нижневолжскими, генетические связи афанасьевской культуры с восточной древнеямной им все же не отрицаются.

⁶⁶ Разведки автора начала 50-х годов. Материалы хранятся в ИА АН УССР.

⁶⁷ Нариси стародавньої історії Української РСР. К., 1957, стр. 69.

⁶⁸ В. М. Даниленко та М. Л. Макаревич. Червонохутірський могильник з трупопаленням.— АП, т., VI. К., 1956.

⁶⁹ Разведки автора начала 50-х годов. Материалы хранятся в ИА АН УССР.

⁷⁰ Разведки В. Д. Дяденко 1959 г.

⁷¹ Случайная находка 1950 г., переданная автору местным жителем во время работ в с. Подгорцы.

⁷² В. М. Даниленко. Дослідження пам'яток підгірського та бобринського типів на Київщині в 1950 р.— АП, т. VI. К., 1956, стр. 5—16, особенно стр. 14—16; В. І. Кавець. Звіт про розвідувальні розкопки біля с. Погреби Броварського району Київської області в 1952 р. Научный архив ИА АН УССР, Ф. Е, № 1995, 1952/15а.

⁷³ А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском правобережье. К., 1961, стр. 43 и сл.

⁷⁴ Там же, стр. 42 и сл.

⁷⁵ Примеры подобного погребального ритуала многочисленны и общеизвестны, например: Нариси стародавньої історії Української РСР. К., 1957, стр. 164—173, особенно 181—183.

⁷⁶ О. Н. Мельниковская. История племен раннего железного века Южной Белоруссии. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1964; е е же. Памятники раннего железного века юго-восточной Белоруссии (милоградская культура).— КСИА, вып. № 94. М., 1963, стр. 9—19.

⁷⁷ О. Н. Мельниковская. История племен...

⁷⁸ Памятники Зарубинецкой культуры.— МИА, № 70. М.—Л., 1959.

⁷⁹ Е. И. Крупнов. Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность.— Доклад на XXVI международном конгрессе востоковедов. М., 1963; Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность.— СА. М., 1964, № 1, стр. 26—43.

⁸⁰ В. Нгозпю. Die älteste Geschichte..., стр. 60—62.

⁸¹ Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры.— Тр. Абхазского института языка, литературы и истории, т. XXIX. Сухуми, 1958, стр. 135—184, особенно стр. 160. Очень интересна мысль Г. А. Меликишвили о смысловом тождестве ассирийских «kaška» к «abesla» и пр., что оценивается как указание на кавказскую (по А. С. Чикобава иберийско-кавказскую принадлежность кашков).

⁸² В. Нгозпю. Die älteste Geschichte..., стр. 132.

⁸³ ОАК за 1897 г. СПб, 1900, стр. 2—11.

⁸⁴ С. Ф. А. Schaeffer. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1948, стр. 278—301, табл. XI, XLII.

⁸⁵ С. П. Толстов. Новые археологические открытия в Хорезме и некоторые проблемы древней истории Индии.— Индия в древности. М., 1964, стр. 135—142. В рассматриваемом плане особый интерес представляет указание на участие в сложном этногенетическом процессе «поздней суярганской культуры» (стр. 136—137), наиболее архаическое звено которой, как мы полагаем, представляют памятники с монохромной лощеной керамикой; С. П. Толстов, М. А. Итина. Проблема Суярганской культуры.— СА. М., 1961, № 1, стр. 14—35 (о рассматриваемом типе культуры стр. 16, рис. 2; 4, 1—3; об этноисторическом аспекте стр. 34—35).

⁸⁶ Л. С. Клейн. Происхождение скифов царских по археологическим данным: СА. М., 1963, № 4, стр. 27—35. Недостатком этой работы мы считаем недоучет того положения, что эпицентром развития катакомбной культуры все же является калмыцко-маньчский район, где естественнее всего

ожидать как наиболее ранние, так и наиболее поздние памятники катакомбной культуры.

⁸⁷ В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

⁸⁸ О культурно-историческом развитии в этих зонах в конце палеолита и в мезолите см., например: Д. В. Колывцов. Некоторые итоги изучения мезолита волго-окского междуречья.— СА. М., 1965, № 4, стр. 17—26; R. I n d r e k o. Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm, 1948, стр. 373.

⁸⁹ Б. А. Серебрянников. В взаимодействии..., стр. 18—31.

⁹⁰ Т. С. Кондукторова. Палеоантропологічні матеріали воннізких пізнєнеолітичних могильників.— Матеріали з антропології, вып. I. К., 1960, стр. 66—102; е е ж е. Черепа из воннізких пізнєнеолітичних могильників.— КСИА, вып. 6. К., 1956, стр. 68—71.

О «немонгольской плоскостности» позднейших кроманьонцев см.: Г. П. Зиневич. Антропологические особенности древнего поселения территории Украины. Автореферат кандидатской диссертации. К., 1964.

⁹¹ Н. И. Витковский. Краткий отчет о раскопке могил каменного периода в Иркутской губернии, проведенной в 1880 г.— Труды V Археологического съезда. М., 1887, стр. 264—277; е г о ж е. О раскопке могил каменного века в Иркутской губернии на левом берегу Ангары, произведенной летом 1881 г.— Труды V Археологического съезда. М., 1887, стр. 278—320.

⁹² М. Макаренко. Мариупільський могильник. К., 1933, стр. 21 и сл.

⁹³ В. В. Гольмстен. Погребение из Криволучья.— СГАИМК, вып. 6. Л., 1931, стр. 7—12.

⁹⁴ Д. Я. Телегин. Об этнической принадлежности днепро-донешкой культуры.— Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. М., 1964, стр. 16—20.

⁹⁵ В начале 50-х годов (см.: В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР.— Труды VI Научной конференции ИА АН УССР. К., 1953, стр. 197—208). Схема генетических связей славянского железного века с этническим развитием поздней поры бронзового века характеризовалась нами следующим образом: «можно считать наиболее вероятной генетическую связь подгорской культуры с местной культурой конца поздней бронзы и раннего железа, в VIII—VII вв. до н. э., простиравшейся, по крайней мере, до рубежа р. Рось (отправная территория.— север В. Д.). В настоящее время эта культура выясняется в двух вариантах: в более древнем — лебедевском и более позднем — бобринском, уже относящемся к самому началу железного века. Оба эти варианта, по-видимому, также восходят к местной культуре поздней и средней бронзы, являющейся восточным аналогом так называемой тшинецкой культуры Средней Европы» (стр. 207). Здесь же была сделана попытка выделить позднее звено зарубинецкой культуры, синхронное Черняхову (стр. 208); В. Н. Даниленко. Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днепра.— КСИА, вып. IV. К., 1955, стр. 27—29. В последнее время на более широком археологическом материале, но в более узких хронологических рамках сходная тема разрабатывалась П. Н. Третьяковым. Новые археологические данные по этнической истории восточнославянских племен в I тысячелетии до н. э.— Тезисы докладов советской делегации на I международном конгрессе в Варшаве. М., 1965, стр. 37.

⁹⁶ В. Н. Даниленко. Памятники ранней..., стр. 208.

⁹⁷ С. С. Березанська. Деякі нові дані про епоху бронзи в північній частині Середнього Подніпров'я.— Археологія, т. XII. К., 1961, стр. 102—118; A. G a r d a w s k i. Probleme de la continuité de l'habitat de la civilization et de l'appartenance ethnique des populations établies dans les bassins de l'Odere et de la Vistule depuis la seconde période de l'âge du bronze jusqu'à l'époque de grandes migrations des peuples.— Тезисы первого международного конгресса славянской археологии 1965 г. в Варшаве; П. Н. Третьяков. Новые археологические данные..., стр. 3—7. Автор не точен в отношении нашего построения; мы признавали (В. Н. Да-

ниленко. Памятники...) не только «зарубинецкие реминисценции», но и непрерывность этнического развития начиная со средней бронзы и включая I тысячелетие н. э.; П. Н. Третьяков. О древностях середины и третьей четверти I тысячелетия в южных частях верхнего Поднепровья.— СА. М., 1965, № 4, стр. 63 и сл.

⁹⁸ L. H à j e k. Nova skupina páskove keramiky na východní Slovensku.— Archeologicky Rozhledy, IX. Phaha, 1957.

⁹⁹ История СССР, т. I. М., 1956, стр. 17.

¹⁰⁰ П. П. Ефименко. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы.— СА, XXVI. М., 1956, стр. 28—53; е г о ж е. Новое в вопросе о происхождении культуры позднего палеолита Средней и Восточной Европы.— Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1956, стр. 281—289.

¹⁰¹ П. П. Ефименко. Новое в вопросе..., стр. 288; е г о ж е. К вопросу о характере..., стр. 37 и сл. (двусторонний характер связей у позднепалеолитического населения Средней и Восточной Европы).

¹⁰² П. П. Ефименко. Новое в вопросе..., стр. 288; е г о ж е. К вопросу о характере..., стр. 48 и сл. Четко ставится вопрос о сложении ориньякской культуры вследствие инфильтрации из экстрагалацциальной зоны населения с культурой капсийского облика, что в конечном итоге является признанием точки зрения А. Брейля о южном происхождении Ориньяка.

¹⁰³ П. П. Ефименко. К вопросу о характере...; на стр. 37 подчеркивается историческая бессодержательность понятий «поздний ориньяк», «граветтиен».

¹⁰⁴ П. П. Ефименко. Новое в вопросе..., стр. 283 и сл.

¹⁰⁵ Г. Ф. Дебеец. Черепа из эпипалеолитического могильника у с. Волошского.— СЭ. М., 1955, № 3, стр. 62—73.

¹⁰⁶ В. Н. Даниленко. Волошский эпипалеолитический могильник.— СЭ. М., 1955, № 3, стр. 56—61; А. Д. Столяров. Первый васильевский мезолитический могильник.— АС, вып. I. Л., 1959, стр. 78—165; Д. Я. Телегин. Васильевский третий некрополь.— Археология, т. XIII. К., 1961, стр. 3—19.

¹⁰⁷ L. L o t z. Kulturgruppen des Tardenoisien in Mitteleuropa.— Praehistorische Zeitschrift, XXIII, H. 112, Wien, 1922, стр. 19—45.

¹⁰⁸ Сравнительно недавно Г. Чайлд предполагал гнату между поздним Мадленом и неолитом Моравии, см.: V. G. C h i l d e. Prehistoric migration in Europe. Oslo, 1950, стр. 26.

¹⁰⁹ L. L o t z. Kulturgruppen..., стр. 44, рис. 12.

¹¹⁰ I. B a r t a. Pleistocénne piesočné duny pri Seredi a ich paleolitické a mezolitické osídlenie.— Slovenska Archeologia, V, 1. Bratislava, 1957, стр. 5—72.

¹¹¹ Г. С. Чилде. Указ. соч., стр. 26 и сл.

¹¹² Там же.

¹¹³ О продвижении в Прибалтику из присредиземноморско-атлантической части Европы элементов каспийского «позднего мадлена» (La Cognika) и об образовании в то же время обладающих южными чертами комплексов гамбургского, лингби и аренбургского типов, см.: G. C h i l d e. Prehistoric migrations..., стр. 26—27, рис. 12; 13; О сходных явлениях, а также о нарастании южных черт в последующем — в маглемозском комплексе см. В г o t z t e d. Stenaldere..., 16—25, 26—36, 37—75, рис. 15; 23; 29; 33; 50; 51.

¹¹⁴ Этот тип мезолитических памятников представляют IV и III слои Надпорожской Осокоровки, которые следует синхронизировать с типом Роголик-Акимовка. Ю. Г. Колосов. Некоторые позднепалеолитические стоянки порожистой части Днепра (Осокоровка, Дубова Балка, Ямбург).— САИ, вып. А 1—5. М.— Л., 1964, стр. 42 и сл., табл. XXI; XXII. Верхний (II) слой этого же памятника (табл. XXIII) синхронен с верхним слоем Ямбурга (табл. XXIV). Далее следуют памятники начала «тарденуазского» времени, но с тем же типом кремневой индустрии, например сурской — остров V (сборы А. В. Бодянского и автора. Материалы хранятся в фондах ИА АН УССР).

¹¹⁵ Ю. П. Колосов. Некоторые позднепалеолитические стоянки..., табл. XXI, 3—7.

¹¹⁶ Г. И. Горещкий. Следы палеолита и мезолита в нижнем Подонье.— СА, XVI. М.—Л., 1952, стр. 302—319. Все эти факты объясняются капсийской принадлежностью позднего палеолита и мезолита Кавказа; Н. О. Бадер. Историко-культурные области верхнепалеолитического и мезолитического времени в Восточном Средиземноморье. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1965; е го же. Варианты культуры Кавказа в конце верхнего палеолита — начале мезолита.— СА. М., 1965, № 4.

¹¹⁷ Народы зарубежной Европы. М., 1965, стр. 498—499. Опираясь на данные современной науки, включая и результаты недавних дискуссий, авторы все же признают дальнейшее родство басков и кавказских народов.

Суммированные нами историко-археологические факты для неолитической эпохи Южной Европы не подтверждают существования такого «протобаско-кавказского» доиндоевропейского субстрата, который соединял бы европейскую Иберию с Кавказом. Зона *impresso* — керамики не простиралась восточнее Карпат и, тем более, никогда не достигала Кавказа.

Иной могла оказаться обстановка в Южном Средиземноморье, где от Гибралтара и до Прикаспия, главным образом в мезолите, видимо еще и в неолите, развивалась единообразная «капсийская» культура, которую, вероятно, и представляли языки типа В — Уленбека или «ностратический язык» других авторов.

¹¹⁸ В. Н. Даниленко. Неолит Украины. К., 1969, стр. 199—204.

¹¹⁹ Н. Н. Ostep. The Alishar Hüyük. v. I. Chicago, 1937, стр. 63—77.

¹²⁰ A. Furness. Some early pottery at Samos, Kalimnos and Chios.— Proc. PS. London, 1959, XXII, стр. 173—212.

¹²¹ E. Neustupny. Der Übergang vom Neolithikum zum Äneolithikum und der Ausklang der Legyel—kultur.— Studijne zvesti, 17, Nitra, 1969, стр. 271. Pl., II, стр. 282.

¹²² K. Jazdzewski. Przyczynki do znajomości kultury Prałińskiej w Polsce Zachodniej.— Przegląd archeologiczny, t. III, z. 3. Poznań, 1927, стр. 199, etc.; A. Gardawski. Zagadnienie kultury «ceramiki grzebnykowej» w Polsce.— Wiadomości archeologiczne, t. XXV, z. 4. Warszawa, 1958; I. Kostrzewski, W. Chmielewski, K. Jazdzewski.— Pradzieje Polski, Warszawa, 19, стор. 59.

¹²³ В. Н. Даниленко. Неолит Украины, стр. 37—45, стр. 283 и сл.

¹²⁴ E. Neustupny. Der Übergang vom Neolithikum...

¹²⁵ J. Kamińska. Frühe Etwicklungs Fazten der Lengyel—kultur in Kleinpolen.— Studijne zvesti, 17. Nitra, 1969, стр. 207.

¹²⁶ E. Neustupny. Der Übergang vom Neolithikum... стр. 272 etc.

¹²⁷ C. J. Becker. Über den Ursprung von Michelsberg und der Trichterberherkultur.— L'Europe a la fin de l'age de la pierre, стр. 595—601; G. E. Daniel. The date of the Megalithic tombs of Western Europe, *ibidem*, стр. 575—583.

¹²⁸ В. Н. Даниленко. Неолит Украины, стр. 36—37.

¹²⁹ Описанное ранее погребение со скипетром из кургана в районе с. Суворово; его культурные аналоги см.: Л. В. Субботин, А. Г. Загинайло, Н. М. Шмаглия. Курганы у села Огородное.— Материалы по археологии Северного Причерноморья, № 6. Одесса, 1960, стр. 146—147, рис. 12, 4.

¹³⁰ В. Г. Збеневич. До питання про історичні зв'язки Північного Причорномор'я в III тис. до н. е.— УІЖ, № 3, К., 1967, стр. 100—106.

¹³¹ D. Versteu. Chronologie relative du neolithique du Bas Danube a la lumiere des nouvelles fouilles faites en Rouma-

nie.— L'Europe a la fin de l'age de la pierre. Praha, 1961, стр. 101—124, Pl. XXXVII.

¹³² А. П. Рунич. Энеолитическое поселение близ Кисловодска.— СА. М., 1967, № 1, стр. 228—233.

¹³³ В. Haister, M. Stekelis, M. Avilona ch. The Exavations at Beth — Berkeh (Khirbet el Kerak), 1944—1945.— Israel Exploration. Journ., II, 1952, стр. 116 etc; C. A. Вугну. Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze age.— An. St. VIII, 1950.

¹³⁴ Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий». — Вестник государственного музея Грузии, XIII, вып. 60; А. Абибулаев. Археологические раскопки в Кюль-Тепе. Баку, 1959.

¹³⁵ Е. И. Крпиров. Древнейшее культурное единство Кавказа и Кавказская этническая общность.— Доклад на XXVI международном конгрессе востоковедов. М., 1963.

¹³⁶ G. F. Schaefer. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1938.

¹³⁷ G. F. Schaefer. Stratigraphie...

¹³⁸ В. Н. Даниленко. Неолит Украины, стр. 230 и сл.

¹³⁹ И. М. Дьяконов. Арийцы на Ближнем Востоке, конец мифа.— ВДИ, № 4. М., 1970, стр. 39—63.

¹⁴⁰ В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

¹⁴¹ В. И. Митрофанова. Позднеолитическое поселение в урочище Луг близ села Мнево на Черниговщине.— Древности Белоруссии. Минск, 1966.

¹⁴² В. В. Хвойко. Каменный век Среднего Приднестровья.— Труды ХП АС, т. I. М., 1901, стр. 736—812.

¹⁴³ Доклад О. Г. Шапошниковой на XIII Научной конференции Института археологии АН УССР. К., 1968.

¹⁴⁴ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошнікова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення... К., 1962, стр. 81—97.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ В. Н. Даниленко. Археологические исследования 1956 года в Чигиринском районе.— КСИА, вып. 8. К., 1959, стр. 13 и сл., табл. II.

¹⁴⁷ Е. Е. Кузьмина. Могильник Заман-Баба.— СЭ. М., № 2, 1958, стр. 24—33.

¹⁴⁸ О. Г. Шапошнікова. Про пам'ятки часу катакомбної культури в Степовому Придніпров'ї.— Археологія, т. XXI. К., 1968, стр. 79—94.

¹⁴⁹ В. Н. Даниленко. О ранних звеньях развития степных восточноевропейских культур шнуровой керамики.— КСИА, вып. 4. К., 1955, стр. 127—128.

¹⁵⁰ К. Ф. Смирнов. Древняя культура в Приуральских степях.— МИА, № 130. М., 1965, стр. 156—159; И. В. Сичинцын. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане.— КСИИМК, вып. XXXVII. М.—Л., 1959, стр. 97—101 и сл. Называвшийся ранее Заманбабинский могильник, расположенный к Западу от Бухары, дает локальный вариант ямной культуры, не обнаруживающий Кельтеминарского налета, что говорит о продвижении будущих афанасьевцев к востоку по более северной зоне; В. Н. Даниленко. Неолит Украины, стр. 234.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Тохарские языки. М., 1959; В. И. Георгиев. Балто-славянский и тохарский языки.— ВЯ. М., № 6, 1958, стр. 2—20.

¹⁵³ А. П. Окладников. Неолитические памятники как источники по этногенезу Сибири и Дальнего Востока.— КСИИМК, вып. IX. М.—Л., 1941, стр. 5—14.

¹⁵⁴ В. Н. Даниленко. Неолит Украины, стр. 230, особенно стр. 238.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От автора	5
Г Л А В А I. СЛОЖЕНИЕ ТРИПОЛЬСКОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБЛАСТИ И СВЯЗАННЫЕ С НИМ ПРОЦЕССЫ	7—29
Историография вопроса. О сложении трипольской культуры. Древнейшее Триполье. Восточный и западный ареалы. Об основной линии и течениях в развитии трипольской культуры. Субстрат буго-днестровской культуры. Заключение о процессе сложения трипольской этнокультурной области	
Г Л А В А II. СЛОЖЕНИЕ ДРЕВНЕЯМНОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБЛАСТИ И СВЯЗАННЫЕ С НИМ ПРОЦЕССЫ	30—86
Вступительные замечания. Инфильтрация днепро-донецкой культуры и ее последствия. Возникновение двух областей культуры с линейно-накольчатой керамикой. Земледельческий ареал. Охотничье-скотоводческий ареал. Азово-днепровская культура. Вопросы стратиграфии, хронологии и синхронизации. Вопросы периодизации. Квитянский период развития древнеямной культуры. <u>Среднеостоговский период</u> развития древнеямной культуры. Михайловский период развития древнеямной культуры. Заключение о сложности древнеямной культуры	
Г Л А В А III. ОБ АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКОЙ ЛИНИИ РАЗВИТИЯ СТЕПНОГО ЭНЕОЛИТА. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ. ТИПЫ ПАМЯТНИКОВ	87—106
Всадничество и поворот в этноисторическом развитии Южной Европы	
Г Л А В А IV. ЭТНОИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В ОСВЕЩЕНИИ ЛЕКСИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ	107—131
Вступительные замечания. <u>Индоевропейский уровень</u> . Ностратический уровень	
Г Л А В А V. ЭТНОИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ	132—157
Вступительные замечания. Сопоставление некоторых выводов археологии и языкознания. О новом археологическом аспекте индоевропейской проблемы. Эпоха палеолита. Эпоха мезолита. Эпоха неолита. <u>Эпоха энеолита</u>	
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	158
ПРИМЕЧАНИЯ	159—175

ВАЛЕНТИН НИКОЛАЕВИЧ ДАНИЛЕНКО

ЭНЕОЛИТ УКРАИНЫ

Этноисторическое исследование

Печатается по постановлению ученого совета Института археологии Академии наук Украинской ССР

Редактор *Л. Л. Ващенко*. Художественный редактор *С. П. Квитка*. Оформление художника *Р. К. Пахолока*.
Технический редактор *Б. М. Кричевская*. Корректор *З. П. Школьник*.

Сдано в набор 26/VII 1972 г. Подписано к печати 1/IV 1974 г. БФ 01272. Зак. № 3—1964. Изд. № 56.
Тираж 1700. Бумага № 1, 84×108¹/₁₆. Условн. печ. листов 18,48. Учетно-издат. листов 19,37. Цена 2 руб. 43 коп.

Издательство «Наукова думка», Киев, Репина, 3.

Головное предприятие республиканского производственного объединения «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, Киев, Довженко, 3.